

Российская академия наук
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

РУССКИЙ ЯЗЫК

в научном освещении

№2

(4)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2002

Научный журнал

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), М. Л. Гаспаров, А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), В. В. Калугин (ответственный секретарь), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык».

Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, e-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

Зав. редакцией *Н. Н. Розанова*

Редактор номера: М.А. Осипова

Корректор: А.И. Рыко

Издатель *А. Д. Кошелев*

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по
Объединенному каталогу «Печать России», индекс 44088

G.E.C. Gad Booksellers, Slavic Department, Ndr. Ringgade 3, DK-8000 Aarhus C, Denmark (Fax: +54 86 209102; E-mail: slavic@gad.dk) have the exclusive right to distribute this publication in Europe and the United States.

Исключительное право на распространение журнала в Европе и США принадлежит датской книготорговой фирме G E C GAD (Fax: +54 86 209102; E-mail: slavic@gad.dk).

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Авторы, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Из материалов международной конференции «Языкознание sub specie русистики: итоги и перспективы»

<i>А. Вежбицка</i> (Сидней). Русские культурные скрипты и их отражение в языке	6
<i>А.А. Зализняк</i> . Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века	35
<i>А. Тимберлейк</i> (Сан-Франциско). Significatio, convention, imitation et invention	57
<i>Е. Хелимский</i> (Гамбург). Трансьевразийские аспекты русской этимологии	75
<i>В.С. Храковский</i> . Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме	91

Исследования

<i>Ю.Д. Апресян, Л.Л. Цинман</i> Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках	102
<i>А.А. Пичхадзе</i> . Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI-XIII вв.	147
<i>А.И. Рыко</i> . Причастия на <i>ши-</i> в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона	171
<i>Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев</i> . Русский анекдот как текст и как речевой жанр	194

Публикации

<i>Г.С. Баранкова</i> К истории создания второго издания «Праславянской грамматики» Г.А. Ильинского	211
--	-----

Рецензии и обзоры

Е.Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000 (Ж.Ж. Варбот)	249
--	-----

Русский язык в межнациональном общении: Проблемы исследования и функционирования / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2001 (<i>В.В. Иванов</i>)	253
Работы шведских русистов, опубликованные в серии Studia Slavica Upsaliensia (Л. Ферм)	257

Информационно-хроникальные материалы

Работа над эпистолярием В.В. Виноградова: Письма 20-х годов к жене (<i>А.Б. Гуськова, Г.А. Золотова</i>)	275
Международная конференция «Славянские языки сегодня: языковые процессы, Лексикография, новые формы коммуникации» (Вена, 4-7 октября 2001 г.) (<i>А.В. Занадворова, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова</i>)	283
Хроника постоянного семинара «Проблемы поэтического языка» (<i>Н.А. Фатеева</i>)	294

Personalia

К столетию со дня рождения Р.И. Аванесова

Материалы к биографии Р.И. Аванесова (1920-1940-е гг.) (О.В. Никитин) «Забыть Вас – значит забыть себя, свою молодость, милый ИФЛИ...» (из переписки Р.И. Аванесова)	308
(публикация и примечания <i>М.Ю. Федосюка</i>)	317

**Из материалов международной конференции
«Языкознание sub specie русистики:
итоги и перспективы»**

В этом номере журнала, как и в предыдущем №1 (3) за 2002 год, публикуются статьи, написанные на материале докладов, прочитанных на состоявшейся в июне 2001 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН международной конференции «Языкознание sub specie русистики: итоги и перспективы».

РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СКРИПТЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

1. Введение

Культурные скрипты - это общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя - мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению.

По сути дела, теория «культурных скриптов» представляет собой расширение известного учения Ю.Д. Апресяна о «наивной картине мира» (см. [Апресян 1974]). Семантические факты любого языка отражают в себе некую «наивную картину мира», которая если и не общепринята среди носителей данного языка, то по крайней мере общеизвестна: на каком-то уровне она кажется носителям языка естественной, потому что она запечатлена в самом языке.

Точно так же обстоит дело с «культурными скриптами»: они представляют собой некую «наивную аксиологию», запечатленную в языке. И так же, как в любой области наивная картина мира, запечатленная в одном языке, может отличаться от картины, запечатленной в другом, «наивная аксиология», запечатленная в одном языке, может отличаться от аксиологии, запечатленной в других языках.

Например, в мире английского языка широко принято (по крайней мере общеизвестно) следующее мнение:

можно сказать другому человеку:

«я с тобой не согласен»

нельзя сказать другому человеку:

«ты не прав»

А вот в японском культурном мире обычно считается, что нельзя сказать собеседнику: «я с тобой не согласен». Не обязательно говорить «я с тобой согласен», но не принято говорить «я с тобой не согласен».

Для носителей русского языка нет никакого табу против выражений вроде «ты не прав». Как мне сказала одна русская студентка, которая теперь живет в Австралии, «это даже вполне вежливо звучит по-русски». А вот сказанные по-английски слова «you are wrong» («ты не прав») звучат очень грубо и, так сказать, «некультурно». Более того, после такого высказывания разговор становится невозможным.

А что же нельзя сказать по-русски, не нарушая культурных норм речи?

Я не знаю, чего говорить нельзя, но обычно считается, что нехорошо лгать человеку прямо в глаза; что нехорошо говорить человеку, что ты что-то думаешь, если ты этого на самом деле не думаешь; и что нехорошо говорить другому человеку, что ты что-то чувствуешь, если ты этого на самом деле не чувствуешь. Как показывают эти примеры, дело тут не в поверхностном «речевом этикете», а в чем-то гораздо более глубоком: можно сказать, в «речевой этике». В этой статье я хочу обсудить два таких предлагаемых мною русских культурных скрипта, которые можно отнести к области «речевой этики». Однако для этого мне нужно сначала сделать несколько методологических замечаний.

Во-первых, дело не в том, чтобы просто делать какие-то утверждения о русском «национальном характере» (или чтобы повторять известные стереотипы); дело в том, чтобы предложить такие гипотезы, в поддержку которых можно привести лингвистические доводы.

Эти лингвистические доводы могут принимать форму ключевых слов или часто употребляемых разговорных фраз или так называемых «conversational routines» (общепринятых приемов речи) и так далее.

Например, для современного английского языка очень характерен разговорный ответ «right», неперебиваемый в точности на другие языки; более того, в разговоре очень часто говорят «right», но не говорят «wrong». Не так часто, но тоже очень часто говорят «that's right» (что-то вроде «правильно»), и здесь тоже нет соответствующей фразы «that's wrong» («неправильно»). Когда мы постулируем какие-то культурные скрипты для английского языка, нам нужно связывать их с лингвистическими фактами этого рода.

Или, чтобы привести русский пример, в русском языке имеется культурное ключевое слово *общение* и связанные с ним слова, такие, как *общаться*, *общительный*, *необщительный* или *общительность*. В английском языке таких слов нет. С другой стороны, в английском языке есть важные культурные слова вроде *message*, *communication*, *mean* (например: «what did she mean?») и другие, у которых нет точных эквивалентов в русском языке.

Значит, нам нужно вскрыть русские культурные скрипты, которые могут объяснить существование и частое употребление таких слов, как *общение*, в русском языке; а чтобы вскрыть эти скрипты, нам нужно понять в точности смысл этих слов.

Точно так же для английского языка нам нужно понять точный смысл таких ключевых слов, как *communication*, *message* и *mean*, и сформулировать культурные скрипты, которые могут объяснить существование и частое употребление этих слов в английском языке.

Это первый методологический принцип - принцип адекватности лингвистических доводов для постулируемых культурных скриптов.

Второй методологический принцип - это принцип универсального семантического языка, на котором все постулируемые «культурные скрипты» должны быть сформулированы. Здесь главное вот что: чтобы объяснять сложные значения понятным образом, нужно употреблять простые, общепонятные слова; не надо употреблять никакого технического, научного языка, а просто самый понятный человеческий язык. Это одно. А второе, нужно употреблять слова, которые универсальны, то есть те, которые имеют эквиваленты в любом языке, так, чтобы наши толкования и объяснения могли быть легко перенесены на другие языки и чтобы они могли быть понятны людям любой страны, любого общества и национальности.

Эмпирические исследования последних десятилетий показывают, что таких простых универсальных слов, которые можно найти в любом языке и понять через любой язык, всего около шестидесяти и что у них есть своя, довольно простая, универсальная грамматика. (См. об этом подробнее в [Goddard, Wierzbicka 1994; in press; Wierzbicka 1996; Goddard 1998; Жолковский 1964].)

Таблица универсальных понятий (не все варианты указаны)

1. Я, ТЫ, КТО-ТО, ЧТО-ТО (ВЕЩЬ), ЛЮДИ, ТЕЛО
2. ЭТОТ, ТОТ ЖЕ САМЫЙ, ДРУГОЙ
3. ОДИН, ДВА, НЕКОТОРЫЕ, МНОГО, ВСЕ
4. ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ
5. ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ
6. СКАЗАТЬ (ГОВОРИТЬ), СЛОВО, ПРАВДА
7. ДЕЛАТЬ, СЛУЧИТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ
8. СУЩЕСТВОВАТЬ, ИМЕТЬ
9. ЖИТЬ, УМЕРЕТЬ
10. НЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, МОЧЬ, ИЗ-ЗА (ПОТОМУ ЧТО), ЕСЛИ
11. КОГДА, ТЕПЕРЬ, ПОСЛЕ, ДО, ДОЛГО, КОРОТКО, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ, МОМЕНТ
12. ГДЕ, ЗДЕСЬ, НАД, ПОД, ДАЛЕКО, БЛИЗКО, СТОРОНА, ВНУТРИ, КАСАТЬСЯ
13. ОЧЕНЬ, БОЛЬШЕ
14. РОД, ЧАСТЬ
15. КАК (ПОХОЖИЙ)

Перечисленные универсальные понятия и построенный на них язык - это для меня главное орудие межкультурного понимания. В некотором смысле эти понятия соответствуют «элементарным понятиям», или «семантическим примитивам» («indefinibilia»), предложенным как основа для семантики Анджеем Богуславским в 1964 году (см. [Bogusławski 1966; 1970]; см. также [Жолковский 1964]), хотя перечень «примитивов», используемых в моих работах (особенно в работах последних десяти лет) и в работах моих австралийских коллег (см. прежде всего [Goddard

1998]) гораздо шире перечня, признаваемого А. Богуславским. Самое главное для меня то, что на языке этих понятий можно что-то объяснить любому человеку, любому папуасу, любому австралийцу - даже русские ключевые понятия, такие, как «душа», «судьба» и «тоска», даже русскую наивную картину мира, даже русские наивные правила человеческого поведения (в том числе правила речевого поведения).

Итак, я утверждаю, что чтобы говорить о русской культуре не-русским и чтобы делать это понятным образом, нужно употреблять понятия, которые есть и у не-русских, то есть у носителей других культур. Возьмем для примера такое ключевое русское слово, как *пошлый*, со всей его семьей: *пошлость*, *пошляк*, *пошлячка*, *пошлятина* и так далее. Как объяснить не-русским, что такое *пошлость*? Многие пытались это сделать, существует огромная литература на эту тему. Самая известная, вероятно, попытка Набокова; но когда я читаю моим австралийским студентам объяснения Набокова, не говоря уже о словарных статьях, я вижу, что они совсем не понимают, в чём тут дело.

Мне кажется, что если объяснять *пошлость*, опираясь на универсальные понятия, то понять этот концепт гораздо легче. Я предлагаю следующее:

Пошлость

многие люди думают о многих вещах, что эти вещи хороши
это неправда
эти вещи нехороши
они похожи на некоторые другие вещи
эти другие вещи хороши
эти люди этого не знают
это плохо
люди такие, как я, это знают

Если вы с этим толкованием не вполне согласны, вы можете точно сказать, что именно нужно в нем переменить, и мы можем это переменить. Но тут нет никаких метафор и все всем ясно, потому что все сказано на языке универсальных, простых и общепонятных терминов.

Например, в пьесе Чехова «Вишневый сад» купец Лопахин уговаривает помещицу Любовь Андреевну отдать ее прекрасный вишнёвый сад в аренду под дачи, и Любовь Андреевна отвечает:

- Дачи и дачники - это так пошло, простите.

В английском переводе К. Крамера и М. Букера это звучит так:

- *Dachas and tenants, it's so petty, excuse me* [Booker, Kramer 1997: 289].

В переводе «Чайки» слово *пошлость* переведено К. Крамером как «dreary pretence» [Kramer 1997].

На самом же деле ни переводы вроде *pettiness* и *dreary pretence*, ни сопровождающие их длинные объяснения на сложном или метафорическом языке не могут объяснить не-русскому

читателю, в чем тут суть дела. Мне кажется, что предложенное мною толкование, построенное на простых универсальных понятиях, может лучше это объяснить и приблизить к читателю. По-моему, точно так же обстоит дело и со всем остальным, что мы можем захотеть сказать и о семантике русского языка, и о русской культуре, которая отражается в этой семантике.

2. Значение «правды» в русской культуре

Тема правды занимает очень важное место в русской культуре. Сам факт, что в русском языке есть два ключевых слова в этой области - *правда* и *истина*, показывает, как эта тема важна. Характерно также и то, что одно из этих слов – *истина* - часто встречается в сочетаниях со словами *искать* и *поиски*, например:

Золота мне не нужно, я ищу одной истины (Пушкин, «Сцены из рыцарских времён»).

Но если *истина* играет важную роль в русской культуре как идеал и предмет поисков, *правда* может быть еще важнее для нее, как показывают многие пословицы, вроде следующих из словаря пословиц Даля [Даль 1977]:

Все минется, одна правда останется.

Без правды жить легче, да помирать тяжело.

Без правды не житье, а вытье.

Хлеб-соль кушай, а правду слушай.

Правда из воды, из огня спасает.

Варвара мне тетка, а правда сестра.

Александр Солженицын закончил свою нобелевскую лекцию 1970-го года замечанием о том, что «в русском языке излюблены пословицы о *правде*» и что «они настойчиво выражают немалый тяжелый опыт» [Солженицын 1972: 21]. Как особенно поразительный пример он приводит следующую пословицу: «Одно слово правды весь мир перетянет», добавляя с намёком на «Архипелаг ГУЛАГ», что на этой вере основана и его собственная деятельность. Нет сомнения, что тема правды - одна из ярких тем русской культуры.

Кроме пословиц очень характерны также такие сочетания, как *правда-матка* и *правда-матушка*, а также *резать правду в глаза* или *говорить правду-матку*. Идея того, что иногда нужно, и даже хорошо, резать правду в глаза и что правду нужно любить и уважать, как родную мать, - часть русской культуры. Предложение «Люблю правду-матушку», цитируемое «Словарём современного русского литературного языка» [ССРЛЯ 11: 6], очень характерно для этого интереса к правде. Я также думаю, что в русском языке понятие «говорить правду» часто представлено как прямо противоположное понятию «говорить неправду», что оба эти понятия связаны, что они

оцениваются с моральной точки зрения и что им часто придают огромный вес - в разговоре, в рассуждениях, в литературе.

Итак, я хочу предложить для русской культуры культурный скрипт, связанный с русским понятием правды и выраженный на универсальном семантическом языке. Сперва я предложу сам скрипт, а потом я хочу обсудить разные связанные с ним семантические проблемы, привести лингвистические доводы в его поддержку и, наконец, посмотреть на этот скрипт со сравнительной, межкультурной точки зрения. Вот он:

Русский культурный скрипт

люди говорят два рода вещей другим людям

вещи одного рода - правда

хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям

вещи второго рода - неправда

нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям

плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти вещи - правда

С точки зрения носителя русской культуры этот скрипт может показаться вполне естественным и может даже казаться, что такой скрипт существует во всех других культурах. Но на самом деле это не так. С точки зрения многих других культур он выглядел бы слишком экстремальным.

Классическим примером здесь может служить явайская культура, описанная К. Герцем [Geertz 1976], с ее принципом «etok-etok» и с принципом не говорить правды, когда это не необходимо. Но перед тем как сравнивать русский скрипт со скриптами других культур я хочу объяснить значение предлагаемого русского скрипта и, прежде всего, его отношение к семантике русских слов *правда* и *неправда*.

3. Правда₁ как универсальное понятие и правда₂ как русское понятие

Русское слово *правда* полисемично: один его смысл универсален (это *правда₁*), а второй его смысл - чисто русский (это *правда₂*). Универсальные понятия можно показать только в определенных синтаксических рамках. Для универсального понятия *правда* предлагаются следующие универсальные рамки:

это – правда

это – неправда.

Эти канонические предложения можно легко перевести на любой язык. Например, по-английски это будет *this is true* и *this is not true*.

Интересно, что в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» в статье Валентины Апресян [В. Апресян 2000] предикативное употребление слова *правда* выделено как особое, отличное от существительного *правда* в таких сочетаниях, как *говорить правду*. Это предикативное употребление связано с каноническим контекстом «это правда, это неправда» и должно рассматриваться как русский показатель простого универсального понятия. Другие русские слова этого семантического поля, в том числе русское существительное *правда*₂, должны рассматриваться как семантически сложные, и их нужно толковать через элементарное универсальное понятие *правда*₁. Такие слова, как *неправда*, *лгать*, *врать*, *истина*, *обман* и так далее, семантически связанные с правдой, тоже должны толковаться через это элементарное универсальное понятие *правда*.

Если мы будем следовать по этому пути, мы пойдем против традиционного подхода, обычно принимаемого в русистике. В традиционном подходе принято толковать понятие *правда* и другие связанные с ним понятия через понятие «действительность», или «факты», или «верно». Например, в «Новом объяснительном словаре синонимов» говорится, что *правда* - это «верное отражение фактов» [В. Апресян 2000: 223], а в книге «Культурные концепты» утверждается, что *правда* - это «соответствие речи действительности» [Шатуновский 1991]. Но с универсальной точки зрения такие толкования не решают проблему, потому что они сами опираются на сложные русские слова, у которых нет эквивалентов в других языках мира. Например, слово *действительность* далеко не универсально, и то же самое касается таких слов, как *факты*, *отражение* и *верное*.

Н. Д. Арутюнова в статье «Истина: фон и коннотации» [Арутюнова 1991] говорит так: «Трудно представить себе язык, в котором не было бы выражено понятие истины. В русском языке ему соответствуют два слова - *истина* и *правда*». Я согласна с духом этого замечания, хотя не с тем, как оно сформулировано. В самом деле, на любом языке можно сказать «это правда» - это действительно универсально. С другой стороны, понятие «истина» далеко не универсально. Напротив, это уникальное русское понятие. Точно так же *правда* как существительное - уникальное русское понятие, которое отличается, например, от английского «truth» и даже от польского понятия «prawda». Но *правда* как предикативное слово - в самом деле универсальное понятие.

В другом месте Н. Д. Арутюнова отмечает, что «правда - одно из ключевых понятий русской культуры» [Арутюнова 1995: 7]. Я думаю, что это действительно так и что оба этих существительных - *правда* и *истина* - принадлежат к ключевым словам русской культуры, а с ними вместе и *неправда*, *враньё* и *ложь*. В этом отношении я вполне согласна с «Новым объяснительным словарём», где сказано так: «Концепты *неправда*, *ложь* и *враньё* занимают важное место в русской языковой картине мира» [В. Апресян 2000: 223]. Это верно, но опять:

чтобы объяснить эти ключевые слова иностранцам, нам нужно опираться на универсальные понятия.

В этой статье я не буду обсуждать подробно понятия *лгать* и *врать* (см. об этом [Mondry, Taylor 1992; Кронгауз 1993]), но чтобы объяснить предлагаемый мною скрипт, мне нужно кое-что сказать про слово *неправда*. Здесь опять я постулирую полисемию: есть предикативное слово *неправда₁*, где имеются только два смысловых элемента: правда₁ и отрицание, и есть существительное *неправда₂*, например в сочетании *говорить неправду*, которое семантически весьма сложно.

В «Новом объяснительном словаре» говорится, что *неправда* - это «неверная передача фактов в условиях, когда человек знает правду» [В. Апресян 2000: 223]. Однако с универсальной точки зрения это не решает проблемы, потому что здесь опять употребляются сложные русские понятия «неверная», «передача» и «факты», для которых нет эквивалентов в других языках.

Употребляя универсальные понятия, значение слова *неправда₂* можно представить так:

Иван сказал неправду₂ =
Иван сказал что-то
это была неправда₁
Иван знал это

Понятие «неправда₁» не включает в себя предпосылки того, что человек знает правду (то есть, что он знает, что то, что он говорит, не является правдой). Например, если человек в отчаянии обвиняет сам себя и говорит, что он негодяй и ни на что не годится, ему можно возразить: «Это неправда!», ничуть не сомневаясь при этом в его искренности. Зато понятие *неправда₂* в самом деле предполагает, что говорящий знает, что его слова не являются правдой.

Я не думаю, однако, что смысл русского понятия *неправда₂* исчерпывается указанными двумя компонентами («это была *неправда₁*», «он [говорящий] знал это»). В самом деле, русские «*неправда₂*» и «*правда₂*» более сложны, они связывают «*правду₁*» с этикой и с человеческими отношениями.

Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1995: 17] говорит, что «правда связывает истину и этику», и я думаю, что это верно по отношению к этим сложным русским понятиям. Другие лингвисты, в том числе И. Б. Шатуновский [Шатуновский 1991], говорят, что в понятии «*правда₂*» есть человеческий, субъективный элемент, и указывают, что нельзя сказать *объективная правда*. Я думаю, что и то, и другое верно и что русские понятия «*правда₂*» и «*неправда₂*» на самом деле включают в себя тот русский универсальный скрипт, который был предложен ранее. Я предлагаю следующие толкования (с каким-то минимальным контекстом):

Иван сказал неправду₂ =
Иван сказал что-то
это была неправда₁

он это знал

люди говорят два рода вещей другим людям

вещи одного рода - правда₁

хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям

вещи второго рода - неправда₁

нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям

Иван сказал что-то этого второго рода

Естественно, толкование для существительного *правда* (*правда₂*) будет в основном симметрично:

Иван сказал правду₂ =

Иван сказал что-то

это была правда₁

люди говорят два рода вещей другим людям

вещи одного рода - правда₁

хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям

вещи второго рода - неправда₁

нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям

Иван не сказал что-то этого второго рода

4. Английское слово «truth» и русское слово «истина»

Английское слово *truth* иногда переводится на русский язык как *правда*, а иногда - как *истина*. Это уже показывает, что оно не совпадает по смыслу ни с тем, ни с другим.

Например, в английских переводах Евангелия Иисус говорит: «I am the truth», тогда как в русских переводах он говорит: «Я есть истина», а не «Я есть правда», и то, что по-английски называется «truth conditions», по-русски называется «условия истинности», а не «условия правды».

В русском языке противопоставлением для «правды» является «ложь», а в английском понятию «truth» часто противопоставляют «ошибочное мнение» (например, в разных энциклопедических словарях и тому подобных изданиях дело обстоит именно так).

Самое главное различие между русской *правдой₂* и английской *truth* - это то, что в русском языке «правде» соответствует «неправда», тогда как в английском разговорном языке есть слово *truth*, но нет слова *untruth*. В русском языке идее «говорить правду» соответствует идея «говорить неправду», а в английском языке нет такого острого, черно-белого противопоставления. Есть *truth*, но есть также *white lies* (буквально «белая ложь» - устойчивое словосочетание), и есть еще *small talk*, *understatement* и разные другие категории речи - более, так сказать, серые. Есть также

культурные нормы, делающие акцент на том, что не надо говорить другим людям неприятного. Но прежде чем обсуждать эти нормы нам нужно посмотреть поближе на значение русского слова *истина*.

Английское слово *truth*, которое часто противопоставляют слову *error* 'ошибка', более связано с познанием, чем с речью: дело не в том, *говорит* ли кто-нибудь «truth» или нет, а в том, чтобы *знать* «truth». Предполагается не то, что люди часто говорят неправду, а то, что люди часто ошибаются и что хорошо установить «факты», опираясь на объективные доводы, на то, что по-английски называется «evidence». На основании того, как слово *truth* употребляется в английском языке, я предлагаю для него следующее толкование:

Truth

люди говорят много вещей

некоторые из этих вещей - правда₁, некоторые из этих вещей - неправда₁

люди думают много вещей

некоторые из этих вещей - правда₁, некоторые из этих вещей - неправда₁

хорошо, если человек может знать о чем-то, что это правда₁

Чтобы дать более полное толкование понятия «truth», нужно истолковать его в определенных синтаксических рамках, прежде всего в рамке «to tell the truth» («говорить *truth*») и в рамке «to know the truth» («знать *truth*»), но здесь я этого делать не буду.

В статье, посвященной теме «truth» в пособии «Oxford Companion to Philosophy» [1995: 820], говорится, что «truth» - это то же самое, что «true», и что философы, наверное, никогда не перестанут интересоваться вопросом о том, что такое «truth». Однако важно отдавать себе отчет в том, что этот вопрос связан с наивной картиной мира (в смысле [Апресян 1974]), запечатленной в английском языке. Русские же философы будут скорее спрашивать «что есть истина?», а это не одно и то же.

Что же такое, на самом деле, «истина»?

Самое очевидное различие между «правдой» и «истиной» такое, что у «истины» нет противоположного понятия: «не-истина». С этой точки зрения русское слово *истина* больше похоже на английское слово *truth*, чем на русское слово *правда*. *Истина* больше похожа на *truth* также тем, что, как было сказано выше, она более связана со знанием, чем с речью. В самом деле, обычно нельзя даже сказать по-русски *говорить истину* (хотя, как указывается в [Mondry, Taylor 1992], о пророке или ясновидце можно сказать: *он сказал истину*). В этом слово *истина* отличается от слова *truth*, потому что говорить *truth*, конечно, можно (и это могут делать все).

«Истина» связана со знанием, но не с любым знанием, а со знанием, которое скрыто от

многих людей, хотя оно также для многих людей важно, и которое людям стоит искать. Итак, я предлагаю для *истины* следующее толкование:

Истина

Хорошо, если люди могут знать некоторые вещи о некоторых вещах
многие люди не знают этих вещей
люди знают, что когда кто-то думает что-то о чем-то, это может не быть правда₁
хорошо, если люди могут знать о некоторых вещах, что эти вещи - правда₁

В этом толковании не упоминается о речи, потому что *истина* не связана с речью (как уже было сказано, нет устойчивого словосочетания *говорить истину*, в отличие от *говорить правду*). *Истина* связана более со знанием действительности, но слово *действительность* в толковании тоже не употребляется, потому что оно сложно и неуниверсально. (Оно обсуждается подробно в работе [Wierzbicka 2002]). Контраст между действительностью и мнениями, которые ей не соответствуют, представлен здесь в виде контраста между понятиями «думать» и «знать»: то, что люди думают, может и не быть правдой, но то, что они знают, обязательно правда.

В «Новом объяснительном словаре» истина определяется как «прежде всего, верное изображение неких общих законов бытия» [В. Апресян 2000: 223]. «Общий» характер истины противопоставляется более узкому характеру *правды*, которая прежде всего - «верное отражение фактов».

И. Б. Левонтина говорит, что «истине служат жрецы религии и науки» [Левонтина 1995: 33], а философ Николай Бердяев противопоставлял друг другу «философскую истину» и «интеллигентскую правду» (см. [Mondry, Taylor 1992]). В предложенном мною толковании более общий характер *истины* отражен в компоненте «хорошо, если люди могут знать некоторые вещи о некоторых вещах». Этот компонент содержит намек на что-то важное, что хорошо людям знать; он также объясняет, в некотором смысле, сочетания *поиски истины*, *приблизиться к истине*, *путь к истине* и т. п.

В статье И. Б. Левонтиной говорится также, что «правда, в отличие от истины, связана не столько с соответствием высказывания действительности, сколько с искренностью, т. е. намерениями человека» [Левонтина 1995]. Понятия «соответствие», «действительность» и «искренность» весьма сложны и далеко не универсальны, и поэтому я не могу употреблять их в толковании, но главная идея вполне совместима с идеей предложенного здесь толкования: *правда* связана с тем, что кто-то хочет сказать другому человеку, тогда как *истина* связана с тем, что хорошо людям знать.

В работах, посвященных *истине*, авторы говорят иногда, что *истина* для людей

непостижима и что «в каком-то смысле истину знает только Бог» (ср. [Булыгина, Шмелев 1997: 481]). Что-то похожее на эту идею изображено в компоненте «многие люди не знают этих вещей».

Я думаю, что идея, что истину знает только Бог и что для людей она непостижима, не совсем верна, как показывает, например, следующее предложение из романа «В круге первом» [Солженицын 1968]:

И щемящее одиночество охватило его – взрослые мужчины, толпившиеся рядом, не понимали такой простой истины!

Ясно, что мальчик, о котором здесь идет речь, знает истину, тогда как многие другие, взрослые мужчины, ее не знают. Компонент «многие люди не знают этих вещей» здесь более уместен, чем что-то вроде «люди не могут знать этих вещей».

Булыгина и Шмелев [Булыгина, Шмелев 1997] делают также интересное замечание о том, что так как свидетели в суде клянутся говорить правду, суд стремится установить *истину*, и что мать, которая сердится из-за разбитой чашки, хочет узнать *правду* о том, кто разбил эту чашку. Возникает вопрос: почему нельзя сказать, что мать хочет установить *истину* о том, кто разбил чашку?

Дело, конечно, не в том, что никто не знает, кто разбил чашку, потому что ребенок-то это знает - точно так же, как убийца знает, кто убил жертву. Я думаю, что ответ содержится в компоненте «хорошо, если люди могут знать некоторые вещи о некоторых вещах». Людям (многим людям) хорошо знать, кто убийца, но им вовсе не нужно знать, кто разбил чашку (это нужно только матери).

Здесь может быть полезным еще один пример, из того же романа:

Десять пистолетных дул, уставленных на него, не запугали бы Рубина. Ни холодным карцером, ни ссылкой на Соловки из него не вырвали бы истины. Но перед партией? – он не мог утаиться и солгать в этой черно-красной исповедальне [Солженицын 1968].

Здесь идет речь не об общих законах бытия, а о весьма конкретных фактах. Но эти факты представляют собой что-то, что некоторые люди хотят знать, что-то, что им важно знать, и что-то, чего многие люди не знают. Это и объясняет, почему слово *истина* подходит в этом контексте.

5. Правда и верно

Перед тем как обратиться к обозначенному выше культурному скрипту, нам необходимо рассмотреть другое русское слово, которое могло бы претендовать на роль русского экспонента универсального понятия «правда», - слово *верно* (и прилагательное *верный*). Как мы видели, «Новый объяснительный словарь» определяет слово *неправда* через прилагательное *неверный*

(«неверная передача фактов»), и у читателя может возникнуть вопрос, почему именно слово *правда* (в его предикативном употреблении), а не слово *верно* должно считаться русским показателем универсального понятия «true».

В сущности, ответ на этот вопрос очень прост: слово *верно* может быть истолковано через слово *правда*₁, тогда как толкование в обратном направлении невозможно. Если читатель в этом сомневается, пусть попробует. Моя задача показать, что возможно истолковать *верно* через *правда*₁.

Верно связано со словами *верить*, *уверять* и *уверен*, а также со словом *проверить*, и хотя морфологические связи не доказывают (синхронных) семантических связей, они тем не менее очевидны: грубо говоря, *верно* утверждает о чем-то не только, что это правда (и что в это можно верить), но еще и что это - «объективная правда», то есть что-то, что можно проверить и в чем можно быть уверенным, тогда как *неверно* утверждает о чем-то, что в это не нужно верить, потому что это (как можно доказать) ошибочно. Кроме того, и *верно*, и *неверно* предполагают оценку: в случае *верно* - «хорошо», в случае *неверно* - «нехорошо». Более точно мы можем представить эти семантические связи следующим образом:

Это верно =

это правда₁

люди могут это знать

потому, если кто-то это говорит, он говорит хорошо

Это неверно =

это неправда₁

люди могут это знать

потому, если кто-то это говорит, он не говорит хорошо

Семантический компонент «люди могут это знать» указывает, что данное предложение - не только *правда*₁, но и еще что это можно обосновать, проверить, доказать. Даже оценочное предложение, как Чеховское: «*Прекрасный ребенок, это верно*» («Три сестры») дает понять, что данное суждение не просто субъективно, а основано на фактах.

В том, что *верно* претендует на доказуемость, оно похоже на английское слово *right*; и в самом деле, в английских переводах русских романов и пьес иногда употребляют *right* для перевода *верно*. Вот пример из романа Солженицына «В круге первом»:

– *Молодец!* – одобрил он. – *Так и надо рассуждать! Интересы государства!* – а потом *остальное. Верно?*

– *Так точно, товарищ министр!*

Однако в других контекстах невозможно перевести *верно* словом *right*. Например, в том же романе во внутреннем монологе Сталина появляется следующее предложение:

Народ-то его любил, это верно, но сам народ кишел очень уж многими недостатками.

В английском переводе книги это выглядит так:

It was true that people loved him, but they were still riddled with faults.

Русское слово *верно* переведено здесь как «true» («it was true»), и в самом деле, вряд ли можно было бы перевести его по-другому. Во всяком случае *right* не подошло бы в данном контексте, так как оно относится к словам и не может относиться к одним мыслям, что для *верно* вполне возможно. Я не буду останавливаться здесь более подробно на отношениях между русским словом *верно* и английским словом *right* и на отношениях между предикативным употреблением слов *верно* и *неверно* и разными значениями прилагательных *верный* и *неверный*. Я только хочу отметить, что предикативное слово *верно* действительно можно истолковать через предикативное слово *правда* (*правда₁*). Итак, в дальнейшем я буду просто трактовать слово *правда* (*правда₁*), а не слово *верно*, как русский экспонент универсального семантического понятия «true» (то есть понятия, соответствующего английскому слову *true*).

6. Доводы в поддержку предлагаемого русского скрипта

После того как мы проанализировали смысл слов *правда*, *неправда* и *истина* и отношения между ними, а также отношения между словами *правда* и *верно*, мы можем вернуться к предложенному культурному скрипту и сделать краткий обзор доводов в его поддержку.

Прежде всего нужно подчеркнуть еще раз роль слова *неправда* в русском языке и его широкое употребление в русской речи. Параллельное употребление слов *правда* и *неправда* в таких сочетаниях, как *говорить правду* и *говорить неправду* является хорошим примером дуальных моделей мышления в русской культуре, на которые обратили внимание в своей классической работе Юрий Лотман и Борис Успенский [Лотман, Успенский 1994]. Говоря прежде всего о средневековой русской культуре, как и о роли православия в русской культуре вообще, эти авторы обращают внимание на тот факт, что в православии всегда отсутствовало (и отсутствует) понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется как или грешная, или святая, без промежуточной зоны. Они также указывают, что на Западе промежуточная зона, связанная с понятием чистилища, стала потом (после Реформации) структурным резервом, на основании которого даже в протестантских странах могло развиваться представление о нейтральной жизни на земле, в то время как русская культура продолжала развиваться на основании крайне поляризованных, черно-белых моделей.

Специфической чертой русской культуры исследуемой эпохи в интересующем нас аспекте является ее принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе ее структуры. Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполосном ценностном поле, разделённом резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. (...) Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения (...). Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня. (...) Система русского средневековья строилась на подчёркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым» [Лотман, Успенский 1994: 220].

Существование в русском языке и частое употребление таких экстремальных слов, как *подлец*, *негодяй* или *мерзавец* (у которых нет эквивалентов в английском языке), и с другой стороны, таких выражений, как *прекрасный человек*, *благородный (благороднейший) человек*, *чистая душа* и т. п., подтверждает правоту тезиса о полярных моделях в русской культуре (см. [Wierzbicka 1992]). Резкое противопоставление «правды» и «неправды», а также «правды» и «лжи» в русской речи тоже это подтверждает.

Правда, понятие «правды» противопоставляется понятию «неправды» и в других славянских языках, в том числе в польском, но все же в этом отношении между русским и польским языком существуют большие различия.

Во-первых, в польском языке нет слова, соответствующего *истине*, и польское слово *prawda* занимает область и *правды*, и *истины*. Это значит, что у польского слова *prawda* есть много употреблений, где оно не противопоставлено слову *nieprawda*. Например, в польском переводе Евангелия Иисус говорит: *Ja – jestem prawda*, и Пилат тоже спрашивает: *Co to jest prawda?*, тогда как по-русски он спрашивает: *Что есть истина?*

Во-вторых, польское слово *nieprawda* обычно не употребляется как абстрактное имя существительное, как в следующих русских примерах:

...тогда пришла неправда на русскую землю» (Пастернак, «Доктор Живаго»).

Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу» (Чехов, «Вишневый сад»).

В-третьих, в польском языке, в отличие от русского, нет множества пословиц, посвященных *правде* и *неправде*.

В-четвертых, в польском языке нет точного эквивалента для слова *ложь* как собирательного существительного, означающего общий феномен, есть только *klamstwo* (несобирательное).

И так далее. Я не хочу здесь подробно заниматься сопоставлением русского и польского языков, а только хочу указать на уникальность экстремального противопоставления *правды* и *неправды* (и *правды* и *лжи*) в русском языке.

В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» Иешуа-Иисус замечает: «Правду говорить легко и приятно». Русский лингвист И. Б. Шатуновский цитирует это высказывание в своей статье о «правде» и «истине» и комментирует: «Процесс говорения того, что думаешь/ знаешь, гораздо более прост и требует меньше усилий, чем процедура «искажения» истины, требующая подключения воображения» [Шатуновский 1991: 36]. На самом деле можно полагать, что и на замечание Булгаковского Иешуа, и на замечание Шатуновского повлияли русские культурные скрипты. Нет сомнения, что с точки зрения многих других культур процесс «говорения правды» не показался бы столь простым, и моральный контраст между «говорением правды» и «говорением неправды» не показался бы столь черно-белым.

Во многих других культурах идея, что хорошо говорить правду несмотря на обстоятельства и на возможные последствия, могла бы представляться очень странной. Во многих других культурах люди думают, что говорить правду трудно и опасно и что часто легче и лучше говорить то, чего ожидают другие, то, что принято говорить или даже употреблять готовые конвенциональные формулы. (См. об этом, например, в работах Годарда, посвященных малайской культуре [Goddard 1997; 2001]). Я вернусь к этому вопросу в конце статьи.

7. Нечто о вранье

Предложенный здесь скрипт о «правде» и «неправде» можно бы оспаривать на основании выраженного некоторыми русскими авторами мнения, что русским, якобы, более свойственно «врать», чем многим другим. Достоевский писал об этом в своей знаменитой заметке «Нечто о вранье» [Достоевский 1980: 117]:

С недавнего времени меня вдруг осенила мысль, что у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем и не может быть нелгушего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди. Я убежден, что в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. Ну а у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю.

Американский антрополог Дэйл Песмэн в книге «Russia and Soul: An Exploration» как будто принимает точку зрения Достоевского, когда говорит, что, хотя у нее нет сравнительных статистических данных насчет склонности разных наций к тому, чтобы лгать (к «mendacity»), в

русском языке есть несомненно очень богатый словарь в этой области. Она цитирует в этой связи не только слова *неправда*, *ложь* и *вранье*, но и разные видовые разновидности глагола *врать*, такие, как *приврать*, *соврать*, *наврать* и так далее [Pesmen 2000: 64].

Я думаю, однако, что это лексическое богатство показывает скорее интерес к «правде» и отрицательное отношение к «неправде», чем что-либо другое. То, о чем говорит Достоевский - «вранье из гостеприимства», - по-английски назвали бы скорее всего *white lies*, «белой ложью», то есть не считали бы это настоящей ложью.

Правда, в русском языке есть так называемое «художественное вранье», о котором «Новый объяснительный словарь» пишет так:

Наиболее типичный случай вранья – это «художественное» вранье – игра воображения, вымысел, болтовня, не имеющая отношения к действительности. Такое вранье вполне невинно; в качестве цели оно преследует не личную корысть, а развлечение, потому что оно интереснее, забавнее, увлекательнее правды. Ср. «Все с интересом прослушали это занимательное повествование, а когда Бегемот кончил его, все хором воскликнули: Вранье! (...)» (Булгаков, «Мастер и Маргарита») [В. Апресян 2000: 226].

Существование жанра «художественного вранья» в русской культуре показывает, что внимание к «правде» и «неправде», характерное для этой культуры, касается не просто высказываний, которые «правда» или «неправда», а скорее межличностных отношений: дело в том, что ты хочешь сказать другим людям и хочешь ли ты или не хочешь обмануть их (как указывается в «Новом объяснительном словаре», *обман* - это тоже очень важное понятие в русской наивной картине мира). Именно поэтому предложенный мною культурный скрипт включает в себя части, которые выделены здесь большими буквами:

- а) люди говорят два рода вещей ДРУГИМ ЛЮДЯМ
- б) вещи одного рода - правда
- в) хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода ДРУГИМ ЛЮДЯМ
- г) вещи второго рода - неправда
- д) нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода ДРУГИМ ЛЮДЯМ
- е) ПЛОХО, ЕСЛИ КТО-ТО ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ДРУГИЕ ЛЮДИ ДУМАЛИ, ЧТО ЭТИ ВЕЩИ – ПРАВДА

«Художественное вранье» не считается обязательно чем-то плохим, потому что оно не включает в себя последний компонент этого скрипта.

В работе о семантике русского глагола М. А. Кронгауз [Кронгауз 1993: 33] спрашивает: «Почему возможно *оболгать* человека и нельзя *обоврать*?» Ответ, предлагаемый Кронгаузом, лежит в разбиении глаголов речи на «глаголы текста» и «глаголы взаимодействия или воздействия

с помощью речи». Глагол *врать* (который означает 'порождать ложные тексты') принадлежит к первому из этих классов, глагол *лгать* (характеризующий отношение к другому человеку) - ко второму.

По сути дела, рассуждение Кронгауза соответствует анализу, предложенному мною; оно также приводит к выводу, что, в некотором смысле, *лгать* хуже, чем (просто) *врать*. (Ср. также замечание Пастернака о том, что в смысле слова *врать* нет намерения обмана, цитируемое в работе [Mondry, Taylor 1992: 139]).

В русском языке есть много приемов речи, которые связывают правду с другими людьми, с характером межличностного общения. Например, есть разговорный ответ «неправда!», который выражает протест; есть часто употребляемое выражение «не правда ли?», ищущее согласия во имя правды; есть часто употребляемые выражения «честное слово» и «клянусь»; есть разговорные мольбы «верь мне!», «поверь мне!»; есть разговорный ответ «верно», связывающий правду с верой и достоверностью, и другие.

Светлана Бойм в книге «Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia» [Boym 1994: 99] отмечает, что Достоевский в «Дневнике писателя» критиковал западную юридическую систему за то, что она основана на идее «объективных доводов» («evidence»), вместо того, чтобы опираться просто на правду в человеческой речи. И действительно, в русской литературе вообще понятие *правды* часто связано с понятием *веры*: хорошо, если можно *верить* тому, что кто-то нам говорит. Характерный пример из романа «Война и Мир»:

Князю Андрею казалось, что это полоскание волн к словам Пьера приговаривало: «Правда, верь этому».

В англосаксонской культуре, с другой стороны, понятие «правды» (то есть «truth») связано не с идеей чьих-то слов, которым можно верить, а с идеей фактов, установленных объективно. Очень характерно в этой связи следующее высказывание Джона Мильтона, автора «Утраченного рая»:

A man may be a heretic in the truth; and if he believes things only because his father says so, or the assembly so determines, without knowing other reason, though his belief be true, yet the very truth he holds becomes his heresy» [Milton 1990: 261].

Как я пыталась показать в работе [Wierzbicka 2002], за последние столетия в англосаксонской культуре значение понятия «truth» значительно сократилось, а его место все больше и больше занимает понятие «evidence». Но понятие «truth» осталось как культурная ценность, и оно больше связано со знанием, рациональным мышлением и объективными доводами («evidence»), чем с человеческой речью и возможностью верить другим людям.

В русской культуре, с ее двойной концепцией «истины» и «правды» и с ее интересом к миру человеческих отношений, понятие «правды» связано с другими важными культурными темами, касающимися людей: с темой «общения», с темой «искренности», с темой «души».

8. «Правда» в человеческих отношениях

С точки зрения англосаксонской культуры любовь к «правде», характерная для русской культуры, может представляться чрезмерной: даже если кому-то легко и приятно говорить правду, всегда ли приятно ее слушать? Русские фразы, такие, как *резать правду в глаза*, показывают, что носители русской культуры отдают себе отчет в том, что слушать правду может быть неприятно и даже больно. Тем не менее эти фразы показывают, что в иерархии ценностей, характерной для русской культуры, желание говорить правду стоит может быть выше желания не причинять боли собеседнику. Например, *резать правду в глаза* скорее всего хорошо.

Точно так же скорее всего хорошо говорить то, что ты думаешь, *без обиняков*; хорошо говорить *прямо*, даже если ты знаешь, что другому это будет неприятно. Приведу характерный пример из Чехова («Иванов»):

Львов: *«Николай Алексеевич, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уже о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... (...) Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но вы мне глубоко несимпатичны...»*

Тот, кому адресовано это высказывание, не обижается, а, напротив, высоко оценивает прямоту говорящего:

Иванов: *«Может быть, может быть... Вам со стороны виднее. Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, я очень, очень виноват... (...) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого, это делает честь вашему сердцу...»*

Но хорошо говорить «прямо» не только о моральных недостатках нашего собеседника, но и о другом, например о его наружности. Например, в Чеховской пьесе «Три сестры» Маша говорит Вершинину, которого она не видела многие годы:

О, как вы постарели! (Сквозь слёзы) Как вы постарели.

В пьесе «Вишневый сад» Любовь Андреевна подобным образом приветствует студента Трофимова:

Что же, Петя? Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?

Потом она обращается к своему брату, Леониду, целует его и говорит:

Постарел и ты, Леонид.

Любовь Андреевна любит своего брата и хорошо относится к Трофимову, но для нее важнее «сказать правду» (и выразить то, что она думает), чем заботиться о том впечатлении, которое ее слова произведут на собеседника. Добрая и кроткая дочь Любови Андреевны, Варя, говорит похожие вещи - без всякой злобы, а только чтобы сказать правду:

Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели.

Сходным образом в романе Толстого «Война и Мир» князь Андрей, который встречается с Пьером после долгой разлуки, говорит ему:

Ну ты как? Все толстеешь.

И еще один пример - из современной речи (личное сообщение Валентины Апресян). Встреча близких друзей (молодой женщины и молодого мужчины) в аэропорту:

– Поседела ты, старушка!

– А ты потолстел, мой милый!

С точки зрения англосаксонской культуры такие замечания в таких ситуациях почти невыносимы (кроме шутки). Против них есть очень сильные культурные скрипты. В русской же культуре они, по-видимому, допустимы - вероятно, во имя «правды» и связанного с правдой идеала «искренности».

9. Связь между «правдой» и «искренностью»

Русское слово *искренность* обычно переводится на английский язык как «sincerity», но на самом деле оно употребляется гораздо шире; кроме того, оно обладает большим культурным значением. Об «искренности» часто говорят по-русски как о ценном личном качестве, как по-английски говорят о том, что называется «kindness». Несколько примеров из пьесы Чехова «Иванов»:

Это верный, искренний человек!

Он меня ужасно утомил, но мне все-таки симпатичен; в нем много искренности!

Был я молодым, горячим, искренним, неглупым...

Как показывает последний пример, утрату своей искренности можно оплакивать так же, как утрату своей молодости. Наречие *искренно* часто употребляется, в отличие от английского слова *sincerity*, при высказывании чувств и желаний, например в «Трех сестрах»:

Дорогая сестра, позволь мне пожелать искренно, от души...

Чтобы увидеть, что *искренность* употребляется шире, чем английское *sincerity*, интересно рассмотреть следующее высказывание из романа «В круге первом» [Солженицын 1968]:

Абакумов не испугался – столько детской искренности и непосредственности было в голосе и во всех движениях странного инженера, что он стерпел этот натиск и с любопытством смотрел на Пряничкова, не слушая.

В английском переводе романа слово *искренность* переведено как *innocence*; и в самом деле, слово *sincerity* здесь бы не подошло (и вообще словосочетание «childlike sincerity» звучит по-английски странно). Как показано в работе Годарда [Goddard 2001], *sincerity* связано с ситуациями, когда человек говорит что-то, что соответствует общественным конвенциям и что считается вежливым. Принимая в основном идеи Годарда на эту тему, я предлагаю для слова *sincerity* следующее толкование:

I said it sincerely

«я это сказал sincerely» =

я сказал: я так думаю

я из-за этого что-то чувствую

это была правда

я знаю: люди думают, что хорошо говорить такие вещи в такие моменты

я это сказал не поэтому

Русское слово *искренно* употребляется шире, так как оно применимо не только к ситуациям, когда обычай требует сказать что-то определенное. Оно применимо к любой ситуации, когда человек говорит что-то «от души», то есть потому, что хочет высказать свое чувство. Вот еще один пример из романа «В круге первом» [Солженицын 1968]:

Радиолу выключили, и они запели втроем, недостаток музыкальности искупая искренностью.

В английском переводе романа это выглядит так:

Someone stopped the radiogram and the three of them sang, their musical shortcomings redeemed by depth of feeling.

Опять-таки слово *sincerity* здесь не применимо, так как речь не идет о конвенциях и о поисках общественного одобрения. Я предлагаю для *искренности* следующее толкование:

Я сказала это искренно =

Я сказала: я так думаю

я из-за этого что-то чувствую

это была правда

я это сказала потому, что хотела сказать, что я чувствую

не из-за чего-нибудь другого

Как уже было сказано, понятие «искренно» близко связано с понятием «говорить от души». В русском языке есть и много других выражений, связанных со словом *душа*, которые указывают

на те же самые или сходные культурные скрипты, такие, как «открытая душа», «душа нараспашку», «душа-человек», «говорить по душам», «отвести душу», «излить душу» и многие другие (см. [Wierzbicka 1992]). Существенно, что в этих выражениях обычно чувствуется положительная оценка. Такая же оценка связана со словами *искренний* и *прямой*. (Например, у Чехова: «Вы честный, прямой человек»). Несомненно, такая положительная оценка «искренности», «прямоты» и «открытости души» связана с отрицательной оценкой «условности» и «внешней вежливости», которую часто высказывали русские писатели (см. об этом, например, [Лосский 1991: 283; Voym 1994: 95-102]).

10. «Правда», «общение», «душа»

В русской культуре идеал «правды» связан с положительной оценкой того, чтобы говорить другим людям, что у тебя на душе и что ты на самом деле думаешь. Эту связь между «правдой» и «душой» можно проиллюстрировать следующей цитатой из романа Достоевского «Братья Карамазовы», в которой Иван Карамазов требует от своего брата Алёши правды о том, что он думает:

Помнишь ты, когда после обеда Дмитрий ворвался в дом и избил отца, и я потом сказал тебе во дворе, что «право желаний» оставляю за собой, - скажи, подумал ты тогда, что я желаю смерти отца, или нет?

- Подумал, - тихо ответил Алеша.

- Оно, впрочем, так и было, тут и угадывать было нечего. Но не подумалось ли тебе тогда и то, что я именно желаю, чтобы «один гад съел другого гадину», то есть чтоб именно Дмитрий отца убил, да еще поскорее... и что и сам я поспособствовать даже не прочь!

Алеша слегка побледнел и молча смотрел в глаза брату.

- Говори же! - воскликнул Иван. - Я изо всей силы хочу знать, что ты тогда подумал. Мне надо правду, правду! (...)

- Прости меня, я и это тогда подумал - прошептал Алёша (...).

В своей классической работе «Проблемы поэтики Достоевского» (в которой тоже приводится этот отрывок) Михаил Бахтин показывает, что для героев Достоевского знание о себе самом и даже собственное «я» диалогично: себя самого можно знать только тогда, когда открываешься другим людям. Бахтин заключает, что «быть - значит общаться диалогически» [Бахтин 1963: 338]. При этом нет сомнения, что для Бахтина художественная модель мира, которую создал Достоевский, показывает что-то очень важное о людях вообще. Когда он говорит о «диалогическом общении» как о «подлинной сфере жизни языка», ясно, что он высказывает своё собственное мнение, а не только точку зрения Достоевского.

В мире английского языка идея Бахтина о том, что диалогическое общение является центральной частью человеческой жизни и что оно вообще одно из самых основных истоков

человеческого «я» (см. [Taylor 1995]), обычно связана со словом *dialogue*, «диалог». Однако Бахтин говорил не просто о «диалоге», а о «диалогическом общении» и, по-моему, чтобы его хорошо понимать, нужно обращать внимание не только на слово «диалогическое», но также и на слово «общение».

По мнению Бахтина, человека можно «раскрыть» - точнее, заставить его самого раскрыться - лишь путем общения с ним, диалогически. (...) Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого» [Бахтин 1963: 338].

Очевидно, что это совсем не то, что слово «dialogue» обозначает в английском языке. Идея о том, чтобы «открыть себя» для другого человека, а тем более, чтобы «раскрыть другого человека», идет гораздо дальше, чем значение английского слова *dialogue* и чем нормальные ожидания и нормы, связанные с современным английским языком. Главное, в английском языке нет слова, соответствующего русскому слову *общение*, и нет связанных с этим словом понятий и ожиданий. (Здесь интересно отметить, что в русских религиозных рассуждениях иногда говорят о «Богообщении», или об «общении человека с Богом»; между тем нельзя себе представить, чтобы кто-то говорил о «диалоге» человека с Богом.)

Антрополог Дейл Песмен переводит Бахтинское ключевое слово *общение* как *communion* и вместо выражения *диалогическое общение* поочередно употребляет два слова: *dialogue* и *communion*. Она также связывает, по-моему, правильно, Бахтинский принцип «диалогического общения» со словом *душа*. Она указывает, между прочим, что в своей работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин «отодвигает в сторону литературу и обсуждает просто «постройку человеческих душ». (...) Бахтин хотел описывать душу как что-то возникающее между людьми, глубину души как что-то снаружи, в душе других людей» [Pesmen 2000: 272].

Песмен также связывает установку Бахтина на «диалогическое общение» и его убежденность в значении этого общения для души отдельного человека с другими аспектами русской культуры, которую она называет «культурой души» («a duša culture»). Однако она заключает свои рассуждения очень осторожно, по-моему, слишком осторожно:

Конечно, идеи о том, что люди могут развивать друг друга, отдавать друг другу жизнь и душу и открывать друг другу внутренний мир появляются не только у Бахтина и не только в культуре, основанной на душе. Эти идеи древние и широко распространенные. Тема открытости и души как чего-то «заразительного» и связанного с развитием человека, которая все время появлялась в моих интервью [в России], тоже, конечно, не исключительно русская» [Pesmen 2000: 273].

В этой осторожной оговорке не указывается, что в разных языках есть разные ключевые слова, разные, часто употребляемые словосочетания, разные разговорные приемы и т.д. и что эти

языковые элементы можно рассматривать как объективные доводы для разных семантических миров и разных культурных скриптов.

Например, у русского слова *душа* нет точного эквивалента в английском языке и нет английских эквивалентов для таких выражений, как *излить душу*, *открытая душа*, *душа нараспашку* или *разговор по душам*. Для слова *общение* тоже нет эквивалента, как и для столь важного (с точки зрения русской культуры) слова *общаться*. Существование этих слов и выражений в русском языке и их частое употребление в речи указывают на наличие культурных скриптов, которые можно сформулировать следующим образом:

хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает
хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он чувствует

С точки зрения русской культуры эти скрипты могут показаться очевидными, и носители русского языка могут предполагать, что они универсальны. Но с точки зрения многих других культур, в том числе англосаксонской культуры, они совсем не очевидны. Например, с англосаксонской точки зрения совсем не обязательно говорить другим людям, даже друзьям, что ты думаешь о их наружности или о их моральных недостатках. С другой стороны, лингвистические данные показывают, что для современной англосаксонской культуры характерны следующие скрипты:

хорошо, если человек может сказать то, что он думает, если он это хочет сказать
плохо, если человек не может сказать того, что он думает, если он это хочет сказать
хорошо, если люди могут знать, что другие люди хотят сказать

Первый из этих скриптов связан с нормой «свободы речи», хорошо проиллюстрированной, например, в книге [Carbaugh 1988]. Второй скрипт связан с культурной установкой на то, что называется по-английски *communication* и что связано с такими непереводаемыми английскими словами, как *message* и глагол *to mean*, или с выражением «Don't get me wrong». *Communication*, у которого нет эквивалента в русском языке, совсем не то же самое, что русское *общение*. В английских словах *communication*, *message* и *mean* (в указанном смысле) важно то, что люди «хотят сказать», а не то, что они в данный момент думают или чувствуют.

Это хорошо отражается в английском разговорном приеме, связанном со словом «right» как откликом на слова собеседника. В основном это слово значит: «я теперь знаю, что ты хочешь сказать, - это хорошо» (см. [Wierzbicka 2002]). В русских же разговорных откликах, таких, как «правда», «неправда», «это верно» и «это неверно», содержится установка на правду. Часто ответы, типичные для русской речи, прямо «отбрасывают то», что сказал собеседник - «без обиняков». Например, говорят «Неправда!», «Что вы!» или даже «Чушь!», «Чепуха!», «Ерунда!» и

тому подобное. Это резко отличается от англосаксонских норм разговора, и во многих случаях просто нет соответствующих слов и выражений в английском языке.

Русский философ Лосский приписывает русским «доброту», которая «свободна от фарисеизма: она есть непосредственное приятие чужого бытия в свою душу и защита его как самого себя», и он цитирует слова Кити, героини романа «Анна Каренина»: «Я не могу иначе жить как по сердцу». Он замечает:

Жизнь по сердцу создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условности, без внешней привитой вежливости» [Лосский 1991: 292].

Такое охарактеризование «русского человека» могло бы, наверное, быть отброшенным как самодовольная национальная мифология, если бы не тот факт, что слова, ключевые для этих рассуждений, - *душа* и *общение* – в самом деле выдающиеся черты русского языка и русской повседневной речи. Нужно также отметить, что отрицательное отношение к «внешней искусственной вежливости» отражено не только в частых критических замечаниях русских писателей о западной Европе, но также в роли, какую играют в русской речи такие положительные слова, как *искренний* и *искренность* и соответствующие им отрицательные слова, вроде *напускной*, *фальшивый*, *ложный*, *фарисейство* и тому подобные.

Говоря о русских сатирических описаниях западноевропейской «поверхностной вежливости», якобы «неправдивой, неискренней и притворной», Светлана Бойм, автор книги «Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia», пишет:

Качества, которые Достоевский любил и рассматривал как уникально русские, это «чистосердечность» и «искренность» [sincerity]. Вопрос такой: в чем русская искренность [sincerity] отличается от западной? Есть ли у нее другая история или, может быть, она отрицает историю? Сопоставительное изучение искренности [sincerity] как научная дисциплина еще не существует [Boym 1994: 99].

Но на самом деле не может быть «сравнительного изучения» «sincerity», так, как и не может быть сравнительного изучения «искренности», потому что *sincerity* - это английское слово, в котором выражено англосаксонское понятие, тогда как *искренность* - русское слово, в котором выражено русское понятие. То, что и возможно, и нужно - это сопоставительное изучение разных культурных скриптов, сформулированных в универсальных понятиях. Вопрос об отношении между культурой и историей, конечно, тоже важен, и он тоже может плодотворно исследоваться в рамках модели культурных скриптов.

Мы уже видели, что поляризованный характер русского скрипта о «правде» можно связывать с дуалистическими моделями русского православия. Точно так же русскую культурную установку на «общение» можно связывать с ролью «соборности» в православии (см. об этом

[Bulgakov 1976]). Русская «душа» - это не просто душа одного отдельного человека, но «душа», которая возникает и которая живет в общении с другими людьми. Как это выразил Пастернак в романе «Доктор Живаго», «человек в других людях и есть душа человека».

Русские писатели часто противопоставляли вездесущую русскую «душу» тому, что им представлялось западным «бездушием»; они также часто противопоставляли русскую любовь к «правде» тому, что они рассматривали как западный культ разума. Анжей Валицки в книге «History of Russian Thought» резюмирует такие взгляды следующим образом:

Естественный разум, или способность к абстрактному мышлению, - это только одна из умственных способностей, и совсем не самая высокая: ее одностороннее развитие обедняет человеческие способности к непосредственному интуитивному пониманию правды. Только вера (...) может обеспечить цельность души. (...) Западное мышление повсюду заражено неизлечимой болезнью рационализма [Walicki 1979: 103].

Подозрительное отношение к «рационализму» тесно связано с любовью к таким ценностям, как «душа», «общение» и «правда».

11. Заключение

Итак, как я пытаюсь показать в этой работе, «душа» связана в русской культуре с «правдой», и оба эти понятия в некотором смысле противопоставлены «разуму» как органу «абстрактного мышления». Нужно еще раз подчеркнуть, что «правда», о которой здесь идет речь, - не абстрактная и безличная правда, а правда, которая процветает в человеческой речи, в искреннем общении людей не с «открытым умом» («an open mind» - выражение, не существующее в русском языке), а с «открытой душой» («an open soul» - выражение, не существующее в английском языке), то есть душой, открытой для других людей.

В романе Солженицына «В круге первом» майор внутренних дел Адам Ройтман, у которого карьера на службе не потушила интерес к науке, разговаривает с заключенным Рубиным, который работает над трудной задачей по прикладной фонетике:

– Лев Григорьич! Я сгораю от любопытства - что вы выяснили? Это не только не было начальническим требованием, но сказано просительно, как если бы Ройтман боялся, что Рубин откажется поделиться. В минуты, когда душа Ройтмана открывалась, он был очень мил... [Солженицын 1968].

В английском переводе романа фраза «когда его душа открывалась» звучит так: «At moments when he was human...», то есть «когда он был [просто] человеком», так как невозможно перевести ее буквально. На этом примере хорошо видно, что с русской культурной точки зрения душа человека открывается, когда он показывает другим людям, что он думает и чувствует, и

когда он это делает спонтанно, не задумываясь, только потому, что он хочет высказать то, что он думает и чувствует. Но, разумеется, есть много других способов «вести себя по-человечески»: ценить в людях как «человеческое» то, что они спонтанно открывают другим свою душу, характерно для русской культуры и далеко не универсально.

Например, с точки зрения малайской культуры (как ее описывает в ряде работ мой коллега Клиф Годард), основное правило в повседневной жизни с другими людьми такое: «до того, как что-нибудь скажешь, - подумай» (то есть «не говори ничего спонтанно»). Годард спрашивает: «Подумай о чем?» - и отвечает:

Во-первых (...) , нужно подумать, не покажешь ли ты сам себя в плохом свете, а во-вторых, что может почувствовать из-за твоих слов собеседник [Goddard 1997:189].

Культурное правило «jaga hati orang», то есть «беречь чувства других людей», запрещает, в частности, критиковать других людей.

Годард также замечает, что когда люди говорят то, что они думают, не задумываясь о том, как это может повлиять на других, их называют по-малайски «сумасшедшими в речи» («gila bahasa»). Англосаксонские скрипты отличаются и от малайских, и от русских скриптов. Например, с точки зрения англосаксонской культуры сказать человеку, что он постарел или потолстел, оценивалось бы как желание его обидеть. В общем, и с англосаксонской, и с малайской точки зрения возможное влияние наших слов на другого человека представляется часто более важным, чем правда или искренность.

Итак, в разных культурах и в разных языках отражаются разные иерархии ценностей. Область «правды» представляет собой яркий пример таких различий.

Русское понятие «правда» сосредоточено на *намерении* говорить правду *другим людям*, и оно связано с желанием открыть другим людям свои мысли и чувства - несмотря на возможное воздействие такого поведения на других людей. Оно связано с такими ключевыми русскими концептами, как *общение* и *душа*. Взятые вместе, эти ключевые слова указывают на некоторые культурные скрипты. Использование универсальных понятий позволяет нам сделать эти скрипты понятными для людей из других культур. Мне кажется - и я надеюсь - что таким образом семантика может не только служить поискам истины, но и быть полезной для взаимопонимания людей из разных культур и разных стран.

Литература

В. Апресян 2000 – В. Ю. Апресян. «Неправда» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. Под рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 223—229.

Апресян 1974 – Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

- Арутюнова 1991 – Н. Д. Арутюнова. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 21—30.
- Арутюнова 1995 – Н. Д. Арутюнова. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 7—23.
- Бахтин 1963 – М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1963.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Даль 1977 – В. Даль. Пословицы русского народа. Leipzig, 1977.
- Достоевский 1980 – Ф. М. Достоевский. Нечто о вранье. Дневник писателя. 1873 // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 117—125.
- Жолковский 1964 – А. К. Жолковский. О правилах семантического анализа // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Т. 8. М., 1964. С. 17—32.
- Кронгауз 1993 – М. А. Кронгауз. Семантика русского глагола и его словообразовательные возможности // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. № 1. С. 15—36.
- Левонтина 1995 – И. Б. Левонтина. Звёздное небо над головой // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 32—35.
- Лосский 1991 – Н. О. Лосский. Условия абсолютного добра. М., 1991.
- Лотман, Успенский 1994 – М. Ю. Лотман, Б. А. Успенский. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 219—253.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка - Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. Под рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Солженицын 1968 – А. И. Солженицын. В круге первом. London, 1968.
- Солженицын 1972 – А. И. Солженицын. Нобелевская лекция 1970 года по литературе. Possev-Verlag, 1972.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., 1950—1965.
- Шатуновский 1991 – И. Б. Шатуновский. «Правда», «Истина», «Искренность», «Правильность» и «Ложь» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 31—37.
- Bogusławski 1966 – A. Bogusławski. Semantyczne pojęcie liczebnika. Wrocław, 1966.
- Bogusławski 1970 – A. Bogusławski. On Semantic Primitives and Meaningfulness // Signs, Language and Culture. Proceedings of a conference held in Kazimierz, 1966. The Hague: Mouton, 1970. P. 143—152.
- Boym 1994 – S. Boym. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge Mass: Harvard University Press, 1994.
- Bulgakov 1976 – S. Bulgakov. A Bulgakov Anthology / Ed. by. J. Pain, N. Zernov. Philadelphia, 1976.
- Carbaugh 1988 – D. Carbaugh. Talking American: Cultural Discourses on Donahue. Norwood, NJ, 1988.
- Geertz 1976 – C. Geertz. The Religion of Java. Chicago, 1976.
- Goddard 1997 – C. Goddard. Cultural Values and ‘Cultural Scripts’ of Malay (Bahasa Melayu) // Journal of Pragmatics. 1997. Vol. 27. № 2. P. 183—201.

- Goddard 1998 – C. Goddard. *Semantic Analysis: A Practical Introduction*. Oxford, 1998.
- Goddard 2001 – C. Goddard. Sabar, Ikhlas, Setia – Patient, Sincere, Loyal? Contrastive Semantics of Some ‘Virtues’ in Malay and English // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. P. 653—681.
- Goddard, Wierzbicka 1994 – C. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam, 1994.
- Goddard, Wierzbicka, in press – C. Goddard, A. Wierzbicka (eds.) *Meaning and Universal Grammar*. Amsterdam (в печати).
- Kramer 1997 – A. Chekhov. *Chekhov’s Major Plays*. «Ivanov», «The Seagull», «Uncle Vanya», «The Three Sisters» / Transl. by K. Kramer. Lanham, Md.: University Press of America, 1997.
- Kramer, Booker 1997 – A. Chekhov. *Chekhov’s Major Plays*. «The Cherry Orchard» / Transl. by K. Kramer and M. Booker. Lanham, Md.: University Press of America, 1997.
- Milton 1990 – J. Milton. *The Oxford Authors: John Milton* / Ed. by S. Orgel, J. Goldberg. Oxford, 1990.
- Mondry, Taylor 1992 – H. Mondry, J. Taylor. *On lying in Russian* // *Language and Communication*. 1992. Vol. 12. № 2. P. 133—143.
- Oxford Companion to Philosophy* 1995 – *Oxford Companion to Philosophy* / Ed. by T. Honderich. Oxford; New York, 1995.
- Pesmen 2000 – D. Pesmen. *Russia and Soul: An Exploration*. Ithaca: Cornell University Press, 2000.
- Taylor 1995 – Ch. Taylor. *The Dialogical Self // Rethinking Knowledge: Reflections Across the Disciplines* / Ed. by R. F. Goodman, W. R. Fisher. Albany: State University of New York Press, 1995.
- Walicki 1979 – A. Walicki. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism* / Transl. from Polish by H. Andrews-Rusiecka. Stanford, CA: Stanford University Press, 1979.
- Wierzbicka 1992 – A. Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations*. New York: Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka 1996 – A. Wierzbicka. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Wierzbicka 2002 – A. Wierzbicka. *Right and Wrong: From Philosophy to Everyday Discourse* // *Discourse Studies*. 2002. Vol. 4. № 2. P. 225—252.

**ТЕТРАЛОГИЯ «ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТУ»
ИЗ НОВГОРОДСКОГО КОДЕКСА XI ВЕКА**

Настоящая работа продолжает серию публикаций [Зализняк, Янин 2001; Зализняк 2002], содержащих результаты прочтения Новгородского кодекса 1 четверти XI века — триптиха из трех навощенных дощечек с сохранившимся текстом, найденного 13 июля 2000 г. в ходе работ Новгородской археологической экспедиции под руководством В. Л. Янина.

Из общих сведений о кодексе укажем лишь самое важное (подробнее см. [Зализняк, Янин 2001]).

Кодекс содержит четыре восковых страницы (внешние поверхности первой и третьей дощечек служат обложками). Язык кодекса — старославянский, с восточнославянскими ошибками в передаче юсов. Графика — одноеровая: вместо њ и њ используется только њ. Почерк единый во всем кодексе.

Кодекс содержит два рода текстов: 1) основной текст (два псалма) — легко и надежно читаемый (за вычетом отдельных букв) текст на воске; 2) «скрытые» тексты (псалмы и другие сочинения религиозного содержания) — восстанавливаемые с чрезвычайным трудом и без полной надежности; это тексты, непосредственно процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на деревянной подложке воска, возникавших при письме по воску. Общая длина скрытых текстов во много раз больше, чем длина основного текста.

Изучение скрытых текстов кодекса велось: 1) по оригиналу; 2) по фотографиям; 3) по сканировкам фотонегативов, выведенным на монитор компьютера; 4) по сканировкам оригинала (после его консервации), выведенным на монитор компьютера. Первый из этих вариантов изучения был ограничен коротким периодом, предшествующим передаче досок в работу по консервации дерева. На настоящий момент наибольшая информация получена третьим из этих способов.

Реставрация памятника осуществлена В. И. Поветкиным. Фотографирование оригинала выполнено Е. В. Гордюшенковым. Сканированием негативов фотографий мы обязаны В. В. Гатову и А. И. Чернову, сканированием оригинала (после консервации) — С. В. Трояновскому. В марте 2002 г. используемые нами сканировки были дополнительно обработаны под руководством проф. Алана Боумана в Центре изучения древних документов Оксфордского университета по программе улучшения видимости надрезов.

Основной текст Новгородского кодекса опубликован в [Зализняк, Янин 2001]. Что касается скрытых текстов, то их прочтение представляет собой столь сложную и медленную операцию, что они публикуются частями по мере продвижения этой работы.

Одна из наиболее интересных частей общей совокупности скрытых текстов Новгородского кодекса — сочинение, состоящее из четырех отдельных статей («тетралогия»), о постепенном движении людей от тьмы язычества через ограниченное благо Моисеева закона к свету учения Христа. Ему можно дать условное название «От язычества к Христу».

Четыре статьи тетралогии непосредственно следуют в кодексе друг за другом именно в том порядке, в котором приводятся ниже. В составе кодекса тетралогия непосредственно предшествует Псалтири (а именно, псалму 1). Статьи тетралогии в самом тексте кодекса не имеют названий, но среди различных записей, процарапанных на передней обложке, имеются четыре следующих друг за другом словосочетания, которые точно соответствуют по смыслу и по порядку этим статьям и, очевидно, использовались писцом в качестве их названий. Эти названия таковы:

ЗАКОНЪ МОИСЕОВЪ,
РАЗМАРѢЖЩЕИ И РАЗМИРѢЖЩЕИ,
АРХАНГѢЛЬ ГАВРИИЛЬ,
ЗАКОНЪ І҃са Х҃СА.

К сожалению, исконное начало тетралогии выявить не удалось: текст первой статьи, которым мы располагаем, начинается, по-видимому, с одной из срединных фраз.

Из четырех статей тетралогии последняя опубликована в [Зализняк, Янин 2001], предпоследняя — в [Зализняк 2002]. Непосредственная цель настоящей работы — публикация двух первых ее статей. Но ради сохранения цельности всего произведения мы даем здесь все четыре статьи.

Публикуемый старославянский текст — это донныне неизвестное (ни в славянской, ни в греческой традиции) сочинение. Тем самым оно несомненно представляет чрезвычайный филологический и историко-культурный интерес. Оно явно отражает некоторую неканоническую разновидность христианской традиции. Можно предполагать, что это течение не получило дальнейшего развития, будучи преследуемо господствующей церковью, и именно поэтому неканонические тексты Новгородского кодекса не обнаруживаются среди дошедших до нас средневековых богословских сочинений.

Очень своеобразна также система изобразительных средств этого произведения, резко отличающая его от ныне известного корпуса старославянских текстов.

Однако в настоящей работе мы не ставим перед собой задачи дать анализ этого необычного памятника. Это слишком сложная задача, чтобы пытаться объединить ее в рамках статьи с самой публикацией; к тому же для ее решения, очевидно, потребуются усилия специалистов различных профилей. Достаточно того, что в данном случае само установление текста памятника сопряжено с серьезнейшими трудностями (обсуждаемыми ниже).

Есть веские основания полагать, что неизвестному автору тетралогии принадлежит, кроме того, несколько других сочинений, входящих в число скрытых текстов Новгородского кодекса, и что все они представляют собой оригинальные славянские произведения, а не переводы. Но обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи.

В том, что касается языковых особенностей рассматриваемого памятника, отсылаю к статье [Зализняк, Янин 2001: 6–10], где проанализирован основной текст Новгородского кодекса (на воске). Следует отметить, однако, что по причинам, которые будут ясны из дальнейшего, для лингвистического анализа скрытые тексты представляют собой менее надежный объект, чем основной текст.

Специфика работы над скрытыми текстами Новгородского кодекса

Задача публикации скрытых текстов Новгородского кодекса сопряжена с совершенно особыми трудностями, отсутствующими при обычной публикации древнего текста. Чтобы не ввести читателя в заблуждение, здесь безусловно необходимы предварительные разъяснения по поводу специфического характера работы над этой частью содержания кодекса. Хотя этот вопрос уже рассматривался в работе [Зализняк 2002], было бы рискованно ограничиться в столь важном пункте простой отсылкой; поэтому ниже мы вновь излагаем суть проблемы.

Трудность чтения скрытых текстов Новгородского кодекса определяется прежде всего тем, что отпечатки букв на дереве плохо видимы. Эти отпечатки возникали в силу того, что острый конец стилоса (писала) продавливал воск (иногда практически на полную глубину его слоя) и оставлял на мягком дереве (липе), служившем подложкой для воска, легкие вмятины или даже царапины. Когда в ходе реставрации памятника восковое покрытие досок было снято, эти вмятины и царапины стали доступны наблюдению. Однако эти следы как правило крайне слабы, и их очень трудно отличить от естественных трещин и неровностей поверхности дерева.

Но еще бóльшую трудность для прочтения, чем слабость отпечатков на дереве, составляет то, что воск кодекса заполнялся сменяющими друг друга текстами много раз и все возникавшие при этом наборы отпечатков на дереве наложены друг на друга. Иначе говоря, Новгородский кодекс представляет собой палимпсест. Однако от обычных палимпсестов (где наложено друг на друга два-три текста, изредка несколько больше) он отличается тем, что «слоев» в нем во много раз больше. Этот особый частный случай палимпсеста можно назвать гиперпалимпсестом. Работа с Новгородским кодексом аналогична, таким образом, попытке прочтения копировальной бумаги, использованной много раз.

Дополнительная трудность по сравнению с классическим палимпсестом состоит в нашем случае в том, что почерк во всех слоях записи один и тот же, поэтому разделение слоев на основании почерка здесь невозможно.

Нам неизвестны какие-либо прецеденты прочтения гиперпалимпсестов. Соответственно, не было возможности применить здесь какую-либо готовую методику и приходилось самостоятельно вырабатывать и самые приемы работы. В дальнейшем исследователи, вероятно, найдут более эффективные приемы, но пока что мы можем предложить только то, что удалось достичь, двигаясь ощупью и действуя методом проб и ошибок.

Из-за взаимного наложения множества отпечатков поверхность досок представляется испещренной бесчисленным количеством прямых и кривых, пересекающихся и переплетающихся друг с другом. Они создают впечатление сплошной сетки, покрывающей всё поле, которая воспринимается глазом как общий фон, не несущий никакой информации, т. е. функционально равносильный пустоте. Отсюда реакция многих впервые знакомящихся с документом: «на досках никаких следов букв вообще нет».

В самом деле, человек автоматически ищет глазом контуры букв, исходя из того, что хотя бы какие-то буквы выступят пусть слабо, но всё же в привычном для нас чистом виде, т. е. отдельно от соседей, с полностью видимым собственным контуром и без лишних штрихов. Но в данном случае даже одну такую букву отыскать почти невозможно: непременно окажется, что прямо на нашу букву или совсем рядом с ней попала еще одна или несколько других. Отсюда первое впечатление, что нет ничего, что могло бы быть надежно опознано как буква.

Лишь после долгих часов работы глаз начинает привыкать к специфике документа и различать отдельные буквы и целые слова. Длительная работа с документом создает определенный навык, несколько убыстряющий рабочий процесс. Но даже при наличии навыка работа остается исключительно трудной и продвигается крайне медленно.

Необходимо указать также еще одну удивительную особенность Новгородского кодекса, которая весьма существенна для работы по его прочтению. Она состоит в том, что писец здесь почти все тексты записывал по нескольку раз (стирая предшествующую запись того же текста). Тем самым кодекс представляет собой не просто древнейший список некоего сборника сочинений, а целый веер таких списков. Начало новой записи некоторой статьи может находиться как там же, где у предыдущей записи, так и в другом месте кодекса. (Понятие «предыдущая запись» употребляется условно, поскольку истинная хронологическая последовательность записей в гиперпалимпсесте нам неизвестна.) О причинах такого способа действий писца мы можем только строить догадки. Возможно, в частности, что его действия были исполнением некоего религиозного обета (известна средневековая практика многократного переписывания псалтыри или иного религиозного текста по обету) или просто реализацией его представлений о долге благочестия.

С практической точки зрения целесообразно различать разноместные списки одного и того же текста и так называемые «дубли» (хотя строгой границы между ними и нет). Разноместные списки расположены на разных страницах или на разных участках одной страницы. Под дублями понимаются повторения одного и того же текста практически на одном и том же месте. Иногда два дубля идут буквально буква в букву, так что контуры букв как бы удваиваются. Но чаще между дублями имеется все же некоторый сдвиг по горизонтали и/или по вертикали (соответственно, мы различаем горизонтальные и вертикальные дубли).

Указанные обстоятельства создают совершенно особую ситуацию, в которой прочтение текста в обычном смысле слова (т. е. в таком, как для нормальных рукописей) вообще невозможно. Соответственно, нашу работу следует рассматривать как реконструкцию текста, а не как его прочтение в обычном смысле (и лишь ради облегчения формулировок мы позволяем себе ниже говорить о прочтении).

Понятно, что при столь трудных условиях чтения очень остро стоит вопрос о степени надежности произведенной реконструкции.

Классической проверкой здесь, конечно, послужила бы полностью независимая реконструкция, произведенная другим исследователем: степень совпадения двух реконструкций послужила бы критерием их надежности. К сожалению, в данном случае значимый результат может быть получен только при условии такой огромной затраты времени и такого напряжения сил, что найти профессионально подготовленного исследователя, готового в качестве эксперимента прочесть независимо уже один раз прочтенную совокупность текстов, предельно трудно, если вообще возможно.

Практически возможен лишь эксперимент, ограниченный совсем кратким текстом, допустим, одной фразой или частью фразы (при том, что даже и такой эксперимент требует не часов, а дней). Цель эксперимента в этом случае состоит по существу уже не в том, чтобы получить более надежное чтение некоторого скрытого текста, а просто в том, чтобы установить, могут ли два человека независимо друг от друга получить — хотя бы на короткой дистанции — одинаковый результат чтения. В случае успеха такой эксперимент снимет сомнения в том, можно ли вообще в данном тексте что-либо прочесть.

Эксперимент этого рода был осуществлен в октябре 2001 г. с помощью женевской русистки Изабель Валлотон, которая уже в течение длительного времени принимает активное участие в работе с Новгородским кодексом и приобрела в этой работе значительный опыт.

Вначале ей было продемонстрировано мое прочтение нескольких строк скрытого текста из трактата «О девстве» Иоанна Златоуста. Продемонстрированный отрезок обрывался на словах: **какъ хсовъ блаженни хощетъ невѣствоводитель рекъи запрѣщаѣ въ за мжъ дѣвж.** Она должна была продолжать чтение с этой точки, уже более не зная моего прочтения (и не пользуясь греческим текстом трактата; что же касается его славянского перевода, то он вообще неизвестен). В результате этого эксперимента (заявшего три дня) она предъявила следующее продолжение этой фразы: **чистж прѣдъстоати хсоу.** Это прочтение совпало с тем, которое за несколько месяцев до того было получено мною, буква в букву.

Попытаемся описать в основных чертах специфику работы над восстановлением текста в указанных экстремальных условиях.

Главная особенность, отличающая скрытые тексты нашего кодекса от нормальных рукописей, состоит в том, что просто воспроизвести все видимые на доске (скажем, в выбранной нами строке) буквы, прежде чем пытаться осмыслить их как текст, в нашем кодексе совершенно нереально. В каждой точке взятой строки глаз может усмотреть сразу несколько разных букв. Попытка выстроить все, что видно в строке, в какую бы то ни было линейную последовательность обречена. Нереально даже выстроить их в цепочку из n позиций, где каждая позиция содержит несколько альтернативных букв, — поскольку буквы видны во всех точках строки и неизвестно, сколько надо выделить позиций и как отграничивать их одну от другой.

Поэтому, как это ни абсурдно звучит, для строки нашего кодекса, в отличие от любой нормальной рукописи, практически бессмысленно ставить вопрос: «Что написано в данной строке?» В ней написано так много разного, что полный список всех содержащихся в ней фрагментов текста мы скорее всего не установим никогда.

Осмысленна только следующая постановка вопроса: «Усматривается ли в числе всего того, что написано в данной строке, фраза А (или, уже, словоформа В)?». Практически такой вопрос всегда ставится еще более узко: в частности, словоформа В должна начинаться в строго определенной точке строки (а именно, той, докуда дошло наше прочтение), буквы в ней должны стоять на определенных дистанциях друг от друга (а именно, таких же, как в уже прочтенной части текста). На такой вопрос в нормальном случае обследование соответствующего участка страницы уже приносит определенный ответ: да или нет.

Пример. Допустим, в некоторой строке нам уже удалось прочесть *о пишемыхъ*. Мы можем поставить перед собой следующий вопрос: не является ли следующей словоформой (того же текста) *книгахъ*? Такой вопрос особенно легко может возникнуть, если, например, на первой позиции после *о пишемыхъ* мы замечаем среди прочих отпечатков букву *к* или на третьей — букву *н*. Проверяем. Если на уже известных нам по предыдущему тексту дистанциях в каждой из

соответствующих 8 позиций среди других отпечатков усматривается также и отпечаток нужной для нашей гипотезы буквы, результат проверки считается положительным: словоформа *кънигахъ* в данном месте страницы усматривается.

К сожалению, это еще не обязательно означает, что писец некогда в этом месте действительно написал *о пишемыхъ кънигахъ*. Не полностью исключено все же, что словоформа *кънигахъ* у нас здесь «паразитическая», т. е. она либо относится к какому-то другому слою записи, либо вообще составила случайно из отпечатков букв, принадлежащих разным слоям и разным словам. Таким образом, мы получили возможное прочтение, но все же не обязательно истинное. Его можно обозначить как «локально удовлетворительное».

Разумеется, локально удовлетворительных прочтений может найтись несколько. Каким же образом выяснится, какое из них истинное? В принципе это должно произойти при дальнейшем движении по фразе. Паразитическое решение в подавляющем большинстве случаев должно прийти в противоречие с продолжением текста, и тем самым выявится его неистинность. В одних случаях это произойдет уже на следующем ходу (например, из-за нарушения согласования и т.п.), в других — лишь через много ходов, когда обнаружатся более тонкие принципы организации текста, которые в данной точке нарушены.

Такова общая схема. В частности возможны различные отклонения от нее. Возможны также случаи, когда она приводит к ошибкам (см. ниже). Но нам существенно главное: единственный реальный путь продвижения вперед состоит в том, чтобы на основании уже пройденной части текста строить все правдоподобные гипотезы о ее возможных продолжениях и одну за другой их проверять. Если на каком-то отрезке проходит более одной гипотезы, необходимо исследовать каждую из образующихся таким образом ветвей возможных продолжений. По мере продвижения вперед ошибочные ветви будут рано или поздно отпадать, поскольку для них не найдется удовлетворительных продолжений. Какие-то из прежних гипотез, которые были локально удовлетворительны, окажутся неудовлетворительными в рамках более крупного целого и будут отброшены.

Подчеркнем, что все сказанное относится к тому, как продолжать чтение уже начатого текста. Вопрос о том, как начать читать некоторый текст (или, что почти то же самое, как вообще обнаружить само присутствие в кодексе определенного сочинения), — особый. Это неизмеримо более сложная задача. Никакой методикой для ее решения в общем виде мы пока, к сожалению, не располагаем. Присутствие в кодексе каждого из ныне уже выявленных сочинений было обнаружено лишь с определенным элементом случайности и удачи. (Тем самым есть все основания полагать, что в кодексе имеются и еще какие-то, до сих пор не обнаруженные сочинения.)

Итак, в отличие от нормальных рукописей, которые в принципе можно сперва переписать букву за буквой и лишь после этого приступить к анализу и осмыслению текста, в нашем случае

работа глаза оказывается нерасторжимо соединена с филологическим анализом. Более того, на работу глаза здесь приходится лишь небольшая часть той суммы усилий, которая необходима для успеха. Продвигаться вперед можно только строя гипотезы о скрытом за видимым месивом букв тексте (точнее, о том из текстов, который мы в данный момент реконструируем). Успех этого продвижения прямо зависит от эффективности нашего филологического анализа.

Заметим, что это обстоятельство, к сожалению, лишает нас надежды на будущее простое решение нашей проблемы с помощью той или иной усовершенствованной оптической техники. Действительно, можно надеяться на то, что такая техника сделает отчетливо видимыми все штрихи. Это будет очень важным шагом вперед; но необходимость распутывать результат взаимного наложения многих текстов при этом полностью сохранится (и какой-либо компьютерный способ решения такой задачи пока что вообразить не удастся).

Рассмотрим несколько подробнее вопрос о характере возможных ошибок реконструкции.

В описанных выше условиях появление в реконструкции некоторого числа ошибок против оригинала практически неизбежно. Основные источники возможных ошибок здесь таковы.

Первый тип ошибок состоит в неправильной идентификации отпечатка буквы. Понятно, что из-за неудовлетворительной видимости некоторые отпечатки букв могут быть опознаны неверно; например, если от буквы отпечатался только верх, то многие пары букв неразличимы. Это может привести к тому, что некоторое ошибочное прочтение будет расценено как удовлетворительное. А это, в свою очередь, увеличивает шанс на то, что исследователь пойдет в своих гипотезах по ложному пути и дольше будет на нем оставаться.

При опознании букв существует также риск ошибок чисто субъективного характера, когда исследователь, ведомый своей гипотезой, из-за чрезмерной уверенности в правильности своей догадки или просто из-за усталости невольно снижает тщательность проверки каждой отдельной буквы и в результате может попасть на ложный путь. Совсем избежать ошибок такого рода в описанных специфических условиях, по-видимому, невозможно. Можно лишь рассчитывать на то, что большинство таких ошибок в дальнейшем будет выявлено; и, разумеется, необходимо постоянно учитывать эту опасность в самом процессе работы.

Второй тип ошибок составляют такие паразитические прочтения, которые ни в чем не противоречат контексту и, следовательно, не могут быть опознаны как неистинные.

Типовые случаи здесь таковы. Прежде всего возможна конкуренция двух букв. Например, в слове 'оттоле' после *отътол* видно и *ѣ*, и *и*, т. е. конкурируют варианты *отътолѣ* и *отътоли* (равно допустимые в старославянском). Весьма существенный для нас частный случай состоит здесь в том, что могут конкурировать правильное старославянское написание и русизм, скажем,

слышати и *слышати*, когда после *ш* видно и *а*, и *▲* (или виден только верх от буквы, так что нельзя отличить *а* от *▲*).

Далее, возможна конкуренция морфем, например: *посадити* и *оусадити*. Часто она технически сводится ко все той же конкуренции двух букв, например: *размирѣти* и *размарѣти*; *Милонъ* и *Миронъ*.

Во всех этих случаях обе конкурирующие единицы в принципе допустимы в рассматриваемом тексте и контекст не дает оснований для однозначного выбора. Соответственно, в реконструкции таких точек непременно будет какая-то доля отклонений от того, что в действительности стояло в оригинале.

В этой связи следует специально остановиться на проблеме ошибок писца. Предположим, писец допустил опisku: вместо *подасть* написал *падасть* (с предвосхищением гласной следующего слога). Если, однако, среди букв, которые мы фактически видим здесь в позиции после *п*, наряду с *а* есть и *о* (а вероятность этого не так уж мала), то мы, конечно, реконструируем эту словоформу как *подасть*, а не *падасть*. В условиях нашего памятника поступить иначе мы просто не можем. Не можем даже позволить себе примечание о том, что здесь мыслимо и альтернативное чтение, предполагающее опisku: ведь тогда нашу реконструкцию пришлось бы сопроводить бесчисленным количеством таких примечаний.

Аналогичная ситуация возникает там, где конкурируют правильное старославянское написание и русизм (ср. выше). Здесь мы тоже вынуждены при реконструкции предпочесть первое, поскольку русизмов в целом несравненно меньше, чем правильных написаний.

Заметим еще, что в кодексе в сохранившемся тексте на воске есть случаи, когда писец затер уже написанную букву и на ее месте написал другую. Понятно, что в таких случаях на подложке отпечатались как прежняя, так и новая буква. Но по этим отпечаткам мы уже никогда не смогли бы восстановить, что именно здесь проделал писец. Мы даже не узнали бы, что эти два отпечатка принадлежат одной и той же записи.

Вообще, надежно выявить какую-либо ошибку писца мы можем только в особо благоприятных случаях. В прочих случаях ошибка имеет много шансов оказаться «исправленной». Таким образом, наша реконструкция неизбежно должна быть в некоторых точках «правильнее», чем оригинал; в частности, она должна содержать меньше русизмов, чем оригинал.

Наибольшую опасность паразитические прочтения представляют для текстов, ранее неизвестных. Если в уже известных сочинениях (например, в канонических текстах) они касаются лишь отдельных букв или слов, то в ранее неизвестном тексте в роли паразитического прочтения рискуют оказаться и более крупные отрезки текста. Особенно опасен в этом отношении конец периода, фразы, самостоятельной крупной части фразы. Если на это же место случайно приходится начало некоторого периода, фразы и т.п. из другого текста, не слишком

отличающегося от нашего по типу содержания и стилю, можно незаметно «перескочить» из одного текста в другой.

Следует отметить также еще одну специфическую трудность, связанную с существованием дублей. Она состоит в том, что из-за наличия дублей счет букв в словоформе может оказаться не вполне надежным. Допустим, мы дошли в прочтении текста до словоформы *земныхъ*. Если у нашего списка имеется дубль, сдвинутый против него на одну букву влево, то после *зем* может быть усмотрено не только *ъныхъ*, но и *ныхъ*, т. е. возникает возможность ошибочного прочтения *земныхъ*, без срединного *ь*. (В принципе в данной ситуации можно точно так же «потерять» и любую другую букву, но практически опасны именно такие случаи, как этот, — когда речь идет о выборе между двумя написаниями, каждое из которых в данном тексте с лингвистической точки зрения допустимо.)

Наличие параллельных списков, несильно сдвинутых по сравнению с изучаемым, в особо неблагоприятных случаях в принципе может приводить даже к потере словоформы или отрезка фразы — если в какой-то точке мы случайно перешли на список, сдвинутый на одно или несколько слов влево против нашего, не заметив этого из-за того, что с синтаксической и смысловой точки зрения такое «сокращение» не приводит к неправильности фразы. В частности, такая опасность реальна в тех случаях, когда в первоначальном тексте имеется цепочка однородных членов (и в особенности когда какое-то слово или словосочетание просто несколько раз повторено). И как и в прочих случаях, особенно уязвимы здесь ранее неизвестные тексты.

В силу всех перечисленных обстоятельств наша реконструкция не может достичь той степени надежности, которая характерна для воспроизведения текстов обычных рукописей. В каком-то числе деталей она, вероятно, отклоняется от подлинного текста. Особенно уязвимы отрезки малой длины, скажем, реконструкция окончания в *отъ землѧ*, *отъ земльѧ* или *отъ земля*, приставки в *посадити* или *оусадити* и т. п.

По этой причине наша реконструкция лишь с некоторой осторожностью может использоваться для лингвистических заключений, особенно в тех пунктах, которые существенным образом зависят от выбора всего одной буквы в некоторой точке словоформы. В то же время как литературное произведение текст восстанавливается вполне удовлетворительно. Таким образом, лингвист, к сожалению, извлечет для себя из нашей реконструкции меньшую пользу, чем литературовед или историк. С точки зрения лингвиста статус этого реконструированного текста отчасти сходен со статусом поздней копии: основная ткань текста сохранена, но какие-то детали, возможно, отклоняются от оригинала.

Мы рассмотрели способ движения вперед по некоторому списку того или иного сочинения. Но, как уже было сказано, в Новгородском кодексе сочинения, как правило, представлены не

одним, а несколькими списками. Мы видели, что это обстоятельство иногда создает дополнительные трудности при чтении. Однако гораздо весомее то преимущество, которое оно дает: мы получаем возможность сличения и перекрестной проверки параллельных списков и тем самым резко повышается степень надежности всей нашей работы. В частности, когда в некотором списке встречается сомнительное место, в большинстве случаев в составе кодекса можно найти и такой список, где это место читается удовлетворительно. Перекрестная проверка как правило позволяет также выявить и отбросить паразитическое чтение, возникшее в одном из списков (поскольку вероятность случайного появления одинакового паразитического чтения в двух разноместных списках вообще мала, а если речь идет не об одной-двух буквах, а о значительном отрезке, то просто близка к нулю). Особенно важную роль перекрестная проверка играет при реконструкции ранее неизвестных текстов; она позволяет, в частности, убедиться в том, что мы нигде не «перескочили» из одного текста в другой.

Благодаря перекрестной проверке в текстах, которые удалось прочесть по двум или более спискам, число ошибок реконструкции в конечном счете должно быть незначительно.

Нельзя ли в связи с этим вообще отбросить все сделанные выше оговорки о неполной надежности нашей реконструкции? К сожалению, все же нельзя. Действительно, сличение разных списков одного сочинения в принципе почти полностью решает проблему надежности реконструкции (если отвлечься от проблемы возможных разночтений и ошибок писца). Но, увы, только в принципе. Дело в том, что прочтение каждого следующего списка уже прочтенного один раз текста — это работа хотя и более легкая, чем первое чтение, но всё равно требующая огромной затраты труда и времени. Это значит, что между принципиальной возможностью проверить все неясные места по всем параллельным спискам и ее практическим осуществлением лежит неимоверное количество труда.

К настоящему моменту возможности корректировки по параллельным спискам удалось использовать лишь в очень ограниченной степени. Ни один скрытый текст еще не прочтен целиком по всем его выявленным спискам. Но и без этого работа заняла много месяцев — при том, что часть списков читалась с относительно большой скоростью, при которой вероятность ошибок существенно возрастает. Когда в эту работу будет вложено еще в несколько раз больше труда и времени, какие-то ошибки будут исправлены и нынешняя реконструкция улучшится. Но мы все же не сочли разумным откладывать обнародование каких бы то ни было результатов до этого отдаленного времени. Можно надеяться, что начатая работа будет продолжена силами других исследователей.

Таков комплекс специфических обстоятельств, которые читатель должен принять во внимание при оценке и использовании публикуемого текста.

Способ воспроизведения текста

Каждая из публикуемых статей (частей тетралогии) читалась по нескольким спискам (см. ниже указания при отдельных статьях). В чтении принимала участие также Изабель Валлотон: она проверяла мое первоначальное прочтение текста (частью по тем же спискам, которые использовал я, частью по другим), в результате чего были получены некоторые уточнения и коррективы.

Способ воспроизведения текста таков. Для каждой из статей один из изученных списков выбран (в значительной мере условно, поскольку списки обычно равноценны) в качестве основного. Однако мы воспроизводим не просто этот список со всеми его индивидуальными особенностями и дефектами, а результат сличения между собой всех прочтенных списков статьи. Дело в том, что в разных списках одной статьи текст почти полностью совпадает. Различия почти всегда сводятся лишь к тому, что в одних списках некоторая буква (или последовательность букв) читается относительно надежно, а в других ненадежно (или вообще не видна, например, из-за повреждений дерева). В таких случаях мы без специальных оговорок приводим чтение того списка (или списков), где буква видна достаточно хорошо; лишь некоторые примеры этого рода, которые почему-либо представляются заслуживающими особого внимания, оговариваются в примечаниях. Разночтения признаются только там, где каждое из расходящихся между собою чтений фиксируется относительно надежно. Такие расхождения (которых в данном тексте очень мало) указаны в примечаниях; в этих случаях в тексте дается (если специально не оговорено иное) чтение основного списка.

Заметим, что особенно часто возникает проблема «*л* или *л̄*», поскольку в скрытых текстах эти две буквы различить очень трудно. По общему правилу мы даем чтение того списка, где в данной точке буква видна достаточно ясно, не отмечая, что в прочих списках она выглядит двусмысленно. Но следует иметь в виду, что в данном случае в силу такой подачи смешение этих двух букв (свойственное, как ясно показывает основной текст на воске, нашему писцу) неизбежно предстает как нечто более редкое, чем это реально было в первоначальном тексте.

В некоторых точках разночтений и сомнительных местах изучались также показания дополнительных списков (обычно дублей), не включенных в приводимые при статьях перечни (поскольку они не читались подряд, а использовались только локально). Результаты таких дополнительных проверок указываются в примечаниях.

Текст воспроизводится с разделением на слова, но без добавления современных знаков препинания. Писец Новгородского кодекса разделял фразы (или более крупные единицы, например, стихи псалмов), разграфляя страницу ломаными линиями на секции. Мы передаем это членение с помощью знака `]`, который соответствует границе между секциями. К сожалению, этот элемент информации не вполне надежен, поскольку разграничительные линии,

принадлежащие читаемому в данный момент тексту, очень трудно отличить от «чужих» (само разделение на секции в разных списках одного и того же текста, по-видимому, одинаково — насколько можно судить по тем случаям, когда оно прослеживается относительно надежно). Как показывает основной текст на воске, в конце секции писец, кроме того, почти всегда ставил разделительное двоеточие. Но в скрытых текстах заметить следы двоеточия столь трудно, что мы предпочли вообще отказаться от попыток восстановления этого знака.

Чистые конъектуры (т. е. утраченные или совсем невидимые буквы) даются в круглых скобках. Ненадежно идентифицируемые буквы помечаются точкой снизу (в случае *у, ф, х, щ* — сверху). Но здесь следует оговориться, что в нашем случае мы вынуждены вообще исходить из более низкого порога надежности, чем при работе с обычными рукописями; в противном случае знак ненадежности пришлось бы ставить так часто, что он потерял бы практический смысл. Соответственно, мы по возможности ограничиваем применение этого знака. В публикуемом реконструированном тексте этот знак ставится только там, где буква читается неясно во всех изученных списках. Существенно также то, что мы обычно не применяем этот знак для многократно повторяющихся словоформ или морфем (где используемое нашим писцом написание хорошо засвидетельствовано). Наиболее полезным мы считаем использование данного знака там, где ненадежно читаемая буква несет большую информационную нагрузку, т. е. где от ошибки в ее прочтении существенно зависит смысл или лингвистическая характеристика текста.

Чтобы облегчить восприятие текста (и ссылки на него), мы разделяем его на так называемые «звенья», соответствующие фразам или крупным частям фраз, нумеруем их и даем каждое звено с новой строки.

Сведения о делении на строки в оригинале даются (с помощью знака |) только для основного списка.

Специально отметим, что в рамках некоторого списка при переходе с одной строки на другую иногда одна буква (изредка две) оказывается продублирована: она присутствует и в конце первой строки, и в начале второй. При этом в других списках того же текста, где граница строк проходит иначе, соответствующий отрезок записан без дублирования букв. Точную причину такого дублирования в каждом отдельном случае установить затруднительно; возможно, в частности: 1) что на поверхности воска лишняя буква была писцом затерта; 2) что последняя буква, видимая в строке, принадлежит какому-то другому тексту; 3) что при переходе на следующую строку мы в действительности перешли также в другой дубль. К счастью, для целей нашей реконструкции такое дублирование не имеет существенного значения, и мы лишнюю букву

в конце строки, подобно другим дефектам отдельных списков, просто не воспроизводим.

Возможны также случаи, когда при переходе на следующую строку мы вполне осознанно переходим в другой дубль, если он виден существенно лучше (как правило, это горизонтальный дубль со сдвигом в 1–3 буквы). Такие переходы специально не отмечаются (знак | ставится в этих случаях в точке начала новой строки).

В настоящей публикации местоположение той или иной строки скрытого текста в Новгородском кодексе указывается так: называется страница кодекса (от 1 до 4) и расстояние в миллиметрах от уровня верха данной строки (на ее левом краю) до левого верхнего угла заполненного воском ковчежца (прямоугольного углубления) на этой странице.

Поскольку форма ковчежца не вполне геометрически правильна, возможны затруднения в вопросе о том, какую именно точку доски следует считать левым верхним углом ковчежца. Принятые нами в последующих расчетах координаты этого угла (а именно, расстояние от него по вертикали до уровня самой верхней точки доски и по горизонтали до уровня самой левой точки доски) таковы: страница 1 — по вертикали 20,5 мм и по горизонтали 14,5 мм, страница 2 — 24 и 14,5, страница 3 — 18 и 19,5, страница 4 — 18,5 и 16.

Часть первая: «Закон Моисеев»

Как уже отмечено, исконное начало первой статьи не выявлено. Текст, которым мы располагаем, начинается с многократных повторений одной и той же фразы: *и кланѣтеса Велзевоулоу ѡзыкомъ своимъ и кланѣтеса Азраилоу ѡзыкомъ своимъ*. Точное число повторений неизвестно (вероятно, десятки раз); возможно, оно различно в разных списках. Поэтому ниже вместо многочисленных повторений дано многоточие, а сам ряд повторений условно символизируют три повторяющихся отрезка до многоточия и такие же три отрезка после него; повторяющиеся звенья помечены не номерами, как прочие, а латинскими буквами.

Статья «Закон Моисеев» была прочтена полностью или частично по следующим спискам (здесь и при последующих статьях сведения о списках, из которых были прочтены лишь одна-две строки, как правило опущены):

1) стр. 3 (от 91 мм) — стр. 4 (первая строка), 15 строк (14 + 1) — звенья 1х–14 (здесь и ниже звенья, предшествующие звену 1х, мы не учитываем);

2) стр. 4 (от 11 мм до конца), 37 строк — звенья 15–46;

3) стр. 3 (от 87 мм до конца), 17 строк — звенья 1х–14 (дубль списка 1);

4) стр. 4 (первые две строки) — звенья 13–14 (дубль списка 1);

5) стр. 4 (от 19 до 139 мм), 39 строк — звенья 15–46 (дубль списка 2).

В качестве основной выбрана совокупность списков 1 + 2.

Списки 1 и 2 прочтены мною, списки 3, 4, 5 — И. Валлотон.

1a (...) и кланѣете сѧ велзевулоу ѡзыкомъ своимъ

2a и кланѣете сѧ азраилоу ѡзыкомъ своимъ

b и кланѣете сѧ велзевулоу ѡзыкомъ своимъ

b и кланѣете сѧ азраилоу ѡзыкомъ своимъ

c и кланѣете сѧ велзевулоу ѡзыкомъ своимъ

c и кланѣете сѧ азраилоу ѡзыкомъ своимъ

.....
x и кланѣете сѧ велзевулоу ѡзыкомъ своимъ |

x и кланѣете сѧ азраилоу ѡзыкомъ своимъ |

y и кланѣете сѧ велзевулоу ѡзыкомъ своимъ |

y и кланѣете сѧ азраилоу ѡзыкомъ своимъ |

z и кланѣете сѧ велзевулоу ѡзыкомъ своимъ |

z и кланѣете сѧ азраилоу ѡзыкомъ своимъ _|`

3 и кланѣете сѧ на вѣстокъ слѣнѣца

4 и кланѣете сѧ и противѣномуу

5 и кланѣете сѧ богомъ и кланѣете сѧ и е|ще _|`

6 поклоните сѧ и положите сѧ на ба _|`

7 разберѣте своиѧ шатѣры и положите ѡко | стоѡтъ

8 приходите и приношения | не потаите _|`

9 и отрока и пришѣлъца не | берѣте _|`

10 и зѧти не берѣте _|`

11 лише вельбоуды | берѣте _|`

12 а иного скота не берѣте ни еди|ного копыта

13 и рогата скота не берѣте _|`

14 и опрѣснѣкъ не коупите себѣ никогда же _|`

15 приходите и исплѣните сѧ опрѣснѣкъ

16 приходите и отѣберѣте себѣ товары _|`

17 ба помолите

18 вѣсѧ своиѧ животы и вѣсѧ | своиѧ котѣлы и товары съберѣте

19 шатѣры разберѣте и идѣте къ Моисею _|`

20 отѣтоли народи древѧны и камѧны | идолы вѣзѣмѣше

21 придошѧ къ моисею | и рѣшѧ емоу _|`

22 поиди и проси даровъ оу | господа и дастъ ти _|`

23 поиде моисеи на | горѣ синаискѡхъ и вѣзѣва къ господ|оу

24 и повелѣ емоу господъ раздѣлити | овѣца

25 и раздѣлишѧ овѣца и разведо|шѧ ѡ поразнѣ _|`

26 и ѡшѧ ' народи и питѣшѧ | сѧ отъ мѧсѣ овѣчихъ

27 и питѣшѧ дѣти | и питѣшѧ сѧ алъчѣщеи и питѣшѧ сѧ ра|би ихъ _|`

28 събѣравъ моисеи народы на горѣ синаисѣѣи

29 начѧтъ поочѧти народы | и полагаѣи законы

30 и полагаѣи оу|стаѣи и испраѣи и прочѣи строѣи и раз|логы
 31 и въсякыи оупраѣи и прочѣи оуро|кы и поконы .|
 32 и приѣшѣ народи законъ | моисеовъ .|
 33 моисеи же изиде из горы
 34 и за|прѣти въсходити на горѣ и чѣстити ид|олы .|
 35 орѣжие и лѣкы и стрѣлы и трѣбы | и прапоры
 36 поставите въ боѣниѣ | и оставите съхранити .|
 37 и шѣдѣше наро|ди троуждаахъ сѣ на полихъ и на ни|вахъ не покладаѣще рѣкъ
 38 и алѣчѣ|щѣи напитѣахъ и жаждѣщѣи напата|хъ
 39 и нищѣи накрѣмлаахъ и сирыи пр|изираахъ
 40 и немощныи исцѣлѣахъ | и маломощныи лѣчаахъ
 41 и жродивыи | почитаахъ и мрѣтвыи погрѣбаахъ |
 42 и тризны творѣахъ
 43 и жизньъ своѣ про|важдаахъ въ прохлаждении
 44 и призы|ваахъ идолы
 45 и не почитаахъ иса хса
 46 и не исплѣнаахъ завѣта его .|

Примечания.

6. В списке 3 и поклоните сѣ.

11. В списке 3 вельбѣды.

19. Из дополнительно изученных дублей в нескольких тоже *шатѣры*, в одном — *шатры*.

20. В словах *дрѣвѣны* и *камѣны* буква *ѣ* была проверена по нескольким дополнительно изученным дублям (поскольку в старославянском оригинале здесь, как можно предполагать, стояло не *ѣ*, а *ѣ*). Во всех списках, где видимость в соответствующей точке удовлетворительна, усматривается именно *ѣ*.

23. В списке 5 *възва*.

23. В списке 5 *къ гви*.

27. В списке 5 и *титѣи сѣ дѣти*.

37. Не исключено также словоделение *ишѣдѣше*.

39. В списке 5 *крѣмлаахъ*.

43. В списке 5 *жизнь*; из дополнительно изученных дублей в одном тоже *жизнь*, в нескольких — *жизнь*.

Часть вторая: «Размаряющие и размиряющие»

Текст статьи начинается с многократных повторений одного и того же словосочетания: *размарѣѣщеи и размиряѣщеи*. Точное число повторений установить не удалось (поскольку

невозможно гарантировать принадлежность всего ряда повторений к одному и тому же списку). При воспроизведении эти повторения оформлены так же, как в предыдущей статье.

Статья «Размаряющие и размиряющие» была прочтена полностью или частично по следующим спискам:

- 1) стр. 1 (от 23,5 до 135 мм), 36 строк — звенья 1х–34 (здесь и ниже звенья, предшествующие звену 1х, мы не учитываем);
- 2) стр. 1 (от начала до 13 мм), 5 строк — звенья 31–34;
- 3) стр. 2 (от 107 мм) — стр. 3 (до 84 мм), 34 строки (10 + 24) — звенья 1х–34;
- 4) стр. 3 (от 73 мм до конца), 19 строк — звенья 1х–19;
- 5) стр. 4 (от 10 до 75 мм), 17 строк — звенья 18–34.
- 6) стр. 4 (от 10 до 58 мм), 16 строк — звенья 20–34 (дубль списка 5).

В качестве основного выбран список 1.

Все указанные списки прочтены мною.

Смыкание с предыдущей статьей «Закон Моисеев» прослеживается по ее списку 4, где за последней фразой статьи непосредственно следует: + *размаряящие и размиряящие*.

- 1a + размаряящие и размиряящие
- b и размаряящие и размиряящие
- c и размаряящие и размиряящие
-
- x и размаряящие и размиряящие
- y и размаряящие и размиряящие
- z и размаряящие и размиряящие
- 2 и размаряящие и разбивающие
- 3 и раздирающие и разламающие
- 4 и размаряящие и размиряящие
- 5 и размѣтающие и разбивающие
- 6 и раздирающие и размиряящие
- 7 и раскажающие и раскалающие
- 8 и размиряящие и размаряящие
- 9 и разламающие и размиряящие
- 10 и размаряящие и размѣтающие
- 11 и раздирающие и разбивающие |
- 12 и раздирающие и раздымающие
- 13 и размиряящие и раздѣляющие
- 14 и раздымающие и раздѣляющие
- 15 и размаряящие и размиряящие
- 16 и раскажающие и раскаряящие
- 17 и разбивающие | и размиряящие
- 18 и ласкающие и не щадающие и не любящие

- 19 и въздиращеи | и съвазоуищеи
 20 и гонащеи и сочащеи | и силоуищеи
 21 и томашеи и дръжашеи |
 22 и стыдащеи и шатаищеи
 23 и даващеи | и шоумащеи
 24 и оутомляищеи и троуждаищеи друугъ друуга
 25 живи не быша люди́е .|
 26 едина писмена приемли́ще друу|ган подаи́ще и въздаи́ще .|
 27 велики́х | чьсть емоу въздаи́ще градоша люди́е |
 28 да множайшага слышатъ словеса хса |
 29 къ разоумѣи́щимъ и къ пришѣдъшимъ | къ немуо чловѣкомъ .|
 30 словеса сиа сло|веса бжиа
 31 земьныа чловѣкы къ хсоу | приведжтъ свтаа сиа словеса .|
 32 и тако речеть въ съпасение и събереть |
 33 съпаситель нашъ господъ исъ хсъ .|
 34 господъ нашъ и съпаситель рече .|

Примечания.

26. В списке 1 вместо *писмена приемли́ще*, по-видимому, по ошибке *писмена подаи́ще*; исправлено по другим спискам.

27. Вместо *градоша*, по-видимому, можно прочесть также *придоша*; прочие списки оснований для однозначного выбора тоже не дают.

Следует предупредить читателя, что в многократно повторяющемся исходе причастий *-щеи* в определенной части случаев буквы *e* и *и* читаются ненадежно, т.е. в принципе нельзя исключить, что в каких-то случаях стояло *-щеі*, *-щии* или *-щии*. Поскольку, однако, в скрытых текстах ни одного такого случая надежно засвидетельствовать не удалось, мы сочли целесообразным везде дать то *-щеи*, которое выступает во всех надежных случаях.

Часть третья: «Архангел Гавриил»

Статья «Архангел Гавриил» была прочтена полностью или частично по следующим спискам:

- 1) стр. 1 (от начала до конца), 47 строк — полный текст;
- 2) стр. 1 (от начала до конца), 35 строк — звенья 1–36;
- 3) стр. 3 (от 87 мм) – стр. 4 (до 114 мм), 49 строк (16 + 33) — полный текст;
- 4) стр. 4 (от начала до 36 мм), 11 строк — звенья 1–11;
- 5) стр. 4 (от 88 до 139 мм), 13 строк — звенья 2–14;
- 6) стр. 3 (от начала до 76 мм), 18 строк — звенья 38–53;
- 7) стр. 4 (от 67,5 до 117 мм), 16 строк — звенья 36–53 (дубль списка 3 в его заключительной части).

В качестве основного выбран список 1.

Списки 1, 3, 4, 6 прочтены мною, списки 2, 5, 7 — И. Валлотон.

Смыкание с предыдущей статьей «Размаряющие и размиряющие» прослеживается по ее спискам 1, 2, 3 и 5, где за последней фразой статьи непосредственно следует: + *азъ архангѣль Гаврииль пишиж молитвж* (при этом список 3 настоящей статьи есть просто непосредственное продолжение списка 3 предыдущей статьи).

- 1 + азъ архангѣль гаврииль пишиж молитвж |
- 2 сия словеса нашего съпасителя иса | хса |
- 3 просите и поите
- 4 и пригласите и напоите и опоустошите
- 5 и пригласите и очисти|те и отъпоустите
- 6 и пригласите и оживи|те и отъпоустите
- 7 и пригласите и приве|дѣте и съберѣте
- 8 и пригласите и оутѣши|те и почѣстите
- 9 и пригласите и наста|вите и оупросите
- 10 и пригласите и похва|лите и оусадите
- 11 и похвалите и съпа|сѣте и запасѣте
- 12 и пригласите и посѣти|те и оущедрите
- 13 и потрѣпите и хвалите |
- 14 и молитесѧ и каитесѧ
- 15 и мирите и грѣи|те
- 16 и размѣрите и размѣсите и пѣцѣ|те
- 17 и оутѣшите и оучите и тишите и по|трѣпите
- 18 и приложите и прикажите и | оупасѣте
- 19 и опростите и простите и поу|стите
- 20 и приходите и принесѣте и раз|дрѣшите
- 21 и съврѣшите и творите и спѣ|шите
- 22 и тешите и строите и пашите и сѣи|те
- 23 и мирите сѧ и грозите сѧ и тишите сѧ
- 24 и то|мите и ищите
- 25 и прогоните и исправите |
- 26 и проженѣте и разорите и разберѣте |
- 27 и съврѣшите и съставите и съберѣте
- 28 и | исплѣните и причѣтѣте и посѣлите
- 29 и о|правѣдите и исправите
- 30 и сътворите | и питаите
- 31 и въведѣте и исправите |
- 32 и пашите и сѣите и пожъните и пожъзѣте |
- 33 и ищите и съхраните и въздрадоуйте сѧ |

- 34 и размакъчите и отвърдите
 35 и съберѣте | и разведѣте и съведѣте
 36 и раздрѣшите | и разнесѣте
 37 и съпасѣте и пасѣте
 38 и наоучите и наставите
 39 и оутвърдите и възнаградите
 40 и поустите и проведѣте и простите |
 41 и сѣтите и оучите
 42 и разнесѣте и възнесѣте |
 43 и рачите и присѣтите и любите и ищите |
 44 и просите и молите и помъните и чѣстите _|_|
 45 нашего съпасителя иса хса чѣстите _|_|
 46 аще молитвѣ твоеи исъ хсѣ възшоцетъ | сѧ примѣсити _|_|
 47 вѣнегда молиши съпасителя иса хса _|_|
 48 даже и до краи можетъ да ти въсе _|_|
 49 вѣнегда начънетъ хотѣти исъ хсѣ | сѣтворити въси сиѧ словеса _|_|
 50 егда ма | зовеша _|_|
 51 съ радостиѣ понесѧ тѧжестъ | твоѣѣ _|_|
 52 понесѧ ѣѣ яко несоша тѧжести | апостоли _|_|
 53 опростиша сѧ съ въсеѣѣ тоѣѣ про|стотоѣѣ и сиротами тѣми _|_|

Примечания.

10–11. В списке 2 слова *и оусадите* и *похвалите* пропущены. (Но следует также считаться с возможностью того, что это не пропуск в оригинале, а результат незамеченного перехода в другой дубль при чтении.)

12. В списке 3 слова *и посѣтите* пропущены (но ср. также замечание по поводу предыдущего пропуска).

49. В списке 7 можно прочесть как *въси*, так и *въса*.

51. В списках 3 и 7 *понесѣѣ* (ср. *понесѧ* в списках 1 и 6).

52. Вместо *понесѧ ѣѣ* (как в списке 1), в списке 6 читается *понесѣѣ ѣѣ*, в списке 7 — *(н)он(е)сѣѣ* (без слова *ѣѣ*), в списке 3 — *понесѣѣ* (без слова *ѣѣ*).

52. В списке 7 можно прочесть как *та(ж)ести*, так и *та(ж)естъ*.

Специального замечания требуют многократно встречающиеся в тексте статьи императивные окончания *-ите* и *-ѣте*. В изученных списках довольно часто перед *те* видно как *и*, так и *ѣ*. Но ни одного случая, когда хотя бы в одном списке с полной определенностью стояло *-ите* на месте ожидаемого по общим правилам старославянской морфологии *-ѣте* или наоборот, не отмечено. В этой ситуации мы сочли оправданным давать в двусмысленных случаях то чтение, которое соответствует общим правилам (но тем самым в данном пункте приводимый текст не следует рассматривать как самостоятельное лингвистическое свидетельство).

Часть четвертая: «Закон Иисуса Христа»

Статья «Закон Иисуса Христа» была прочтена полностью или частично по следующим спискам:

- 1) стр. 1 (от начала до конца), 32 строки — полный текст;
- 2) стр. 2 (от 110 мм до конца), 11 строк — звенья 23–33;
- 3) стр. 3 (от начала до 119 мм), 37 строк — полный текст;
- 4) стр. 3 (от 135 мм) — стр. 4 (до 25 мм), 9 строк (3 + 6) — звенья 25–33;
- 5) стр. 4 (от начала до конца), 31 строка — звенья 1–26.

В качестве основного выбран список 1.

Все указанные списки прочтены мною, списки 1 (звенья 24–33), 3 (звенья 28–31) — также И. Валлотон.

Смыкание с предыдущей статьей «Архангел Гавриил» прослеживается по ее спискам 3, 6 и 7, где за последней фразой статьи непосредственно следует: *законъ да познаеши кръстигнъскаго наказаниа.*

Смыкание с последующим текстом, а именно, с началом Псалтири (псалмом 1) прослеживается по спискам 3 и 4 настоящей статьи, где за последней фразой статьи непосредственно следует: *ПЪСАЛЪМЪ А Блаженъ мжжъ иже не иде на съвѣтъ нечъстивыхъ.*

- 1 законъ да познаеши кръстигнъскаго нака|заниа _|
- 2 азъ есмь наказанъ въ спсение | наказомъ неземныхъ словесъ _|
- 3 сиа словеса _| |
- 4 азъ есмь таина несъказанънаа _| |
- 5 азъ есмь истина и законъ и пророци _| |
- 6 азъ есмь истина и пхть и стъза _| |
- 7 азъ есмь законъ и пророци и тдже сихъ _| |
- 8 азъ есмь истина и законъ и пророци _| |
- 9 азъ есмь истина съпасенаа и отърадна _| |
- 10 азъ есмь сжпржгъ избъраныи и любъзънь _| |
- 11 азъ есмь двъръ и истина и пхть и стъза _| |
- 12 азъ есмь тишина дша _| азъ есмь пристань _| |
- 13 азъ есмь сжпржгъ избъраныи и любъзънь _| |
- 14 азъ есмь таина несъказанънаа _| |
- 15 азъ есмь истина и законъ и пророци _| |
- 16 азъ есмь истина и таина несъказанаа _| |
- 17 азъ есмь истина и таина и законъ и пророци _| |
- 18 азъ есмь истина и законъ и пророци _| |
- 19 азъ есмь истина и законъ и пророци _| |

- 20 азъ есьмъ таина несъказанънаи _|` |
 21 азъ есьмъ истина и законъ и пророци _|` |
 22 азъ есьмъ истина и законъ и пророци _|` |
 23 азъ есьмъ истина и законъ и пророци _|` |
 24 азъ есьмъ истина и законъ и пророци _|` |
 25 сиа словеса иса хса _|`
 26 семоу работаимъ | а не идолъскоумоу слоужению _|`
 27 идолъскыѣ лъ|сти сътжаж сѣ _|`
 28 не избертъмъ поути погыбѣ|ли _|`
 29 въсѣхъ людии избавителѣ иса хса |
 30 въ въсѣхъ людѣхъ въсприимъшаго правъ|дж _|`
 31 идолъскыѣ лъсть разбивъшаго _|`
 32 и на зем|ли свое свое имѣ оукрѣпивъшаго _|`
 33 достоини бж|дѣмъ _|`

Примечания.

2. В списке 3 в слове *неземныхъ*, по-видимому, имеется паерок: *неземныхъ*. В других списках установить наличие или отсутствие паерка в этом месте не представляется возможным.

9. В списке 3 *отърадъна* (ср. *отърадна* в списках 1 и 5).

11. В списке 3 *стѣзѣ* (ср. *стѣзд* в списках 1 и 5).

24. В списках 3 и 5 фраза *азъ есьмъ истина и законъ и пророци* в этом месте текста выступает не четыре раза, а пять.

28. В списке 3 *пѣти*, в списке 4 *пѣти* (в списке 2 неясно).

32. В нескольких дополнительно изученных списках тоже *оукрѣпивъшаго* (с *-ивъ-*).

Приношу благодарность Изабель Валлотон за огромный труд, вложенный ею в прочтение скрытых текстов Новгородского кодекса.

Литература

Зализняк, Янин 2001 — А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // ВЯ. 2001. № 5. С. 3—25.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. *Азъ архангѣлъ Гавриилъ пишѣ молитвѣ* / Festschrift Lehfeltd (в печати).

SIGNIFICATIO, CONVENTIO, IMITATIO ET INVENTIO¹

1. «Où tout se tient»

Соссюр показал, что язык – это «un système rigoureusement agencé, où tout se tient»². Эта знаменитая, хотя и не совсем ясная цитата лежит в основе большей части лингвистических исследований двадцатого столетия, в частности в основе традиции порождающей грамматики, доминировавшей в американской лингвистике начиная с 1957 года, когда вышли «Синтаксические структуры» Н. Хомского. Эта традиция породила особо заразную форму идеи системности, которая в сжатом виде (без ссылок на источники) представлена в [1]:

[1] *Аксиомы системной лингвистики*

вхождение: язык – это когнитивная структура, строение которой обусловлено наличием универсалий и под-универсалий (параметров), контролируемая идеальным говорящим-слушающим, а не членами языкового сообщества или носителями культуры; язык неизменен в пределах одного сообщества;

система: системность в языке является всеохватывающей, все части языка одинаково мотивированы и интегрированы в систему; все части его совместимы и находятся в гармоническом соединении; употребление (речь) порождается системой и не представляет интереса; более крупные единицы получаются за счет сочетания функций из более мелких;

постоянность: язык в сущности неизменен во все времена и во всех исторических контекстах.

Если, как учил нас Соссюр, язык — это и в самом деле «un système..., où tout se tient,» тогда ее части должны находиться в равновесии и не испытывать потребности в изменении.

¹ Автор выражает благодарность Мире Бергельсон за перевод английского текста на русский.

² Знаменитая парафраза Соссюра в работе [Meillet 1936: 158].

Соссюр, как известно, пытался перевести проблему изменений из области *langue* (языка) в сферу *parole* (языковой деятельности, речи), но это лишь породило дополнительные вопросы: если *речь* способна подвергаться изменениям отдельно от *языка*, то как тогда быть с идеей о том, что *речь* всецело определяется *языком*? Зачем нужен *язык*, если изменения фактически происходят при употреблении, в процессе *речи*? Вопросы исторических изменений представляли проблему для Соссюра и остались такой же проблемой в хомскианской традиции. В современных подходах, где язык - это не просто система, но система, задаваемая универсалиями или устройством человеческого мозга, языковая вариативность и изменения между различными языковыми стадиями представляются просто непостижимыми. Чтобы как-то обойти неприятную проблему изменений, порождающая лингвистика была в сущности вынуждена пойти на признание относительности универсалий и позволить языкам принадлежать к разным типам (или «параметрам», см. [Franks 1995]). Тогда — как это изображено на схеме [2] — единственно допускаемые изменения происходят только между типами языков: язык, в одно время относящийся к типу /a/, что предполагает некий набор конкретных особенностей его употребления $\{[a_1], [a_2], \dots, [a_n]\}$, становится в другой момент времени языком типа /b/, что предполагает другой набор конкретных особенностей употребления $\{[b_1], [b_2], \dots, [b_n]\}$. Но если эти конкретные свойства в самом деле являются производными абстрактного языкового типа, тогда никакие градуальные изменения просто невозможны³. Не существует промежуточной стадии, на которой одни свойства относятся к одному типу, а другие – к другому. Как показано на диаграмме [2], не существует такой стадии смешанных свойств вида $\{[a_1], [b_2], \dots, [b_n]\}$, которая была бы промежуточной между двумя конечными стадиями.

[2] *Изменения как катаклизм в порождающей грамматике*

Стадия I

/a/ > $\{[a_1], [a_2], \dots [a_n]\}$

Стадия II

/b/ > $\{[b_1], [b_2], \dots [b_n]\}$

* $\{[a_1], [b_2], \dots [b_n]\}$

(невозможно, несовместимо ни с тем,

ни с другим структурными типами)

/a/ = принцип системы (*langue*)

[a₁] = факт употребления (*parole*)

³ См. [Lightfoot 1974, 1979, 1988, 1990, 1991]. Критикуя один конкретный подход к изменениям (детали этого подхода для нас не релевантны), Лайтфут отмечает, что «[это] оказалось похожим на охоту на диких гусей, которая привела лишь к выхолощенным дебатам о “градуальности» грамматических изменений и представлению о том, что грамматики не могут претерпевать радикальную реструктуризацию от одного поколения к другому» [Lightfoot 1988: 307]. Таким образом, для градуальности нет места. Как утверждается, градуальность – это побочный феномен, связанный с распространением изменений внутри языкового коллектива.

2. Трафареты и грамматика узуса (дательно-инфинитивные конструкции)

Такому подходу к языку мы можем противопоставить грамматику узуса, намеченную в схеме [3]. Суть ее состоит в том, чтобы позволить грамматике быть менее детерминистской, менее алгоритмической. При таком взгляде на вещи грамматика не обязательно должна исчерпывать все возможные контексты, и не все части грамматики имеют одинаковый статус; некоторые контексты — некоторые вещи, которые люди говорят, — окажутся в этой грамматике более вероятными, более центральными для речевого поведения, чем другие. Не все части грамматики должны быть согласованы между собой. Более крупные единицы, такие, как предложения, не обязательно должны алгоритмически строиться из более мелких. Эта грамматика не единообразна в разных своих частях, эти части могут быть устроены разным образом и не складываться ни в какое гармоническое единство. Скорее, она дифференцирована в зависимости от социального класса носителей языка, регистра (устного или письменного) или жанра.

[3] *Грамматика узуса [Живов, Тимберлейк 1997]*

вхождение: хотя язык представляет собой когнитивную структуру, он усваивается конвенционально; он служит инструментом, который держат в своих руках говорящие и слушающие в рамках определенной культуры, дифференцированной по параметрам, связанным с регистрами и социальным статусом;

система: грамматика состоит из «трафаретов»; она не является исчерпывающей; некоторые ее части более центральны, другие более периферийны; узус (*parole*) первичен, хотя и предполагает системные закономерности; «трафареты» усваиваются вместе с типичными для них лексическими единицами и соответствующими стилистическими значениями; «трафареты» не полностью разложимы на составляющие их элементы;

постоянность: язык различен в разные периоды своей истории и зависит от исторического контекста.

Для иллюстрации данного подхода к языку можно рассмотреть конструкцию дательного падежа с инфинитивом, характерную для раннего периода восточнославянского языка и (до некоторой степени) для современного русского языка. У этой конструкции имеется, по крайней мере, три явно различаемых варианта, представленные в [4].

[4] Варианты конструкции дательного падежа с инфинитивом

Современные параллели (перевод)

значение проспективной неизбежности:

Быти грому великому, итти дождю стрѣлами
съ Дону Великаго. [Слово о полку Игореве: 374]

Быти грому великому, идти дождю стрелами
с Дону Великого. [Слово о полку Игореве: 375]

значение условия (в вопросах):

Стополкъ же шканьныи помысли
въ совѣ рекъ • се оубиухъ Боріса
• **како бы оубити Глѣба.**
[ПСРЛ I, л. 46 об.]

Святополк же окаянный стал думать:
«Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?»
[Повесть временных лет: 151]

значение ретроспективной неизбежности:

ономоу о томъ не послушающю
ка • и како же многашьдыни отъ
великыа ярости разгнѣвати са
на нь и бити и [Усп. сб., 286]

*Но тот не слушал ее, и не раз,
придя в ярость и гнев, избивала она сына.*
[Житие Феодосия Печерского: 311]

Здесь я бы хотел отметить две вещи. Во-первых, трудно согласиться с тем, что дативно-инфинитивные конструкции могут быть получены в результате алгоритмического комбинирования составляющих. Дательный падеж занимает позицию подлежащего, по крайней мере семантически, но в современном синтаксисе нет места подлежащим в дательном падеже. (Предполагается, что подлежащее может остаться имплицитным, невыраженным, как подлежащее в предложении **како бы оубити Глѣба**). Более того, во всех современных синтаксических описаниях инфинитив находится в отношении подчинения с некоторой другой составляющей предложения, здесь же мы имеем дело с независимым инфинитивом. Во-вторых, дативно-инфинитивная конструкция имеет по крайней мере три функционально различных варианта, каждый из которых обладает собственной историей и собственной стилистической значимостью в современном русском языке. Архаичный вариант представлен в примере из «Слова о полку Игореве», он отсылает к модальной ситуации в будущем, обычно указывая на состояние, которое с неизбежностью должно наступить (или же – при отрицании – состояние, которое с той же неизбежностью не может наступить). Это значение представлено и в современном русском языке, но при этом оно оказывается стилистически окрашенным, ср. перевод предложения из «Слова о полку Игореве» или пример [5], которые трудно назвать стилистически нейтральными:

[5] *Гореть мне, Таня, в геенне огненной.*

Далее, дативно-инфинитивная конструкция используется с вопросительными словами. Она формулирует, или задает, вопрос о возможности совершения некоторого действия. Этот вариант

вполне продуктивен в современном русском языке и является при этом стилистически нейтральным (или, по крайней мере, лишь минимально окрашенным) — см. [6]:

[6] Куда мне идти? Куда девать вещи?

Стоит обратить внимание на то, что этот же вариант встречается как перевод дативно-инфинитивных конструкций в «Повести временных лет». Третий вариант конструкции описывает событие как неизбежный результат предыдущей ситуации. Этот вариант также имеет ограниченную сферу употребления; многие примеры организованы вокруг одного лексического глагола, *дивитися*. Рассматриваемый трафарет ассоциируется с пассажем из Евангелия (Мк 15: 5), в котором описывается реакция Понтия Пилата на отказ Иисуса отвечать на обвинения: **с же к томоу ничесоже не отъвѣшта. ѣко дивити сѧ пплатови** [Мар.: 179]. Славянский перевод калькирует греческую конструкцию с инфинитивом и именем в винительном падеже: \acute{o} $\delta\epsilon$ $\acute{\iota}$ ησοῦς οὐκέτι οὐδὲν ἀλεκρίθη, ὥστε θαυμάζειν τὸν Πιλᾶτον. На основе предложений этого типа, а, возможно, даже на основе данного конкретного предложения (в переводе с греческого) в сочинениях киевских авторов появляются имитации рассматриваемой конструкции (ср. **И въскорѣ извыче всѧ граматикѧ • ако же всѣмъ чюдити сѧ о премоудрости и разоумѣ дѣтица** в «Житии Феодосия Печерского» Нестора [Усп. сб., 28а]) и ее новые варианты (ср. [4] в «Житии Феодосия Печерского»). В литературе московского периода, с XIV по XVII в. она превращается в клише для обозначения неизменного и благоприличествующего восхищения, которое смиренные смертные испытывают перед земными явлениями божественной благодати: ср. в Московском своде (под 1310 г.) «Тое же зимы преставися блаженни архиепископъ Новгородьскыи Феоктисть, много пострадавъ богови в болѣзни. Во преставлении же его просвѣтися лице его яко солнце, яко *всѣмъ видящимъ дивитися* и славити бога. Положено же бысть честное тѣло его в монастыри Благовещения богородица» [ПСРЛ XXV, л. 204 об.–205]; в «Повести об Улянии Осорьбиной» XVII-ого века: «и всѣх обшиваше и всѣхъ нужных и болных всяцем добром назираше, яко всѣм дивитися разуму ея и благовѣрию» (Повесть об Улянии Осорьбиной: 99). Этот третий вариант дативно-инфинитивной конструкции не встречается в современном языке. Следует отметить, что в то время как пример с неминуемо неизбежным событием из «Слова о полку Игореве» может быть переведен на современный русский язык с помощью дативно-инфинитивной конструкции, в случае с примером ретроспективной неизбежности в «Житии» Нестора О.В. Творогов был вынужден при переводе на современный язык использовать простое предложение с глагольным сказуемым.

Очевидно, что каждый из трех (или более) вариантов дативно-инфинитивной конструкции имеет отличительные стилистические признаки, а их значения лишь слегка различаются (хотя они не вполне независимы друг от друга). Следовательно, значения и стилистические

характеристики данной конструкции не могут быть выведены как производное от соответствующих параметров, ее составляющих. Скорее, эти варианты — или *трафареты* (см. [Живов, Тимберлейк 1997]) — усваиваются как нечто единое, целокупное, включающее в себя в том числе и стилистические характеристики. Сказать, что они усваиваются как трафареты, не означает, что носители языка не осознают присутствия составляющих, так как на некотором уровне носители знают, что конструкция состоит из именной группы в дательном падеже, соответствующей субъекту личного глагола, и инфинитива. Существенно, что по крайней мере некоторые признаки этой конструкции усваиваются как признаки конструкции в целом. Значение и значимость этой конструкции не порождаются из чего-то более абстрактного. Сам узус и есть грамматика.

3. Imitatio/Inventio, Conventio

(интрузивное /r/ в американском английском;

палатализация велярных согласных в мазовецких диалектах польского)

Если узус – это грамматика, а грамматика – это узус, то как происходят языковые изменения? Самоочевидно, что язык меняется, меняя употребление; происходят изменения в узусе, и это и есть изменения в грамматике. Есть сильное искушение считать, что изменение языка должно быть вызвано изменениями в абстрактных грамматических признаках — при таком подходе изменения в узусе не могут произойти без предшествующих изменений в глубинной грамматике. Но, как было показано выше, эта линия рассуждений никуда не ведет. Мы неизбежно приходим к выводу, что, когда изменения происходят, они происходят в узусе.

Каким же образом происходят изменения? Что их вызывает? Языковые изменения, по самой своей сути, начинаются с процессов *имитации* (*imitatio*) и поддерживаются ими же. Примером может служить распространение «интрузивного связывающего /r/» в американском английском. Исходно в диалектах американского английского, распространенных на восточном побережье, согласный /r/, за которым не следует гласная, когда-то утратил ротированность, превращаясь в [ɹ]. Таким образом, вдоль всего восточного побережья Америки в слове *ear* ‘ухо’ люди произносят [iɹ]; в слове *dear* ‘голубчик’ они произносят [diɹ], а слово *poor* ‘бедный’ звучит как [pɹɹ]. Далее, в северной части диалектов, от Нью-Йорка до Бостона, этот полугласный [ɹ] исчезал, если предшествующий гласный был низкого подъема. Таким образом, в северных диалектах на месте стандартного американского *care* ‘заботиться’ получилось [kæ], вместо стандартного американского произношения предлога *for* в этих диалектах мы слышим [fɔ], а в слове *father* ‘отец’ произносят [faðɹ], во всех случаях без исходного согласного /r/ в конце слова.

Такова ситуация в позиции не перед гласной. В тех же случаях, когда рассматриваемая последовательность оказывалась в позиции перед гласной (в рамках словосочетания, требующего сандхи), исходный плавный консонант /r/ сохранился как связка: сочетание *care of* произносится как [kæɹ_ʌv], сочетание *for a (while)* сохраняет согласный [fɔɹ_ə], название двух видов транспортных средств *машина и грузовик, car and truck*, будет звучать [kɑɹ_ənd_ɟɹʌk], а выражение *father alone* ‘отец сам’ произносится [fɑðɔɹ_əlɒn]. В результате эти слова, которые исходно оканчивались на согласный /r/, получили два «контекстуальных алломорфа (дублетное сандхи)» — как их называют диалектологи [Kurath, McDavid 1961:171]. Например, слово *for* предполагает дублетные алломорфы—первый, /fɔ/, появляющийся в позиции перед согласным или в конце слова (/__ {C,#}), и второй, /fɔɹ/, появляющийся перед гласным (/__ V).

Все это является фоном для изменения. Само изменение состоит в распространении этой модели «контекстуальных дублетов». Диалектологи описывают его следующим образом: «На основе таких дублетов ... в восточной части Новой Англии и районе Нью-Йорка в словах, которые исторически оканчивались на гласные /ɔ, a, ə/, такие, как *law, ma, Martha*, возникают позиционные алломорфы с конечным /r/. Все эти слова исходно не имели конечного /r/. Однако, как комментируют диалектологи, «так получается, что мы слышим в *law and order* /lɔɹ_ənd_ɔdɔ/, вместо *ma and pa* - /mɑɹ_ən(d)_pɑ/, вместо *Martha and I* - /mɑθɔɹ_ənd_ɑi/» [Kurath, McDavid 1961:172]. На базе таких обусловленных сандхи дублетов, как /fɔ/ ~ /fɔɹ/, возникли новые дублеты, такие, как /mɑ/ ~ /mɑɹ/ (*ma*), /lɔ/ ~ /lɔɹ/ (*law*). Таким образом, между этими словами и непосредственно следующими за ними словами с начальным гласным слышится /r/, хотя эти слова никогда не включали никакого согласного /r/.

Здесь стоит сделать паузу и отметить, что данная инновация — это не что иное, как изменение по аналогии [Anttila 1977], или, как я предпочитаю называть это в данной работе, изменение, вызванное *имитацией*. А именно, один трафарет, описывающий употребление некоторых слов (чередование двух контекстных алломорфов, одного оканчивающегося на гласный, другого на /r/), был избран как модель для создания аналогичного узусного трафарета для других слов, оканчивающихся на похожие гласные. Однако важно отметить, что здесь имеет место изменение и что сам факт преобразования путем *имитации* уже есть изменение — то есть мы имеем здесь, используя другой знакомый из риторики термин, *инвенцию (inventio)*. В более общем виде можно рискнуть предположить, что любое изменение является до некоторой степени *имитацией* (никакая человеческая деятельность не обходится без попытки имитации известных моделей) и до некоторой степени *инвенцией* (оно ново, по крайней мере, в момент, когда оно происходит). Тогда мы можем расширить термин *имитация* так, чтобы он обозначал практически любой когнитивный процесс, который, начиная с одного явления — некоторого

трафарета или известного и конкретного события — приводит на основе знания об этом явлении к созданию нового похожего феномена (ср. понятие «абдукция» в [Andersen1972]).

[7] *imitatio et inventio*: на основе наблюдаемого сходства между известным исходным явлением и зависимым феноменом этот зависимый феномен приобретает одно или более дополнительных свойств источника, что создает потенциал для возникновения дальнейших сходств.

Схема развития интрузивного соединительного /r/, конечно же, хорошо известна. Но диалектологами [Kurath, McDavid 1961:172] отмечается и интерпретируется один факт, который может быть не столь самоочевиден: «Стоит отметить, что аналогичное «интрузивное» /r/ никогда не встречается после обычных верхне-глайдовых гласных /i, u, e, o/, как в *three, two, day, know*. Причина этого ясна: поскольку слова *three, two, day, know* /θri, tu, de, no/ оканчиваются не так, как алломорфы слов *ear, poor, care, four* /iə, ruə, keə, foə/, без фразово-конечного /r/, само основание для возникновения алломорфов на /r/ отсутствует». Это чрезвычайно важное наблюдение. Мы привыкли считать, что трафареты мотивированы естественными классами звуков. В этом отношении совершенно справедливо утверждение, что множество «широких гласных» — это естественный фонетический класс. Однако исключительно эти гласные получают интрузивное /r/ отнюдь не потому, что они являются широкими. Широкие гласные не обладают никакими специальными свойствами, которые бы способствовали появлению интрузивных согласных более, чем другие гласные. Причина, по которой широкие гласные являются средой для распространения интрузивного /r/, состоит исключительно в том, что это множество гласных уже абсорбировало полугласный [ə] и создало тем самым модель для интрузивного /r/. Новый узус возник как имитация старого (исходного) узуса, в подражание ему. И этот узус поддерживался по традиции, или — как я предпочитаю это называть здесь — по *conventio*, или *конвенции*. Мое определение *конвенции* см. в [8]:

[8] *конвенция*: формулирование правил языкового поведения на основе наблюдаемого узуса как *имитации* узуса языкового сообщества с целью поддержания непрерывности.

Схожие рассуждения обнаруживаются у Григория Нисского [Grégoire de Nysse 1966, De virginitate 12.2, строки 14-24] — правда, по отношению к другой человеческой деятельности (ср. понятия «навыки» в [Shapiro 1991] и «память» в [Гаспаров 1996]):

Ибо все, кто обладает способностью видеть, обладают и своей долей в солнечном свете. Однако находятся люди, которые по своей воле, отуманив свой взор, лишаются созерцания света. Не потому, однако, что солнце удалилось в иные места и оставило их во мраке, но потому что они сами, запорошив себе глаза, преградили себе доступ к солнечным лучам. И когда таким образом способность зрения лишена действия из-за запорошенных

глаз, это добровольное пребывание во мраке естественно превращается по отвычке от зрения в привычную силу мрака.

Для нас здесь важно замечание о том, что навыки создаются не внешними принципами (напр., охотой за удовольствием), а просто тем обстоятельством, что определенная деятельность повторяется.

Выделю еще раз принципиальный аргумент. Когда мы говорим о конвенции, важнейшим моментом является характер мотивации: носители языка поступают так не потому — или, в более осторожном варианте, в первую очередь не потому — что узус подчиняется некоторым типологическим закономерностям, или абстрактным структурам, или нейробиологическим моделям, обитающим в мозге носителей, или, наконец, системе обозначений, представляющих язык как алгебраическую систему. Узус преемственно воспроизводится, когда носители этот узус воспроизводят; обычно они делают это постольку, поскольку предшествующий узус является для них моделью, на основе которой они учатся, и поддержание узуса служит поддержанию культуры и сохранению данного коллектива. В рассматриваемом случае изменения, происшедшие с плавным консонантом /r/, довольно древние; по крайней мере исходная потеря консонанта произошла также на значительной части территории Англии, где это изменение очевидно относится к более раннему времени. Таким образом, «контекстуальные дублиеты» таких слов, как *care, father, for, Martha* находились в употреблении в течение достаточно длительного времени; их существование поддерживалось за счет *конвенции*.

Итак, выше было показано, что изменения осуществляются в результате двойного процесса *имитации* и *конвенции*. Мы показали также, что эти модели присутствуют в языке и обладают своей действенностью не благодаря каким-то внутренним свойствам, но потому что они суть традиционные части культуры. Возможно, это звучит парадоксально, но именно потому, что языковые трафареты конвенциональны, они могут выступать как образцы. Вследствие их конвенциональности они могут рассматриваться как необходимость, как нечто данное, и по этой причине способны служить образцами.

Стоит заметить, что *конвенция* вступает в действие практически сразу после того, как началось изменение. В процессе изменений — даже таких простых, как фонетические чередования — каждое следующее поколение имеет возможность наблюдать узус старших и принимать его как данность; иными словами, рассматривать его как *конвенцию*. В качестве иллюстрации рассмотрим палатализацию велярных согласных в мазовецких диалектах польского языка к северо-востоку от Варшавы [Zduńska 1965: 80–89]. В этих диалектах велярные согласные в позиции перед передними гласными находятся в процессе палатализации. Диалектолог, исследовавший эти диалекты, отмечает даже фонетические различия в большей или меньшей степени палатализации. (В [9] меньшая степень палатализации отмечена точкой после согласного, полная палатализация — акутом над согласным.)

Очевидно, что здесь мы наблюдаем сам процесс изменения, хотя в литературном польском языке и других областях Польши палатализация велярных прошла несколько веков тому назад.

Как следует из материала в [9], где представлены данные из села Журавка, в этом говоре наблюдаются вариации. Обобщенно можно сказать, что большая степень палатализации имеет место перед [i/i]; в этой позиции она наблюдается чаще, чем перед гласными среднего подъема ([ê], [e], [ɛ]), и полная палатализация до [k̑] или [g̑] происходит только перед гласными верхнего подъема [i/i].

[9] *Палатализация велярных на Мазовшьє:*
с. Журавка (к востоку от Варшавы)

контексты с чередованиями

цокес, ɥošk•e, droɥ•e, цоɥ•eń, veŋg•el

ɥuski, kaski, robaki, zmarscki, druɥi,

proɥ•i, roɥ•i, burak•i, xɥopak•i, moɥ•i

контексты без чередований

k•eɥbasa, kedıś~k•ediś, sek•era, evany•elja

g̑ipsu, k̑ij, sk̑iba

Различия могут зависеть от того, насколько гласный и согласный плотно привязаны друг к другу внутри слова. Так, в контексте перед [i/i] полностью палатализованные велярные наблюдаются только внутри корня, где согласный будет всегда предшествовать одному и тому же гласному во всех формах данного слова. Это контекст без чередований. Но в контекстах, которые я называю «контекстами чередований», согласные палатализируются не полностью, а иногда и вовсе не подвергаются палатализации — например, перед грамматическими окончаниями, где конечный согласный основы в одних формах выступает перед передними гласными окончания, а в других — перед задними. Контекст перед [e] дает более или менее последовательные различия по всему региону, так что палатализация будет более регулярной и последовательной в *kelbasa* (произносится [k•eɥbasa]) — слове, которое не создает контекст для чередования, нежели в *łokeć* (произносится [цокес]), в котором гласный [e] исчезает в большинстве форм [Zduńska 1965, карта № 18].

[10] *Иерархии палатализации велярных*

иерархия гласных

[i/i] ≥ {[ê], [e], [ɛ]} ≥ [ã]

иерархия согласных:

[k γ] ≥ [x]

иерархия контекстов:

в контекстах без чередования ≥ в контекстах с чередованием

Таким образом, это протекающее сейчас фонетическое изменение допустимо тогда, когда оно приводит к одинаковым фонетическим результатам во всех формах данного слова, но оно подавляется, когда его результатом будет вариативность фонетического облика слова — когда одни грамматические формы будут иметь палатализованный велярный, а другие - непалатализованный (см. [Timberlake 1981]). Если носители умеют отличать контексты, в которых палатализация применяется более свободно, от тех, где она ограничена, они, очевидным

образом, конвенционализировали данный узус. Так, даже фонетическое изменение подвержено *конвенции*.

Анализ этого изменения дает возможность ответить и на еще один побочный для нас, но многократно дискутировавшийся вопрос: как изменение может в течение длительного времени развиваться в одном направлении. (Когда это имеет место — что, вообще говоря, происходит не всегда.) На каждом этапе изменений носители осуществляют *имитацию/инвенцию* и распространяют изменения предыдущего этапа (который они принимают как данность) на более обширную область, используя для этого процессы *конвенции*. Затем следующее поколение носителей пользуется результатами предыдущих *имитаций/инвенций*, воспринятых ими как *конвенции*, и вновь посредством *имитации/инвенции* модифицирует область действия изменения. На этом пути через большой промежуток времени результаты могут оказаться существенно отличны от исходной точки, но происходит это не вследствие каких-то катаклизмов, а в силу того, что Толстой, рассуждая в «Войне и мире» о проблемах, не столь уж далеких от вопросов языковых изменений, называл «процессом суммования неизвестных, бесконечно-малых» [Толстой 1933: 339].

4. *Significatio* (окончания склонения на *-*ŭ*)

С изменениями связан еще один процесс. Он может быть проиллюстрирован на примере небольшого фрагмента из истории окончаний склонения на *-*ŷ* в восточнославянском. Хорошо известен тот факт, что исходное склонение на *-*ŷ* было в восточнославянских языках втянуто в парадигму склонения на *-*ŏ*. Но также хорошо известно, что окончания исходного склонения на *-*ŷ* исчезли не полностью, но в некоторых случаях были распространены на значительное количество имен, исходно принадлежавших склонению на *-*ŏ*. В частности, показатель родительного падежа единственного числа принял на себя функции показателя партитивности для имен со значением вещества. В своем исследовании морфологии имени в XVI в. Унбегаун [Unbegaun 1935] обнаружил большое количество примеров имен с исходным корнем на *-*ŏ*, которые стали использовать окончание {-*у*}, происходящее от генитивного показателя партитива из склонения на *-*ŷ*. Унбегаун описывает это так — см. [11]:

[11] La terminaison en *-y* tend à devenir de règle pour les mots désignant une matière ou une collectivité [Unbegaun 1935:123].

Это партитивное значение окончания {-*у*} берет свое начало от некоторых существительных склонения на *-*ŷ*, которые обозначали вещества и чей генитив часто имел партитивное значение, например, *медь, ледь, оль, ядь*. Это изменение, конечно же, всем хорошо известно, но оно интересно тем, что непродуктивный класс имен не только сохраняется по

конвенции, но, более того, его непродуктивный трафарет служит моделью для расширения. Это демонстрирует силу *конвенции*: трафарет сохраняется благодаря традиции и, хотя сам находится в процессе отмирания, служит моделью для *имитации/инвенции*.

Распространение окончаний склонения на *- *й* демонстрирует еще один аспект изменения, а именно процесс *сигнификации* (*significatio*) – решение носителей о том, распространять или не распространять процесс изменений, и с какой значимостью. Развитие окончаний генитива базировалось на небольшом числе имен со значением вещества. В то же самое время локативные окончания склонения на -у были распространены на некоторые имена из склонения на -о со значением места. И это распространение предположительно основывалось на весьма небольшом числе имен исходного склонения на -у, обозначающих место, таких, как *домъ*, *станъ*, *вѣрхъ* (см. [Unbegaun 1935:80–81]). См. [12]:

[12] Источники <i>имитации</i>	имена исходного склонения на *- <i>й</i>
генитив на основе имен склонения на *- <i>й</i> со значением вещества	* <i>medь</i> , * <i>ledь</i> , * <i>olь</i> , * <i>jadь</i>
локатив на основе имен склонения на *- <i>й</i> со значением места	* <i>domь</i> , * <i>stanь</i> , * <i>вѣрхъ</i>
чешский датив единственного числа на основе одушевленных имен склонения на *- <i>й</i>	* <i>volь</i> , * <i>synь</i>

Мало этого, из сравнительно-исторических данных нам известно, что некоторые имена с исходной основой на *- *й* (*воль*, *сынъ*) явились базой для распространения окончаний дательного падежа, маркирующих одушевленность в разных диалектах славянского ареала, напр. в ранний период в новгородском диалекте [Зализняк 1995: 90] и с особой последовательностью - в чешском, в котором на основе форм *volovi*, *synovi* появились такие формы, как старочешск. *orlowy*, *pellikanowy*, *dawidowi* [Gebauer 1960: 29-30]. Взятые вместе, все это выглядит довольно впечатляюще. Это показывает силу *сигнификации*. Для того чтобы все эти изменения, обусловленные *имитацией*, могли осуществиться, необходима ассоциация между генитивным окончанием {-у} и некоторыми именами, между локативным окончанием {-у} и другими именами и, наконец, в чешском — между окончаниями дательного падежа {-ovi} и еще одной, третьей, группой имен. Очевидно, что, если класс имен склонения на -у мог послужить источником трех довольно разных изменений, обусловленных *имитацией*, значит, имена склонения на -у не обладали каким-то априорным признаком, который характеризовал бы их все без исключения. Для того чтобы эти изменения по *имитации* могли произойти, необходимы были множественные процессы *сигнификации*, приписывавшие разным подклассам имен определенные значения, причем эти значения не были согласованы друг с другом.

5. *Differentiatio* (в Белфасте)

Процессы *сигнификации* чрезвычайно важны также для культурной и социальной стороны изменений. Когда языковой признак сохраняется и поддерживается, это придает ему определенную значимость — *сигнификацию*, будет ли это характеристика его как нового в противовес старому, книжного в противовес устному, диалектного — стандартному, регионального — городскому, национального — местному, относящегося к беллетристике в противовес документальному жанру, жанра хроники — в сравнении с житием и т.д. Эти хорошо известные разновидности *сигнификации* могут быть названы *регистрами* или *модусами*. Они являются центральными объектами исследования в одном из направлений лингвистики. Как указывают Вайнрейх, Лабов и Херцог [Weinreich, Labov, Herzog 1968], дифференциация регистров должна рассматриваться как обычное состояние языка, в то время как гомогенность представляет собой нечто исключительное.

В большинстве случаев такие стилистические признаки, как архаичный или инновационный, местный или национальный, сохраняют стабильность во времени, однако это не всегда верно. Важно подчеркнуть, что *сигнификация* регистра не задана априори, но до некоторой степени вырабатывается в ходе изменений.

То обстоятельство, что *сигнификация* представляет собой активный процесс, становится вполне очевидным, если проанализировать, как языковым вариантам приписываются стилистические признаки. Пример этому можно найти в одном из ранних исследований социолингвистической вариативности, проведенном Джеймсом и Лесли Милроями в Белфасте (Северная Ирландия) [J. Milroy, L. Milroy 1978]. Они исследовали три рабочих района, два протестантских и один католический. Экономическое положение во всех трех было депрессивным из-за общего упадка в Белфасте индустрии, связанной с морем. Мужчины, которые раньше работали в этой сфере, были на тот момент безработными и возможно поэтому в меньшей степени интегрированными в социальную жизнь города и Северной Ирландии в целом. В этом исследовании на примере многих языковых черт было показано, что мужчины использовали местный, локальный вариант вполне устойчиво, как правило, в большей степени, чем женщины, и (возможно, в результате упадка экономики) более молодые носители использовали местный вариант активнее, чем старшее поколение. Типичным примером является потеря звонкого фрикативного согласного [ð] в таких обычных словах, как *mother* «мать», *together* «вместе», *bother* «мешать». В этих словах носители местного варианта — более всего молодые мужчины — произносили: [mɔ:əɾ], [bɔ:əɾ]. См. [13]:

[13] орфография	общераспространенный (ирландский) английский	местный вариант (Белфаст)
<i>mother</i>	[mɔ:ð:əɾ]	[mɔ:əɾ]
<i>bother</i>	[bɔ:ðəɾ]	[bɔ:əɾ]

молодые мужчины ≥ молодые женщины ≥ пожилые мужчины ≥
пожилые женщины

Этот фонетический трафарет имеет место для многих признаков, и, конечно, очень соблазнительно считать, что его можно каким-то образом вывести из того, как язык включен в систему социальных отношений. Можно считать, что это разновидность *имитации*, но только на социальном уровне: носители хотят говорить так, как, по их представлениям, говорят другие в их социальной группе. Когда это происходит, это ведет скорее к дифференциации разных регистров (опять-таки по латыни — *differentiatio*), нежели к единообразию. В исследовании, однако же, сообщается и об одном признаке, который функционирует существенно иным образом. Одной из старых черт английского языка в Белфасте, засвидетельствованных еще с середины XIX века, является употребление широких гласных на месте стандартных узких для ограниченного класса в несколько десятков слов. Так, там, где другие носители английского произносят [pʊl] (*pull*) ‘тянуть’, [tʊk] (*took*) ‘взял’, [wʊd] (*would*) ‘мог бы’ с гласным верхнего подъема, некоторые носители языка в Белфасте скажут скорее [pɹl], [tɹk], [wɹd] с гласным нижнего подъема. См. [14]:

[14] орфография	общераспространенный местный вариант (Белфаст)	
	(ирландский) английский	
<i>pull</i>	[pʊl]	[pɹl]
<i>took</i>	[tʊk]	[tɹk]
<i>would</i>	[wʊd]	[wɹd]

молодые мужчины \geq пожилые женщины (!) \geq пожилые мужчины \geq
 молодые женщины (внутри одного сообщества)

«...остаточное явление, отмеченное среди пожилых женщин, более раннего осуществленного ими языкового изменения» [J. Milroy, L. Milroy 1978]

Здесь как раз и возникают интересные вопросы. Этот признак, как и другие рассматриваемые признаки, во всех трех районах Белфаста чаще всего отмечается для категории молодых мужчин. Однако в одном из этих районов (и только в одном) следующими по выраженности этого признака за молодыми мужчинами будут пожилые женщины. Как уже говорилось, по отношению к другим признакам пожилые женщины представляют собой категорию с наименьшей выраженностью местных черт. Ясно, что здесь, в Белфасте, мы имеем дело с множественными актами *сигнификации*. В большинстве случаев все эти акты направлены в одну и ту же сторону, а именно — наибольшая степень проявления местных признаков будет наблюдаться у молодых мужчин. Но эти акты не являются автоматическими. Они не заданы априори природой общества. Каждый языковой признак подлежит *сигнификации*, как это и продемонстрировано уникальностью языкового поведения в отношении таких слов, как *pull*, *took*, *would*, в которых дистрибуция по социальным группам вариантов с гласным верхнего подъема (типа [pʊl]) и с гласным нижнего подъема (типа [pɹl]) отличается от обычной.

Таким образом, в Белфасте мы наблюдаем общую схему — молодые мужчины используют местные варианты чаще, чем какая-либо другая группа, но при этом видим и исключение — в одном районе в случае одного языкового признака пожилые женщины также преимущественно используют местный вариант. Этот пример может служить предупредительным сигналом того, что общие ожидания, касающиеся взаимоотношения языка и общества, суть только ожидания: из них могут быть исключения.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в социолингвистических исследованиях русского языка, выполненных в шестидесятые годы. Мы привыкли думать, что цикл изменений необратим. Изменение начинается с несоответствия языковой норме, затем оно становится разговорной нормой, затем приобретает признаки стилистической нейтральности, само становясь нормой и вытесняя старую языковую форму в область архаики. Хотя такой цикл и воспринимается как естественный и, безусловно, часто встречается, он не является единственно возможным. Некоторые изменения могут идти в обратном направлении, восстанавливая старые варианты. А некоторые изменения могут осуществляться одновременно в обоих направлениях в зависимости от конкретной лексической единицы. Примером может служить развитие ударного окончания {-á}, как это представлено в работе Л.П. Крысина [Крысин 1974]. Как показано в [15], именительный множественного с ударным {-á} имеет тенденцию к распространению для одних слов (*инженер, катер, трактор*), к сокращению для других (*кондуктор, редактор, слесарь, токарь*), а для еще одной группы слов направление изменений поменялось на противоположное в тридцатые годы (*бухгалтер, шофер*).

[15] История {-á} [Крысин 1974]

направление развития	лексические единицы
стабильное увеличение	<i>инженёр, кáтер, трáктор</i>
увеличение — пик (1930–1939) —	
уменьшение	<i>бухгáлтер, шофёр</i>
стабильное уменьшение	<i>кондúктор, редáктор, слéсарь, тóкарь</i>

Поскольку направление изменения различно для различных лексических единиц, вполне очевидно, что это направление не задано априори, а обусловлено отдельными (никак не соединяемыми в единое целое) актами сигнификации. Обобщая, можно сказать, что при осуществлении изменения оно подвержено влиянию процессов социальной и стилистической *сигнификации* даже тогда, когда эта *сигнификация* кажется нам автоматической.

Это возвращает нас к обсуждению дативно-инфинитивной конструкции. Так же, как эту конструкцию невозможно проанализировать в исключительно структурных, системных терминах без обращения к стилистике, так и никакое изменение не может рассматриваться в чисто

структурных, системных терминах без учета его включенности в социальный контекст и его стилистических разновидностей. Изменение — как мы можем теперь подытожить — всегда происходит одновременно и на уровне системы языка, и на уровне коллективного сознания его носителей. На обоих уровнях мы наблюдаем тот же самый цикл процессов: *имитация* или *инвенция*, *сигнификация* и *конвенция*.

Изменение – это непрерывный цикл *имитаций/инвенций*, *сигнификаций* и *конвенций*. Изменение приобретает однонаправленную длительность за счет повторения мелких, аналогичных событий. На каждом шаге результаты одного этапа изменений становятся по *конвенции* источником следующего этапа. (Нет необходимости постулировать глубинные одномоментные изменения как катаклизмы.) Если мы рассматриваем изменения как процессы *имитации/инвенции*, *конвенции* и *сигнификации*, становится возможным объединить традиционно разобщенные сферы системных (внутренних, чисто языковых) изменений с изменениями регистра или социального класса в рамках одной проблематики. Вариации по регистру или социальному классу происходят на основе всё тех же процессов *имитации / инвенции*, *конвенции* и *сигнификации*. Поскольку языковые изменения опираются на мыслительные процессы человека — процессы *имитации / инвенции*, *конвенции* и *сигнификации*, в языковой истории не больше предсказуемого, чем в историческом развитии других сфер культуры. Но именно по этой причине есть возможность рассматривать язык, культуру и историю культуры в аналогичных терминах.

6. Итоги

В заключение хотелось бы заметить, что при таком взгляде на языковые изменения мы должны согласиться с мнением повествователя в «Войне и мире» Льва Толстого, который следующим образом говорит о детерминизме и истории:

Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, то есть не подчиненной законам, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных сил.

Признание это уничтожает возможность существования законов, т. е. какого бы то ни было знания. Если существует хоть одно свободно двигающееся тело, то не существует более законов Кеплера и Ньютона и не существует более никакого представления о движении небесных тел [Толстой 1933: 338].

История не может совершаться по тем же законам, что законы Кеплера и Ньютона.

Синхронная грамматика языка тоже не подчиняется законам Кеплера и Ньютона. Многое из того, что мы привыкли называть синхронной грамматикой, на самом деле является унаследованной традицией, или — как я называл это в настоящей работе — *конвенцией*.

Наше понимание языковой структуры и языковой истории не может быть вполне алгоритмичным — не может состоять из множества законов, из которых выводятся индивидуальные события. Оно может быть другим видом знания, ассоциативным, менее жестким, знанием по аналогии, если угодно — знанием на основе *имитации*. Иными словами, когда мы анализируем новое изменение, мы можем «объяснять» его, не показывая, что оно выводится из какого-либо закона, а «постигая» его с помощью той же процедуры, что и *imitatio* — выявляя его сходство с другими, уже известными нам изменениями. То, что мы изучаем, — языковая структура и языковые изменения — не алгоритмичны, и они могут быть описаны в терминах не алгоритмичных же процессов *имитации/инвенции, сигнификации и конвенции*.

Мне представляется, что на этом пути можно приблизить обсуждение языковой истории к рассмотрению иных изменений в культуре и обществе.

Литература

Гаспаров 1996 – Б. М. Гаспаров. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996.

Живов, Тимберлейк 1997 – В. М. Живов, А. Тимберлейк. Расставаясь со структурализмом // ВЯ. 1997. № 3. С. 3–14.

Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста и пер. О. В. Творогова. Памятники литературы древней Руси. Т. 1. XI— начало XII века. М., 1978.

Зализняк 1995 – А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Крысин 1974 – Л. П. Крысин. Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.

Мар. – Мариинское четвероевангелие (с примечаниями и приложениями) / Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.

Повесть временных лет / Подгот. текста О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачева. Памятники литературы древней Руси. Т. 1. XI— начало XII века. М., 1978.

Повесть об Улянии Осорьбиной / Подгот. текста и коммент. Т. Р. Руди. Памятники литературы древней Руси. Т. 10.1. XVII в. М., 1988.

ПСРЛ I – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ XXV – Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

Слово о полку Игореве / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова. Памятники литературы древней Руси. Т. 2. XII век. М., 1978.

Толстой 1933 – Л. Н. Толстой. Война и мир // Л. Н. Толстой. ПСС в 90 тт. / Под ред. В. Г. Черткова. М., 1933. Т. 12.

Усп. сб. – Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Andersen 1972 – H. Andersen. Abductive and Deductive Change // Language. 1972. Vol. 49. P. 765–793.

Anttila 1977 – R. Anttila. Analogy. The Hague; Paris; New York, 1977.

- Franks 1995 – S. Franks. *Parameters of Slavic Morphosyntax // Oxford Comparative Studies in Syntax*. Oxford, 1995.
- Gebauer 1960 – J. Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého. D. 3. 1. Skloňování*. Praha, 1960.
- Grégoire de Nysse 1966 – Grégoire de Nysse. *Traité de la virginité / Éd. M. Aubineau*. Paris: Cerf, 1966 [= Sources chrétiennes, 199].
- Kurath, McDavid 1961 – H. Kurath, R. I. McDavid. *The Pronunciation of English in the Atlantic States. Based upon the Collections of the Linguistic Atlas of the Eastern United States*. Ann Arbor, Michigan, 1961.
- Lightfoot 1974 – D. Lightfoot. *The Diachronic Analysis of English Modals // Historical Linguistics. Vol. 1. Syntax, Morphology, Internal and Comparative Reconstruction. Proceedings of the First International Conference on Historical Linguistics. Edinburgh, 2nd–7th September 1973*. Amsterdam; London, 1974. P. 219–250.
- Lightfoot 1979 – D. Lightfoot. *Principles of Diachronic Syntax*. Cambridge, 1979.
- Lightfoot 1988 – D. Lightfoot. *Syntactic Change // Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. 1. Linguistic Theory: Foundations*. Cambridge, 1988. P. 303–323.
- Lightfoot 1990 – D. Lightfoot. *Obsolescence and Universal Grammar // Papers from the 5th International Conference on English Historical Linguistics. Cambridge, 6–9 April 1987. Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series IV. Current Issues in Linguistic Theory. Vol. 65 / Ed. by Sylvia Adamson, et al. Amsterdam; Philadelphia, 1990*. P. 281–292.
- Lightfoot 1991 – D. Lightfoot. *How to Set Parameters: Arguments from Language Change*. Cambridge, Mass., 1991.
- Meillet 1936 – A. Meillet. *Ce que le linguistique doit aux savants allemands // Linguistique historique et linguistique générale. 2*. Paris, 1936. P. 152–159.
- J. Milroy, L. Milroy 1978 – J. Milroy, L. Milroy. *Belfast: Change and Variation in an Urban Vernacular // Sociolinguistic Patterns in British English / Ed. by Peter Trudgill*. London, 1978. P. 19–36.
- Shapiro 1991 – M. Shapiro. *The Sense of Change: Language as History*. Bloomington, 1991.
- Timberlake 1981 – A. Timberlake. *Dual reflexes of *dj and a Morphological Constraint on Sound Change // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1981. Vol. 23*. P. 25–54.
- Unbegaun 1935 – B. Unbegaun. *La langue Russe au XVIe siècle (1500–1550). Vol. 1. La flexion des noms. Bibliothèque de L'Institut Français de Leningrad, 16*. Paris, 1935.
- Weinreich, Labov, Herzog 1968 – U. Weinreich, W. Labov, M. I. Herzog. *Empirical Foundations for a Theory of Language Change // Directions for Historical Linguistics / Ed. by W. P. Lehmann and Y. Malkiel*. Austin, Texas, 1968. P. 95–195.
- Zduńska 1965 – H. Zduńska. *Studia nad fonetyką gwar mazowieckich. Konsonantyzm*. Warszawa, 1965.

ТРАНСЕВРАЗИЙСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Мне хотелось бы начать с утверждения вполне очевидного и тривиального, но, по-видимому, не всегда в должной мере учитываемого в исследованиях по этимологии: русский язык представляет собой уникальное явление (и даже аномалию) на лингвистической карте мира с точки зрения размеров территории его распространения, с одной стороны, и с точки зрения степени политической централизации и уровня мобильности населения в пределах всего языкового ареала, с другой стороны. Этими обстоятельствами определяются как многочисленность и многообразие внешних контактов русского языка, так и его активная роль посредника, промежуточного звена в цепочках распространения миграционных терминов. Тем самым заглавие доклада в определенной мере должно быть признано тавтологическим: этимологическая проблематика трансевразийского языка и не может быть адекватно рассмотрена иначе чем в трансевразийском ракурсе.

В какой-то мере сопоставимым с русским языком этимологическим феноменом являлись языки тех трансевразийских цивилизаций центральноазиатского происхождения, преемницей которых явилась российская государственность. Не случайно наиболее сложные, пока не поддающиеся решению этимологические проблемы русистики столь часто связаны с результатами взаимодействий (пра)славянского, а затем русского языка с алтайскими (тюркскими, монгольскими, вероятно, и тунгусо-маньчжурскими) языками. Истоки проблем лежат главным образом в мультилокальности и полихронности этих взаимодействий. Впрочем, прогресс исследований в этой области в последние десятилетия был относительно невелик – если взять за точку отсчета фундаментальную работу К. Г. Менгеса [Менгес 1979] – и в данном докладе она мало затрагивается (в основном лишь в связи с аварской проблематикой). Основное внимание уделено трансевразийскому функционированию русского языка в более северных регионах.

В последнем случае достижения этимологических разысканий более ощутимы. Стали гораздо более ясны пути проникновения северноевразийской лексики в русский язык и пути ее распространения с миграционными волнами, что позволило, в частности, критически пересмотреть ряд предлагавшихся ранее, но нереалистичных с географической и хронологической

точек зрения этимологий. По понятным причинам особое внимание заслужили – и нередко действительно нашли вполне удовлетворительные решения – этимологии ряда таких слов северноевразийского происхождения, которые через русское посредство приобрели широкую известность в западноевропейских языках (апеллятивы и онимы типа *мамонт*, *тайга*, *тундра*, *тунгус*, *Енисей*, *Обь* и др.).

Накопление материала как по русской диалектологии, так в особенности по языкам коренного населения регионов русской колонизации сопровождалось публикацией этимологических и сопоставительно-лексикологических разработок многих авторов – А.Й. Йоки, Б. Кальмана, В.Штейница, И.Г. Добродомова, А.К. Матвеева, В.И. Рассадина, И. Футаки, А.Е. Аникина, М. Стаховского, Ю. Янхунена (а также автора данной статьи), которые – что особенно важно – можно в равной мере обозначить и как «русистические», и как «уралистические», «алтаистические» и т.д. Тем самым большой группой российских и европейских исследователей была продолжена традиция, в прошлом связанная в первую очередь с именами финских этимологов (Я. Калима, М. Рясанен) и имевшая значительно более слабые корни в отечественной русистике. Эти частные разработки и материалы создали необходимые предпосылки для появления столь фундаментального обобщающего труда, как «Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А. Е. Аникина, вышедший в 1997 г. и вторым, дополненным изданием опубликованный в 2000 г. [Аникин 1997, 2000]. Включив в себя огромный лексический пласт (около 4000 слов), состоящий не только из собственно сибирских, но и из «досибирских» субстратных и контактных заимствований, данный словарь стал важнейшим дополнением к словарю Фасмера, resp. (для соответствующего пласта) его полноценной современной заменой. Интенсивно ведется подготовка еще одного словаря, рассматривающего русские (особенно ранние) заимствования в языках Сибири (пробный выпуск: [Аникин 1998]).

Широкое привлечение данных словарей А. Е. Аникина в дальнейшем тексте статьи может быть оправдано, как я надеюсь, моим участием в обсуждении их предварительных вариантов, а также тем, что эти словари в итоге вобрали в себя (порой существенно дополнив) практически все итоги моих собственных «трансевразийских» этимологических публикаций.

Анализ лексического материала по внешним контактам русского языка и его диалектов в Северной Евразии позволяет сделать несколько наблюдений общего характера, в целом вполне согласующихся с опытом изучения заимствований применительно к другим языкам и регионам.

1. Как и следует ожидать, способность/склонность слов проникать контактным путем в другой язык в качестве освоенных заимствований не имеет никакого отношения к их частотности

в языке-источнике (и даже чуть ли не оказывается с ней в отрицательной корреляции). Объектом заимствования в огромном большинстве случаев становится узко специализированная терминологическая (культурная) лексика. (Радикально иначе обстоит, разумеется, дело с особенно характерным для новейшего времени безудержным проникновением русских заимствований в «малые» языки народов России в условиях массового билингвизма и господства русского языка в образовательной сфере и в СМК. При этом заимствуются в первую очередь наиболее частотные слова, начиная с союзов и частиц, и степень их фонетической и морфосинтаксической адаптации обычно минимальна. Однако процессы такого рода являются симптомом не столько эволюции, сколько дегенерации заимствующих языков, и данная тема может быть предметом скорее социолингвистики, нежели этимологии.)

2. Весьма четко проявляется принцип сохранения у заимствований высокого уровня мобильности, потенциала дальнейшего распространения. Применительно к интересующей нас теме этот принцип реализуется по крайней мере трояко:

2.1. Неисконная лексика заимствуется гораздо чаще и «охотнее», чем исконные слова. Если в целом в русском языке отчетливо доминирует лексика славянского и собственно русского происхождения, то ситуация с его донорской ролью существенно отлична. Так, в названном выше пробном выпуске [Аникин 1998] на 55-60 исконно русских слов, получивших распространение в языках Сибири, приходится около 100 иноязычных заимствований; есть определенные основания полагать, что подобная статистика – не результат специального подбора для пробного выпуска особо интересных случаев, а отражение объективной реальности.

2.2. Неисконная русская лексика (в том числе первоначально имевшая узко локальное распространение) активно распространялась с колонизационными волнами и проникала в территориально весьма удаленные русские диалекты. Данное обстоятельство констатировал на основе лексических материалов (причем далеких от полноты) по говору русских старожилов Колымы уже Макс Фасмер: «Слова, заимствованные в русский язык из прибалтийско-финских, саамского и пермских языков ... распространились по всей Сибири и проникли до устья Колымы. По данным Богораза, здесь обнаруживается 3 саамских заимствования из языка охотников и рыболовов, по меньшей мере 9 прибалтийско-финских и около 20 слов коми-зырянского происхождения» [Vasmer 1960: 88]. Ср. также [Федоров 2000: 57-58] (применительно к лексике говоров Русского Устья на Индигирке).

2.3. Наблюдается высокая коррелятивность результатов влияния русского языка на различные контактировавшие с ним языки – особенно когда эти языки территориально смежны. Из всей лексики русского языка как источника для заимствования с высоким постоянством «отбирается» почти один и тот же набор слов. При этом весьма значительная часть русизмов в языках Северной Евразии оказывается не прямыми, а опосредованными (через татарский, коми,

ненецкий, селькупский, якутский языки) заимствованиями.

3. Лексикографическая картина последствий русской колонизации Сибири сложилась удивительно быстро и четко. К такому выводу приводят, в частности, публикации материалов, извлеченных из памятников сибирской русской письменности XVII-XVIII вв. [Цомакион 1960, 1974; Панин 1991; см. также Futaky 1987], и особенно изучение наследия 2-ой Камчатской (Великой Северной) экспедиции 1733-1743 гг., в первую очередь – исследований и дневников Г. Ф. Миллера [Миллер 2000]. Блестящий полевой исследователь, Миллер не ставил перед собой изучение русско-сибирской лексики как самостоятельную задачу; тем не менее, в его материалах зафиксированы едва ли не все наиболее важные и интересные субстратно-контактные «сибиризмы» русского языка.

Вполне очевидно, что природа отмеченных фактов – культурно-историческая, а не собственно лингвистическая.

Существование типичных (и нередко единственно возможных) направлений распространения культурной лексики в западной и южной зонах внешних контактов русского языка достаточно очевидно. По материалам ЭСРЯ и других этимологических словарей легко прослеживаются стандартные пути латинских и западнороманских слов (заимствованных не книжным путем) через верхненемецкое, чешское, польское, белорусско-украинское посредство, арабо-персидской лексики – через турецкий язык и южнорусские говоры или, альтернативно, по каспийско-волжскому пути через татарское (а прежде болгарское) посредство и т.д.

Естественно, сходным образом обстоит дело и в восточной и северной зонах внешних контактов. Можно констатировать существование трех основных путей русской колонизации Северной Евразии и лексической диффузии. Показательно, что с ними напрямую соотносятся три различных (хотя и восходящих к связанным по происхождению источникам) типа названий русских в языках Сибири:

1. Поволжье – Прикамье – путь в Сибирь через Тобольск/Тюмень, открывшийся только после похода Ермака (1581-1582).	Тюрк. <i>oros, urus</i> (в тюрк. языках почти повсеместно: ср. также бур. <i>orod</i>).
Этим.: из др.-русс. <i>русь</i> .
2. Русский Север – Припечорье – путь в Югорскую землю, освоенный существенно раньше (по крайней мере, в XIII в.).	Коми <i>roč</i> (> манс. <i>ruś</i> , хант. <i>rut</i> , сельк. <i>ruš</i>).
Этим.: перм. *r[o]č (ср. также удм. <i>žič</i>)
из приб.-фин. * <i>rōtsi</i> ‘скандинав, швед’.

3. Поморье – Мангазейский морской ход к Ямалу, Тазовской губе, низовьям Енисея и Таймыру, прочно освоенный к середине XVI в., но известный и опробованный поморами существенно раньше.

Др.-нен. **luḍtsa* (> нен. *lūca*, энецк. *luoṭá*, нган. *luṭṭsa*, эвенк. *lūca* и близкие тунгусо-маньчжурские формы вплоть до маньчж. *loṣa*, сюда же якут. *Nūčča* и др. < эвенк., далее также айну *nica*, кит. *Eluosi* ‘Россия’).

Этим.: из приб.-фин.

**rōtsi* ‘скандинав, швед’.

Заслуживает внимания явная территориальная доминация формы самодийского (древнененецкого) происхождения, что особенно релевантно с учетом характерной для более ранних исследований явной недооценки роли «мангазейского» пути и соответствующим преувеличением южносибирско-тюркского фактора. См. [Хелимский 2000: 351-352], а также [Аникин 2000а: 74].

В дальнейшем изложении будет рассмотрено несколько слов, трансевразийское распространение которых отчетливо связывается либо со вторым из представленных в таблице путей (*чарьím*, *сайы́н*), либо с третьим из них (*тунгус*, *мамонт*, *пурт*); естественно, что существенная роль в соответствующих этимологиях принадлежит данным уральских (финно-угорских и самодийских) языков. С другой стороны, рус. диал. *питкíль*, *питкéль* ‘пест(ик)’ – пример финно-угорского заимствования, вполне «уместного» на юге Сибири, в Алтайском крае (где оно и засвидетельствовано), но вряд ли мыслимого в русских туруханских или индигирских говорах: источником слова является морд. *pétkél*, *pétkəl* id.

Типичным примером поисков в ошибочном направлении является, например, история этимологической разработки этнонима *тунгус* [Helimski, Janhunen 1990; Аникин 2000: 566-567]. Источник этого слова искали то в тюрк. *toŋguz* ‘свинья’, то в изобретательно составленном из подлинно якутских элементов якут. **toŋ uos* ‘мерзлый рот’ и т.д. – без учета исторических и географических обстоятельств, категорически исключающих возможность знакомства русских с эвенками (тунгусами) через южносибирско-тюркское и тем более через якутское посредство¹. В действительности данный этноним (ранняя форма мн.ч. в англ. передаче: *Tingussies*, *Tingoosi*) заимствован из нен. *tīŋkos?* ~ *tūŋkus?* Pl. с тем же значением, которое либо оставалось неизвестным, либо молчаливо принималось – вопреки реальности – за заимствование из русского языка.

Не всегда аккуратен был в подобных случаях М. Фасмер, выводя, например, арх. *калтус* ‘не слишком вязкое болото’ из самод. *kalž*, *kālž* [ЭСРЯ II: 170] и не обращая внимание на то, что

¹ Русские землепроходцы достигли Якутии по реке, известной им как (*Нижняя*) *Тунгуска* [Миллер 2000: 99].

самодийское слово – не ненецкое (в таком случае заимствование в архангельские говоры было бы теоретически возможно), а селькупское, см. [Хелимский 2000: 367].

* * *

К сожалению, уровень некомпетентности авторов этимологических словарей западноевропейских языков в том, что касается лексики, проникшей в Европу северными трансевразийскими путями, порой просто чудовищен. Это недавно продемонстрировал М. Стаховский в статье, посвященной этимологиям слова *мамонт* и их отражениям в словарях. Авторитетный немецкий этимологический словарь Клуге до недавнего времени информировал читателей: «Der urweltliche Riesenelefant wurde durch Grabungen des Russen Ludloff in nordöstlichen Sibirien 1696 bekannt. Die Jakuten nannten ihn *tamont* (zu jakut. *tamma* ‚Land‘), weil sie meinten, er lebe unter dem Boden wie ein Maulwurf»² [Kluge 1960: 457]. Единственная достоверная часть этой информации – то, что многие народы Сибири действительно считали мамонта подземным чудовищем. Знакомство с останками мамонтов спутано с фиксацией (причем далеко не самой ранней) слова *мамонт*, а немецкий автор «Grammatica Russica» (Oxford 1696) Г. В. Лудольф (Ludolf) превращен в русского палеонтолога (или землекопа?) Лудлоффа. Нечего уже говорить о том, что в якутском языке слова *tamma* нет и в помине, а мамонт носит совершенно другое название. Другие этимологические словари (французские, английские, итальянские, венгерские и т.д.), цитируемые М. Стаховским, отчасти повторяют это нагромождение вздора, отчасти достойно дополняют его сообщениями о том, что название мамонта «восходит к одному из диалектов Восточной Сибири» (!), или что оно «происходит из остяцкого языка финской группы в Западной Сибири» (после чего в скобках приводится все то же «якут. *tamma*»), или что его источником послужило «якут. или тунг. *tamut* ‘живущий под землей’» (увы, и якуто-тунгусское [!] слово – плод чистой фантазии) и т.д. Конечно, на таком фоне перечень попыток этимологического объяснения слова у М. Фасмера / О. Н. Трубочева [ЭСРЯ 2: 566] выглядит вполне корректно, хотя и не содержит адекватного решения, предложенного позднее М. Хини [Heaney 1976] и дополненного мною в статье 1990 г. (перепечатана в [Хелимский 2000: 353-354]; аналогично [Аникин 2000: 372-373; Stachowski 2000]): *мамонт* из манс. (Верхотурье) **māŋ-ont*, букв. ‘земляной рог’³.

² «Гигантский доисторический слон стал известен благодаря раскопкам русского Лудлоффа в Северо-Восточной Сибири в 1696 г. Якуты называли его *мамонт* (от якут. *мамма* ‘земля’), поскольку считали, что он обитает под землей, подобно кроту». - Впрочем, в новейшей редакции словаря [Kluge 1989] эта информация опущена и изложена этимология В. Кипарского, которую - с полностью обоснованным сомнением - упоминает О. Н. Трубочев в своих дополнениях к ЭСРЯ.

³ Ср., Впрочем, комментарии в духе «подвергай все сомнению» [Futaky 2001a].

Не могу не процитировать карикатурной, но вполне точной оценки ситуации М. Стаховским: «Те самые этимологи, которые с безукоризненной тщательностью различают диалекты и даже говоры отдельных языков Европы [...], рассматривают весьма дифференцированную в языковом отношении Сибирь как котел с варящейся похлебкой, которую порой пробуют, поскольку у похлебки экзотичный вкус, но совершенно не намерены выяснять, из чего она варится, или поинтересоваться ее рецептом» [Stachowski 2000: 304-5].

Досадно, что небрежности такого рода порой присутствуют и в работах сибирских исследователей, в частности, у редактора СРГС: «осваивая пустынные места побережья Ледовитого океана и реки Индигирки, они [русскоустинцы] заимствовали обозначающее их слово «сендух» из коми-пермяцкого или из юкагирского языков» [Федоров 2000: 58]. К несколько необычным представлениям данного автора о коми-пермяках в Сибири мы еще вернемся, да и заимствование слова *сэ́ндух* в процессе освоения индигирской тундры можно с уверенностью исключить, так как оно несомненно является досибирским (известно в пинежских, сольвычегодских, вологодских говорах), см. [Аникин 2000б: 11; 2000: 491-2].

Если первый и хронологически наиболее поздний из путей русской колонизации и трансевразийского распространения русского языка в значительной мере связан с традициями империй центральноазиатского происхождения (Золотой Орды, государства Чингис-хана и их предшественников), то два других пути исторически сопряжены с новгородской колонизацией Русского Севера и явились продолжением проложенных уже Древним Новгородом «чрезкаменного» Печорского и поморского путей. Этим определяется хорошо известный факт обширного распространения лексических новгородизмов в русских говорах Сибирского Севера и их заимствования в ряд языков Северной Евразии [СРГС 1,1: 8; Аникин 2000б: 11], равно как и фундаментальное значение современных, принципиально уточненных представлений об особенностях древненовгородского славянского диалекта [Зализняк 1995].

Так, *шелóнник* (с вариантами) как обозначение юго-западного или южного ветра засвидетельствовано во многих говорах Русского Севера (олон., арх.) и Сибири (байк., колым., турух.) и непосредственно отражает чисто новгородские природно-географические реалии (ветер с р. Шелони) [Аникин 2000: 687; 2000б: 11].

Повсеместное распространение на Русском Севере и в Сибири имеет слово *крень* как обозначение плотных слоев древесины – эквивалент синонимичного *кремль* (с др.-новг. переходом *мл' > н'*, см. [Зализняк 1993: 203; 1995: 62]). Судя по данным СРНГ, в ряде регионов, колонизация которых шла одновременно по двум или даже всем трем из отмеченных выше путей – например, в

томских и новосибирских говорах – слова *крень* и *кремль* (или их производные: *кренёвый* ~ *кремлёвый*, *креністый* ~ *кремлистый*) сосуществуют; известно и гибридное *кремень* с тем же значением (волог., новосиб, краснояр.).

С новгородской колонизацией непосредственно связано и широкое распространение в русских диалектах Сибири (а через них – и в языках сибирских аборигенов) значительной группы терминов прибалтийско-финского и саамского происхождения – таких, как *болóк* ‘крытые сани, передвижное жилище на полозьях’, *ловда* ‘поплавок невода из дощечек’, *нодьа* ‘костер из двух тлеющих бревен’ и др., см. [Аникин 1998, 2000 s.v.].

Более того, именно «новгородский фактор» придает рассматриваемой здесь проблематике подлинно трансевразийский характер, если учесть интенсивный характер связей Новгорода с ганзейским миром и с Северо-Западной Европой до Англии и Фландрии. Новгородское посредство можно с высокой долей вероятности предполагать для тех (по-видимому, не слишком многочисленных) лексических раритетов западноевропейского происхождения, которые отмечаются в языках Севера и Сибири.

Сельк. (Таз) *qam* ‘(Кастрен) холст, полотно, платок; (совр.) полог’ широко представлено и в других, северных и южных, селькупских диалектах – как непосредственно, так и в составе словосложений *qatəp pi*, *qawəp pi*, *qain pi*, *qamri* (‘холст, полотно, платок, тряпка’) и *qatəl porqə*, *qal porqə*, *qaj porqə* (‘рубашка, платье’). Фонетический облик и словообразовательная активность основы *qam* хорошо «маскируют» ее заимствованное происхождение, предположить которое позволило только выявленное в грамоте 445 др.-новг. *хамь* ‘полотно’ [Зализняк 1995: 445] – источник известных и ранее дериватов *хамóвник* ‘ткач’ и др. [ЭСРЯ IV: 221]. При первой публикации данной этимологии я вынужден был идти на гипотетическое построение: «Вероятно, селькупское слово восходит к проникшим в Сибирь севернорусским говорам, в которых сохранялось слово *хам* ‘полотно» [Хелимский 1991:90]. Теперь можно сослаться на прямое свидетельство бытования этого слова в Западной Сибири: (1747) «Принес два хама: один темной крапивной, другой крапивной же светлой, в том числе чутар белой, который и употребил себе на штаны да рубаху» ([Панин 1991: 170], выявлено в [Аникин 1997: 706] sub *чутар*, [Аникин 2000б: 13]).

Само древненовгородское слово явно проникло по ганзейскому пути из германских языков, ср. др.-в.-нем., др.-сакс. *hato* ‘оболочка, платье’, ср.-н.-нем. *ham* ‘оболочка, покров, завеса’, др.-сканд. *hamr* ‘оболочка, покров, верхняя одежда’, др.-англ. *ham* ‘нижняя одежда, рубаха’ (сюда же и нем. *Hemd* ‘рубаха’). Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что семантика «покров из ткани», доминирующая в германских первоисточниках слова, но, кажется, никак не отраженная в русском материале, столь ярко проявляется в конечном пункте этимологического маршрута – в селькупском языке. Что это – случайность, или результат неполноты данных по семантике рус. *хам* и его производных, или же полумистическое свойство слова сохранять – неосознаваемо для

говорящих – свои исходные этимологические связи и коннотации (как это часто предполагает В.Н. Топоров в своих работах по этимологии мифопоэтической лексики)?

Тема непропорционального включения поздних заимствований в русских диалектах в число данных, на основе которых строятся праславянские реконструкции, была специально рассмотрена в ряде работ А. Е. Аникина ([Аникин 1995] и др.). Вероятность недоразумений такого рода тем больше, чем дальше отстоит язык-источник от традиционного поля зрения славянской этимологии. Ср.:

гай ‘беда, несчастье’ нерч.: согласно [ЭССЯ 6: 96; SP 7: 30], к слав. **gajь* ‘крик, шум (и т.д.)’; в действительности из бур. *гай*, п.-монг. *γaj* ‘несчастье, беда, горе, напасть’ [Аникин 2000: 161];

йvá ‘лук линейный, *Allium lineare*’ том.: согласно [ЭССЯ 8: 249], возможно, к слав. **jьva* ‘длинная узкая полоска (и т.д.)’; в действительности, вместе с вариантами *юvá*, *юlá* том., из сиб.-татар. *juwa*, *jua* ‘полевой лук’ [Аникин 2000: 217, 714];

нептуру́н ‘птица семейства куриных (похожая на мохноногого рябчика)’ ирк. [СРНГ 19: 135; Аникин 2000: 406 – «неясно»]: В. Блажек рассматривает данную лексему как возможное производное от слав. названия летучей мыши (нетопыря) и как аргумент в пользу предлагаемой им реконструкции **ne-pьtyr’ь* вместо **netopyr’ь* [Blažek 2000: 362]. В действительности *нептуру́н* представляет собой, с учетом географической локализации и семантики, субстратное проникновение эвенкийского происхождения, ср. эвенк. *нэптэ-* ‘развернуть, распластать’, *нэптэру-* ‘развертывать, раскрывать, раскладывать’, ср. также эвен. *нэбдэ-* то же, *нэбдэн-* ‘распустить, раскрыть (крылья)’, *нэбдэуэ* ‘жаворонок (летающий на распластанных крыльях, порхающий на месте)’ [ТМС I: 623-624]. Прямым источником мог быть непосредственно не зафиксированный эвенк. орнитоним типа *нэптэру́н* или *нэптэрэн* (ср. *кукурэн* ‘кукушка’ от *куку-* ‘куковать’ [Болдырев 1987: 80]).

Здесь перед нами один из случаев, когда данные русских диалектов позволяют с высокой степенью надежности реконструировать несохранившуюся или незасвидетельствованную форму субстратного источника и тем самым пополняют лексикографический банк неславянских языков Северной Евразии. Многочисленные другие примеры такого рода рассмотрены в моей статье «Селькупские заимствования в русских диалектах» (перепечатана в [Хелимский 2000: 363-377], первая публикация 1983 г., см. также [Аникин 2000] s.v. *хорéй*, *чуш(ь)* и др.).

Хотя это не относится непосредственно к тематике данного доклада, не могу не отметить методологического значения многочисленных примеров слов с внешне вполне презентабельной, фонетически и семантически приемлемой исконной (славянской) этимологией, которые на

поверку оказываются субстратными заимствованиями из неславянских языков. Они могут послужить предостережением представителям того распространенного направления этимологического поиска в индоевропеистике (славистике, германистике, балтистике, кельтологии), которое ориентировано на поиск индоевропейских этимонов для максимального числа (в идеале, пожалуй, для всех) слов, представленных в древних и современных языках. Благодаря хорошо отработанным техническим приемам из области семасиологии, теории детерминативов, ларингальной теории, теории аблаута такой поиск почти всегда оказывается «успешным» (хотя, естественно, приводит во многих случаях к конкуренции нескольких равно искусственных этимологических построений). При этом остается неучтенным то обстоятельство, что все индоевропейские языки Европы впитали в себя огромную массу доиндоевропейского субстрата, и поэтому для любого слова без очевидных индоевропейских связей (особенно если оно относится к сферам названий растений и животных, ландшафтной терминологии, экспрессивной лексики...) субстратное и вообще контактное происхождение а priori намного более вероятно, чем исконное. В итоге можно заподозрить, что, например, более или менее правдоподобной индоевропейской этимологией уже снабжено в полтора-два раза больше славянских слов, чем имеется слов индоевропейского происхождения в славянском. Можно, конечно, психологически понять нежелание из раза в раз повторять на страницах этимологических словарей комментариев типа «Скорее всего, субстратное заимствование из несохранившегося дои.-е. языка Европы; непосредственный источник не поддается установлению и анализу», хотяи менно такого рода комментариев должен, на мой взгляд, во многих случаях предварять все дальнейшие гадания на индоевропейской гуще. – О том, к каким внешне эффектным, но по сути дела тупиковым результатам приводит умелое использование этимологического арсенала современной индоевропеистики при массивном поиске «древнейших германизмов (индоевропеизмов)» в прибалтийско-финских и других уральских языках, мне приходилось уже писать в связи с работами Й. Койвулеhto, Р. Антили и некоторых других авторов ([Хелимский 1995; 1997: 233-238; 2000: 499-501, 511-535]; см. также [Ritter 1993]).

Не менее важен, однако, и учет возможной посреднической роли русского языка в уральской и алтайской этимологии. Известен целый ряд заблуждений, вызванных лобовым сопоставлением форм, связанных лишь через русское посредство.

«Уральский этимологический словарь» К. Редери приводит – среди надежных! – реконструкцию урал. **ñepłz* ‘детеныш северного оленя’, основанную на сравнении саам. (Луле) *njáb'lō* ‘новорожденный, слабый олененок’ и нен. *ñāblūj* ‘осенняя шкура олененка’ [UEW 316]. Из

этих двух слов исконным является только саамское (но и оно представляет собой не праязыковое наследие, а сравнительно позднее оноματοпоэтическое образование), которое проникло в диалекты русского Севера (арх., печор., беломор., север., урал., сиб., тобол., арх., курган. *неблюй*, *неплюй*), а через них как обозначение шкурки пыжика как товара – в ненецкий язык (а также в коми, мансийский, хантыйский), см. подробно [Хелимский 2000: 213-215].

Совпадение между коми-зыр. *чарём* (*čarəm*) ‘наст’ и алтайск. *чарым* (*čarim*) id. было давно отмечено и интерпретировалось как результат заимствования в коми из незасвидетельствованного др.-тюрк. или др.-булг. источника [Paasonen 1902: 184; Иллич-Свитыч 1: 205]. Однако такое построение было справедливо отвергнуто за ненадобностью уже Я. Калимой [Kalima 1927: 41-42]: в качестве коми заимствования *чарым* ‘наст’ широко представлено в русских диалектах (перм., урал., тобол., ср.-приирт., новос., том., г.-алт.), откуда оно проникло и в алтайский язык, см. также [Аникин 2000: 646-647].

Реальность подобного пути распространения подтверждает и весьма сходное по фонетической структуре алтайск. (лебед.), шорск. *сайып* (*sajip*) ‘сеть (для ловли выдры)’, которое – несмотря на свой безукоризненно тюркский облик – представляет собой заимствование из рус. диал. *са́йн* ‘ставное орудие из сетчатой ткани в виде мешка (и т.п.)’ (сев.-урал., тобол., обск., н.-приирт., г.-алт.), которое в свою очередь восходит к манс. (сев.) *sajəp* ‘Fischreuse aus Netz’ (~ *sojt-* ‘mit Netz Fangen’), хант. *sājəp* ‘невод’. Присутствие слова в сев.-урал. говорах делает его мансийское происхождение более вероятным, чем хантыйское (хотя обычно предполагается последнее, см. [Кальман 1952: 262; ЭСРЯ 3: 545; DEWOS 1299-1300; Аникин 2000: 473-474]); кроме того, манс. *sajəp* имеет прозрачную внутреннюю форму *pomen instrumenti*.

Как показал А. Е. Аникин [2000: 459], распространенное в литературе прямое сопоставление коми, удм. *пурт* ‘нож’ с эвенк. *пурта* id. [ТМС 2: 44] или их параллельное возведение к одному и тому же иранскому источнику типа **par(a)θu-* [Joki 1973: 305-6; Rédei 1986: 76] некорректно, поскольку источником эвенкийского слова является русское название ножей преимущественно как предметов меновой торговли с инородцами. Ср. у Р. Джемса (Холмогоры, 1618-1619 гг.) *porte* ‘род острого ножа, среди них бывают очень длинные’ [Ларин 1959: 196], а также фиксацию в документе 1642 г. из Якутии в показательном контексте «... *русского товару ... пол пуда одекуев синих, сто пуртов...*» (по соседству с *одекуй* ‘бусы как предмет меновой торговли’, из ненецкого). Представляется, что этот результат дает основание поставить под сомнение и традиционную, хотя и не бесспорную иранскую этимологию коми *пурт*. Специфический контекст употребления слова позволяет вспомнить о роли Волжской Булгарии как транзитного торгового центра и предположить, что русское и пермские слова восходят к болгарскому названию соответствующего (или сходного) менового товара, ср. чуваш. *purtă/portă, purt/port* ‘топор’. Указанный выше иранский источник целосообразно рассматривать

лишь применительно к болгарскому слову. Затруднительно установить, был ли данный болгаризм усвоен русским и пермскими языками параллельно, или сев.-в.-рус. слово представляет собой заимствование из коми; оба пути распространения выглядят исторически (и фонетически) равно вероятными.⁴

Неоднократное упоминание данных языка коми в предшествующем изложении очевидным образом связано с исторически засвидетельствованной ролью коми как посредников русской колонизации, проводников (нередко и толмачей) русских отрядов, особенно при движении по второму из названных выше путей. Любопытно, что наряду с отмеченными выше тремя этимологическими типами названий русских известно еще одно название, представленное, впрочем, только в кетском языке: сым. (= югск.) *sira*, ср. также *sirjān* 'русский' в языке (енисейских) остяков по данным Миллера ([Вернер 1972: 176], с объяснением *sira* как метатезы из *Россия*; [Дульзон 1961: 180])⁵. Перед нами, несомненно, название коми-зырян – возможно, первых европейцев, с которыми столкнулись в своей истории кеты, – распространившееся и на русских.

С учетом особой роли «коми фактора» (и данных уралистики в целом) для русской диалектной этимологии не могут не вызывать сожаления факты (хотелось бы надеяться: все более редкие) взаимной непосвященности. Ср.: «Коми-пермяцкие диалекты рассредоточены в различных регионах Сибири и выходят из употребления» [Федоров 2000: 58] – во-первых, коми-пермяцкие диалекты не известны ни на каких территориях, кроме северной части Пермской области и северо-востока Кировской области [Баталова 1975: 5], а в Сибири представлены только коми-зырянские говоры ижемских коми; во-вторых, последние не рассредоточены по всей Сибири, а сосредоточены на северо-западе Тюменской области, главным образом вдоль нижнего течения Оби; в-третьих, употребительность их сокращается (что, впрочем, не менее характерно и для русских старожильческих говоров Сибири, о которых пишет в своей статье А. И. Федоров, и особенно для языков коренного населения Сибирского Севера), но о выходе из употребления говорить пока, к счастью, рано [Казакевич 1997: 64-66, 73-74]. Я мог бы привести и множество примеров неинформированности представителей уралистики и алтаистики в вопросах русской диалектной лексикографии, использования ими при работе с русским материалом Ожегова и

⁴ Наличие слова в удмуртском языке делает третью возможность (булг. > рус. > перм.) менее правдоподобной.

⁵ Кроме того, в ряде языков (тюркские, палеоазиатские) представлены обозначения русских, связанные со словом *казак*. Интересный этимологический комплекс, включающий названия русских типа бур. *taŋgad*, рассмотрел Ю. Янхунен [Janhunen 1997].

Ушакова вместо Даля и СРНГ; один из новейших примеров тому – исследование Э. Копонена по южноэстонской лексике [Koronen 1998], в котором ряд вполне очевидных заимствований из русских говоров неопознан и даже интерпретирован в качестве оноματοпоэтических образований на собственно эстонской почве.

Определенные новые перспективы в изучении трансевразийских аспектов русской (и в еще большей мере общеславянской) этимологии открывает предположение о тунгусо-маньчжурском происхождении ранних европейских аваров или, во всяком случае, одной из их основных этноязыковых составляющих. Это предположение строится на правдоподобном прочтении едва ли не единственного письменного памятника аварской эпохи – выполненной греческими буквами «надписи Буйлы» на золотом блюде из Надь-Сентмиклоша, на наличии убедительных тунгусо-маньчжурских этимологий у слов *авар* (др.-рус. *объре*) и у имени первого аварского кагана *Бояна* (исторически мн. числом к которому является и рус. *бояре*), на присутствии тунгусо-маньчжурских элементов в языке венгров – наследников аваров в карпатском регионе; см. [Хелимский 2000: 268-277; 2000а; Futaky 2001б]. В свете возможности раннего присутствия тунгусо-маньчжуров в Восточной Европе было бы небезынтересным вновь обратиться к проблеме алтайских элементов в общеславянском и в древнерусском языках, ранее рассматривавшейся исходя исключительно из тюркских и монгольских языковых данных [Менгес 1979; Galton 1997].

В ряде случаев приходится иметь дело со встречаей и контаминацией на русской языковой территории фонетически сходных или даже вполне тождественных форм совершенно различного происхождения.

Рус. *шши* ‘кукиш; (диал. тж.) островерхая куча, островерхий шалаш (и т.д.)’ является несомненным тюркизмом, ср. ср.-тюрк. *šiš, šiš* ‘опухоль, шишка; вертел’⁶. В отличие от него, сев.-в.-рус. *шши* ‘бродяга; лазутчик; черт, бес’ следует, скорее всего, трактовать как давнее заимствование из прибалтийско-финского (фин. *hiisi* ‘черт, бес’). Вряд ли можно, однако, установить, какой из «двух шишей» присутствует в обороте *ни шшиá* (ср. синонимичные *ни фигá* и *ни чертá*); контаминации могло способствовать и традиционное для народной демонологии представление о «черте с вытянутой шишом головой» [Толстой 1995: 261]; см. подробнее [Хелимский 2000: 358-362].

Рус. диал. *боéц* ‘скала в русле реки’ (ср.-урал.), *бойцы́* ‘пороги, острые скалы’ (том., перм., урал.) довольно естественно рассматривать как продолжения слав. **bojъсь* ‘боец’, ср. также *боéц* ‘острый конец чего-л.’ (твер.) [ЭССЯ 2: 168]. С другой стороны, трудно оторвать эти названия

⁶ К более раннему, праславянскому тюркскому заимствованию восходит, по-видимому, и *шишка*.

скал от *байца* ‘крутые отвесные скалы, среди которых в узком ущелье бурно протекает река или речка’ (в.-сиб.) [СРНГ 2: 57] < монг. *байц*, бур. *байса*, п.-монг. *bajča* ‘скала, утес’ [Аникин 2000: 111]. Допустимо, видимо, думать о специфическом семантическом развитии исконного *бо́ец* под контаминационным воздействием, хотя проникновения данных монгольских слов в кыпчакско-тюркские языки (что легко объясняло бы факты уральских и томских говоров) как будто не засвидетельствовано. А. Е. Аникин [ibid. 132] резонно затрудняется установить принадлежность забайк. *бо́йчи* ‘крутые голые скалы’ (к *бо́ец* или к *байца*?).

В сознании рядовых носителей русского языка, по-видимому, неотделимы друг от друга *бур*, *бурить* (< герм.: нидерл. *boor*, нем. *Bohre, bohren*) и *бурав*, *буравить* (< тюрк.: куман. *burau*, татар. *borau* от **bur(a)-*, татар. *bora* ‘вертеть, крутить’). Столь же нерасторжима сопряженность между словами *буря* (слав.) и *буран* (< тюрк., ср. татар. *buran* id., далее к п.-монг. *borayan*), к которым не без фонетических трудностей, но в целом довольно естественно примыкает и *пурга* (< приб.-фин., ср. фин. *purku* ‘метель, вьюга, пурга’). Контаминации продолжаются и за пределами русской языковой территории: «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» объединяет в одной статье эвенк. *бурга* ‘пурга, вьюга’ (вероятно, исконное слово, связанное с п.-монг. *borayan*) и *пурга* id. (почти наверняка < рус. < приб.-фин.), см. [ТМС 1: 111]. Особую пикантность придает этим лексическим встречам то обстоятельство, что контаминационные формы, проникшие в русский язык из разных концов Евразии, в конечном счете могут быть родственны друг другу на ностратическом уровне [Иллич-Свитыч 1: 186-187, 188-190].

Литература

Аникин 1995 – А.Е. Аникин. Несколько оговорок к русским данным в праславянских реконструкциях // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 91-103.

Аникин 1998 – А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири: Пробные статьи. Ч. 1. Новосибирск, 1998.

Аникин 1997, 2000 – А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, (2-е изд. 2000).

Аникин 2000а – А.Е. Аникин. Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 4. С. 74-77.

Аникин 2000б – А.Е. Аникин. Проблемы русской диалектной этимологической лексикографии. Дисс. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Баталова 1975 – Р.М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Болдырев 1987 – Б.В. Болдырев. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск, 1987.

- Вернер 1972 – Г.К. Вернер. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1972. С. 131-195.
- Дульзон 1961 – А.П. Дульзон. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. Томского гос. педагогического ин-та. Т. XIX. Вып. 2. Томск, 1961. С. 152-189.
- Зализняк 1993 – А.А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984-1989 годов. М., 1993. С. 191-321.
- Зализняк 1995 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Иллич-Свитыч 1971 – В.М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b—Қ). М., 1971.
- Казакевич 1997 – О.А. Казакевич. Языковая ситуация у коренных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997. С. 64-74.
- Кальман 1952 – Б. Кальман. Русские заимствования из объ-угорских языков // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. I, fasc. 2-4. 1952. С. 249-272.
- Ларин 1959 – Б.А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959.
- Менгес 1979 – К.Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
- Миллер 2000 – Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е. М., 2000.
- Панин 1991 – Л.Г. Панин. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1991.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1-. Новосибирск, 1999-.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-. М.; Л./СПб., 1965-.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I–II. Л., 1975–1977.
- Толстой 1995 – Н.И. Толстой. Каков облик дьявольский? // Н.И. Толстой. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 250–269.
- Федоров 2000 – А.И. Федоров. Заимствованная лексика в русских говорах Сибири в лингвоэтнографическом аспекте ее изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 4. С. 56-60.
- Хелимский 1991 – Е.А. Хелимский. О нескольких лексических реликтах новгородской и севернорусской колонизации // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений: Тезисы докладов. Л., 1991. С. 89-90.
- Хелимский 1995 – Е.А. Хелимский. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финском и других финно-угорских языках: История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 3–37.
- Хелимский 1997 – Е.А. Хелимский. Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Балто-славянские исследования. 1989–1996. М., 1997. С. 224–249.
- Хелимский 2000 – Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.
- Хелимский 2000а – Е.А. Хелимский. Язык(и) аваров: Тунгусо-маньчжурский аспект // Studia in Honorem Stanislai Stachowski Dicata (= Folia Orientalia XXXVI). Kraków, 2000. С. 135-148.

- Цомакион 1960, 1974 – Н.А. Цомакион. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Ч. 1, 2 (вып. 1). Красноярск, 1960, 1974.
- ЭСРЯ – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–. М., 1974–.
- Blažek 2000 – V. Blažek. New solutions in Slavic etymology // *Studia Etymologica Brunensia*. 2000. 1. P. 357-364.
- DEWOS – W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 1–15. Berlin, 1966–1993.
- Futaky 1987 – I. Futaky. Zur Verbreitung sibirischer Kulturwörter im 17.-18. Jahrhundert // Sprach- und Kulturkontakte im Polnischen: Gesammelte Aufsätze für A. de Vincenz zum 65. Geburtstag (Specimina Philologiae Slavicae, Supplementband 23). München, 1987. S. 235-241.
- Futaky 2001a – I. Futaky. Bemerkungen zur Herkunft von russ. ‚Mammut‘ // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2001. 6. S. 79-82.
- Futaky 2001b – I. Futaky. Nyelvtörténeti vizsgálatok a Kárpát-medencei avar–magyar kapcsolatok kérdéséhez. Budapest, 2001.
- Galton 1997 – H. Galton. Der Einfluß des Altaischen auf die Entwicklung des Slavischen. Wiesbaden, 1997.
- Heaney 1976 – L. Heaney. The implications of Richard James' *maimanto* // *Oxford Slavonic Papers*. 1976. 9. P. 102–109.
- Helinski, Janhunen 1990 – E. Helinski, J. Janhunen. Once more on the ethnonym «Tungus» // *Specimina Sibirica III: Gedenkschrift für Irén N. Sebestyén*. Pécs, 1990. P. 67–72.
- Janhunen 1997 – J. Janhunen. The Russian monsters: On the etymology of an ethnonymic complex // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 1997. 2. P. 159-165.
- Joki 1973 – A.J. Joki. Uralier und Indogermanen (MSFOu 151). Helsinki, 1973.
- Kalima 1927 – J. Kalima. Syrjänisches Lehngut im Russischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1927. 18. S. 1-56.
- Kluge 1960, 1989 – F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1960, 1989.
- Koponen 1998 – E. Koponen. Eteläviron murteen sanaston alkuperä: Itämerensuomalaista etymologiaa (MSFOu 230). Helsinki, 1998.
- Paasonen 1902 – H. Paasonen. Etymologische Streifzüge // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1902. II, Ht. 3. S. 184-191.
- Rédei 1986 – K. Rédei. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986.
- Ritter 1993 – R.-P. Ritter. Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen (*Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia V*). Frankfurt a. M. e. a., 1993.
- SP – Słownik prasłowiański. / Pod red. F. Sławskiego. T. 1–. Wrocław etc., 1974–.
- Stachowski 2000 – M. Stachowski. Das Wort Mammut in etymologischen Wörterbüchern // *Studia in Honorem Stanislai Stachowski Dicata (= Folia Orientalia XXXVI)*. Kraków, 2000. S. 301-314.
- UEW – K. Rédei. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest, 1986–1991.
- Vasmer 1960 – M. Vasmer. Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache // VI. Internationaler Kongreß für Namenforschung, Bd. 1 (*Studia Etymologica Monacensia II*). München, 1960. S. 80-93.

**Русский язык в зеркале типологии:
Новации в императивной парадигме**

Зададим себе простой вопрос, интересен ли современный русский язык для теории языка и типологии, которые как будто бы постепенно превращаются в одну лингвистическую дисциплину. Предлагаемые заметки можно рассматривать как попытку поиска ответа на этот вопрос, который возник не на пустом месте. Если заглянуть в журналы, посвященные типологической проблематике, скажем, в журнал «Linguistic Typology», то вряд ли там часто будет упоминаться русский язык.

Для начала несколько банальных утверждений. Иногда они бывают полезны. Как хорошо известно, взаимоотношения грамматики любого конкретного языка и типологии в современном языкознании весьма многообразны. Прежде всего отметим, что в современных работах каждый язык осознанно или неосознанно характеризуется в терминах ряда типологических параметров. Упомянем, в частности, что, исходя из особенностей морфологической структуры знаменательного слова, исследователи квалифицируют каждый язык либо как изолирующий (аморфный), либо как агглютинативный, либо как полисинтетический (инкорпорирующий), либо как флективный, отчетливо понимая, что чистыми могут быть только абстрактные типы языков, тогда как конкретные языки чаще всего несут на себе печать различных типов, которые, правда, представлены в различной пропорции. Один тип, к которому относят язык, является доминирующим, а другие – маргинальными. Если разграничить доминирующий и маргинальный типы не удастся, то язык характеризуют в терминах сразу двух типов и называют его, например, флективно-агглютинативным.

Языки квалифицируют также, исходя из оформления базовых конструкций предложения, к которым относятся конструкции, образуемые одноместным глаголом с единственной агентивной валентностью, одноместным глаголом с единственной пациенсной валентностью и двухместным глаголом с агентивной и пациенсной валентностью. Из 15 теоретически возможных различных способов оформления семантических ролей реально представлены всего пять способов, которые описываются в терминах т. н. (1) аккумулятивной, (2) эргативной, (3) активной, (4) контрастивной и (5) нейтральной стратегии [Кибрик 1992: 187]. Эти способы либо порознь, либо в различных

комбинациях реализуются в конкретных языках.. Наконец, отметим, что каждый язык классифицируют в зависимости от того, какой порядок следования финитного глагола, имени, выполняющего семантическую роль агенса, и имени, выполняющего семантическую роль пациенса, является в данном языке нейтральным и тем самым основным: (1) AVP, (2) VAP, (3) APV, (4) VPA, (5) PAV, (6) PVA. Перечень типологических параметров, которые используются при описании языков, разумеется, может быть продолжен, но для нас существенно сейчас лишь то, что типологические параметры играют важную роль в любых описаниях языка, в том числе и в тех, которые по своей сути не являются типологическими.

Далее, обратим внимание на то, что, выражаясь фигурально, типологию, как лингвистическую дисциплину, с грамматиками конкретных языков связывают отношения двоякого рода. С одной стороны, грамматика каждого конкретного языка в принципе может предоставлять типологии такие данные, которые либо дополнительно аргументируют существующие научные гипотезы, либо дают основания для отказа от существующих гипотез, либо, наконец, позволяют выдвинуть новые научные гипотезы. С другой стороны, поскольку мы видим только то, что знаем, анализ грамматики каждого конкретного языка, проводимый с опорой на те или другие типологические гипотезы, позволяет увидеть знакомые факты в ином теоретическом свете и соответственно дать им новую, более адекватную интерпретацию. Какие из указанных отношений в каждом конкретном случае эксплуатируются наиболее активно и продуктивно, определяется целым рядом разнообразных факторов, из которых, на наш взгляд, самым существенным является время введения в научный оборот грамматики данного языка. Если грамматика данного конкретного языка только что стала достоянием специалистов, то в ней прежде всего нас будут привлекать те данные, которые представляют интерес для типологической теории. Иное дело, если грамматика данного языка известна уже давно и существует целый ряд ее различных описаний. В этом случае в фокусе нашего внимания прежде всего оказывается типологическая теория, которая может дать основания для более адекватной интерпретации уже хорошо известных фактов.

Рассмотрим в свете изложенных соображений отношения русской грамматики и типологии. Как известно, грамматика русского языка описана достаточно хорошо в рамках различных теоретических концепций и соответственно мы вряд ли вправе ожидать от нее каких-либо новых данных, которые обогатят лингвистическую типологию. Скорее мы можем предполагать, что привлечение типологических гипотез позволит изменить существующие теоретические представления. Последнее, в частности, подтвердилось при анализе с типологических позиций такой русской (точнее славянской) категории, которой является глагольная категория вида (аспекта), представленная бинарной оппозицией граммем и форм НСВ и СВ. Типологический подход показал, что бесконечные поиски общих значений граммем НСВ и СВ в принципе не могут привести к удовлетворительному результату, поскольку таких значений нет и реально

граммемы НСВ и СВ объединяют наборы различных элементарных аспектуальных значений, которые во многих языках распределяются между тремя-четырьмя аспектуальными граммемами, ср. [Мельчук 1998; Coseriu 1980; Bybee et al. 1994]. Представление о наличии универсальной категории вида, представленной бинарной оппозицией «имперфектив» - «перфектив» [Comrie 1976], является обманчивым, сложившимся на базе специфически славянской оппозиции форм НСВ и СВ. Видимая простота формального устройства славянской видовой оппозиции скрывает большую сложность ее семантического устройства, поскольку и граммема НСВ, и граммема СВ представляет ряд относительно независимых аспектуальных значений [Храковский 2001]. В языках, где число аспектуальных граммем больше, чем в русском и других славянских, соотношение между формальным и семантическим устройством категории вида (аспекта) является более простым и прозрачным [Плунгян 1998].

Вместе с тем, как это ни покажется парадоксальным, русский язык, несмотря на длительную историю изучения и наличие целого ряда хороших грамматических описаний, может предоставить данные, которые вне всякого сомнения интересны для типологии и которые в какой-то мере если не опровергают существующие теоретические представления, формулируемые как исходные постулаты, то во всяком случае серьезно их уточняют.

Хорошо известно, что постулаты, как истины, принимаемые без доказательств, в принципе могут быть опровергнуты. В предлагаемых ниже заметках речь как раз и пойдет либо о частичном опровержении одного из постулатов, принятых в современном теоретическом языкознании, либо о вновь возникшей в русском языке реализации одной теоретической возможности, предусматриваемой общим исчислением таких возможностей.

Постулат, о котором пойдет речь, представляет собой ключевое утверждение, связанное с устройством и функционированием категории грамматического числа. В одной из своих последних работ недавно ушедший из жизни А. Е. Супрун отмечал, «что категория грамматического числа нередко включает, наряду с единственным и множественным числами еще и двойственное (а иногда и тройственное и даже четверное число), т. е. число ограниченного множества. Эта категория характеризуется архаичностью в том смысле, что она исчезает нередко в современных языках, как о том свидетельствуют факты современных словенского (см. [Tesnière 1925]) и серболужицких (см. [Lötzsch 1965]) языков. Вместе с тем, очевидно, что возникновение двойственного числа относится к сравнительно позднему этапу развития мышления. Видимо, этот фрагмент категории количественности представляет собой отражение тупикового пути в развитии отражения математического мышления в языковом сознании» [Супрун 1996: 168].

Насколько можно судить, высказанное суждение вполне адекватно отражает представления, существующие в теоретическом языкознании относительно роли числа ограниченного множества в системах категории числа имени и глагола, которые представлены в

различных языках мира. Считая эти представления во многом верными, я вместе с тем хотел бы в этих заметках коснуться одного фрагмента языковой системы, для которого категория двойственного числа, т. е. дуалиса, с одной стороны, действительно является архаичной, но с другой стороны выступает как инновация. Предметом анализа служит фрагмент системы русского императива, а именно формы, называемые либо формами 1 л. мн. ч., либо формами совместного действия. Эти формы в последнее время специально рассматривались в ряде работ, см., например [Бирюлин, Храковский 1990, 1990а, 1991, 1992; Храковский 1993; Бирюлин 1994].

В русском языке в соответствии с существующими описаниями представлены следующие императивные формы 1 л. мн. ч., иначе формы совместного действия: две соотносительные синтетические формы глаголов СВ: *споем(СВ)- споемте(СВ)*, и глаголов однонаправленного движения НСВ: *идем(НСВ) - идемте(НСВ)*, одна аналитическая форма глаголов НСВ (*будем думать*), а также две аналитические формы глаголов СВ и глаголов НСВ, образуемые с помощью частицы *давай*: *давай поговорим(СВ)- давайте поговорим(СВ)*; *давай (будем) читать(НСВ) - давайте (будем) читать(НСВ)*, которые мы ниже рассмотрим особо.

Остановимся прежде всего на коррелятивных парах форм типа: *споем(СВ)→ споемте(СВ)*, *идем(НСВ) → идемте(НСВ)*. При наличии таких коррелятивных пар, одинаково называемых формами 1 л. мн. ч. или формами совместного действия, естественно возникает вопрос о семантических отношениях между формами, образующими подобные пары. Однако прежде чем отвечать на этот вопрос, напомним, что исходная форма в этих парах по происхождению является формой 1 л. мн. ч. настоящего времени, а производная форма образуется из исходной с помощью суффикса *-те*, который служит стандартным средством образования императивных форм 2 л. мн. ч. Иначе говоря, исходная форма по происхождению является уже формой мн. ч., а производная форма как бы является формой мн. ч. в квадрате. Формальная специфика производной формы состоит в том, что в ней к окончанию исходной формы присоединяется еще одно окончание. Соединение двух окончаний практически невозможно во всех наклонениях, кроме императива. Подобное соединение двух окончаний во флективном языке долгое время не находило разумного объяснения. В свое время А. Мейе отмечал, что в русском языке «за исключением сложных слов, каждое слово может включать только один корень и только одно окончание; если такая форма, как русское *пойдемте*, исключительная даже в русском языке, как бы содержит два окончания: *-м-* первого лица мн. ч. и *-те* второго лица, то это образование странного и неожиданного характера» [Мейе 1938: 172]. Такова же точка зрения Л. А. Булаховского, по словам которого «формы 1 л. мн. ч. повелительного наклонения типа *пойдемте, возьмемте*, если их рассматривать как имеющие два соединившихся окончания - 1 и 2 лица мн. ч. (*-м* и *-те*), представляют собой факт, необычный во всей системе индоевропейских языков» [Булаховский 1953: 205].

Ключ к решению проблемы нашел Р. О. Якобсон, который показал, что в русском по преимуществу флективном языке формы императива «отличаются от остальных глагольных форм благодаря агглютинации окончаний: в императиве каждое окончание служит для выражения только одного корреляционного признака. При скоплении признаков каждое окончание присоединяется к другому» [Jakobson 1971: 12]. Анализируя производную императивную форму *двинемтесь-ка* [dv'in'-im-t'i-s'-ka] Р. О. Якобсон подчеркивает, что «на шве между основой и такими суффиксами императива действуют те же законы, что и на стыке слов, в отличие от обычных звуковых законов междуморфемного шва» [Jakobson 1971a: 192]).

Учитывая эту информацию, мы можем теперь вернуться к вопросу о семантике исходной и производной форм указанных коррелятивных пар. Первым наиболее адекватное толкование семантики этих пар предложил Ф. И. Буслаев, который еще в середине XIX в. писал: «Совокупное действие 1-го лица со 2-м ед. числа означает повелительными формами: *пойдем, скажем* и пр.; и со 2-м мн. числа формами: *пойдем-те, скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые множественному» [Буслаев 1858: 186]). В дальнейшем эта точка зрения была поддержана П. С. Кузнецовым и академиком В. В. Виноградовым. П. С. Кузнецов, в частности, писал: «Эта форма (типа *идемте, несемте*), помимо того, что она является специально формой повелительного наклонения, интересна еще тем, что она выражает особые отношения к лицу говорящему. Она является по существу т. наз. инклюзивной (т. е. «включающей») формой 1-го л. мн. ч. Так называются специальные формы 1-го л. мн. ч., указывающие на то, что действие производится (или должно производиться) также и собеседником (или собеседниками) <...> Использование обычной формы 1-го л. мн. ч. (*идем*) в значении побуждения получает у нас значение специально двойственного числа повелительного наклонения (она употребляется, когда в действии, помимо говорящего, должен принять участие один человек)» [Кузнецов 1953: 280]. Что касается академика В. В. Виноградова, то он первым ввел в научный оборот термин «формы совместного действия» по отношению к формам типа *пойдем*. Он писал: «<...> Это формы синкретического «двойственного», т. е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа <...>, формы совместного действия» [Виноградов 1938: 461; 1986: 482]. Термин «формы совместного действия» в дальнейшем получил широкое распространение. На причинах, на наш взгляд, побудивших академика В. В. Виноградова предложить именно этот термин, мы остановимся ниже.

Что же касается предложенного толкования анализируемых форм, то при всей его близости к истине, оно представляется нам слишком сильным. Мы считаем, что исходная форма теперь обозначает либо дв. ч. (каузируемое действие говорящий должен выполнять вместе с единственным слушающим: я + ты - *Петя, споем* - более частое стандартное употребление), либо

мн. ч. (каузируемое действие говорящий должен выполнять со многими слушающими, т.е. как минимум с двумя: я + вы - *Ребята, споем* - относительно редкое и стилистически маркированное употребление). Ср. (1) и (2):

(1) - *Ты слышишь, как он по-русски говорит, - поэт говорил и косился, следя, чтобы неизвестный не удрал, - идем, задержим его, а то уйдет* (Булгаков).

(2) *А бабки помрут, им отпущено, сколько кому, но в общем так мало. И покуда живы они, поклонимся им* (Горышин).

Иначе говоря, эта форма в общем-то сохраняет старую семантику, поскольку дв. ч. правомерно трактовать как разновидность мн. ч. А вот производная форма обозначает мн. ч., но не обозначает дв. ч. Иначе говоря, производная форма обозначает, что каузируемое действие говорящий должен выполнять со многими слушающими, т. е. не с одним, а, как минимум, с двумя (я + вы):

(3) – *Пойдемте же кушать, пойдемте, - проговорила жалостным голосом хозяйка, и все отправились в столовую* (Тургенев).

(4) *Граждане свободной единой Германии! Родина требует от нас новых жертв. Принесемте их* (Федин).

Разумеется, в соответствии с нормами этикета императивная форма 1 л. мн. ч., также как и форма 2 л. мн. ч., может употребляться при обращении к единственному слушающему (*Идемте/идите, Петр Иванович*):

(5) (*Ученый*) *Кто это? Да ведь это доктор. (Доктор) Вы меня так легко узнали...* [Оглядывается]. *Отойдемте в сторону* (Шварц).

Однако такое употребление является вторичным и не затрагивает сути семантической оппозиции исходной и производной форм.

Другое дело, и это важно подчеркнуть, что образование производных форм и тем самым наличие коррелятивных пар не относится к числу регулярных явлений. Иначе говоря, многие исходные синтетические формы СВ и все исходные аналитические формы НСВ в современном русском языке в соответствии с узусом не имеют соотносительных производных форм, хотя формальных запретов на образование таких форм нет. Ср., например: *поговорим(СВ) → ?поговоримте(СВ), задержим(СВ) → ?задержимте(СВ), будем говорить(НСВ) → ?будемте говорить(НСВ), будем продолжать → ?будемте продолжать*.

Когда производная форма не употребляется, то в этих случаях исходная форма СВ и НСВ сохраняет свою первоначальную семантику и обозначает мн. ч., т. е. используется и в тех случаях, когда говорящий должен выполнять каузируемое действие вместе с единственным слушающим, и в тех случаях, когда говорящий должен выполнять каузируемое действие вместе со многими

(минимум с двумя) слушающими (*Поговорим, Петр Иванович, поговорим, коллеги; будем думать, Петр Иванович, будем думать, коллеги*):

(6) (*Мачеха*) **Идемте, стоим** у изгороди, дочери (Шварц).

(7) **Будем глядеть** правде в глаза, - и гость повернул свое лицо в сторону бегущего сквозь облако ночного светила. *И вы, и я - сумашедшие, что отпираться!* (Булгаков).

(8) *Оставьте их вдвоем, говорил Воланд, склонясь со своего седла к седлу мастера и указывая вслед ушедшему прокуратору, не будем им мешать* (Булгаков).

Однако и в тех случаях, когда производная форма употребляется, и тогда, когда она не употребляется, существует формальная возможность образовать формы дв. ч., т. е. дуалиса, противопоставленные формам мн. ч., т. е. плюралиса. Формальным средством образования соответствующих форм служит частица *давай/давайте*, представляющая собой по происхождению императив 2 л. ед. и мн. ч. глагола *давать*(НСВ). Соответственно наряду с формой императива 1 л. мн. ч. СВ типа *поговорим* и формой императива 1 л. мн. ч. НСВ типа *будем говорить* существуют коррелятивные пары форм 1 л. дв. ч. и 1 л. мн. ч. типа *давай поговорим* → *давайте поговорим*; *давай (будем) говорить* → *давайте (будем) говорить*:

(9) *Зовет меня взглядом и криком своим, / И вымолвить хочет: давай улетим!* (Пушкин).

(10) - *Ну, хватит, ребята, - сказал майор так, будто ребята уж очень-то разошлись. - Давайте лучше подумаем, чем мы можем помочь артисту Дурову* (Аксенов).

(11) *Нам утешенья только душу ранят, / Давай молчать...* (Берггольц).

(12) - *Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди, и давайте действовать как люди. - Давайте, - устало согласился Саул. - И давайте поедим* (Стругацкие).

(13) *Увидев их, красавица зарыдала еще пуще, тыча рукой в дверь кабинета. - Давайте не будем рыдать, гражданка, - спокойно сказал первый* (Булгаков).

Добавим к сказанному, что с помощью частицы *давай(те)* соответствующие формы дв. и мн. ч. 1 л. образуются от форм СВ типа *споем* (*давай споем* → *давайте споем*), несмотря на наличие производных форм типа *споемте*, но не образуются от форм НСВ однонаправленного движения типа *идем, едем, бежим* (**давай идем* → **давайте идем*), что как будто бы не отмечается в литературе.

Из изложенного следует, что в русском языке в системе форм императива 1 л. существуют с одной стороны (синтетические и аналитические) формы, обозначающие, что говорящий выполняет каузируемое действие либо с единственным слушающим, либо со многими

слушающими (*споем (СВ), идем (НСВ), поговорим (СВ), будем думать (НСВ)*), с другой стороны, существуют (синтетические) формы мн. ч., обозначающие, что говорящий выполняет каузируемое действие только со многими слушающими (*споемте, идемте*), а с третьей стороны, существуют аналитические коррелятивные пары форм дуалиса и плюралиса типа *давай споем(СВ) → давайте споем(СВ)*; *давай (будем) петь(НСВ) → давайте (будем) петь(НСВ)*. Последние пары форм дуалиса и плюралиса фактически являются инновационными аналитическими формами. В целом деривационный процесс, приведший к современному состоянию, состоит из двух этапов. На первом этапе формам типа *споем, идем* начинают противопоставляться формы типа *споемте, идемте*, которые являются формами мн. ч., но не дв. ч. Однако это противопоставление не стало полным и регулярным. На втором этапе возникает четкая формальная оппозиция форм дуалиса и плюралиса типа *давай споем --> давайте споем, давай (будем) петь --> давайте (будем) петь*, которой нет только у глаголов НСВ однонаправленного движения типа *идем, бежим*. Все изложенное, как нам представляется, достаточно адекватно отражает существующее положение вещей, однако вся пикантность ситуации заключается в том, что инновационных форм дуалиса в соответствии с существующими теоретическими представлениями быть не должно, поскольку ранее существовавшие формы дуалиса в имени и глаголе были утрачены в разговорном русском языке еще в XII в., хотя в памятниках XII—XIV вв. старые формы дуалиса императива «употребляются большей частью правильно, в соответствии со своим исконным значением» [Белоусов 1982: 146].

Итак сначала в разговорном языке, а затем и в письменном языке формы дуалиса в императиве, и не только в императиве выходят из употребления. Соответственно в полном согласии с существующей теоретической установкой они не могут появиться вновь. Однако формы дуалиса в императиве 1 л. как будто бы появились вновь, но поскольку этого, как говорит принятая теория, не может быть, то делаются попытки закамуфлировать существующую реальность.

Учитывая все сказанное, можно думать, что академик В. В. Виноградов ввел в научный оборот термин «формы совместного действия» именно потому, что осознавал несоответствие фактов теории и тем не менее отдавал предпочтение теории. Термин «формы совместного действия» позволяет уйти от ответа на вопрос, являются ли подводимые под этот термин формы формами дуалиса или нет. Не случайно именно этот термин, скрывающий информацию о лице и числе, используется в таком авторитетном издании, каким является «Русская грамматика» [1980: 620—622].

Если же исходить из примата фактов перед теорией, то, видимо, следовало бы признать, что постулат, в соответствии с которым формы дуалиса представляют собой тупиковый путь развития и что они, раз возникнув, могут или должны исчезнуть, является слишком сильным и нуждается в коррекции, поскольку исчезновение форм дуалиса в императиве, как показывают факты русского

языка, как будто бы не исключает возрождения этих форм на новом этапе развития языка. Однако вместе с тем возникает другой очень важный вопрос, а действительно ли речь идет о частичном возрождении старой системы форм дуалиса или же речь идет о не связанной с исчезнувшей системой дуалиса, заново возникшей практической реализации одной из теоретических возможностей, предусмотренных исчислением императивных форм.

Такое исчисление исходит из того, что Агенсом каузируемой ситуации (= Исполнителем прескрипции) может быть любой из участников коммуникативного акта, т. е. Говорящий, Слушающий или Слушающие, Лицо или Лица, не участвующие в коммуникативном акте, а также любая теоретически допустимая совокупность этих участников. Всего такое исчисление включает 17 теоретических возможностей, из которых одна теоретическая возможность предусматривает, что Агенсом каузируемой ситуации (= Исполнителем прескрипции) является Говорящий с единственным Слушающим [Бирюлин, Храковский 1992]. Второе решение кажется нам более предпочтительным, во-первых, потому, что оно позволяет сохранить в неизменном виде постулат о безвозвратном исчезновении системы дуалиса, а во-вторых, потому, что в плане коммуникации различение императивных ситуаций, когда говорящий должен выполнять каузируемое действие совместно с одним или со многими слушающими, является прагматически очень важным. В этой связи уместно подчеркнуть, что в ряде языков, например, в тюркских языках Сибири (тофаларском, тувинском, хакасском, шорском, чулымском, алтайском, долганском и якутском), в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийском, эвенском, негидальском, удэгейском) императивная парадигма содержит наряду с формой 1-го л. мн. ч., т. е. плюралиса, также форму 1-го л. дв. ч., т. е. дуалиса, при отсутствии форм дв. ч. других лиц. Скажем, в тофаларском яз. форма дуалиса 1-го л. - это форма с суффиксом *-аалы*, например, *бар+аалы* 'пойдем вдвоем (я+ты)', а форма плюралиса 1-го л. образуется путем прибавления к этой форме показателя мн. ч. *-?(ар)*: *бар+аалы+?(ар)* 'пойдемте многие (я+вы)' [Исхакова и др. 1992]. Отметим еще одно интересное обстоятельство. Известны различные неродственные языки (например, японский, нивхский, монгольский, лезгинский), в которых представлена лично-числовая парадигма императивных форм при отсутствии парадигмы личных, а порой и числовых форм в других наклонениях глагола [Храковский, Володин 1986; Бирюлин, Храковский 1992; Храковский 1993]. В частности, в амурском диалекте нивхского языка при отсутствии категории лица и наличии факультативного показателя мн. ч. в индикативе в императиве представлена шестичленная лично-числовая парадигма, включающая формы 2 л. ед. и мн. ч., форму 3 л. и три формы 1 л.: ед. ч. с суффиксом *-никта/-ныхта* (*Ра-никта!* 'Выпью'), дв. ч. с суффиксом *-нытэ/нтэ* (*Ра-нытэ!* 'Выпьем-вдвоем') и мн. ч. с суффиксом *-да/-дэй* (*Ра-да!* 'Выпьем') [Груздева 1992], причем форма дуалиса тоже представлена только в 1-ом л. В настоящее время эта форма выходит из употребления и

заменяется формой плюралиса, что в принципе естественно, тогда как в русском языке форма дуалиса 1 л. возникла наново после небытия.

Какие же выводы следуют из сказанного? Только один. Русский язык интересен для типологии не только тем, что данные, полученные на материале других языков, позволяют дать более адекватное описание его грамматики, что достаточно тривиально, но и тем, что в его грамматике имеются интересные явления, которые дают основания для уточнения типологической теории. Подробный анализ русской грамматики с этой точки зрения - дело будущего. Также дело будущего - написание русской грамматики, учитывающее данные, накопленные современной типологией.

Литература

Белоусов 1982 — В. Н. Белоусов. История форм повелительного наклонения // Историческая грамматика русского языка. М., 1982. С. 132-153.

Бирюлин 1994 — Л. Бирюлин. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994.

Бирюлин, Храковский 1990а — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Глагольные формы двойственного числа в русском языке? // Закономерности языковой эволюции: Тез. докл. Рига, 1990. С. 49-50.

Бирюлин, Храковский 1990б — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Типологическая составляющая эволюционного процесса // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии: Тез. докл. М., 1990. С. 25-27.

Бирюлин, Храковский 1991 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Русская императивная парадигма с эволюционной и типологической точек зрения // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991. С. 37—45.

Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992. С. 5—50.

Булаховский 1953 — Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка II (исторический комментарий). Киев, 1953.

Буслаев 1858 — Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 2. М., 1858.

Виноградов 1938 — В. В. Виноградов. Современный русский язык. Вып. 2. М., 1938.

Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986.

Груздева 1992 — Е. Ю. Груздева. Повелительные предложения в нивхском языке // Типология императивных конструкций. СПб., 1992. С. 55—63.

Исхакова и др. 1992 — Х. Ф. Исхакова, Д. М. Насилов, Ш. С. Сафаров. Повелительные предложения в тюркских языках // Типология императивных конструкций. СПб., 1992. С. 106—119.

Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

- Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.
- Мейе 1938 — А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. М.; Вена, 1998.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Супрун 1996 — А. Е. Супрун. Общая характеристика семантики количественности [в:] // Теория функциональной грамматики: качественность, количественность. СПб., 1996. С. 162—170.
- Храковский 1993 — В. С. Храковский. Неизвестный Трубецкой (идеи ученого в области морфологии русского глагола) // Н. С. Трубецкой и современная филология. М., 1993. С. 236—247.
- Храковский 2001 — В. С. Храковский. Семантический анализ основных значений русского вида с типологической точки зрения // *Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Papers in Honor of Andrzej Bogusławski on the Occasion of his 70th Birthday*. Oldenburg, 2001. P. 89—108.
- Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Lötzsich 1965 — R. Lötzsich. Die spezifischen Neuerungen der sorbischen Dualflexion. Bautzen, 1965.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, 1994.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: an Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, 1976.
- Coseriu 1980 — E. Coseriu. Aspect verbal ou aspects verbaux? // *La notion d'aspect*. Paris, 1980. P. 13—26.
- Tesnière 1925 — L. Tesnière. *Les formes du duel en slovène*. Paris, 1925.
- Jakobson 1971a — R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums // *Selected Writings*. Vol. 2. The Hague, 1971. P. 7—16.
- Jakobson 1971á — R. Jakobson. Строй украинского императива // *Selected Writings*. Vol. 2. The Hague, 1971. P. 190—197.

ФОРМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРИФРАЗирования ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ СИСТЕМ ПЕРЕРАБОТКИ ТЕКСТОВ НА ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ¹

0. Вводные замечания.

В статье «Перифразирование на компьютере» [Апресян, Цинман 1998] авторы опубликовали первую версию разработанной в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН модели перифразирования предложений на естественном языке. В 1999—2001 гг. эта модель стала предметом специального проекта, поддержанного грантом № 99-06-80292 Российского фонда фундаментальных исследований. В рамках указанного проекта модель была существенно развита, и с ней была проведена новая серия экспериментов. Ясно понимая глубину пропасти, лежащей между неограниченной способностью человека использовать язык для решения своих коммуникативных и иных задач и весьма ограниченными возможностями сколь угодно совершенной компьютерной модели имитировать эту способность, мы, тем не менее, полагаем, что даже скромные достижения компьютера на этом пути могут представлять интерес не только для специалистов в области информационных технологий, но и для филологов. Это и дает нам смелость предложить на суд читателей «Русского языка в научном освещении» некоторые результаты проведенного нами исследования.

Наша работа имеет три источника.

Главным из них является фундаментальная модель языка «Смысл \Leftrightarrow Текст» (МСТ), предложенная И. А. Мельчуком². МСТ – это многоуровневое логическое устройство, имитирующее две основные способности говорящих: (1) извлекать смысл из заданного предложения (или множество «омонимичных» смыслов в случае его неоднозначности) и

¹ Работа была поддержана грантами РФФИ 00-15-98866 и 02-06-80106 и грантом РГНФ № 02-04-00306а.

² См. [Мельчук 1974, 1995; Mel'čuk 1995, 1997]. См. также публикации по словарному компоненту модели – толково-комбинаторному словарю: [Мельчук, Жолковский 1984; Mel'čuk et al. 1984; Mel'čuk et al. 1988; Mel'čuk et al. 1992; Mel'čuk et al. 1999].

(2) выражать нужный смысл правильным предложением или множеством синонимичных предложений на естественном языке. Как ясно из (2), МСТ включает в качестве компонента и некую модель перифразирования.

Второй источник – разработанный Лабораторией компьютерной лингвистики ИППИ РАН на основе идеологии МСТ полифункциональный многоязычный лингвистический процессор ЭТАП-3, способный производить глубокую переработку предложений на естественном языке, сохраняя неизменным их содержание³. Он используется в двунаправленной англо-русской и русско-английской системе машинного перевода и в системах общения с базами данных на естественном языке. В обоих типах систем задача перехода от текста к содержащемуся в нем смыслу и обратно решается как задача перевода. В первом случае имеет место перевод с одного естественного языка на другой, а во втором – перевод с естественного языка на искусственный и обратно. Забегая несколько вперед, можно сказать, что и задача перифразирования тоже ставится и решается как задача машинного перевода. Просто в данном случае перевод осуществляется внутри одного и того же естественного языка.

Наконец, третьим источником рассматриваемой модели перифразирования является выдвинутая одним из авторов данной статьи концепция интегрального лингвистического описания, или согласованного описания грамматики и словаря (см., например, [Апресян 1995]). Она выросла из опыта разработки лингвистического процессора ЭТАП-3. Принципы интегрального лингвистического описания требуют, в частности, чтобы лексемам в словаре были в явном виде приписаны все типы информации, обращения к которым могут потребовать разного рода лингвистические правила, и чтобы классы лексем (лексикографические типы), реагирующие на одни и те же правила, были описаны в словаре абсолютно единообразно.

³ См. [Апресян и др. 1989; Апресян и др. 1992; Aprésjan et al. 1992; 2000]. Первые три публикации дают представление о принципиальной стороне дела, хотя уже не отражают нынешнего уровня разработки лингвистического процессора ЭТАП. В настоящее время ЭТАП располагает а) полными моделями морфологии русского и английского языков, с морфологическими словарями объемом до 100 000 единиц в каждом; б) полными моделями синтаксиса обоих языков; в) правилами перехода от синтаксических структур входного языка к синтаксическим структурам выходного (свыше 10 блоков), которые, в частности, обеспечивают переход на глубинно-синтаксический уровень представления перерабатываемого предложения; г) комбинаторными словарями обоих языков объемом до 60 000 единиц в каждом, с обширной информацией о каждой лексеме (часть речи, стандартный перевод на другой язык, синтаксические и семантические признаки, модели управления, лексические функции, словарные и трафаретные правила поверхностно-синтаксического и глубинно-синтаксического анализа и синтеза предложений, словарные и трафаретные правила нетривиального перевода).

В ходе формализации и компьютерной реализации модели перифразирования предложений, разработанной И. А. Мельчуком, в нее пришлось внести некоторые модификации. Главные из них были вызваны тем, что она была встроена в качестве особого модуля в действующий лингвистический процессор ЭТАП-3. Однако часть этих модификаций была продиктована чисто содержательными соображениями.

Ниже мы изложим модель перифразирования предложений в том виде, в каком она функционирует в среде процессора ЭТАП-3. Изложение будет построено по следующему плану: 1) перифрастические отношения в языке и понятие лексической функции (ЛФ); 2) ЛФ с богатым перифрастическим потенциалом; 3) запись ЛФ в комбинаторном словаре; 4) общая схема модели перифразирования; 5) правила перифразирования; 6) результаты компьютерных экспериментов; 7) возможности использования аппарата ЛФ за пределами модели перифразирования; 8) компьютерные модели языка как экспериментальный полигон лингвистики.

1. Перифрастические отношения в языке и понятие ЛФ.

1.1. Общий взгляд на синонимию в естественном языке.

Тезис о том, что лексические синонимы, т. е. пары или группы единиц типа *здесь – тут, везде – всюду – повсюду, считать – думать, полагать, находить* и т. п., - далеко не единственный тип синонимов, которыми располагают естественные языки, не нов. Синонимия пронизывает все уровни языковой структуры, начиная, по-видимому, с морфологического. Соответствующие примеры давно обсуждаются в литературе. Такова синонимия форм НЕСОВ и СОВ в потенциальном значении, ср. *Он поднимает 500 килограмм – Он поднимет 500 килограмм* (морфологический уровень)⁴; синонимия суффиксов действия *-ни(е) /-ени(е) /-ани(е)* и *-к(а) /-овк(а) /-ежк(а) / -ачк(а) / -анк(а)*, ср. *гуляние – гулянка, закаливание – закалка, кормление – кормежка, отбеливание – отбелка, подкармливание – подкормка* и т. п. (словообразовательный уровень)⁵; синонимия неопределенно-личной и пассивной конструкций, ср. *Его не приняли в институт – Он не был принят в институт, Лодку опрокинули – Лодка была опрокинута* (синтаксический уровень)⁶. К тому же (синтаксическому) уровню относятся и многочисленные случаи альтернативного управления; ср. *Я боюсь упасть – Я боюсь, что (я) упаду – Я боюсь, как бы я не упал.*

⁴ Подробнее об этом см., например, [Гловинская 1983: 55; Апресян 1999: 45; Гловинская 2001: 210-216].

⁵ Подробнее об этом см., например, [Грамматика-54: 258-261] и [Грамматика-80: 157-161].

⁶ Подробнее об этом см., например, [Храковский 1991: 168-170; Булыгина, Шмелев 1991: 52] со ссылками на другие работы.

Разумеется, возможны сложные комбинации этих типов синонимии; ср. синонимию сравнительной степени прилагательного и описательных оборотов с отрицанием и словом *такой* (*Река шире озера – Озеро не такое широкое, как река*); синонимию пассивной и безличной конструкций для глаголов некоторых лексико-семантических классов (*Стена была разрушена взрывом – Стену разрушило взрывом*); синонимию неопределенно-личной конструкции и возвратных глаголов на – ся с медиальным значением (*Через неделю магазин снова открыли – Через неделю магазин снова открылся*); лексико-синтаксическую синонимию исходных глаголов и глагольно-именных словосочетаний с глаголами так называемой «широкой семантики» типа *давить на кого – оказывать давление на кого, обстреливать кого – производить обстрел кого, атаковать кого – производить атаку на кого, любить кого – испытывать любовь к кому*.

Однако наибольшее разнообразие синонимических отношений характеризует семантический уровень, на котором взаимные превращения высказываний могут быть обусловлены сложным перераспределением смыслов между входящими в их состав языковыми единицами. Мы приведем только два куста перифраз семантического уровня, которые допускают вполне строгую формулировку в виде правил.

На свете нет дела, более сложного, чем составление словаря – Составление словаря – самое сложное дело на свете – Любое дело на свете проще, чем составление словаря – Составление словаря сложнее, чем любое другое дело на свете.

Резкое похолодание погубило саженцы – Внезапно наступившие холода погубили саженцы – Резкое понижение <падение> температуры атмосферного воздуха погубило саженцы – Саженцы погибли от резкого похолодания <от внезапно наступивших холодов, от резкого падения температуры атмосферного воздуха> – Гибель саженцев была следствием похолодания <внезапно наступивших холодов, резкого падения температуры атмосферного воздуха> – Похолодание <внезапно наступившие холода, резкое падение температуры атмосферного воздуха> вызвало гибель саженцев <привело к гибели саженцев> – Гибель саженцев произошла из-за похолодания <внезапно наступивших холодов, резкого падения температуры атмосферного воздуха>, Гибель саженцев была обусловлена резким похолоданием <резким падением температуры атмосферного воздуха> и т. п.

Обратим внимание на то, что в ряде перифраз сложное значение слова *похолодание* представлено словосочетанием из четырех слов (*падение температуры атмосферного воздуха*), в сущности, эквивалентным его толкованию, а значение слова *погубить* ≈ ‘быть причиной того, что начало иметь место прекращение жизни какого-то организма’ распределено между существительным *гибель* ≈ ‘прекращение жизни какого-то организма’, глаголом *произойти* ≈ ‘начать иметь место’ и предлогом *из-за* ≈ ‘по причине’.

Для того, чтобы формализовать все перечисленные перифразы в виде правил, достаточно располагать толкованиями слов и иметь возможность прибегать к равносильностям языка исчисления предикатов первого порядка (для преобразований типа *Нет дела, более сложного, чем составление словаря – Любое дело проще, чем составление словаря*, в которых участвуют кванторы и отрицание).

Само собой разумеется, что на семантическом уровне возможны и гораздо более сложные преобразования, о формализуемости которых в настоящее время говорить, видимо, преждевременно. То же относится и к преобразованиям прагматического уровня; ср. *Не могли бы вы передать мне соль? ≈ Передайте мне, пожалуйста, соль*.

1.2. Понятие ЛФ.

Существенно новый уровень в изучении перифрастических отношений в языке был достигнут с появлением МСТ И. А. Мельчука. Выдвинутое в ней революционное понятие ЛФ позволило систематизировать на единой теоретической основе огромный лексический материал, до того не поддававшийся систематическому описанию, и сформулировать в виде строгих правил большой класс лексико-синтаксических правил перифразирования. Мы считаем необходимым коротко напомнить читателям журнала «Русский язык в научном освещении» и то, и другое, так как в последние десятилетия эта проблематика была основательно, хотя и незаслуженно забыта.

Под элементарной ЛФ в МСТ понимается одно из нескольких десятков весьма общих и универсальных для человеческих языков отношений, связывающих ключевую лексему с какими-то другими лексемами, которые либо имеют то же самое или очень похожее значение, либо могут синтаксически зависеть от нее или подчинять ее; при этом ни одна из таких лексем не может быть стопроцентно предсказана по значению ключевой лексемы, т. е. не является стопроцентно семантически мотивированной.

ЛФ используются для описания следующих двух вещей: (1) идиоматичной, т. е. не вполне свободной сочетаемости слов, ср. *оказывать давление* и *производить обстрел*, но не наоборот (ЛФ OPER1, см. ниже раздел 2.1), *крепко спать* и *твердо знать*, но не наоборот (ЛФ MAGN, см. ниже раздел 2.2.3); (2) перифрастических (синонимических) отношений между высказываниями; ср. *Он очень давил на своих партнеров – Он оказывал сильное давление на своих партнеров – Партнеры подвергались сильному давлению с его стороны – Партнеры испытывали сильное давление с его стороны; Утром береговая артиллерия противника обстреляла наши корабли – Утром береговая артиллерия противника произвела обстрел наших кораблей – Утром наши корабли подверглись обстрелу береговой артиллерии противника – Утром наши корабли попали под обстрел береговой артиллерии противника*.

2. Некоторые ЛФ с богатым перифрастическим потенциалом.

В данном разделе речь пойдет только о втором свойстве ЛФ. Из этого следует, что мы не будем рассматривать тех ЛФ (например, MAGN, ANTIMAGN, BON, ANTIBON, REAL1, REAL2, FАСТ1 и многих других, числом несколько десятков), которые не участвуют непосредственно в правилах перифразирования, хотя используются в составе других систем ЭТАП'а.

Большинство обсуждаемых здесь ЛФ были заимствованы из классической версии МСТ (см. сноску 2). Вновь введенные ЛФ, которыми ЭТАП отличается от МСТ, помечаются знаком [+] (за исключением тех новых ЛФ, которые собраны в разделе 2.2). Однако, независимо от источника, мы попытались унифицировать в рамках единой системы определения всех ЛФ, используемых в ЭТАП'е. Кроме того, мы позволили себе слегка отклониться от классической версии МСТ в том, что касается принципов систематизации ЛФ. Чисто технические различия в названиях некоторых ЛФ никак не оговариваются.

В определениях ЛФ используются следующие обозначения: X – ситуация, названная ключевым словом (действие, деятельность, процесс, событие, состояние, свойство, отношение и т. п.), или само это слово; P1, P2, P3 – первый, второй и третий участники ситуации X соответственно или имена этих участников; P0 – неучастник ситуации, обычно – ее внешний каузатор или «ликвидатор», или его имя⁷.

Каждое определение сопровождается относительно подробной подборкой примеров, которая преследует сразу две цели: во-первых, дать представление о новых фактах, собранных нами в ходе работы с массовым лексикографическим материалом; во-вторых, продемонстрировать размах действия ЛФ в словаре русского языка и, следовательно, показать возможности аппарата ЛФ как средства систематического описания реального лексического материала.

2.1. ЛФ классической версии МСТ.

Все такие ЛФ мы делим на три основных типа – субституты, дериваты и коллокаты (в классической версии МСТ все ЛФ делились на два типа – «замены» и «параметры»; см., например, [Мельчук 1974: 78]).

С у б с т и т у т а м и называются ЛФ, лексическое значение которых имеет толкование, идентичное или очень близкое к толкованию ключевого слова, и которые могут выполнять в предложении те же синтаксические функции (подлежащего, сказуемого, дополнения, определения / атрибута и т. п.).

К числу субститутов относятся следующие ЛФ:

⁷ В тех случаях, когда омонимия этих обозначений снимается в контексте, мы не будем оговаривать, который из двух смыслов имеется в виду.

1) SYN – точные, т. е. взаимозаменяемые синонимы, ср. *бегемот – гиппопотам, бросать – кидать, гасить – тушить, дьявольщина – чертовщина, импорт – ввоз, китаистика – синология, лейкомия – белокровие, лингвистика – языкознание, отметка – оценка, пума – кугуар, разрешать – позволять, смотреть – глядеть, увеличение – рост, экспорт – вывоз*. Заметим, что в нашей системе есть и ЛФ SYN1 (неточный синоним), ср. *надеяться – уповать*.

2) GENER – гиперонимы, преимущественно существительные и глаголы; ср. *ботаника – наука, красный – цвет, круглый – форма, шептать – говорить*.

3) Разные типы конверсивов, т. е. глаголов или глагольных выражений, обозначающих ту же самую ситуацию, что X, но со сменой диатезы, причем мена диатезы затрагивает минимум два актанта⁸. Из большого числа теоретически мыслимых конверсивов существенными для нас оказались следующие четыре типа:

CONV1 – конверсивы, у которых мена диатезы затрагивает первый и второй актанта; ср. *вмещать – входить (Бутылка вмещает два литра – В бутылку входит два литра), вызывать (пожар) – простекасть, пугать – пугаться, содержать – содержаться, составлять – состоять из (кого-л.)*.

CONV2 – конверсивы, у которых мена диатезы затрагивает второй и третий актанта; ср. *информировать (кого о чем) – сообщать (кому что), оснащать (кого чем) – поставлять (что кому), отбирать (что у кого) – лишать (кого чего)*.

CONV3 – конверсивы, у которых мена диатезы затрагивает первый и третий актанта; ср. *арендовать – сдавать, давать – получать, занимать – одалживать, покупать – продавать, сообщать (что-л. кому-л.) – узнавать (что-л. от кого-л.)*.

CONV – конверсивы, у которых мена диатезы затрагивает первый и второй актанта, как в случае CONV1, но которые представлены не глаголами, а сочетанием связки с двухактантным существительным; ср. *муж – жена, предок – потомок, родители – дети, учитель – ученик*.

4) Разные типы антонимов, см. ниже, раздел 2.2.

Д е р и в а т а м и называются ЛФ, лексическое значение которых имеет толкование, идентичное или очень близкое к толкованию ключевого слова, но которые принадлежат к другой

⁸ В понимании диатезы мы следуем работе [Мельчук, Холодович 1970: 117], где она была определена как соответствие синтаксических и семантических актанта. Синтаксические актанта – это подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение и т. п., а семантические – агенс, объект, инструмент и т. п. Во фразе *Прокурор опротестовал решение суда* глагол *опротестовать* имеет следующую диатезу: подлежащее – агенс, прямое дополнение – объект. В пассивной конструкции типа *Решение суда было опротестовано прокурором* диатеза другая: подлежащее – объект, косвенное дополнение – агенс.

части речи и поэтому выполняют в предложении другую синтаксическую функцию⁹.

К числу дериватов относятся:

S0 – существительное, имеющее то же лексическое значение, что X; ср. *белый* – *белизна*, *возможный* – *возможность*, *гордиться* – *гордость*, *контролировать* – *контроль*, *экспортировать* – *экспорт*.

S1 – существительное, обозначающее P1, который делает X, имеет X или находится в состоянии X; ср. *болезнь* – *больной*, *лечить* – *врач*, *учить* – *учитель*, *экспортировать* – *экспортер*.

S2 – существительное, обозначающее P2, который подвергается X-у, создается X-м или является вторым членом отношения X; ср. *есть* – *еда*, *женат* – *жена*, *лечить* – *пациент*, *преподавать* – (*учебный*) *предмет*, *учить* – *ученик*.

S-RES – существительное со значением результата действия или процесса X; ср. *вредить* – *вред*, *заснуть* – *сон*, *испугаться* – *страх*, *разрушать* – *руины*.

[+] S-INIT – существительное со значением действия или состояния, предшествующего тому, которое обозначено X-м; ср. *затихнуть* – *шум*, *проснуться* – *сон*, *успокоиться* – *беспокойство*.

A0 – прилагательное, имеющее то же лексическое значение, что X; ср. *весна* – *весенний*, *Германия* – *немецкий*, *глаза* – *глазной*, *город* – *городской*, *лимон* – *лимонный*, *стена* – *стенной*, *США* – *американский*.

A1 – прилагательное, описывающее действие, свойство или состояние участника P1 ситуации X: такой, который делает X, имеет X или находится в состоянии X; ср. *авторитет* – *авторитетный*, *болеть* – *больной*, *важность* – *важный*, *заботиться* – *заботливый*, *любить* – *любящий* (*отец*), *мочь* – *способный* (*может предать* – *способен предать*), *опыт* – *опытный*, *привыкнуть* – *привычный* (*к шуму*), *радоваться* – *радостный*, *слава* – *прославленный*, *слепота* – *слепой*, *соглашаться* – *согласный*.

A2 – прилагательное, описывающее положение, свойство или состояние участника P2 ситуации X: такой, который подвергается X-у или является объектом X-а; ср. *бояться* – *страшный*, *доступ* – *доступный*, *запрещать* – *запретный*, *знать (что P)* – *известно (что P)*,

⁹ Возможны ситуации, когда и аргумент, и значение словообразовательной функции формально относятся к одной и той же части речи; ср. название имени деятеля *агрессор* по существительному *агрессия*. Очевидно, однако, что в системе русского языка имена деятеля прототипически образуются от глаголов. Поэтому в таких случаях, в целях сохранения общности словообразовательной модели, на более глубоком уровне представления лексических единиц можно постулировать существование фиктивных лексем, например, глагола **агрессировать*. Это решение имеет еще два преимущества: во-первых, сохраняется общность определений ЛФ-дериватов. Во-вторых, сохраняется общность правил перифразирования, в которых такие имена деятеля и действия ведут себя совершенно аналогично прототипическим именам деятеля и действия, образованным от реальных глаголов.

любить – любимый, нуждаться – нужный, привыкнуть – привычный (шум).

ADV0 – наречие, имеющее то же лексическое значение, что X; ср. *быстрый – быстро, красивый – красиво, поздний – поздно.*

ADV1 – наречие, описывающее действие, свойство или состояние участника P1 ситуации X: *делая X, имея X или находясь в состоянии X*; ср. *бежать – на бегу, бодрствовать – наяву, молчать – молча, радоваться – радостно, спать – во сне.*

V0 – глагол, имеющий то же лексическое значение, что X; ср. *защита – защищать, радость – радоваться, чтение – читать.*

К о л л о к а т а м и называются ЛФ, которые сочетаются с ключевым словом либо в роли его синтаксического хозяина, либо в роли его синтаксического зависимого и поэтому имеют и другое лексическое значение, чем ключевое слово, и другую синтаксическую функцию в предложении.

Главным классом коллокатов, которые обладают богатым перифрастическим потенциалом, являются глаголы-связки (COPUL) и полуслужебные глаголы семейства OPER-FUNC. Семейство OPER-FUNC представлено в МСТ следующими глаголами:

OPER1 – ‘делать X, иметь X или быть в состоянии X’: глагол поддержки, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения; ср. *производить (атаку), давать (благословение), испытывать (возмущение), проявлять (интерес), питать (надежду), наносить (оскорбление), оказывать (помощь), проводить (проверку), заниматься (флиртом).*

OPER2 – ‘подвергаться X-у или быть объектом X-а’: глагол поддержки, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения; ср. *подвергаться (атаке), представлять (интерес), быть (под контролем), нести (наказание), получать (помощь), встречать (прием), находиться (на рассмотрении), числиться (в розыске), встречать (сопротивление), пользоваться уважением.*

[+] OPER3 – ‘быть получателем X-а’: глагол поддержки, при котором P3 выполняет функцию подлежащего, а X – функцию главного дополнения; ср. *выслушивать (жалобу), получать (подарок).*

LABOR1-2 – ‘подвергать P2 действию X-а’: глагол поддержки, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, P2 – функцию главного дополнения, а сам X – функцию второстепенного дополнения; ср. *наградить (кого-л. аплодисментами), содержать (кого-л. под арестом), преподнести (что-л. в дар), сопроводить (что-л. комментарием), держать (кого-что-л. под контролем), относиться (к чему-л. с осторожностью), обращаться (к кому-л. с просьбой), подвергать (что-л. сомнению), одарить кого-л. улыбкой, содержать (что-л. в чистоте), говорить (что-л. в шутку).*

FUNC0 – ‘X имеет место’: глагол поддержки, при котором X выполняет функцию подлежащего; ср. *(Авария) происходит, (Аплодисменты) гремят, (Болезнь) течет, (Борьба) идет,*

(Ветер) дует, (Катастрофа) происходит, (Морозы) стоят, (Огонь) горит, (Пожар) полыхает, (Слухи) ходят, (Тишина) стоит, (Шторм) бушует, (Экзамен) идет.

FUNC1 – ‘X имеется у P1 или характеризует P1’: глагол поддержки, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 – функцию главного дополнения; ср. *(Голод) терзает (кого-л.), (Вина) лежит (на ком-л.), (Гнев) владеет (кем-л.), (Зависть) точит (кого-л.), (Лихорадка) мучит (кого-л.), (Неудача) постигает (кого-л.), (Озноб) бьет (кого-л.), (Приключение) случается (с кем-л.), (Просьба) исходит (от кого-л.), (Страх) владеет (кем-л.), (Тоска) гложет (кого-л.), (Удача) сопутствует (кому-л.).*

FUNC2 – ‘X воздействует на P2, касается P2 или состоит в P2’: глагол поддержки, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P2 – функцию главного дополнения; ср. *(Вина) состоит (в чем-л.), (Возмездие) настигает (кого-л.), (Выбор) падает (на что-л.), (Запрет) лежит (на чем-л.), (Изменение) касается (чего-л.), (Кара) настигает (кого-л.), (Опасность) нависает (над кем-л.), (Ошибка) состоит (в чем-л.), (Проклятие) лежит (на ком-л.), (Удар) обрушивается (на кого-л.).*

Для ЛФ указанного семейства характерны суперпозиции с добавлением смыслов ‘начать(ся)’, ‘прекратить(ся)’, ‘каузировать’ и ‘ликвидировать’, которые трактуются как ЛФ INCEP, FIN, CAUS и LIQU соответственно. Приведем несколько примеров суперпозиций перечисленных ЛФ с ЛФ семейства OPER-FUNC.

OPER1(власть) = *иметь (власть)*, INCEPOPER1(власть) = *получать (власть) / приобретать (власть)*, FINOPER1(власть) = *терять (власть) / утрачивать (власть)*, CAUSOPER1(власть) = *приводить (кого-л. к власти) / наделять (кого-л. властью)*, LIQUOPER1(власть) = *лишать (кого-л. власти)*; OPER2(власть) = *быть под (властью) / находиться под (властью)*, INCEPOPER2(власть) = *попадать под (власть) / оказываться под (властью)*, FINOPER2(власть) = *выходить из-под (власти)*, CAUSOPER2(власть) = *отдавать (кого-л.) под (власть)*, LIQUOPER2(власть) = *выводить (кого-л.) из-под (власти)*; FUNC1 = *(Власть) есть у (кого-л.) / (Власть) принадлежит (кому-л.)*, INCEPFUNC1(власть) = *(Власть) переходит к (кому-л.)*, CAUSFUNC1(власть) = *давать (власть) (кому-л.)*, LIQUFUNC1(власть) = *отнимать (власть) у (кого-л.)*.

OPER1(бой) = *вести (бой)*, INCEPOPER1(бой) = *начинать (бой) / завязывать (бой)*, FINOPER1(бой) = *прекращать (бой) / выходить из (боя)*, CAUSOPER1(бой) = *вводить (кого-л.) в (бой)*, LIQUOPER1(бой) = *выводить (кого-л.) из (боя)*; INCEPFUNC0(бой) = *(Бой) начинается / (Бой) завязывается*, FINFUNC0(бой) = *(Бой) прекращается*.

OPER1(контроль) = *иметь (контроль)*, INCEPOPER1(контроль) = *получать (контроль)*, FINOPER1(контроль) = *терять (контроль) / утрачивать (контроль)*, CAUSOPER2(контроль) = *ставить (что-л.) под (контроль)*, LIQUOPER2(контроль) = *выводить (что-л.) из-под (контроля)*.

OPER1(паника) = *быть в (панике)*, INCEPOPER1(паника) = *впадать в (панику)*, INCEPFUNC1(Паника) = *охватывает (кого-л.)*, CAUSFUNC0(паника) = *сеять (панику)*,

LIQUFUNC0(паника) = пресекать (панику) / прекращать (панику), CAUSFUNC1 (паника) = сеять (панику) среди (кого-л.).

OPER1(терпение) = иметь (терпение), INCEPOPER1(терпение) = набираться (терпения), FINOPER1(терпение) = терять (терпение), LIQUOPER1(терпение) = выводить (кого-л.) из (терпения); FINFUNC0(терпение) = (Терпение) лопается, FINFUNC1(терпение) = (Терпение) покидает (кого-л.).

Аргументами ЛФ INCEP, FIN, CAUS и LIQU могут быть не только лексико-функциональные глаголы, но и глаголы-связки (т. е. ЛФ COPUL), а также полнозначные глаголы. Примеры:

INCEP(говорить) = заговорить, INCEP(двигаться) = тронуться, INCEP (сметься) = рассмеяться, INCEP(спать) = заснуть.

FIN(болеть) = выздороветь, FIN(говорить) = замолчать, FIN(помнить) = забыть, FIN(уметь) = разучиться.

CAUS(висеть) = вешать (что-л.), CAUS(лежать) = класть (что-л.), CAUS(приземляться) = сажать (самолет), CAUS(смеяться) = рассмешить (кого-л.).

LIQU(беспокоиться) = успокоить (кого-л.), LIQU(жить) = убивать (кого-л.), LIQU(считать) = разубедить (кого-л.), LIQU(спать) = разбудить (кого-л.).

Аналогичные ЛФ определены и для отглагольных существительных. Так, V0(сон) = спать, INCEPV0(сон) = засыпать, FINV0(сон) = просыпаться, CAUSV0(сон) = усыплять, LIQUV0(сон) = будить.

Важными коллокатами являются ЛФ LOC и [+] TEMP – предлоги, обозначающие нормальную пространственную или временную локализацию чего-л. по отношению к X-у и присоединяющие X предложным отношением; ср. *в2 (апреле), на2 (борту), при (дворе), под2 (навесом), за2 (ширмой)* [LOC]; *в1 (воскресенье), в2 (году), в1 (день), на2 (закате), на2 (неделе)* [TEMP].

2.2. Некоторые новые ЛФ.

Новые ЛФ разбиваются на два основных семейства – семейство антонимов и семейство REAL-M – FACT-M.

2.2.1. Семейство антонимов.

Семейство антонимов было введено в [Апресян 1974], где место одной ЛФ ANTI классической версии МСТ заняли четыре новые ЛФ: ANTI1, ANTI2, ANTI3 и ANTI. Ниже воспроизводятся их определения.

Антонимом типа ANTI1 лексемы X называется такая лексема Y, толкование которой сводимо к толкованию X с внутренним отрицанием: $Y(P) = 'X \text{ не } (P)'$, например, *никогда – всегда, переставать – начинать*: *Никогда P = 'всегда не P', переставать P = 'начинать не P'*.

Антонимом типа ANTI2 лексемы X называется такая лексема Y, толкование которой сводимо к толкованию X с внешним отрицанием: $Y = 'не X'$, например,

алкогольный – безалкогольный, нарушать – не соблюдать, отсутствовать – не присутствовать, факультативный – обязательный.

Антонимом типа ANTI3 прилагательного X называется такое прилагательное Y, сравнительная степень которого является конверсивом типа CONV от X-а, например, *Петя выше Кати на два сантиметра – Катя ниже Пети на два сантиметра.*

Все остальные типы антонимии (*хороший – плохой, женский – мужской (пол), черный – белый, Север – Юг* и т. п.) обозначаются символом ANTI.

2.2.2. Семейство REAL-M – FACT-M.

Семейство REAL-M – FACT-M было введено в [Апресян 2001]. ЛФ данного семейства определены для существительных типа *долг, искушение, надежда, обещание, приказ, просьба, совет, требование* и т. п. Их синтаксические свойства – точно такие же, как у ЛФ семейства OPER-FUNC. Однако семантически они принципиально отличаются и от этого семейства, и от близкого к ним семейства REAL-FACT. Подробно их семантическое своеобразие и связанный с ним набор специфических свойств обсуждаются в уже упомянутой работе. Ниже мы коротко прокомментируем лишь одну их особенность, объясняющую наличие индекса «М» в составе их имен.

В лексические значения ЛФ данного семейства входят модальные компоненты. Они могут быть разными для разных ключевых слов ('хотеть', 'можно', 'нужно', 'должен', 'нельзя' и т. п.), так что семантической общности на этом уровне от них ожидать не следует. Их единственное общее свойство – некое прагматическое *о ж и д а н и е*, связываемое с референтом ключевого слова. С (денежным) долгом связывается ожидание, что рано или поздно он будет возвращен, с надеждой – что она сбудется, а с советом – что он будет принят. Только через понятие такого прагматически естественного, в некотором смысле *н о р м а л ь н о г о* ожидания и может быть сформулировано определение соответствующих ЛФ. Приведем эти определения и материал.

FACT0-M = 'X находится в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего)'. Ср. *(Гипотеза) подтверждается, (Кандидат) побеждает, (Надежда) оправдывается / сбывается, (Попытка) удаётся, (Предложение) принимается / проходит, (Справедливость) торжествует, (Удар) достигает цели.*

CAUSFACT0-M = 'Делать так, чтобы X был в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию дополнения)'. Ср. *подтверждать (гипотезу), применять (закон), разрешать / улаживать (конфликт), сообщать (новости), исполнять (приговор), подтверждать (слух).*

LIQUFACT0-M = 'Делать так, чтобы X не был в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям (глагол, при котором P0 или P1 выполняет функцию подлежащего,

а X - функцию дополнения)'. Ср. *опровергать (гипотезу), расторгать (договор), развеивать (надежду), скрывать (новости), срывать (попытку), отменять (приказ), опровергать (слух), аннулировать (соглашение)*.

FACT1-M = 'X находится в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего, а P1 - функцию главного дополнения)'. Ср. *(Долг) велит (кому-л. сделать что-л.), (Пожар) повреждает / разрушает (что-л.), (Слово / обещание) связывает (кого-л.)*.

CAUSFACT1-M = 'Делать так, чтобы X был в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (глагол, при котором P0, выполняет функцию подлежащего, X - функцию главного дополнения, а P1 - функцию второстепенного дополнения)'. Ср. *возлагать (вину на кого-л.), назначать (диету кому-л.), выбивать (долг из кого-л.), открывать (доступ кому-л.), накладывать (ограничение на что-л.)*.

LIQUFACT1-M = 'Делать так, чтобы X не был в таком состоянии по отношению к P1, которое соответствует нормальным ожиданиям (глагол, при котором P0, выполняет функцию подлежащего, X - функцию главного дополнения, а P1 - функцию второстепенного дополнения)'. Ср. *прощать (долг кому-л.), снимать (вину с кого-л.), отнимать / отбирать (право у кого-л.), вернуть (слово кому-л.)*.

CAUSFACT2-M = 'Делать так, чтобы X был в таком состоянии по отношению к P2, которое соответствует нормальным ожиданиям (глагол, при котором P0 выполняет функцию подлежащего, X - функцию главного дополнения, а P2 - функцию второстепенного дополнения)'. Ср. *направлять (артиллерийский) огонь на что-л., передавать привет кому-л.*

REAL1-M = 'Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P1 (глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию главного дополнения)'. Ср. *брать (барьер), утолять (голод), искупать (грех), сидеть (на диете), отдавать (денежный долг), исполнять (моральный долг), идти (на компромисс), осуществлять (мечту), выигрывать (пари), держать (слово), следовать (совету), носить (траур)*.

INCEPREAL1-M = 'Начинать делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P1 (глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию главного дополнения)'. Ср. *обращаться (в веру), узнавать (новости), идти (в отпуск), принимать (принцип)*.

FINREAL1-M = 'Переставать делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P1 (глагол, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию главного дополнения)'. Ср. *отречься (от веры), возвращаться (из отпуска), снимать (траур), отречься (от трона)*.

CAUSREAL1-M = 'Делать так, чтобы P1 делал или начал делать по отношению к X-у то, что от P1 нормально ожидается (глагол, при котором P0 выполняет функцию подлежащего,

P1 – функцию главного дополнения, а X - функцию второстепенного дополнения)’. Ср. *сажать* (кого-л. на диету), *отправлять* (кого-л. в отпуск), *облекать / надевать* (кого-л. полномочиями), *надевать* (кого-л. правом), *связывать* (кого-л. словом).

LIQUREAL1-M = ‘Делать так, чтобы P1 не делал или перестал делать по отношению к X-у то, что от P1 нормально ожидается (глагол, при котором P0 выполняет функцию подлежащего, P1 - функцию главного дополнения, а X - функцию второстепенного дополнения)’. Ср. *снимать* (кого-л. с диеты), *отрешать* (кого-л. от должности), *освободить* (кого-л. от обещания), *отзывать* (кого-л. из отпуска).

REAL2-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P2 (глагол, при котором P2 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию главного дополнения)’. Ср. *признавать* (авторитет), *отражать / отбивать* (атаку), *прорывать* (блокаду), *оправдывать* (доверие), *принимать* (извинения), *следовать* (моде), *поддаваться* (обаянию), *принимать* (приглашение), *отбивать / парировать* (удар), *усваивать* (урок).

REAL3-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от P3 (глагол, при котором P3 выполняет функцию подлежащего, а X - функцию главного дополнения)’. Ср. *отвечать* (на вопрос), *соблюдать* (запрет), *слушать* (лекцию), *понимать* (намек), *принимать* (предложение), *подчиняться / повиноваться* (приказу), *выполнять / исполнять* (просьбу), *следовать* (совету), *выполнять* (требование).

Как видно из этих примеров, для ЛФ семейства REAL-M – FACT-M тоже характерны суперпозиции с добавлением смыслов INCEP, FIN, CAUS и LIQU. В результате и в этом семействе ЛФ возникают серии выражений, связанных друг с другом регулярными (повторяющимися) семантическими отношениями. Ср. следующие серии:

REAL1-M(шанс) = *иметь* (шанс), INCEPREAL1-M(шанс) = *получать* (шанс), FINREAL1-M(шанс) = *терять* (шанс) / *лишаться* (шанса), CAUSFACT1-M(шанс) = *давать* (шанс) (кому-л.), LIQUREAL1-M(шанс) = *лишать* (кого-л.) (шанса).

REAL1-M(отпуск) = *быть в* (отпуске), INCEPREAL1-M(отпуск) = *идти в* (отпуск), FINREAL1-M(отпуск) = *возвращаться из* (отпуска), CAUSREAL1-M (отпуск) = *отправлять* (кого-л.) в (отпуск), LIQUREAL1-M(отпуск) = *отзывать* (кого-л.) из (отпуска) / *возвращать* (кого-л.) из (отпуска), LIQUFACT0-M(отпуск) = *прерывать* (чей-л. отпуск).

REAL1-M(дежурство) = *быть на* (дежурстве), INCEPREAL1-M(дежурство) = *заступать на* (дежурство), FINREAL1-M(дежурство) = *сдавать* (дежурство), CAUSREAL1-M(дежурство) = *ставить* (кого-л.) на (дежурство), LIQUREAL1-M (дежурство) = *снимать* (кого-л.) с (дежурства).

Стройность семантических отношений, связывающих значения ЛФ внутри каждой серии, такова, что для всех подобных серий можно сформулировать единую алгебру синонимических или квазисинонимических преобразований; см. ниже раздел 5.

В том же семействе REAL-M – FACT-M хорошо представлены антонимичные ЛФ ANTIFACT0-M, ANTIREAL1-M, ANTIREAL2-M и ANTIREAL3-M.

ANTIFACT0-M = ‘X находится в состоянии, противоположном тому, которое соответствует нормальным ожиданиям (глагол, при котором X выполняет функцию подлежащего). Ср. *(Атака) захлебывается, (Мечта) развеивается, (Надежда) разбивается / лопается, (Память) подводит, (План) проваливается / срывается, (Попытка) срывается / не удается / проваливается.*

ANTIREAL1-M = ‘Делать по отношению к X-у нечто противоположное тому, что нормально ожидается от P1 (глагол, при котором P1 выступает в функции подлежащего, а X – в функции главного дополнения)’. Ср. *проигрывать (битву), подавлять (желание), отвергать (компромисс), нарушать (контракт), проваливать / срывать (план), выбалтывать (секрет), поддаваться (соблазну), упускать (шанс).*

ANTIREAL2-M = ‘Делать по отношению к X-у нечто противоположное тому, что нормально ожидается от P2 (глагол, при котором P2 выступает в функции подлежащего, а X - в функции главного дополнения)’. Ср. *обманывать (доверие) / злоупотреблять (доверием), избегать (наказания), признавать (обвинение), проглатывать (оскорбление), проваливать (экзамен).*

ANTIREAL3-M = ‘Делать по отношению к X-у нечто противоположное тому, что нормально ожидается от P3 (глагол, при котором P3 выступает в функции подлежащего, а X - в функции главного дополнения)’. Ср. *отклонять (жалобу), пренебрегать (запретом), отвергать (предложение), нарушать (приказ) / ослушаться (приказа), отклонять (просьбу), пренебрегать (советом), отклонять (требование).*

Широкое развитие таких ЛФ связано с тем, что в значения их аргументов входят модальные смыслы, у которых есть антонимы; ср. *можно – нельзя, разрешение – запрет* и т. п.

Следует обратить внимание и на особый характер антонимии таких ЛФ. Чаще всего это антонимия типа ‘P’ – ‘не P’, в связи с чем для многих ЛФ этого семейства возможны перифразы по правилам вида ANTIFACT0-M(X) + X = не FACT0-M(X) + X, ANTIREAL1-M(X) + X = не REAL1-M(X) + X, REAL1-M(X) + X = не ANTIREAL1-M(X) + X и т. п. Ср. *Атака захлебнулась ≈ Атака не удалась, обмануть доверие ≈ не оправдать доверия, оправдать доверие ≈ не обмануть доверия, пренебречь советом ≈ не последовать совету* и т. п.

Приведенные перифразы не сводимы к правилу X = не ANTI2(X). Действительно, антонимом глагола *удаться* в свободном значении (*Обед удался* и т. п.) ни в каком разумном смысле не может быть глагол *захлебнуться*. Такая антонимия возможна только в том случае, когда *удаться* употреблено в значении ЛФ FACT0-M(*атака*), см. пример выше. Ср. также пары антонимичных ЛФ *провалиться – удался* (о плане), *развеяться – претвориться* (о мечтах) и т. п.

2.2.3. Нестандартные ЛФ.

Относительно давно было замечено, что идиоматичная сочетаемость слов не описывается полностью в терминах стандартных ЛФ: семантические отношения между элементами многих словосочетаний разнообразнее, чем значения стандартных ЛФ. Ср. выражения *писать размашисто*, *писать разборчиво* <неразборчиво>, *писать как курица лапой*, *сидеть на корточках*, *сидеть боком к кому-л.*, *лежать ничком*, *упасть ничком*, *упасть навзничь*, *ударить плашмя* и т. п. Поэтому в МСТ для описания таких выражений было введено понятие нестандартной ЛФ – слова, которое идиоматично сочетается с ключевой лексемой, но имеет значение, отличное от значений стандартных ЛФ.

С другой стороны, столь же давно было замечено, что значения одной и той же ЛФ от одной и той же ключевой леммы могут быть несинонимичны друг другу. Это особенно характерно для ЛФ MAGN со значением ‘большая степень того, что обозначено ключевой лексемой’; ср. MAGN(знания) = а) *глубокие / основательные*; б) *прочные / твердые*; в) *обширные / широкие*. Хотя все эти прилагательные – законные значения функции MAGN(знания), три указанные группы должны быть как-то обособлены друг от друга, потому что входящие в их состав прилагательные имеют совершенно разные области действия в семантическом представлении ключевого слова. В результате уже в 70-е годы такие ЛФ стали расщепляться в МСТ на целые серии новых ЛФ с дополнительными индексами; ср. MAGN_[‘глубина понимания’](знания) = *глубокие / основательные (знания)*, MAGN_[‘степень усвоения’](знания) = *прочные / твердые (знания)*, MAGN_[‘количество усвоенного’](знания) = *обширные / широкие (знания)* и т. п. Ср. также MAGN(атака) = *стремительная* (по скорости разворачивания), *неожиданная* (по степени неготовности к ней объекта), *решительная* (по настроению субъекта); MAGN(просьба) = *большая / огромная* (по важности того, о чем человек просит), *настойчивая* (по тону), *убедительная* (по степени неготовности субъекта встретить отказ со стороны адресата); MAGN(война) = *кровавопролитная* (по количеству людских потерь), *разрушительная* (по материальному ущербу), *тотальная* (по количеству объектов, на которые она направлена), *мировая* (по пространству), *затяжная* (по времени); и т. д.

В компьютеризованном варианте аппарата ЛФ было решено удерживать эти важные различия. Для описания разных классов идиоматичных словосочетаний, в которых значения ЛФ-слов отклоняются от предусмотренных определениями, а синтаксические свойства определениям удовлетворяют, вводятся соответствующие нестандартные ЛФ. Их имя состоит из имени стандартной ЛФ, символа нестандартности NS и цифровых индексов, которые позволяют различать классы несинонимичных друг другу значений ЛФ. Ср. MAGN-NS1(знания) = *глубокие / основательные*, MAGN-NS2(знания) = *прочные / твердые*, MAGN-NS3(знания) = *обширные / широкие* и т. п. Заметим, что для целей машинного перевода в другом рабочем языке заводятся, если это возможно, такие же нестандартные ЛФ; ср. MAGN-NS1(knowledge) = *deep / profound*,

MAGN-NS2(knowledge) = *firm*, MAGN-NS3(knowledge) = *broad / extensive*.

2.3. Заключительные замечания об ЛФ.

Представленный в разделе 2 материал, несмотря на некоторую неизбежную в данной работе фрагментарность, позволяет сделать три принципиальных замечания об алгебре ЛФ, отражающей некоторые фундаментальные свойства человеческих языков.

Первое замечание: важные для человеческих языков, т. е. системообразующие значения, выражаются многими средствами разной природы. Таковы, в частности, перечисленные выше значения ‘начинать(ся)’, ‘прекращать(ся)’, ‘каузировать’ и ‘ликвидировать’. Как мы имели возможность убедиться, они выражаются широким спектром лексических и деривационных средств русского языка.

Важно обратить внимание и на другое свойство системообразующих значений: обычно они бывают связаны друг с другом прозрачными семантическими отношениями, т. е. имеют общие семантические компоненты. Так, INCEP(X) = ‘X не существовал до какого-то момента и существует после него’ (например, при X = *спать* INCEP(X) = *заснуть*); FIN(X) = ‘X существовал до какого-то момента и не существует после него’, т. е. ‘начался не X’ (ср. *проснуться*); CAUS(X) = ‘сделать так, что X существует или начал существовать’ (ср. *усыпить*); LIQU(X) = ‘сделать так, что X перестал существовать’ = ‘... начал не существовать’ (ср. *разбудить*); и т. д.

Второе замечание: синонимия и конверсия пронизывают все уровни языка. Они образуют тот базовый каркас отношений между языковыми единицами, на которых покоятся лексическая, словообразовательная, морфологическая и синтаксическая системы языка.

Проиллюстрируем этот тезис на отношениях конверсии.

В лексике они представлены, кроме различных типов полнозначных конверсивов (CONV1, CONV2, CONV3, CONV), еще и полуслужебными ЛФ OPER1, OPER2, LABOR1-2, FUNC1, FUNC2 и т. п. Легко убедиться, что в контексте соответствующих слов-аргументов все они отвечают определению лексических конверсивов. Разумеется, это относится и к суперпозициям INCEPOPER1, INCEPOPER2, INCEPLABOR1-2, INCEPFUNC1, INCEPFUNC2; FINOPER1, FINOPER2, FINLABOR1-2, FINFUNC1, FINFUNC2; и т. д.

В словообразовании они представлены ЛФ S1, S2, A1, A2, которые становятся конверсивами в контексте связки *быть*, а также многими типами производных возвратных глаголов (ср. *Он хочет выпить – Ему хочется выпить*).

В морфологии они представлены двумя типами форм: страдательной формой глагола и сравнительной степенью антонимичных качественных прилагательных (ср. *А больше В = В меньше А*), а в синтаксисе – набором конструкций, которые строятся на основе этих форм, в частности,

пассивной конструкцией (ср. *Дом построили иностранные рабочие – Дом был построен иностранными рабочими*).

Особое положение конверсивов в лексико-семантической системе языка ярко проявляется и в том, как эта система обслуживает общественно значимые ситуации с многими участниками. Для них естественные языки развивают такие конверсные средства описания, которые позволяют повысить синтаксический ранг каждого из участников ситуации. Такова, например, ситуация купли-продажи. Ср. *Он* (А, подлежащее) *купил эту роскошную дачу* (В, прямое дополнение) *за десять тысяч долларов* (С, предложное дополнение) *у своего приятеля* (D, предложное дополнение) – *Он* (А, подлежащее) *заплатил своему приятелю* (D, косвенное дополнение) *за эту роскошную дачу* (В, предложное дополнение) *десять тысяч долларов* (С, прямое дополнение) – *Его приятель* (D, подлежащее) *продал ему* (А, косвенное дополнение) *эту роскошную дачу* (В, прямое дополнение) *за десять тысяч долларов* (С, предложное дополнение) – *Эта роскошная дача* (В, подлежащее) *стоила ему* (А, косвенное дополнение) *десять тысяч долларов* (С; роль D невыразима) – *Десять тысяч долларов* (С, подлежащее) *ушли у него* (А, предложное дополнение) *на эту роскошную дачу* (В, предложное дополнение; роль D невыразима). Существенно, что каждая роль этой ситуации обслуживается и соответствующим актантным существительным, конверсным по отношению к другим таким существительным; ср. *покупатель, товар / услуга, стоимость, продавец*.

Третье замечание: все перечисленные средства лежат в основе богатейших перифрастических систем естественных языков, сводимых к относительно простой алгебре ЛФ. Эта алгебра эксплуатирует следующие три свойства человеческих языков: (а) отношения синонимии, в силу которых, например, глагол $X = \text{COPUL} + A1(X)$ [ср. *Он привык к шуму – Он привычен к шуму*], $X = \text{COPUL} + S1(X)$ [ср. *Он любит джаз – Он любитель джаза*], $X = \text{OPER1} + S0(X)$ [ср. *Я уважаю его – Я питаю к нему уважение*]; (б) отношения конверсии, в силу которых $X = \text{COPUL} + A2(X)$ [ср. *Я интересуюсь наукой – Мне интересна наука*], $X = \text{COPUL} + S2(X)$ [ср. *Он защищал Петра – Петр был его подзащитным*], $X = \text{OPER2} + S0(X)$ [ср. *Дети опекали престарелых родителей – Престарелые родители находились под опекой детей*], $X = \text{FUNC1} + S0(X)$ [*Он привык к шуму – У него была привычка к шуму*]; поскольку правые части всех этих равносильностей равны X-у, они равны и между собой, что дает новый огромный прирост в числе перифраз; (в) системообразующие смыслы типа INCEP, FIN, CAUS и LIQU; последние легко добавляются к обеим частям каждой из таких равносильностей, что вновь на порядки увеличивает число перифраз.

Очевидно, что, выписав некоторые базовые равносильности, можно было бы исчислить все производные равносильности на основе простых комбинаторных соображений. Мы, однако, рассмотрим (ниже, в разделе 5) не все теоретически мыслимые равносильности, а лишь те, которые

хорошо представлены в русском языке. Естественные языки, вынужденные развивать параллельные средства выражения одних и тех же смыслов для разных типов коммуникативных ситуаций, разных типов задач, разных типов коммуникантов и т. п., обнаруживают определенную степень избирательности в отношении того, какие из теоретически допустимых возможностей они реализуют. Этот факт представляет самостоятельный лингвистический интерес.

3. Запись ЛФ в комбинаторном словаре.

Неотъемлемой частью модели перифразирования является комбинаторный словарь русского языка, содержащий всю лингвистическую информацию о лексемах, которая необходима для переработки произвольного предложения в его формальные образы различных уровней глубины. Для обслуживания системы перифразирования в него была включена информация о наборе ЛФ для данной лексемы и значения каждой из них.

В ЭТАПе для разных целей используется около 120 ЛФ. Каждая ЛФ обеспечена определением и списком представительных примеров, насчитывающим от десятка до нескольких сотен единиц. Информация об ЛФ введена приблизительно в 3000 статей автоматических комбинаторных словарей ЭТАПа, что во много раз больше, чем в других словарях ЛФ.

Приведем в качестве примера ЛФ-зоны русского комбинаторного словаря для слов *контроль, надежда, просьба и требование*.

КОНТРОЛЬ

ANTI: бесконтрольность

V0: контролировать

MAGN: строгий / надежный / неослабный / особый / жесткий

ANTIMAGN: слабый

OPER1: осуществлять

INCEPOPER1: устанавливать <над> / устанавливать <за2> / налаживать <за2>

FINOPER1: утрачивать / терять

LIQUOPER1: лишать

OPER2: быть <под2> / находиться <под2> / подвергаться

INCEPOPER2: попадать <под1> / оказываться <под2>

FINOPER2: выходить <из-под>

LIQUOPER2: освобождать <от> / выводить³ <из-под>

LABOR1-2: держать <под2>

INCEPLABOR1-2: брать <под2> / ставить <под2>

FINLABOR1-2: выпускать <из-под>

LIQUFUNC2: отменять <над>

НАДЕЖДА

SYN1: упование, чаяние

ANTI: отчаяние / безнадежность

FIGUR: луч / проблеск / искра [ср. *луч надежды*]

V0: надеяться

S2: надежда 2 [ср. *Он – моя единственная надежда*]

MAGN: твердый [ср. *Он подал мне твердую надежду, что ...*]

ANTIMAGN: небольшая / слабая / шаткая / робкая

BON: радужная

VER: обоснованная

ANTIVER: напрасная / тщетная / несбыточная

OPER1: питать / лелеять / тешиться

OPER1-NS: возлагать

INCEPROPER1: обрета́ть

FINOPER1: терять / оставлять

FINFUNC0: испаряться / улетучиваться / угасать / развеиваться

LIQUFUNC0: развеивать

INCEPFUNC1: появляться <y> / рождаться <y> / возникать <y>

FINFUNC1: покидать / испаряться <y> / улетучиваться <y> / угасать <y>

CAUSFUNC1: вселять <v1> / внушать

FACT0-M: сбываться / оправдываться

ANTIFACT0-M: разбиваться / лопаться / развеиваться

LIQUFACT0-M: развеивать

ПРОСЬБА

ANTI: требование

V0: просить

SYN1: прошение / ходатайство / мольба

MAGN: большая / огромная

MAGN-NS1: убедительная

MAGN-NS2: настойчивая

ANTIMAGN: небольшая / маленькая / скромная

VER: разумная

ANTIVER: неразумная

LABOR1-3: обращаться <с3>

CAUSOPER3: обременять

FUNC2: заключаться <v2> / состоять <v2>

REAL3-M: выполнять

ANTIREAL3-M: отклонять / отказывать <v2>

ТРЕБОВАНИЕ

ANTI: просьба

V0: требовать

MAGN: настойчивое / строгое / категорическое

ANTIMAGN: скромное / умеренное

VER: законное / справедливое

ANTIVER: незаконное / несправедливое

ANTIBON: наглое

OPER1: предъявлять

OPER3: получать

OPER3-NS: принимать (ср. *Хозяева приняли все требования забастовщиков*)

LABOR1-3: обращаться <с3>

FUNC1: исходить <от>

FUNC2: заключаться <в2> / состоять <в2>

REAL3-M: выполнять / исполнять

ANTIREAL3-M: отклонять / отвергать

В угловых скобках указывается предлог, которым управляет данный глагол, когда он является значением данной ЛФ от данной лексемы. Цифровые индексы при предлоге различают словарные статьи разных лексем данного предлога; так, *под1* – предлог *под*, управляющий винительным падежом, а *под2* – предлог *под*, управляющий творительным падежом.

4. Общая схема модели перифразирования.

Как было сказано выше, Лаборатория компьютерной лингвистики провела работу по формализации описанной идеологии и по ее компьютерной реализации в рамках многофункционального лингвистического процессора ЭТАП-3, который способен автоматически приписывать произвольному предложению естественного языка его морфологическую и синтаксическую структуру и проводить преобразование синтаксических структур предложений (деревьев зависимости).

Встраивание стандартной теории перифразирования в среду действующего лингвистического процессора привело к ее существенному пересмотру в следующих направлениях: (а) был построен специальный блок правил интерпретации поверхностно-синтаксических структур в терминах лексических функций (квазиглубинно-синтаксический анализ); (б) прежде единые правила перифразирования были разбиты на правила канонизации, находящие простейшую (ядерную) перифразу в классе возможных перифраз входного предложения, и правила собственно перифразирования, дающие все остальные перифразы; (в) был построен единый блок правил, проводящих лексическую и синтаксическую перестройку предложения одновременно (в классической версии модели «Смысл-Текст» предусматривалось два различных блока правил); (г) наконец, с учетом нескольких десятков вновь введенных ЛФ (см. раздел 2) были существенно обновлены правила перифразирования. Тем самым была построена

новая версия теории перифразирования. Сейчас она проходит экспериментальную проверку в ходе функционирования прототипа и может корректироваться с учетом материалов эксперимента.

Отметим еще одну особенность рассматриваемой системы. Эксперименты по перифразированию на компьютере проводились и раньше; см. [Арсентьева и др. 1969]. Однако они носили эскизный характер в силу того, что алгоритм перифразирования работал не с реальными предложениями естественного языка, а исключительно с конструктами – деревьями зависимостей, соответствующими глубинно-синтаксической структуре какого-то предложения. Перифразирование сводилось к преобразованию одних деревьев в другие. В нашей системе на вход подается реальное предложение естественного языка, и на выходе тоже получаются реальные предложения того же языка. Иными словами, предложение проходит полный цикл переработки.

Полный цикл переработки предложения в системе перифразирования включает следующие блоки правил: (а) правила морфологического анализа произвольного предложения, на выходе которых получается его морфологическая структура; (б) правила поверхностно-синтаксического анализа, на вход которых поступает морфологическая структура перерабатываемого предложения, а на выходе получается его поверхностно-синтаксическая структура (ПСС) в виде дерева зависимостей; (в) правила распознавания ЛФ, которые осуществляют преобразование ПСС входного предложения в его ЛФ-интерпретированную синтаксическую структуру (ИнтСС); (г) правила приведения ИнтСС входного предложения на данном языке к ее каноническому виду; (д) правила собственно перифразирования, осуществляющие преобразование канонической (ядерной) ИнтСС в синонимичные ей ПСС; (е) правила поверхностно-синтаксического синтеза ПСС, которые преобразуют их в морфологические структуры будущего предложения; (ж) правила морфологического синтеза, которые превращают морфологические структуры в реальные предложения естественного языка. При этом для этапов (а) – (б) и (е) – (ж) использовались соответствующие блоки правил ЭТАПа, а правила блоков (в) - (д) были построены заново.

На данном этапе экспериментов обрабатываются предложения небольшой длины с относительно простой синтаксической структурой. В частности, не обрабатываются предложения с актантными, кванторными и оценочными определениями или обстоятельствами при ключевых словах, потому что при конверсных и антонимичных преобразованиях (а их – безусловное большинство) они должны были бы либо браковаться, либо заменяться очень нетривиальным образом.

Предложение *Каспаров одержал победу над Карповым* легко преобразуется в предложение *Карпов потерпел поражение от Каспарова*. Не возникло бы особых трудностей и в более сложном предложении типа *В этот день Каспаров одержал очередную победу над Карповым – В этот день Карпов потерпел очередное поражение от Каспарова*. Однако предложение *Каспаров одержал убедительную победу над Карповым* преобразовать к конверсному предложению со словом *поражение* гораздо труднее, потому что оценочного МАГНа той же степени усилительности, что

убедительный, у существительного *поражение* нет; предложение типа *Карпов потерпел сокрушительное поражение от Каспарова* создает преувеличенное представление о качестве одержанной Каспаровым победы.

В других случаях препятствия, создаваемые наличием при ключевом слове оценочных или актантных зависимых, оказываются принципиально непреодолимыми. Очевидно, например, что к предложению *Он охотно помогал мне* перифраза по правилу $X = \text{OPER2} + \text{S0}(X)$ вообще не может быть применена: *Я охотно получал <принимал> его помощь* описывает совершенно другую ситуацию. Ср. также неравносильность *Петр был вторым мужем Клары – Клара была второй женой Петра* и неправильность *План с треском провалился – *План с треском не удался*.

Итак, на вход системы перифразирования поступает предложение относительно простой синтаксической структуры. На выходе получается множество его перифраз. Под перифразой предложения понимается другое правильно построенное и приемлемое для носителя языка предложение, ситуативно равнозначное исходному, см. примеры выше и ниже.

5. Правила перифразирования.

5.1. Правила распознавания ЛФ.

Эти правила используют информацию из ЛФ-зон комбинаторного словаря, информацию об определении соответствующей ЛФ и информацию о ПСС перерабатываемого предложения. Пусть на вход системы перифразирования поступило предложение *Правительство держит экспорт оружия под контролем*. Для него блоки морфологического и синтаксического анализа построят ПСС, в которой глагол *держать* будет связан предикативным отношением с подлежащим *правительство*, 1-комплетивным отношением со словом *экспорт* и 2 - комплетивным отношением с предложно-именной группой ключевого слова *контроль*. Такая синтаксическая структура отвечает, в частности, определению ЛФ LABOR1-2 (см. выше раздел 2.1). В словарной статье существительного *контроль*, среди прочих ЛФ, указана и ЛФ LABOR1-2 = *держать <под2>*. Именно этот глагол, притом именно с указанным предлогом, встретился в перерабатываемом предложении в синтаксической структуре, удовлетворяющей определению ЛФ LABOR1-2. В таких условиях он интерпретируется как ЛФ LABOR1-2(*контроль*), и соответствующая информация приписывается глаголу *держать*. Аналогичным образом распознаются и все другие нужные для перифразирования ЛФ.

5.2. Правила канонизации.

Эти правила нужны для получения простейшей (канонической, ядерной) перифразы исходного предложения (о роли канонических перифраз в структуре языка см. [Апресян, Цинман 1998]). Если на вход поступила простейшая перифраза, которую нельзя преобразовать

по какому-либо правилу канонизации, она будет подана на выход правил канонизации, или, что то же самое, на вход правил перифразирования. Если на вход поступила относительно сложная фраза, она преобразуется в каноническую по какому-то правилу, обратному к соответствующему правилу перифразирования. В приведенном выше примере таким правилом канонизации будет правило вида $LABOR1-2 + X = V0(X)$, по которому предложение *Правительство держит экспорт оружия под контролем* будет преобразовано в предложение *Правительство контролирует экспорт оружия*.

Не будем приводить подробного списка правил канонизации. Все они получаются простым обращением правил собственно перифразирования, к которым мы сейчас и переходим.

5.3. Правила перифразирования в собственном смысле слова.

Правила перифразирования в собственном смысле слова получают на вход простейшую перифразу какого-то предложения, которая превращается во все более сложные перифразы в пределах возможностей, создаваемых аппаратом ЛФ. В частности, каноническая фраза *Правительство контролирует экспорт оружия* будет преобразована по правилам вида $X = OPER1 + S0(X)$, $X = LABOR1-2 + S0(X)$, $X = OPER2 + S0(X)$ во фразы *Правительство осуществляет контроль экспорта оружия*, *Правительство держит экспорт оружия под контролем*, *Экспорт оружия находится под контролем правительства* и т. д.

В соответствии с общей идеологией лингвистического процессора ЭТАП (см. упомянутые в сноске 3 публикации Лаборатории компьютерной лингвистики) все правила перифразирования делятся на три основных класса – общие, трафаретные и словарные. Чтобы пояснить их существование, введем понятие производной словарной статьи. Пусть дана словарная статья лексемы X . Под производной словарной статьёй мы будем понимать статью любой лексемы Y , упомянутой в словарной статье X в качестве значения ЛФ F : $Y = F(X)$. В этом смысле словарная статья существительного КОНТРОЛЬ производна от словарной статьи глагола КОНТРОЛИРОВАТЬ, поскольку существительное *контроль* упомянуто в качестве значения ЛФ $S0$ от этого глагола.

Общие правила применяются к любой содержащейся в предложении лексеме, если она удовлетворяет условиям, предъявляемым к входной части правила. Таковы, например, названные выше правила $X = OPER1 + S0(X)$, $X = LABOR1-2 + S0(X)$, $X = OPER2 + S0(X)$, требующие, чтобы X был глаголом. При этом может оказаться, что для применения правила к данной лексеме не хватает лексического материала, потому что в производной от X -а словарной статье нет нужных для этого ЛФ. Например, три упомянутых здесь правила дадут полный набор перифраз для предложений с глаголом *контролировать* и сокращенный набор перифраз для глагола *строить*. Дело в том, что в словарной статье КОНТРОЛЬ есть значения всех трех ЛФ, необходимых для

данных преобразований (OPER1 = *осуществлять (контроль)*, LABOR1-2 = *держат под (контролем)*, OPER2 = *находиться под (контролем)*), а в производной словарной статье СТРОИТЕЛЬСТВО есть только одна из них (OPER1 = *вести (строительство)*, ср. *Торговый комплекс строит турецкая фирма – Строительство торгового комплекса ведет турецкая фирма*). Ни ЛФ LABOR1-2, ни ЛФ OPER2 для существительного *строительство* не определены. За отсутствием нужного лексического материала соответствующие перифразы не будут порождены, но правила останутся общими.

В отличие от этого, трафаретные правила применяются только тогда, когда данная лексема заведомо допускает нужное преобразование. Для этого недостаточно наличия необходимого для правила лексического материала в ее собственной словарной статье и в производных словарных статьях. Надо еще, чтобы полученная по правилу гипотетическая перифраза воспринималась как естественный синоним исходной лексемы X.

Примером трафаретного правила является правило $X = A0(X) + GENER(X)$, где X является существительным, ср. *лингвистика = лингвистическая наука, монархия = монархическое государство*. У огромного большинства русских существительных есть соответствующие гиперонимы, т. е. ЛФ GENER, и производные вида A0. Однако лишь для считанного числа таких существительных выражение $A0(X) + GENER(X)$ воспринимается как естественный синоним X-а. На 300 имеющихся в нашем словаре примеров GENER набирается не больше десятка таких синонимов. В остальных случаях преобразование невозможно. Так, в частности, обстоит дело с большинством предметных существительных типа *автобус, брюки, волк, клоп, малина, яблоко* и т. п.; ср. неприемлемость словосочетаний *автобусное транспортное средство, брючная одежда, волчье животное, клопное насекомое, малиновая ягода, яблочный фрукт* как синонимов соответствующих существительных. Если бы правило $X = A0(X) + GENER(X)$ было общим, оно давало бы неудовлетворительный результат в подавляющем большинстве случаев. Поэтому оно трактуется как трафаретное: ссылка на него вписывается в словарные статьи только тех лексем, которые реально могут быть по нему преобразованы.

Наконец, словарными являются правила преобразования, привязанные к конкретным лексемам. Таково, например, правило преобразования прилагательных в сравнительной степени с помощью слов *такой, менее* и т. п.: *Он смелее меня – Я не такой смелый, как он*. Словарные правила вписываются непосредственно в словарные статьи соответствующих лексем.

Наряду с точными (двусторонними) правилами перифразирования рассматриваются неточные (односторонние) правила перифразирования; в них левая и правая части правила связываются знаком приближенности (\approx).

Ниже выписываются все правила перифразирования – как правила классической версии модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», так и новые правила, помечаемые знаком [+]. В новых правилах мы

попытались формализовать три типа перифрастических отношений: во-первых, перифрастические отношения, основанные на вновь введенных ЛФ класса ANTI и семейства REAL-M – FACT-M (см. о них разделы 2.2.1 и 2.2.2); во-вторых, перифрастические отношения, порождаемые некоторыми словообразовательными механизмами русского языка, включая способы действия, в частности, приставочным глагольным словообразованием с добавлением смыслов INCEP и FIN; в-третьих, перифрастические отношения, связывающие некоторые синтаксические конструкции русского языка, например, неопределенно-личные и личные с медиальными глаголами, ср. *Его испугали – Он испугался*.

Определенная часть правил пересекается с теми, которые были упомянуты в нашей прошлой публикации [Апресян, Цинман 1998]. Однако, чтобы сделать данную публикацию вполне автономной, мы их воспроизведем и здесь. Дополнительным стимулом для нас было то, что каждое правило сопровождается не одним примером, как это было сделано в [Апресян, Цинман 1998], а представительной подборкой примеров. Она была извлечена из обработанного нами массового лексического материала и призвана дать читателю представление о широте области действия правила. Этот иллюстративный материал отчасти пересекается с тем, который был использован в экспериментах; мы сделали попытку свести дублирование к минимуму.

Правила сформулированы на специальном формальном языке. На нем записываются условия, которым должна удовлетворять входная синтаксическая структура, и преобразования, которым ее надо подвергнуть. Буквальное воспроизведение правил потребовало бы больших разъяснений по поводу техники записи того и другого, которые причинили бы читателю много неудобств. Поэтому ниже мы выписываем только содержательную часть правила – в виде лексико-семантической эквивалентности входного и выходного выражений.

В той серии экспериментов, которой посвящена данная статья, нам удалось реализовать не все разработанные нами правила, хотя никаких принципиальных препятствий для их реализации нет. Те из них, которые не участвовали в эксперименте, помечаются ниже знаком [-]. Последовательностью знаков [+ -] отмечается новое правило, пока еще не опробованное в экспериментах.

5.3.1. Перифразы на основе субститутов.

$X = \text{SYN}(X)$, ср. *Я не могу больше слушать этот вздор <эту чушь>, Впыхах <второпях> он забыл дома зонтик, Потушите <погасите> свет в коридоре, Разрешите <позвольте> пройти.*

$X = \text{GENER}(X) + A0(X)$, ср. *газ – газообразное вещество, долг – долговое обязательство, дружба – дружеские отношения, зависть – завистливое чувство, катастрофа – катастрофическое событие, операция – оперативное вмешательство, переговоры – переговорный процесс.*

$[-] X = \text{GENER}(X) + \text{ADV1}(X)$, ср. *бежать – перемещаться бегом, ворчать – говорить ворчливо, картавить – говорить картаво, любить – относиться любовно, осязать –*

воспринимать наощупь, ползти – перемещаться ползком, презирать – относиться презрительно, слышать – воспринимать на слух, шептать – говорить шепотом.

[+] $X = \text{GENER}(X) + X$, ср. *желтое платье – платье желтого цвета, квадратный <круглый> стол – стол квадратной <круглой> формы.*

$X = \text{CONV1}(X)$, *Бутылка вмещает три литра – В бутылку входит три литра, Нас восхитило мужество подводников – Мы восхитились мужеством подводников, Эти звуки испугали путешественников – Путешественники испугались этих звуков, Руда содержит несколько вредных примесей – В руде содержатся несколько вредных примесей.*

$X = \text{CONV2}(X)$, ср. *Девушка одарила его ослепительной улыбкой – Девушка подарила ему ослепительную улыбку, Посольство информировало президента о новых поставках оружия террористам – Посольство сообщало президенту о новых поставках оружия террористам, Критик предпослал книге предисловие – Критик предварил книгу предисловием.*

$X = \text{CONV3}(X)$, ср. *Посол предоставил правительству важные документы – Правительство получило от посла важные документы, Я арендовал <снял> квартиру у друзей на один год – Друзья сдали мне квартиру на один год, Мы заняли у друзей большую сумму для строительства дома – Друзья одолжили нам большую сумму денег для строительства дома, Наш сосед по дому продал нам дачу за 20000 долларов – Мы купили дачу за 20000 долларов у нашего соседа по дому.*

$X = \text{CONV}(X)$, ср. *Карл был моим учителем – Я был учеником Карла, Чайковский – автор оперы «Евгений Онегин» – Опера «Евгений Онегин» – произведение Чайковского.*

[+] $X + Y = \text{ANTI1}(X) + \text{ANTI2}(Y)$, ср. *Тебе нельзя там отсутствовать – Ты должен там присутствовать, Он никогда не забывает о ее дне рождения – Он всегда помнит о ее дне рождения, Нельзя нарушать мир в семье – Надо соблюдать мир в семье.*

[+] $X = \text{не ANTI2}(X)$, ср. *На вчерашнем собрании акционеров ключевые фигуры отсутствовали <не присутствовали>, Родители запретили <не разрешили> мне встречаться с тобой, Он разрешал <не запрещал> аспирантам зарабатывать частными уроками, Профессор не отрицал <признавал> связи с иностранными учеными, Охотник снова промахнулся <не попал>, На этот раз охотник не промахнулся <попал>, Подсудимый отрицал <не признавал> свою вину, Эти предложения противоречат <не соответствуют> закону.*

[+] $A + X, \text{сравн} + B = B + \text{ANTI3}(X), \text{сравн} + A$, ср. *Мешок оказался больше по объему, чем ящик – Ящик оказался меньше по объему, чем мешок, Машины в то время ездили намного медленнее поездов – Поезда в то время ездили намного быстрее машин, В Испании апельсины дешевле картофеля – В Испании картофель дороже апельсинов.*

[+] $A + X, \text{сравн} + B = B + \text{менее / не так(ой)} + \text{ANTI3}(X) + A$, ср. *Суп был горячее <более горячий> чем чай – Чай был менее горячий, чем <не такой горячий, как> суп,*

Светлые обои будут выглядеть в вашей комнате красивее, чем гобелены – Гобелены будут выглядеть в вашей комнате менее красиво, чем <не так красиво, как> светлые обои, Женщины часто ведут себя более храбро, чем мужчины – Мужчины часто ведут себя менее храбро, чем женщины, Торшер горит менее ярко, чем люстра – Люстра горит более ярко, чем торшер.

5.3.2. Перифразы на основе дериватов.

$X = \text{COPUL} + \text{S1}(X)$, ср. *Прокурор боролся с коррупцией – Прокурор был борцом с коррупцией, Падение цен на нефть вызвало экономический кризис – Падение цен на нефть было причиной экономического кризиса, Он участвовал во всех лингвистических олимпиадах – Он был участником всех лингвистических олимпиад.*

$X = \text{COPUL} + \text{S2}(X)$, ср. *Студенты боготворили молодого профессора – Молодой профессор был кумиром студентов, Падение цен на нефть вызвало экономический кризис – Экономический кризис был следствием падения цен на нефть, Он лечил меня в течение многих лет – Я был его пациентом в течение многих лет.*

$X = \text{COPUL} + \text{A1}(X)$, ср. *Он хорошо знает министра культуры – Он хорошо знаком с министром культуры, Директор согласился с предложением своего заместителя – Директор был согласен с предложением своего заместителя, Их сын в то время болел ангиной – Их сын в то время был болен ангиной, Вы отвечаете за выполнение плана – Вы ответственны за выполнение плана.*

$X = \text{COPUL} + \text{A2}(X)$, ср. *Набоков ненавидел любые формы расизма – Любые формы расизма были ненавистны Набокову, Пострадавшие от наводнения нуждаются в срочной помощи – Пострадавшим от наводнения нужна срочная помощь, Полиция знала от кого-то о планах банды – Полиции были известны от кого-то планы банды, Девочка интересовалась только книгами – Девочке были интересны только книги.*

$[+ -] X$, лич + Y , деепр = $Y + \text{ADV1}(X)$, ср. *Родители радовались, глядя на ребенка – Родители радостно глядели на ребенка, Аудитория восхищалась <возмущалась>, слушая оратора – Аудитория слушала оратора восхищенно <возмущенно>.*

5.3.3. Перифразы на основе коллокатов.

5.3.3.1. Перифразы на основе ЛФ семейства OPER – FUNC.

$X = \text{OPER1} + \text{S0}(X) = \text{OPER2} + \text{S0}(X) = \text{OPER3} + \text{S0}(X) = \text{LABOR1-2} + \text{S0}(X) = \text{FUNC0} + \text{S0}(X) = \text{FUNC1} + \text{S0}(X)$ и т. д., ср. *Мои дети привыкли вставать рано – Мои дети имели привычку вставать рано – У моих детей была привычка вставать рано, Производственный травматизм уменьшается – Происходит уменьшение производственного травматизма, Газета критиковала новую постановку Мейерхольда – Газета подвергла критике новую постановку Мейерхольда,*

Демонстранты требовали отставки правительства – Требование демонстрантов заключалось в отставке правительства, Зал бурно аплодировал артисту – Зал наградил артиста бурными аплодисмента, Директор разрешил мне поехать в экспедицию за счет института – Я получила от директора разрешение поехать в экспедицию за счет института.

Это правило работает не только на материале существительных типа S0, но и на материале конверсных к ним существительных (тип *победа X-а над Y-м – поражение Y-а от X-а*); ср. *Крамник победил Каспарова – Крамник одержал победу над Каспаровым – Каспаров потерпел поражение от Крамника.*

Все перечисленные правила работают и при отсутствии исходного глагола; ср. *У него в доме идеальная чистота – Он содержит дом в идеальной чистоте, Боевики находились под стражей 20 дней – Боевиков держали <содержали> под стражей 20 дней, Он пользуется большим авторитетом среди специалистов по теории вероятностей – У него большой авторитет среди специалистов по теории вероятностей, Он подал директору заявление об увольнении – Директор получил от него заявление об увольнении.*

INCEPOPER1 + X = INCEPOPER2 + X = INCEPFUNC1 + X и т. д., ср. *Он пришел к мнению о бесполезности дальнейшей борьбы – У него сложилось мнение о бесполезности дальнейшей борьбы, В моду опять вошли мини-юбки – Опять пришла мода на мини-юбки, Летом войска противника установили блокаду города – Летом войска противника взяли город в блокаду – Летом город попал в блокаду войск противника.*

FINOPER1 + X = FINOPER2 + X = FINFUNC1 + X и т. д., ср. *Правительство полностью утратило <потеряло> власть над северными провинциями – Северные провинции полностью вышли из-под власти <освободились от власти> правительства, Она потеряла надежду <рассталась с надеждой> на возвращение сына – Надежда на возвращение сына покинула <оставила> ее – Ее надежда на возвращение сына улетучилась <испарилась>, Его сомнения на этот счет рассеялись – Он освободился от сомнений на этот счет.*

CAUSOPER1 + X = CAUSOPER2 + X = CAUSFUNC1 + X и т. д., ср. *Эти новости ввергли <погрузили> его в очередную депрессию – Эти новости вызвали у него очередную депрессию, Я не хочу подвергать вас опасности – Я не хочу создавать опасность для вас, Принцесса Виктория ввела в моду короткие юбки – Принцесса Виктория ввела моду на короткие юбки, Отец связал меня обещанием ничего не предпринимать без его согласия – Отец взял с меня обещание ничего не предпринимать без его согласия, Парламент привел фашистов к власти в стране – Парламент отдал страну под власть фашистов.*

LIQUOPER1 + X = LIQUOPER2 + X = LIQUFUNC1 + X и т. д., ср. *Король лишил дворян власти над крестьянами – Король отнял у дворян власть над крестьянами – Король освободил крестьян от власти дворян, Вы отняли у меня свободу – Вы лишили меня свободы, Правительство лишило монополию контроля над ценами – Правительство вывело цены из-под контроля монополий.*

OPER1 + X = COPUL + A1(X), ср. *В то лето в моде были длинные юбки – В то лето были модными длинные юбки, Эти планы представляют <таят> для нас большую опасность – Эти планы опасны для нас, Она испытывала признательность к своему спасителю – Она была признательна своему спасителю.*

OPER1 + X = COPUL + A2(X), ср. *Александр Македонский имел власть над Иудеей – Иудея была подвластна Александру Македонскому, Исследователи имели доступ к самым секретным архивам – Самые секретные архивы были доступны исследователям, Я испытываю отвращение ко всякого рода лести – Мне отвратительна всякого рода лесть.*

[+ –] INCEPOPER1 + X = INCEPCOPUL [стать] + A2(X), ср. *Исследователи получили доступ к самым секретным архивам – Исследователям стали доступны самые секретные архивы, Александр Македонский получил власть над Сирией и Иудеей – Сирия и Иудея стали подвластны Александру Македонскому.*

[+ –] FINOPER1 + X = FINCOPUL [перестать быть / стать не] + A2(X), ср. *Исследователи потеряли доступ к секретным архивам – Исследователям перестали быть доступны секретные архивы – Исследователям стали недоступны секретные архивы, Александр Македонский потерял власть над Сирией и Иудеей – Сирия и Иудея перестали быть подвластны Александру Македонскому – Сирия и Иудея стали неподвластны Александру Македонскому.*

[+] X = INCEPOPER1 + S-RES(X) = INCEPFUNC1 + S-RES(X) и т. д., ср. *Иван подружился <познакомился> с соседкой – Иван завязал <свел> дружбу <знакомство> с соседкой, Через пять минут после приема лекарств больной заснул <погрузился в сон>, Незнакомец заговорил <завязал разговор> с Маргаритой, Он возненавидел своих прежних друзей – Он проникся ненавистью к своим прежним друзьям, В зале зааплодировали – В зале вспыхнули <грязнули, раздались> аплодисменты, В зале зашумели – В зале возник / поднялся шум, Он усомнился в правильности принятого решения – У него возникли / появились сомнения в правильности принятого решения.*

[+] X = FINOPER1 + S-INIT(X) = FINFUNC1 + S-INIT(X) и т. д., ср. *Он проснулся – Он пробудился от сна – Его покинул сон, После нескольких лет службы в армии его сын разучился <утратил умение> нормально разговаривать с людьми, Он разлюбил походы и пикники – Он утратил любовь к походам и пикникам, Они недавно развелись – Они недавно расторгли брак – Их брак недавно распался, Он ослеп – Он потерял зрение.*

[+] X = CAUSOPER1 + S-RES(X) = CAUSFUNC1 + S-RES(X) и т. д., ср. *Он обучил меня физике – Он дал мне знание физики, Эти картины напомнили ему детство – Эти картины вызвали у него воспоминание о детстве, Коллеги убедили его, что руководителя работы не интересует конечный результат – Коллеги внушили ему убеждение, что руководителя работы не интересует конечный результат, Это изумило меня – Это повергло меня в изумление, Его отказ разъярил меня – Его отказ привел меня в ярость, Пресса обвиняла губернатора в нецелевом расходовании средств – Пресса возлагала на губернатора вину за нецелевое расходование средств,*

Книгу запретили – Книгу поставили под запрет – На книгу наложили запрет.

[+] $X = \text{LIQUOPER1} + \text{S-INIT}(X) = \text{LIQUFUNC1} + \text{S-INIT}(X)$ и т. д., ср. *Внезапный звонок разбудил его – Внезапный звонок прервал его сон.*

[+] $\text{CAUSFUNC0} + X \approx \text{INCEPFUNC0} + X$, ср. *В комнате зажгли свет – В комнате зажегся свет, Его приняли на работу на заводе – Он получил работу на заводе, Ему дали звание генерала – Он получил звание генерала, Через двое суток журналиста посадили под арест – Через двое суток журналист попал под арест.*

[+] $\text{LIQUFUNC0} + X \approx \text{FINFUNC0} + X$, ср. *Его лишили звания генерала – Он потерял звание генерала, Через год его снова лишили свободы - Через год он снова лишился свободы, Через двое суток журналиста освободили из-под ареста - Через двое суток журналист вышел из-под ареста.*

[+ –] $\text{CAUS}(X) \approx \text{INCEP}(X)$, ср. *В нашем городе открыли новый цирк – В нашем городе открылся новый цирк, Детей с малых лет приучали к труду – Дети с малых лет приучались к труду, Магазины открывают в восемь часов – Магазины открываются в восемь часов.*

[+ –] $\text{LIQU}(X) \approx \text{FIN}(X)$, ср. *Вчера цирк закрыли – Вчера цирк закрылся, Магазины закрывают в восемь часов – Магазины закрываются в восемь часов, Детей с малых лет отучали от вредных привычек – Дети с малых лет отучались от вредных привычек.*

5.3.3.2. Перифразы на основе ЛФ семейства REAL-M, FACT-M.

[+] $\text{CAUSFACT0-M}(X) + X / \text{CAUSFACT1-M}(X) + X / \text{CAUSREAL1-M}(X) + X \approx \text{INCEPFACT0-M}(X) + X / \text{INCEPREAL1-M}(X) + X$ и т. д., ср. *Гипотезу подтвердили – Гипотеза подтвердилась, Его отправили в отпуск – Он отправился в отпуск, Его поставили на дежурство – Он заступил на дежурство.*

[+] $\text{LIQUFACT0-M}(X) + X / \text{LIQUFACT1-M}(X) + X / \text{LIQUREAL1-M}(X) + X \approx \text{FINFACT0-M}(X) + X / \text{FINREAL1-M}(X) + X$ и т. д., ср. *План провалили – План провалился, Его лишили последнего шанса на победу – Он потерял последний шанс на победу.*

[+] $\text{ANTIFACT0-M}(X) + X = \text{не FACT0-M}(X) + X$, ср. *План умиротворения агрессора провалился <не удался>, Попытка завершить работу досрочно сорвалась <не удалась>, Сигнализация подвела <не сработала>, Надежды на светлое будущее развеялись <не оправдались>, Гипотеза пульсирующей Вселенной была опровергнута <не отвердилась>, Ожидания, что новые законы ограничат власть тайных служб, были обмануты <не оправдались>.*

[+] $\text{ANTIREAL1-M}(X) + X = \text{не REAL1-M}(X) + X$, ср. *Режиссер поддался соблазну снять чисто коммерческий фильм – Режиссер не устоял перед соблазном снять чисто коммерческий фильм, Руководство компании отвергло <не приняло / не пошло на> предложенный рядовыми сотрудниками компромисс, Правительство в очередной раз упустило историческую*

возможность реформировать страну – Правительство в очередной раз не воспользовалось исторической возможностью реформировать страну, Чемпион мира упустил преимущество – Чемпион мира не использовал преимущество, Ганди умел держаться своих принципов даже в очень трудных ситуациях – Ганди умел не отступать от <не изменять своим принципам> даже в очень трудных ситуациях.

[+] ANTIREAL2-M(X) + X – не REAL2-M(X) + X, ср. *Депутат, обманувший <не оправдавший> доверие избирателей, должен быть отозван, Он в очередной раз проглотил <не ответил на> оскорбление, Вся группа провалила <не сдала> экзамены по марксизму, Он отклонил / отверг <не признал> большую часть обвинений, Он рискнул своей репутацией и отклонил <не принял> вызов на дуэль, Он долго противился <не поддавался> ее обаянию.*

[+] ANTIREAL3-M(X) + X – не REAL3-M(X) + X, ср. *Дума отвергла / отклонила <не приняла> предложение согласительной комиссии, Председатель суда отверг / отклонил <не принял> крупную денежную взятку, Суд отказал ему в иске – Суд не удовлетворил его иск, Лектор проигнорировал <не ответил на> многочисленные вопросы аудитории, Он пренебрег моим советом и жестоко за это заплатился – Он не последовал моему совету и жестоко за это заплатился, Солдат, нарушивший <не выполнивший> приказ <не подчинившийся приказу>, подлежит суду военного трибунала.*

6. Результаты компьютерных экспериментов.

Ниже приводятся некоторые (немногие) из кустов перифраз, полученных в ходе машинных экспериментов с расширенной системой перифразирования, т. е. со всеми перечисленными выше классами правил. Фразы выписываются в том виде и порядке, в котором они выводятся на экран. Исходная фраза отделяется от всех других ее перифраз знаком тире. Кусты перифраз упорядочены в соответствии с типами правил, по которым они получены.

(1) *Московский зоопарк купил двух бегемотов – Московский зоопарк купил двух гиппопотамов.*

(2) *На нем был красный пиджак – На нем был пиджак красного цвета.*

(3) *Лингвистика многого добилаь в последние десятилетия - В последних десятилетиях лингвистическая наука многого добилаь, В последних десятилетиях языкознание многого добилоь.*

(4) *Руда содержит несколько вредных примесей – В руде содержатся несколько вредных примесей.*

(5) *Тина затянула пруд – Пруд затянулся тиной.*

(6) *Свиту генерала составляли 12 офицеров – В свите генерала состояли 12 офицеров.*

(7) *Петр стал мужем Клары – Клара стала женой Петра.*

(8) *Перевороту предшествовали воинственные заявления генералов – Переворот последовал за воинственными заявлениями генералов.*

(9) *Фермеры поставляли продукты в местные магазины – Фермеры снабжали местные магазины продуктами.*

(10) *Посол предоставил правительству важные документы – Правительство получило от посла важные документы.*

(11) *Мы заняли у друзей большую сумму для строительства дома – Друзья одолжили нам большую сумму для строительства дома.*

(12) *Я снял квартиру у друзей на один год – Друзья сдали мне квартиру на один год.*

(13) *Наш сосед по дому продал нам дачу за 20000 долларов – Мы купили дачу у нашего соседа по дому за 20000 долларов.*

(14) *Он никогда не забывает о ее дне рождения – Он всегда помнит о ее дне рождения.*

(15) *Он начал соблюдать правила - Он перестал нарушать правила, Он начал следовать правилам, Он начал придерживаться правил, Он начал не нарушать правила.*

(16) *Ты помнишь, что у нас завтра состоится собрание? – Ты не забыл, что у нас завтра состоится собрание?*

(17) *Чай был не такой горячий, как суп - Чай был менее горяч, чем суп, Суп был горячее, чем чай, Суп был горячее чая, Суп был более горяч, чем чай.*

(18) *Я был выше старшего брата на пять сантиметров – Старший брат был ниже меня на пять сантиметров.*

(19) *Его друзья были более веселые, чем мои родственники – Мои родственники были менее веселые, чем его друзья.*

(20) *Собака не такая умная, как кошка - Пес менее умен, чем кошка, Собака менее умна, чем кошка, Пес - не такой умный, как кошка, Собака - не такая умная, как кошка, Пес глупее, чем кошка, Пес более неумен, чем кошка, Кошка умнее, чем пес, Собака глупее, чем кошка, Собака более неумна, чем кошка, Кошка умнее, чем собака, Пес глупее кошки, Пес более неумен кошки, Кошка умнее пса, Собака глупее кошки, Собака более неумна кошки, Кошка умнее собаки, Кошка более умна, чем пес, Кошка более умна, чем собака.*

(21) *Иван был врачом Петра – Иван был доктором Петра, Петр был пациентом Ивана, Петр лечился у Ивана, Иван лечил Петра.*

(22) *Я знаком с этой новостью - Эта новость известна мне, Я знаю эту новость.*

(23) *Китай авторитетен среди стран третьего мира - У Китая есть авторитет среди стран третьего мира, Китай имеет авторитет среди стран третьего мира, Китай пользуется авторитетом среди стран третьего мира.*

(24) *Дети испытывали голод – Голод детей терзал, Дети были голодны.*

(25) Вы отвечаете за выполнение этой программы – Вы ответственны за выполнение этой программы, Вы несете ответственность за выполнение этой программы, Лежит на вас ответственность за выполнение этой программы, Вы ответственны за исполнение этой программы, Вы несете ответственность за исполнение этой программы, Лежит на вас ответственность за исполнение этой программы.

(26) Родители его поддержали - Родители оказали поддержку ему, Он получил поддержку родителей, Он встретил поддержку родителей.

(27) Он надеется на приезд сына - Он питает надежду на приезд сына, Он лелеет надежду на приезд сына, Он тешится надеждой на приезд сына, Его надежда на приезд сына.

(28) Монополии контролируют цены – Контроль цен осуществляется монополиями, Монополии осуществляют контроль цен, Цены под контролем монополий, Цены находятся под контролем монополий, Цены держат монополии под контролем, Цены контролируются монополиями.

(29) Укрепленный пункт подвергся атаке неприятеля – Атака на укрепленный пункт была предпринята неприятелем, Атака на укрепленный пункт была произведена неприятелем, Неприятель произвел атаку на укрепленный пункт, Неприятель предпринял атаку на укрепленный пункт, Укрепленный пункт был атакован неприятелем, Неприятель атаковал укрепленный пункт, Укрепленный пункт подвергся атаке противника, Укрепленный пункт подвергся атаке врага и т. д. (повторяются все предшествующие перифразы, но со словами противник и враг соответственно)

(30) Корабельная артиллерия подвергает город интенсивному обстрелу – Производится корабельной артиллерией интенсивный обстрел города, Корабельная артиллерия производит интенсивный обстрел города, Ведется корабельной артиллерией интенсивный обстрел города, Корабельная артиллерия ведет интенсивный обстрел города, Город подвергается интенсивному обстрелу корабельной артиллерией, Происходит интенсивный обстрел города корабельной артиллерией, Город интенсивно обстреливается корабельной артиллерией, Корабельная артиллерия интенсивно обстреливает город.

(31) Береговая артиллерия обстреливает флотилию – Береговая артиллерия ведет <производит> обстрел флотилии, Флотилия подвергается обстрелу береговой артиллерией, Флотилия находится под обстрелом береговой артиллерии, Идет обстрел флотилии береговой артиллерией, Береговая артиллерия подвергает обстрелу флотилию, Береговая артиллерия держит под обстрелом флотилию и т. д.

(32) *В последние годы происходит резкий рост преступности – В последние годы преступность резко увеличивается, В последние годы преступность резко возрастает, В последние годы преступность резко поднимается, В последние годы преступность резко растет.*

(33) *Критик подробно прокомментировал текст поэмы - Критик дал подробный комментарий по поводу текста поэмы, Критик сопроводил подробным комментарием текст поэмы.*

(34) *Каспаров победил Карпова - Каспаров одержал победу над Карповым, Каспаров завоевал победу над Карповым, Победа над Карповым осталась за Каспаровым, Победа над Карповым была за Каспаровым, Победа над Карповым досталась Каспарову, Каспаров нанес Карпову поражение, Каспаров был победителем Карпова, Карпов был побежденным Каспарова, Каспаров победил Карпова.*

(35) *В зале установилась тишина - В зале установили тишину, Тишина в зале воцарилась, Тишина в зале установилась, В зале затихли.*

(36) *В зале зааплодировали - В зале вызвали аплодисменты, Аплодисменты в зале раздались, Аплодисменты в зале грянули, Аплодисменты в зале вспыхнули.*

(37) *В зале зашумели - В зале произвели шум, Шум в зале возник, Шум в зале поднялся.*

(38) *Правительство поставило пропаганду войны под запрет – Запрет был наложен правительством на пропаганду войны, Правительство наложило запрет на пропаганду войны, Запрет был введен правительством на пропаганду войны, Пропаганда войны была поставлена правительством под запрет.*

(39) *Летом войска противника установили блокаду города - Город летом попал в блокаду войск неприятеля, Город летом оказался в блокаде войск неприятеля, Войска неприятеля летом установили блокаду города, Город летом попал в блокаду войск противника, Город летом оказался в блокаде войск противника и т. д.*

(40) *После нескольких дней комы он очнулся - После нескольких дней комы сознание к нему возвратилось, После нескольких дней комы сознание к нему вернулось, После нескольких дней комы он пришел в сознание.*

(41) *Президент утратил контроль над полевыми командирами - Полевые командиры вышли из-под контроля президента, Президент потерял контроль над полевыми командирами.*

(42) *Он потерял терпение - Терпение у него кончилось, Терпение у него лопнуло, Терпение у него истоцилось, Терпение его оставило, Терпение его покинуло, Он вышел из терпения.*

(43) *Таинственные звуки испугали путешественников - Таинственные звуки вызвали у путешественников страх, Таинственные звуки внушили путешественникам страх, Таинственные звуки нагнали на путешественников страх, Путешественники испугались таинственных звуков.*

(44) *Его отказ разъярил меня - Я пришел в ярость от его отказа, Его отказ вызвал у меня ярость, Его отказ привел меня в ярость.*

(45) *Эта новость привела меня в изумление - Эта новость вызвала у меня изумление, Эта новость повергла меня в изумление, Я изумился этой новостии, Эта новость изумила меня.*

(46) *Он усомнился в ценности этой работы - У него возникло сомнение в ценности этой работы, У него появилось сомнение в ценности этой работы, Его охватило сомнение в ценности этой работы.*

(47) *Толстой повлиял на Фадеева – Толстой на Фадеева был влиятелен, Толстой на Фадеева имел влияние, Толстой на Фадеева воспользовался влиянием, Толстой на Фадеева оказал влияние, Влияние на Фадеева находилось в Толстом.*

(48) *Президент получил контроль над армией - Армия попала под контроль президента, Армия оказалась под контролем президента, Президент установил контроль над армией, Президент наладил контроль над армией.*

(49) *На солнце ткани быстро потеряли цвет - Ткани быстро утратили цвет на солнце, Ткани на солнце быстро обесцветились.*

(50) *Пресса возложила на губернатора вину за неоправданное расходование средств - Пресса выдвинула обвинение против губернатора в неоправданном расходовании средств, Пресса предъявила обвинение губернатору в неоправданном расходовании средств, Пресса бросила обвинение губернатору в неоправданном расходовании средств, Губернатор подвергся обвинению прессы в неоправданном расходовании средств, Пресса обвинила губернатора в неоправданном расходовании средств.*

(51) *На десятый день допроса следователь вынудил преступника к признанию - На десятый день допроса следователь вырвал у преступника признание, На десятый день допроса следователь вынудил у преступника признание, На десятый день допроса следователь добился у преступника признания.*

(52) *Этот депутат обманул доверие избирателей - Этот депутат злоупотребил доверием избирателей, Этот депутат не оправдал доверие избирателей.*

(53) *Атака противника захлебнулась - Атаку неприятеля сорвали, Атака неприятеля захлебнулась, Атака неприятеля не удалась, Атаку противника сорвали, Атака противника не удалась.*

(54) *Дума отклонила предложение согласительной комиссии - Дума отвергла предложение согласительной комиссии, Дума отказалась от предложения согласительной комиссии, Дума не приняла предложение согласительной комиссии.*

Очевидно, что в приведенных перифразах немало ошибок. Все неправильные перифразы образуют экспериментальный материал, используемый для совершенствования как самой модели перифразирования, так и всего корпуса лингвистических знаний. Некоторые соображения по поводу того, как это делается, излагаются в разделе 8.

7. Другие возможности использования аппарата ЛФ

С того момента, как словарные статьи русского и английского комбинаторных словарей системы ЭТАП-3 стали насыщаться информацией об ЛФ для целей перифразирования высказываний, естественно возник вопрос о возможностях использования аппарата ЛФ для решения других прикладных задач. К их числу относятся, в частности, две задачи, которыми Лаборатория компьютерной лингвистики занималась много лет: 1) машинный перевод с английского языка на русский и с русского на английский; 2) компьютерное изучение лексики русского (английского) языка как родного или иностранного.

Ниже мы коротко рассмотрим только первую из них, главным образом на материале неопубликованной работы [Аpresjan et al. 2000]. Второй задаче, т. е. компьютерному изучению лексики, мы предполагаем посвятить отдельную статью.

7.1. Разрешение лексической многозначности при автоматическом анализе

Значениями ЛФ семейства OPER-FUNC часто являются многозначные глаголы; ср., например, глагол *проводить* как значение ЛФ CAUSFUNC0 от существительного *различие* и его английский эквивалент *draw (a distinction)*. Глаголу *проводить* в русских словарях приписывается до десятка значений (представленных в таких фразах, как *проводить кого-л. сквозь толпу, проводить ладонью по лбу, проводить эксперимент, проводить парад, проводить политику мира, проводить перед зеркалом много времени, Железо проводит электричество* и т. п.), а глаголу *draw* в английских – несколько десятков. В отсутствие информации об ЛФ автоматический выбор нужных значений глаголов для словосочетаний *проводить различие* и *draw a distinction* мог бы вырасти в очень сложную задачу. Однако тот факт, что в словарных статьях существительного *различие* и его переводного эквивалента *distinction* есть строчка CAUSFUNC0, в которой записаны значения соответствующей ЛФ для этих двух слов-аргументов (а именно, *проводить*₂ и *draw*₂), просто снимает эту проблему. Нужные значения глаголов автоматически выбираются в процессе распознавания ЛФ.

7.2. Разрешение синтаксической омонимии.

Вторая важная задача, возникающая на ранних этапах автоматического синтаксического анализа текста, – задача разрешения синтаксической омонимии.

Рассмотрим классическую омонимию субъектного и объектного родительного (тип *amor patris*) в словосочетаниях типа *поддержка президента*. Таким словосочетаниям соответствуют две разные синтаксические структуры – либо с квазиагентивным зависимым в форме РОД (президент поддерживает кого-то), либо с первым комплетивным зависимым (кто-то поддерживает президента). Для существительного *поддержка* определены ЛФ OPER1 = *оказывать* и OPER2 = *пользоваться*. Если оно употреблено в контексте OPER2 (*Правительство пользовалось поддержкой президента*), это автоматически исключает возможность осмысления *президента* как комплетивного зависимого – второй актант уже выражен в предложении подлежащим при OPER2 и не может быть выражен еще раз.

7.3. Выбор нужного перевода.

Как ясно из предшествующего изложения, ЛФ обладают не только свойством внутриязыковой идиоматичности, но и свойством межъязыковой идиоматичности; ср., помимо приведенного выше примера *проводить различие – draw a distinction*, например, английские корреляты словосочетаний *сильный дождь* и *крепко спать: heavy rain* (буквально *тяжелый дождь*) и *to sleep soundly* (буквально *спать здорово*). До введения в комбинаторные словари ЭТАП'а информации об ЛФ система в таких случаях нередко допускала ошибки типа *испытывать любовь – to test love* (основной стандартный перевод глагола *испытывать* для научно-технических текстов), *питать надежду – to feed hope* (основной стандартный перевод глагола *питать* для научно-технических текстов). После того, как в систему были введены правила интерпретации поверхностно-синтаксических структур в терминах ЛФ, для получения идиоматичных переводов *испытывать любовь – to feel love* и *питать надежду – to cherish hope* достаточно заменить значение ЛФ OPER1 от слов *любовь* и *надежда* на значение той же ЛФ для слов *love* и *hope*.

7.4. Использование системы перифразирования при переводе.

При переводе часто возникает необходимость коренным образом поменять синтаксическую структуру переводимого предложения. Это происходит, в частности, при отсутствии в другом языке нужной диатезы. Например, английское выражение *No sound escaped him* не поддается буквальному переводу на русский. Нельзя сказать *Никакой звук не вышел из него*. Для адекватного перевода нужно подлежащее английской фразы сделать в русском дополнением, а дополнение – подлежащим: *Он не издал ни звука*. При переводе с русского языка на английский возникает похожая проблема, связанная с глубокими типологическими особенностями этих двух языков. Синтаксис английского языка в целом более агентивен, т. е. в нем роль подлежащего чаще выполняет имя непосредственного производителя действия. На ЛФ-уровне это типологическое

различие между английским и русским языками выражается в том, что в русском языке более развита ЛФ FUNC1, которая в английском представлена очень слабо. Поэтому, например, невозможен буквальный перевод русской фразы *От него поступило интересное предложение*, где *поступить* = FUNC1(*предложение*). По-английски следует сказать *He made an interesting proposal*, т.е. вместо «неагентивной» ЛФ FUNC1 использовать «агентивную» ЛФ OPER1. Иными словами, для перевода данной русской фразы нужно прибегнуть к правилу перифразирования вида $FUNC1 + X = OPER1 + X$. Именно оно и используется в таких случаях в системе ЭТАП-3.

8. Компьютерные модели языка как экспериментальный полигон лингвистики

Прикладные системы, использующие для решения своих задач фундаментальные лингвистические теории (а модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» И.А. Мельчука относится как раз к числу таких теорий), создают для лингвистики новую уникальную среду – экспериментальный полигон для проверки истинности лингвистических описаний. Перифразируя предложения или переводя их с одного языка на другой, компьютер делает совершенно неожиданные ошибки, в большинстве случаев не похожие на те, которые допускает человек. Очень часто эти ошибки являются следствием случайного недосмотра лингвиста, писавшего словарь, грамматические правила или правила преобразования предложений. Такие ошибки почти бесплодны. Однако иногда ошибки имеют озаряющий эффект, потому что указывают на неочевидные пробелы лингвистического описания. Такие ошибки могут стать инструментом получения принципиально новых знаний о языке.

Накопленный за многие годы нашей работы экспериментальный материал нуждается в систематическом осмыслении. Ниже мы сумеем лишь отрывочно прокомментировать некоторые из полученных результатов. Цель этих комментариев – привлечь внимание широких кругов языковедов к уникальным возможностям экспериментальной, естественно-научной методологии коррекции лингвистических описаний, которые открывают перед лингвистикой реализованные на компьютере модели языка.

Дальнейшее изложение будет организовано следующим образом: мы будем цитировать неудачные перифразы или неудачные переводы на русский язык и пояснять, какое новое знание нужно включить в лингвистическое описание русского языка, чтобы избежать ошибок (конечно, если это в принципе возможно). Оговоримся, что мы ни в коем случае не претендуем на то, что это новое знание всегда является принципиально новым, т. е. что нет таких специальных работ, которые бы его содержали. Наша задача скромнее – показать, как лингвист с помощью машинного эксперимента может находить и исправлять свои собственные ошибки.

(1) *Лингвистика многого добилась в последние десятилетия - В последних десятилетиях лингвистическая наука многого добилась, В последних десятилетиях языкознание многого добилось.*

Ошибка – замена предлога *в1* предлогом *в2*, который управляет предложным падежом, – объясняется неполнотой трафаретного правила, завершающего перевод английских словосочетаний типа *this month, next year, last decade* и т. п. на русский язык¹⁰. Оно предписывает вставлять в такие словосочетания предлог *в2* и дает правильные результаты, если управляемые существительные имеют форму ЕД; ср. *в этом месяце, в прошлом году, в следующем десятилетии*. Если же они имеют форму МН, то следует синтезировать предлог *в1*, управляющий формой ВИН; ср. *в эти месяцы, в следующие годы, в последние десятилетия*. После внесения соответствующего исправления был получен куст правильных перифраз.

(2) *Он начал соблюдать правила - Он перестал нарушать правила, Он начал следовать правилам, Он начал придерживаться правил, Он начал не нарушать правила.*

Очевидно, что последняя перифраза неудачна. Она получена по правилу $X = \text{не ANTI2}(X)$, которое в других случаях дает вполне приемлемые перифразы (см. раздел 5.3.1). Неудача в данном случае объясняется тем, что в этом правиле не учтена одна естественная вероятностная закономерность, или тенденция, носящая, по-видимому, универсальный характер. Она состоит в том, что в тексте избегается аналитическая передача смысла, для которого в данном языке существует однословный способ выражения (своеобразный принцип экономии текста). Конфигурация смыслов ‘начать не Р’ регулярно передается финитивными глаголами, т. е. глаголами с более сложным смыслом ‘переставать’. Поскольку в русском языке слово с таким смыслом есть (ср. *переставать*), им и следует воспользоваться. Ср. также более или менее обязательную замену конфигураций ‘общекванторное местоименное слово + отрицание’ на соответствующие отрицательные местоимения: ‘всегда не’ \Rightarrow *никогда*, ‘все не’ \Rightarrow *никто*, ‘всё не’ \Rightarrow *ничто*, ‘езде не’ \Rightarrow *нигде* и т. п., ср. ‘Он всегда не приходил вовремя’ \Rightarrow *Он никогда не приходил вовремя* (во второй фразе отрицание не семантическое, а чисто синтаксическое, согласовательное), ‘Все не пришли’ \Rightarrow *Никто не пришел*, ‘Везде его не было’ \Rightarrow *Нигде его не было* и т. п.

Применительно к нашему случаю сказанное значит, что в правило $X = \text{не ANTI2}(X)$ должно быть введено следующее контекстуальное условие: заменяемый глагол не должен зависеть от

¹⁰ Напомним, что при синтезе предложений система перифразирования пользуется общими правилами русского синтеза, первоначально разработанными для системы машинного перевода с английского языка на русский. Поэтому некоторые ошибки в перифразах (в частности, замена *в1* на *в2*) возникают не из-за недостатков правил перифразирования в собственном смысле, а из-за ошибок в правилах англо-русского синтеза, которые, конечно, тоже нужно корректировать.

такого глагола У, у которого есть антоним типа АНТИ1. В таком откорректированном виде правило не породит не только неправильных предложений типа **Он начал не нарушать правила*, но и неправильных предложений типа **Он перестал не соблюдать правила*.

(3) *Собака не такая умная, как кошка - Пес менее умен, чем кошка, Собака менее умна, чем кошка, Пес - не такой умный, как кошка, Собака - не такая умная, как кошка, Пес глупее, чем кошка, Пес более неумен, чем кошка, Кошка умнее, чем пес, Собака глупее, чем кошка, Собака более неумна, чем кошка, Кошка умнее, чем собака, Пес глупее кошки, Пес более неумен кошки, Кошка умнее пса, Собака глупее кошки, Собака более неумна кошки, Кошка умнее собаки, Кошка более умна, чем пес, Кошка более умна, чем собака.*

В этом кусте перифраз обращают на себя внимание следующие два факта: высказывания типа *Кошка умнее собаки* двужначны – существительные в них имеют либо родовой статус (Животное кошка умнее животного собаки), либо конкретно-референтный (Моя <ваша и т. п.> кошка умнее моей <вашей и т. п.> собаки). Между тем высказывания типа *Кошка умнее пса* однозначны – существительные в них имеют только конкретно-референтный статус (Моя <ваша и т. п.> кошка умнее моего <вашего и т. п.> пса). Иными словами, перифраза возможна только при условии, что высказывание не является обобщением. Связано это с тем, что в родовом статусе обычно используются только прототипические названия определенных классов объектов. Применительно к синонимическим рядам это значит, что родовой статус свойствен только доминанте.

(4) *Толстой повлиял на Фадеева – Толстой на Фадеева был влиятелен, Толстой на Фадеева имел влияние, Толстой на Фадеева воспользовался влиянием, Толстой на Фадеева оказал влияние, Влияние на Фадеева находилось в Толстом.*

Анализ этого куста перифраз преподаает экспериментатору сразу два урока.

Первый состоит в том, что слово *влияние* надо разделить на две разные лексемы – *влияние 1* (имя действия по глаголу *влиять*) и *влияние 2* (имя признака или свойства, синоним – *авторитет* и т. п.). Такое разбиение на значения принято во всех толковых словарях русского языка, и надо пояснить, почему мы с самого начала им не воспользовались. Дело в том, что некоторые наши решения, особенно те, что принимались под давлением устаревших компьютерных технологий, носили тактический характер. В частности, при ограниченном объеме оперативной памяти и небольшом быстродействии прежних компьютеров нужно было всеми средствами избегать «комбинаторного взрыва» – порождения такого количества альтернатив анализа, с обработкой которого компьютер не справляется. Одним из источников многократного роста альтернатив

являются возможности ветвления, создаваемые полисемией слов. Поэтому, чтобы избежать неконтролируемого комбинаторного взрыва, приходилось максимального укрупнять лексические значения. В нынешнюю эпоху мы можем сполна использовать и возросшие объемы оперативной памяти современных компьютеров, и на порядки возросшее быстродействие. С учетом этого мы сейчас занимаемся массовой коррекцией словарных статей, расщепляя прежде единые слова на отдельные лексемы. *Влияние* тоже было расщеплено на два значения. Ниже приводятся наиболее существенные для наших целей фрагменты переработанных словарных статей, технически упрощенные и снабженные краткими пояснениями в квадратных скобках.

ВЛИЯНИЕ 1 [действие по глаголу *влиять*, акциональное существительное; есть форма МН; ср. *разнообразные влияния, которым он подвергался в Петербурге*]

P1: РОД [(*влияние*) Толстого]

P2: на1 [(*влияние*) на (Фадеева)]

V0: влиять [ср. также синонимы *действовать* <подействовать> на что-л., *воздействовать* на кого-что-л., *отражаться* на чем-л., *сказываться* на чем-л.)]

SYN1: воздействие / действие / эффект

MAGN: большое / сильное

ANTIMAGN: небольшое / незначительное / слабое

BON: благотворное / хорошее / положительное

ANTIBON: тлетворное / дурное / пагубное / вредное / плохое / отрицательное

OPER1: оказывать

OPER2: испытывать / подвергаться / находиться <под2>

INCEPOPER2: попадать <под1> / оказываться <под2>

FINOPER2: выходить <из-под>

ВЛИЯНИЕ 2 [≈ ‘авторитет’ – некоторое положение вещей, а относительно первого актанта – просто его свойство, т. е. статальный предикат; нет формы МН]

P1: РОД

P2: среди [ср. *влияние среди ученых*]

SYN1: авторитет / влиятельность / вес / престиж

A1: влиятельный

MAGN: большое [но не **сильное*]

ANTIMAGN: небольшое / незначительное [но не **слабое*]

OPER1: пользоваться3 [без формы СОВ *воспользоваться*] / иметь

INCEPOPER1: приобретать

FINOPER1: терять

FUNC1: быть <у>

REAL1-M: пользоваться2 [с формой СОВ *воспользоваться*, ср. *воспользовался своим влиянием и вынудил их принять нужное ему решение*]

Мы подробно воспроизвели текст словарных статей лексем *влияние 1* и *влияние 2*, чтобы продемонстрировать второй частный, но на этот раз менее тривиальный лексикографический результат: различия между двумя лексическими значениями слова *влияние* четко маркируются на всех уровнях языковой структуры, а именно, в морфологии (ср. отсутствие формы МН у *влияния 2*), словообразовании (ср. отсутствие производного прилагательного *влиятельный* у *влияния 1* и отсутствие исходного глагола *влиять* у *влияние 2*), синтаксисе (ср. различие в моделях управления двух лексем) и сочетаемости (ср. различные выражения ряда совпадающих ЛФ, отсутствие ЛФ INCEROPER1, FINOPER1, FUNC1, REAL1-М у *влияния 1* и отсутствие ЛФ OPER2, INCEROPER2, FINOPER2, BON и ANTIBON у *влияния 2*).

От этих частных наблюдений легко перейти к более принципиальному обобщению, состоящему в том, что языку в принципе свойственно стремление системно и на всех уровнях маркировать различия между лексическими значениями многозначных слов.

(5) *Береговая артиллерия обстреливает флотилию – Береговая артиллерия ведет <производит> обстрел флотилии, Флотилия подвергается обстрелу береговой артиллерией, Флотилия находится под обстрелом береговой артиллерии, Идет обстрел флотилии береговой артиллерией, Береговая артиллерия подвергает обстрелу флотилию, Береговая артиллерия держит под обстрелом флотилию.*

Мы решили прокомментировать этот куст перифраз последним, чтобы указать тот предел, дальше которого, по-видимому, формальное описание языка пойти не может и где мы должны признать неоспоримое превосходство человека над машиной. По-русски странновато звучит последняя фраза: *Береговая артиллерия держит под обстрелом флотилию*. Ср. вполне правильное предложение *Корабельная артиллерия держит форт под обстрелом*. Сравнение этих двух фраз приводит к выводу, что словосочетание *держат под обстрелом* предполагает стационарный объект, а флотилия обычно, особенно в боевых условиях, перемещается. Это знание извлекается не из значения слова, а из знания действительности, которое пока компьютерам недоступно. Любопытно, однако, что даже в этом случае ошибка приводит к обнаружению нетривиального свойства языковой единицы *держат под обстрелом*.

Литература

Апресян 1974 – Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1995 – Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

- Апресян 1999 – Ю. Д. Апресян. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // ИАН СЛЯ. 1999. № 4. С. 39—53.
- Апресян 2001 – Ю. Д. Апресян. О лексических функциях семейства REAL-FACT // Nie bez znaczenia ... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej. Białystok, 2001. S. 23—40.
- Апресян, Цинман 1998 – Ю. Д. Апресян, Л. Л. Цинман. Перифразирование на компьютере // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 177—202.
- Апресян и др. 1989 – Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Н. В. Перцов, А. В. Санников, Л. Л. Цинман. Лингвистическое обеспечение для системы ЭТАП-2. М., 1989.
- Апресян и др. 1992 – Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Л. Г. Митюшин, А. В. Санников, Л. Л. Цинман. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.
- Арсентьева и др. 1969 – Н. Г. Арсентьева, Н. А. Баландина, А. И. Красовская. О машинной реализации системы перифразирования // Институт прикладной математики АН СССР. Препринты 25, 26, 27. М., 1969.
- Булыгина, Шмелев 1991 – Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Неопределенноличность и обобщенноличность // А. В. Бондарко и др. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 41—62.
- Гловинская 1983 – М. Я. Гловинская. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983. С. 53—59.
- Гловинская 2001 – М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Грамматика-54 – Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. М., 1954.
- Грамматика-80 – Русская грамматика. Том I. Фонетика, фонология, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.
- Мельчук 1974 – И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М., 1974.
- Мельчук 1995 – И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл-Текст». Москва; Вена, 1995.
- Мельчук, Жолковский 1984 – И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

Мельчук, Холодович 1970 – И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога: определение, исчисление // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.

Храковский 1991 – В. С. Храковский. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991. С. 141—180.

Apresjan et al. 1992 – Ju. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, A. V. Lazurskij, L. G. Mitjushin, A. V. Sannikov, L. L. Tsinman. ETAP-2: The Linguistics of a Machine Translation System // META. 1992. Vol. 37. No 1. P. 97—112.

Apresjan et al. 2000 – Ju. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. L. Tsinman. Lexical Functions in NLP: Possible Uses (в печати).

Mel'čuk 1995 – I. A. Mel'čuk. The Russian Language in the Meaning-Text Perspective. Moskva;Vienna, 1995.

Mel'čuk 1997 – I. A. Mel'čuk. Vers une linguistique Sens-Texte. Paris, 1997.

Mel'čuk et al. 1984 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984.

Mel'čuk et al. 1988 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, M.-N. Lefebvre, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II. Montréal, 1988.

Mel'čuk et al. 1992 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.

Mel'čuk et al. 1999 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV. Montréal, 1999.

**ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В
СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ И РУССКИХ
ЛЕТОПИСЕЙ XI—XIII ВВ.**

Дифференциация и группировка древнейших памятников восточнославянской письменности по данным лексики – задача, не имеющая простого решения. Это связано прежде всего с большой лингвистической разнородностью текстов, входящих в ее состав. С одной стороны, в качестве образцовых у восточных славян функционировали произведения южнославянского происхождения, возникшие в разное время и в разной диалектной среде. Это, во-первых, кирилло-мефодиевское наследие и круг памятников, тесно связанных с кирилло-мефодиевской традицией, во-вторых, чрезвычайно обширная восточноболгарская (преславская) литература X в., которая обладала специфической общностью лексики, несмотря на некоторые расхождения отдельных произведений между собой, в-третьих, многочисленные сочинения южнославянского происхождения, которые трудно отнести к какой-либо определенной книжной школе. С другой стороны, в Киевской Руси в XI в. уже существовала традиция составления летописных сводов, язык которых существенно отличался от языка церковнославянских текстов. Разнообразие лексики, представленной в древнейшей славянской письменности, открывало для пишущих возможность выбора. Очевидно, что на выбор влияли разные факторы: актуальные для данного момента тенденции развития литературного языка, традиция жанра, диалектная принадлежность автора, его индивидуальные склонности, зависимость от использованных им источников и др. Для переводных сочинений могла играть роль также принадлежность к определенной переводческой школе. Группировка произведений по лексическим предпочтениям их авторов подводит, таким образом, к изучению всех этих факторов, иначе говоря – к изучению существовавших и вновь возникавших традиций и различного, меняющегося отношения к ним.

Результат группировки в значительной степени определяется материалом, на котором она осуществляется. Отбор лексики, показательной с точки зрения дифференциации памятников, может проводиться по-разному. Для установления ближайших связей, т. е. для выявления круга памятников, тесно связанных общностью происхождения, важно указать редкие,

малоупотребительные слова, встречающиеся только в этих памятниках. Однако употребление одних и тех же редких слов еще не является исчерпывающим аргументом: необходимо доказать сходство словоупотребления в целом, включая и распространенную лексику. Чем шире круг исследуемых источников, чем разнообразнее традиции, влиянию которых они подвержены, тем более распространенные и частотные слова целесообразно привлекать для группировки текстов. Проблема состоит в том, чтобы отобрать для анализа лексемы, которые, будучи широко распространенными и частотными, в то же время обладали бы дифференцирующей способностью, т. е. были бы общеизвестны, но не общеупотребительны. Ниже рассматривается ряд таких слов: они входили в пассивный запас всех писавших, но не всеми использовались одинаково активно.

Употребление этих слов прослеживается на материале кирилло-мефодиевских и преславских переводов с греческого, оригинальных и переводных восточнославянских произведений, а также памятников, чье происхождение пока надежно не установлено. Кирилло-мефодиевская традиция представлена переводом Евангелия; данные по трем древнейшим спискам – Мариинскому, Зографскому и Ассеманиеву – приводятся по указателю [Люсен 1995]. В качестве типичного текста преславской школы используется Толковый перевод малых пророков (ТПророки) по изданию со словоуказателем [Златанова 1998]; кроме того, привлекается близкий к преславским памятникам перевод Хроники Иоанна Малалы (ХИМ), выполненный в Болгарии в X в. [Истрин 1994]. Из более поздних переводов с греческого рассматриваются два близких по словоупотреблению текста: Хроника Георгия Амартола (ХГА) [Истрин 1920] и Повесть о Варлааме и Иоасафе (ПВИ), изданная со словоуказателем [Лебедева 1985; 1988]. Место перевода этих памятников точно не установлено; в обоих встречаются русизмы и болгаризмы [Пичхадзе 2002]. Славянский перевод Хроники Амартола возник не ранее 963 г. и не позже середины XI в. [Творогов 1975: 11, 46—73; Франклин 1988: 325—326]. Повесть о Варлааме и Иоасафе была переведена, по-видимому, приблизительно в это же время [Лебедева 1985: 87]. В ходе анализа обнаружилось определенное лексическое сходство этих памятников с Христианской топографией Козьмы Индикоплова (Козьма). А. И. Соболевский обнаружил в Христианской топографии русизмы и предположил, что перевод сделан в Древней Руси [Соболевский 1980: 139]. Памятник издан со словоуказателем; большой интерес представляет указание В. Ф. Дубровиной на то, что описание ризы первосвященника в Христианской топографии является сокращенным пересказом соответствующего пассажа из славянского перевода Хроники Амартола [Гольщенко, Дубровина 1997: 329].

Из оригинальных церковнославянских сочинений восточнославянского происхождения в круг сопоставляемых источников вошли Сказание о Борисе и Глебе с Чудесами (БГ) и Житие Феодосия Печерского (ЖФП) по Успенскому сборнику XII—XIII вв. [Князевская, Демьянов, Ляпон 1971], а также Слова Кирилла Туровского (КирТур) по исследованию со словоуказателем

[Алексеева 1975] и изданию [Еремин 1956; 1957; 1958]. Восточнославянские переводы с греческого представляют четыре памятника, древнерусское происхождение которых не вызывает сомнений: Студийский устав по изданию [Пентковский 2001], Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ) по изданию со словоуказателем [Молдован 2000], Пчела по изданию [Семенов 1893] и История Иудейской войны Иосифа Флавия (ИИВ) по Архивскому хронографу XV в. (РГАДА, ф. 181, № 279). Перевод Студийского устава (УстСтуд) осуществлен в Киеве в 1060—1070-х гг. [Пентковский 2001: 155—170]. Житие Андрея Юродивого было переведено не позже середины XII в., по-видимому, в «северо-западной части восточнославянской территории» [Молдован 2000: 17, 102], История Иудейской войны – до 1260-х гг. в юго-западной Руси, Пчела - не позже XIII в.

Для сопоставления с церковнославянскими памятниками привлекаются Новгородская I летопись по изданию [Насонов 1950] и летописи, входящие в Лаврентьевский и Ипатьевский своды [ПСРЛ I, ПСРЛ II]. Словоуказатель имеется только к Повести временных лет (ПВЛ) [ПСРЛ I: 603—729]. В Новгородской I летописи по Синодальному списку выделяется часть до 1234 г. (Новг1), написанная почерком XIII в., и часть, написанная почерком первой половины XIV в. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку разделяется на часть до 1206 г. (Сузд1), совпадающую с текстом Радзивилловской летописи, – Владимирский летописный свод, и часть, охватывающую события XIII в. (Сузд2), в основе которой лежит Ростовский летописный свод [Приселков 1996: 99—164]¹. Киевская летопись по Ипатьевскому списку считается плодом непрерывной деятельности киевских летописцев XII в.; в отношении языка ее начальная часть (Киев1) – до 1146 г. – отличается от основной части (Киев2) особой архаичностью и сходна с Повестью временных лет. Галицкая летопись по Ипатьевскому списку (Гал), резко отличающаяся по словоупотреблению от остальных летописей XI—XIII вв., представляет собой литературную обработку исторических источников 1200—1260-х гг., принадлежащую одному автору [Черепнин 1941: 230—231]. Обильно черпая цитаты из произведений, входивших в состав Хронографа, – Хроники Георгия Амартола, Александрии, Хроники Иоанна Малалы и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, – автор Галицкой летописи активно вводил лексику этих памятников в свое повествование [Орлов 1926], стилизуя его под церковнославянский текст [Генсьорский 1961]. Заимствования из Хронографа в Ипатьевской летописи отмечаются до 1266 г. [Орлов 1926: 112—115; Генсьорский 1958: 12—13], на котором, следовательно, и заканчивалась Галицкая летопись. За ней в Ипатьевском списке следует Волынская летопись (Вол), изредка цитирующая Галицкую, но в целом не отличающаяся по языку от других летописей XIII в.

¹ Поучение и Послание Владимира Мономаха и Житие Александра Невского не анализируются.

Самую полную картину распределения лексики можно получить на материале служебных слов, поскольку они многократно встречаются во всех памятниках, независимо от их тематики. Вот как выглядят статистические данные, иллюстрирующие частотность употребления предлогов **ради** и **дѣла** в анализируемых текстах²:

	ради	дѣла
Евангелие	passim	
ТПророки	27	25
ХГА	passim	
ПВИ	passim	
Козьма	185	5
УстСтуд	76	4
БГ	12	
ЖФП	51	1
КирТур	40	7
ЖАЮ		passim
Пчела	82	65
ИИВ	132	33
ПВЛ	68	3
Новг1	1	7
Новг2	5	2
Сузд1	15 (-4)	6
Сузд2	16	3
Киев1	1	
Киев2	6	66
Гал	19	4
Вол	5	2

УстСтуд: **ради** 240 (2 раза), 250, 251 (2 раза), 254, 255, 276, 279 (2 раза), 280 (2 раза), 281 (2 раза), 283 (2 раза), 284, 297, 305, 320, 328, 330, 339, 340 (2 раза), 369 (2 раза), 371 (3 раза), 372, 373, 374 (4 раза), 375 (2 раза), 379, 380, 382 (2 раза), 383 (2 раза), 384 (3 раза), 385 (5 раз), 386, 387, 388, 390 (2 раза), 391 (5 раз), 392 (3 раза), 393, 394, 396, 400 (2 раза), 401, 402, 404 (2 раза), 405, 409, **дѣла** 388, 392, 395, 396.

² После каждой таблицы для памятников, изданных без словоуказателя, перечисляются адреса с указанием страницы и (через косую черту) строки, если в издании размечены строки. Для ИИВ указываются столбцы рукописи и номер строки. Количество случаев, когда слово зафиксировано в библейских цитатах, приводится в скобках. Запись типа 11(-2) означает, что слово встретилось в памятнике всего одиннадцать раз, из них два раза в библейских цитатах. Для ПВЛ библейские цитаты отмечены в [Шахматов 1916], для БГ и ЖФП - в [Naumow 1983].

Пчела: **ради** 8/25, 23/5, 27/12, 32/27, 34/21, 35/18, 35/20, 40/19, 40/20, 45/4, 47/9, 51/25, 51/26, 55/4, 67/18, 67/21, 75/14, 75/16, 77/6, 79/28, 83/1, 83/10, 87/11, 88/11, 96/9, 99/15, 100/16, 100/18, 112/28, 120/8, 120/22, 128/25, 129/25, 130/5, 130/10, 131/19, 135/16, 157/3, 161/13, 163/19, 170/26, 185/28, 185/29, 190/8, 192/13, 193/25, 203/22, 204/14, 205/11, 205/24, 205/26, 205/27, 210/27, 225/17, 225/19, 231/12, 290/16, 293/21, 295/29, 300/25, 315/23, 321/10, 324/19, 330/8, 338/21, 339/9, 347/24, 354/7, 354/9, 362/13, 374/18, 378/4, 385/4, 387/29, 400/7, 403/27, 421/27, 433/21, 441/1, 441/17, 441/19, 444/12, **дѣла** 15/5, 27/3, 35/19, 51/8, 51/24, 65/7, 65/8, 67/18, 67/20, 72/15, 81/2, 92/25, 127/1, 128/26, 134/5, 140/17, 140/29, 158/9, 164/26, 174/19, 174/20, 174/23, 174/24, 183/22, 185/9, 190/10, 198/18, 205/21, 205/21, 211/19, 211/20, 214/2, 214/3, 218/23, 219/3, 220/18, 227/20, 227/21, 232/16, 242/21, 251/13, 255/5, 258/19, 261/7, 275/5, 275/8, 275/12, 276/5, 303/12, 333/25, 333/27, 334/14, 336/7, 341/13, 347/22, 355/1, 389/8, 389/10, 396/8, 400/15, 400/16, 416/9, 418/27, 434/26, 441/11.

ИИВ: **ради** 345Г 1, 345Г 33, 346В 22, 348Г 20, 349В 2, 349В 33, 350Г 17, 351Б 10, 351В 2, 351В 20, 352Г 8, 354Б 5, 354Б 16, 355а 32, 355В 10, 355В 29, 356а 14, 356В 40, 357Б 19, 357Г 26, 358Б 10, 359Б 36, 360Б 12, 360Б 32, 360В 12, 362а 15, 366Б 27, 367В 16, 369а 14 (2 раза), 369а 17, 369а 29, 369Б 2, 369Б 21, 369Б 39, 369Г 37, 370а 9, 371Г 11, 372Б 38, 374а 20, 376В 13, 376В 31, 376Г 16, 377В 25, 378Б 28, 378Г 33, 379Б 27, 381Б 20, 382В 28, 383В 2, 383Г 36, 384Г 35, 384Г 37, 386Б 40, 387Б 28, 388В 16, 394а 16, 394В 26, 394Г 25, 401Б 26, 401Б 30, 401Б 32, 401Г 12, 401Г 40, 402а 15, 402Б 31, 403Б 9, 403Б 10, 404Г 15, 406а 13, 406а 28, 408В 15, 408В 16, 409Б 2, 409Б 34, 409В 22, 411а 20, 412Б 36, 412Г 35, 416В 12, 418а 37, 418В 26, 426Б 11, 426В 2, 428а 4, 429Б 3, 429Б 22, 430а 28, 430Г 37, 431В 27, 435а 5, 438а 17, 440Б 10, 443В 5, 443В 38, 443Г 27, 444а 13, 444В 18, 446а 29, 447Б 30, 448Г 5, 449Б 16, 449Б 20, 449В 37, 450Г 6, 452а 31, 452В 20, 453а 18, 454Б 11, 454Б 16, 454Г 14, 455а 22, 457Б 28, 458Г 14, 462В 22, 463а 12, 465Б 31, 466Г 2, 467Б 36, 470а 10, 471а 31, 472Г 6, 473Б 3, 474Б 6, 474Б 19, 475Г 11, 476Б 34, 477Б 17, 477Б 39, 477В 6, 477Г 1, 477Г 26, **дѣла** 361Б 13, 369Б 35, 372Б 13, 372Б 21, 374Г 32, 377а 22, 377В 8, 377В 35, 377В 37, 381а 21, 385Г 28, 385Г 38, 395Г 38, 407В 20, 411а 29, 415Г 31, 416а 25, 425а 26, 425Г 35, 437Б 27, 437Б 38, 438В 27, 440В 11, 440В 11, 442а 38, 444а 9, 447а 18, 449а 15, 458Г 14, 460В 24, 461Г 16, 462а 29, 470Б 11.

НовГ1: **ради** 28, **дѣла** 17, 26, 27, 28 bis, 42, 67; НовГ2: **ради** 74, 76, 77 bis, 78, **дѣла** 90, 92.

Сузд1: **ради** 306, 383, 386 (3 раза), 392, 393, 400 (3 раза), 409, 410 (2 раза), 422, 423, **дѣла** 300 (2 раза), 345, 352, 373, 385; Сузд2: **ради** 425, 432, 441, 446 (2 раза), 450, 462 (3 раза), 465 (2 раза), 466, 469 (2 раза), 481 (2 раза), **дѣла** 432, 462, 482.

Киев1: **ради** 315; Киев2: **ради** 545, 627, 648, 667, 713, 714, **дѣла** 337, 362, 365 (3 раза), 366 (3 раза), 370 (3 раза), 377, 379, 380 (2 раза), 391, 393 (3 раза), 404, 407, 408 (3 раза), 409, 415, 422 (2 раза), 429 (2 раза), 430 (2 раза), 431 (2 раза), 443, 464, 478, 511, 523, 535, 546, 559, 575, 605, 606, 623, 637, 642, 650, 654 (2 раза), 657, 669 (2 раза), 670, 674, 677, 685, 686, 690, 691, 696 (2 раза), 697, 699, 701.

Гал: **ради** 717, 718, 727, 731, 734, 743, 744 (4 раза), 748 (2 раза), 759, 785, 788, 795, 800, 821, 835, **дѣла** 731, 748, 801, 815.

Вол: **ради** 869, 875, 894, 915, 922, **дѣла** 907 (2 раза).

Кирилло-мефодиевские переводы употребляют исключительно **ради**; вообще из канонических старославянских текстов предлог **дѣла** зафиксирован только в Саввиной книге и Супрасльской рукописи, памятниках восточноболгарского происхождения. Преславские редакции библейских текстов более или менее регулярно заменяют первоначальное **ради** на **дѣла**, однако не устраняют **ради** полностью. По данным таблицы видно, что в толковом переводе малых пророков **ради** численно даже преобладает над **дѣла**, хотя и очень незначительно; примерно такое же соотношение наблюдается в Хронике Малалы. С высокой частотностью **дѣла** в преславских текстах резко контрастирует полное отсутствие этого предлога в Хронике Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе, что свидетельствует об их принадлежности к другой литературной традиции, нежели преславская, и на близость к кирилло-мефодиевскому кругу переводов. К Хронике Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе примыкает перевод Христианской топографии Козьмы Индикоплова, хотя и несколько отклоняющийся в сторону преславского или восточнославянского словоупотребления.

Повесть временных лет демонстрирует строгую приверженность кирилло-мефодиевской традиции. **Ради** решительно превалирует здесь над **дѣла** (показательно, что в пассаже из Хроники Малалы предлог **дѣла** заменен на **ради** [ПСРЛ II: 278]); **дѣла** встречается трижды, причем один раз в Договоре с греками 944 г., другой раз – в Корсунской легенде. В примыкающей к Повести временных лет начальной части Киевской летописи **дѣла** вообще не употребляется. Однако в летописных сводах конца XII в. картина меняется. В Суздальской летописи **ради** употребляется главным образом в сочетаниях **ѣа ради** (306) и **грѣхъ нашихъ ради** (392, 400, 409, 462 bis, 469, 481), в библейских цитатах (386 дважды, 410 дважды) или религиозно-морализаторских контекстах. Появление **ради** при описании светских событий – большая редкость, можно указать всего два случая: 386 и 432 (здесь, возможно, в результате отталкивания от предшествующего ему во фразе **дѣла**). Аналогичным образом употребляется **ради** в Новгородской и в основной части Киевской летописи. При этом **дѣла** в основной части Киевской летописи решительно преобладает, а нарастание частотности **ради** во второй части Новгородской летописи связано с употреблением формулы **грѣхъ ради нашихъ** 74, 76, 77 (но: **грѣхъ дѣла нашихъ** 90). Показания Новгородской, Суздальской и Киевской летописи свидетельствуют о том, что в памятниках восточнославянского происхождения предлог **дѣла** употреблялся в соответствии с древнерусским

узусом. Это подтверждают и данные новгородских берестяных грамот, в которых зафиксирован только предлог **дѣла**. Таким образом, **ради** является церковнославянизмом и именно в этом качестве активно используется в Галицкой летописи.

В Сказании о Борисе и Глебе и Житии Феодосия Печерского наблюдается та же картина, что и в современной им Повести временных лет. Однако у Кирилла Туровского частотность **дѣла** заметно возрастает: к указанным в таблице семи случаям, где показания списков совпадают, возможно, следует добавить еще 5 [Еремин 1956: 352, 355, 358; Еремин 1958: 333, 339], где в одних списках фиксируется **ради**, в других – **дѣла**. Очевидно, в поздних списках **дѣла** заменялось на церковнославянизм **ради**. Аналогичное явление наблюдается в Истории Иудейской войны: в списках хронографов, где текст памятника слегка подправлялся, **дѣла** 5 раз заменено на **ради** (в таблице эти случаи не учтены).

Постепенное нарастание частотности **дѣла** в переводных восточнославянских текстах имеет ту же хронологическую приуроченность, что и в оригинальных произведениях. В Студийском уставе, переведенном в 1060—1070-х гг., **дѣла** употребляется чрезвычайно редко. В Пчеле и в Истории Иудейской войны, возникших, по-видимому, в XII в., **дѣла** распространено уже довольно широко. Уникальный феномен употребления только предлога **дѣла** в Житии Андрея Юродивого, возникшего не позже середины XII в., сигнализирует о том, что процессы формирования лексических предпочтений, несмотря на ярко выраженные общие тенденции, протекали не абсолютно единообразно и сопровождались отклонениями, которые могли быть вызваны разными причинами (в том числе региональной принадлежностью текста).

Вхождение **дѣла** в лексикон древнерусских церковнославянских памятников XII в. свидетельствует о той роли, которую сыграли восточноболгарские тексты в его формировании: они санкционировали проникновение в церковнославянские тексты восточнославянских лексем, имеющих соответствия в произведениях болгарского происхождения. Известно, что русизмы в церковнославянских памятниках редки и представляют собой своего рода отклонения от нормы; однако восточнославянская лексика, поддержанная авторитетом болгарских книжных образцов, безусловно признавалась нормативной, несмотря на отсутствие в кирилло-мефодиевских текстах. Восточнославянские книжные памятники XI в. и рубежа XI-XII вв. ориентируются на словоупотребление богослужебных текстов, сохраняющих кирилло-мефодиевскую лексику. С XII в. начинается более интенсивное освоение лексики восточноболгарских текстов, в первую очередь той, которая имела соответствия в восточнославянских диалектах.

Этот процесс отражается и в динамике употребления синонимов, обозначающих умение, ремесло, ловкость (в БГ, Новг1, Киев1 соответствующая лексика отсутствует):

	ΚΨΖΝΗ	ΧΨΔΟΖΒΣΤΘ	ΧΨΤΡΟΣΤΨ
ΠΠροροκι		1	
ΧΙΜ			42 ποιητικός 13 δρᾶμα 5 τέχνη 3
ΧΓΑ	32 τέχνη 10 ἐπιστήμη 8 μηχανή 6 πανουργία 3 μεθοδεία 2	17 τέχνη 8 ἐπιστήμη 3 μηχανή 2	43 τέχνη 11 ἐπιστήμη 7 μηχανή 7 εὐφύης 6 περιδῆξιος 3
ΠΒΙ	4 μηχανή 2 μέθοδος 1	17 τέχνη 6 ἐπιστήμη 4 μηχανή 3	16 τέχνη 7 ἐπιστήμη 2 εὐφύης 2
Κοζύμα	5 μηχανή 2 τέχνη 1 ἐπιστήμη 1	1 τεχνίτης	32 τέχνη 25 ἐπιστήμη 2
УстСтуд	2		13
ЖФП	3		2
ΚιρΤур	1		5 (-1)
ЖАЮ		1 ἐπιστήμη	
Πчела		3 ἐπιστήμη μεθοδεία ἐπιτηδεύω	26 τέχνη 3 ἐμπειρία 3 εὐφύης 2 σπουδαῖος 2
ИИВ			29 δραστήριος 3 τέχνη 2 ἐπιστήμη 2
ΠВЛ	6	(1)	3
НовГ2			1
Сузд1	1		1
Сузд2	1		3
Κиев2	1		2
Γαλ		1	6
Βολ			4

ХИМ: хитръ 118/8, 308/15, 316/22, 316/28, хытрость 78/4, 82/9, 87/17, 87/24, 103/14, 103/17, 105/8, 105/19, 106/20, 111/19, 115/2, 118/14, 135/17, 136/3, 137/21, 137/25, 148/24, 152/13, 152/14, 152/15, 177/5, 222/20, 222/25, 234/14, 344/10, хытрець 87/18, 87/26, 104/25, 105/8, 111/19, 112/19, 137/26, 181/8, 223/7, 227/11, 229/5, 230/18, 234/6.

ХГА: къзнь 28/11, 32/7, 42/8, 47/24, 62/20, 62/23, 62/24, 72/26, 140/27, 165/20, 168/21, 203/21, 231/11, 257/6, 258/23, 265/8, 359/8, 361/3, 363/21, 378/4, 389/19, 426/24, 435/11, 462/15, 467/26, 468/9, 475/12, къзньнъ 231/19, злокознь□ 169/8, злокозньнын 389/9, 389/22, кознослови□ 27/11, хоѹдожьствовати 172/21, 366/12, 435/12, 492/2, хоѹдожьственъ 482/17, хоѹдожьство 69/16, 71/2, 71/12, 138/20, 261/10, 387/24, 569/27, хоѹдожьникъ 147/5, 388/21, 388/22, 388/25, многохоѹдожникъ 51/19, хытръ 310/20, 505/10, 506/10, 556/27, 569/27, хытрость 55/23, 64/6, 69/16, 70/18, 72/26, 73/2, 73/26, 81/12, 129/10, 147/10, 169/13, 182/14, 258/13, 266/11, 306/7, 314/25, 327/4, 331/9, 333/5 (2 раза), 471/8, 495/19, 516/24, 542/28, 558/21, хытростнын 471/18, хытрець 468/23, 471/11, пещехытрець 472/11, прехытрын 495/14, хытро 312/14, 342/12, хытрие 495/18, злохитри□ 71/22, злохытрость 313/4, многохытрын 500/3, хытрослови□ 72/23, нехытростньо 79/2.

УстСтуд: къзнь 374, 384, хытрыць 379, 383, 403, хытроначальникъ 379 (2 раза), 411 (2 раза), хытрость 393, 394 (2 раза), 397, хытрѣншин 403, великохытреника 405.

КирТур: козни [СДЯ XI-XIV IV: 350], злохитрын [Еремин 1956: 344], [СДЯ XI-XIV III: 424], злохитри□ [Еремин 1958: 337, 345], хитрець [Еремин 1956: 361]

Пчела: хоѹдожьство 40/1, 389/28, 434/19, хытрость 21/26, 60/9, 252/14, 305/16, 317/10, 317/14, 318/12, 320/2, 321/3, 321/19, 346/7, 390/6, хытръ 3/5, 34/3, 105/26, 159/29, 170/12, 289/4, хытрын 148/23, 164/11, 170/19, 324/4, 403/7, хытрець 134/11, хытрѣе 343/15, хытро 179/6.

ИИВ: хитръ 354в 30, 367в 24, 372в 31, 416а 5, 426а 4, 427б 11, хитро 432б 17, хитрость 357б 15, 357б 30, 361в 27, 367б 27, 389а 14, 408в 21, 411г 32, 412б 7, 430в 6, 431г 18, 450б 30, 452в 30, 455а 18, 463б 26, 465а 24, 469г 28, 473г 22, хитрѣнше 461а 6, хитреншю 359г 33, слохитрие 372г 11, 374в 20, слохитрець 400б 23

Новг2: хытрость 86.

Сузд1: дыавола... козни 391, *нхитрити 331.

Сузд2: злокозньство 440, хытръ 447, 467, хытрость 486.

Киев2 всекозненын 324, хытрость 582, нхитрити 423.

Гал: хоѹдожникъ 711, хытрость 814, 851, 852, хытрець 842, 844, 863.

Вол: хытръ 876, 921, хытрость 913, 914.

В Евангелии слова рассматриваемой группы не встречаются, но принадлежность кирилло-мефодиевскому лексикону слов къзнь, къзньникъ и хѹдогъ, хѹдожьникъ, хѹдожьство не

вызывает сомнений, поскольку они довольно широко представлены в Апостоле и Паримейнике со значением ‘ремесло’, ‘ремесленник’ [SJS 16: 90; 48: 813-814]. **Къзнь** и его производные активно используются в служебных минеях, продолжающих, по-видимому, кирилло-мефодиевскую традицию [Срз. I: 1389]. Производные от **хытръ** в кирилло-мефодиевских переводах отсутствуют; из канонических старославянских памятников они зафиксированы только в восточноболгарской Супрасльской рукописи и в Зографских листках.

Более поздние восточноболгарские памятники по-разному используют синонимы этой группы. В преславских редакциях библейских текстов представлены только производные от **хждогъ**: в толковом переводе книги пророка Иезекииля **хждожество** ἐπιτήδεσμα встречается 11 раз, **хждожестве**, **хждожик**, **хждоживъ** по одному разу [Йовчева, Камуля 2000: 6], в книге пророка Исаяи зафиксировано **хждожьнь** περιδέξιος [Евсеев 1897: 124]. Напротив, в переводе Хроники Малалы представлены исключительно производные от **хытръ**, которые часто обозначают разного вида искусства (поэтическое, драматическое, музыкальное) и науки: οἱ μουσικοὶ **гоуслноу хытрость оумѣюща** 87/17, ἀριθμητικὴν **численую хитрость** 177/5 и т. п. В Шестоднев и Богословии Иоанна экзарха встречается **къзнь** ‘ремесло’ и производные [Срз. I: 1389].

Переводы Хроники Амартола, Повести о Варлааме и Иоасафе и Христианской топографии Козьмы Индикоплова характеризуются активным употреблением всех синонимов данной группы. Хроника Амартола особенно выделяется высокой частотностью слова **къзнь** и его производных в разнообразных значениях: ‘умение, ремесло, искусство, способ, уловка (в том числе коварная)’. На наличие этого слова в активном лексиконе переводчика Христианской топографии указывает составленное им сложное слово **многкокозньствоующе** πολυπραγμονοῦντῆ ‘любопытствующие’ 34об/18. В Студийском уставе 384 также встречается **къзнь** в значении ‘умение, искусство’.

Напротив, в оригинальных восточнославянских произведениях – Житии Феодосия Печерского, Словах Кирилла Туровского и летописях – **къзнь** употребляется только применительно к дьявольским или бесовским проискам (всегда во множественном числе). Такое суженное употребление однозначно указывает на то, что это слово в древнерусском языке является церковнославянским заимствованием. Его полное отсутствие в Житии Андрея Юродивого, Пчеле и Истории Иудейской войны свидетельствует о большей дистанцированности этих переводов по отношению к архаичной церковнославянской традиции сравнительно со Студийским уставом, Житием Феодосия Печерского и Повестью временных лет.

Судя по низкой частотности в восточнославянских памятниках, лексика гнезда **хждогъ** также была заимствована в древнерусский язык из церковнославянского. По-видимому, только **хытръ** и его производные были исконно присущи восточнославянским диалектам. Единственный пример из совпадающего контекста в Киевской и первой части Суздальской летописи (**исхитриль** в Киев2 423, в Сузд1 331 порча **изъхити^л**) указывает на существование исконного древнерусского

глагола **исхытрити** 'изобрести, хитроумно придумать' (о военных лодках со специальным покрытием для гребцов), поскольку этот глагол больше нигде не зафиксирован и едва ли могъ быть заимствован или скопирован с какого-то образца. Поэтому явное предпочтение, которое отдают лексике гнезда **хытрь** Студийский устав, Пчела и История Иудейской войны, следует расценивать как проявление тенденции к предпочтительному использованию древнерусской лексики, имеющей соответствия в болгарской письменности.

Отход Пчелы и Истории Иудейской войны от кирилло-мефодиевского словоупотребления происходил не только при поддержке более поздних церковнославянских текстов болгарского происхождения, но и в результате переориентации непосредственно на древнерусский узус. Об этом свидетельствуют данные следующей таблицы³:

	сѣвѣтъ (сѣ)творити	сѣвѣщати (сѣ)	(сѣ)доумати	(сѣ)гадати
Евангелие	8 συμβούλιον λαμβάνω 5 συμβούλιον ποιέω 2 συμβουλεύομαι 1	8 (συμ)βουλεύομαι 4 συμφωνέω 3 συντίθημι 1		
ТПророки		3 βουλεύομαι 2		
ХИМ	7 (συμ)βουλεύομαι 3 συσκευάζομαι 2 βούλομαι 1	11 βουλεύομαι 2 κατασκευάζω 2 συμποιέομαι 1		
ХГА	8 βουλὴν (συμβούλιον) ποιέω 6 βουλὴν βουλεύομαι 1 ἐπιβουλὴν κατεργάζομαι 1	28 (συμ)βουλεύομαι 18 συντίθημι 2 ὑποτίθημι		
ПВИ		14 (συμ)βουλεύομαι 7 (προ)μελετάομαι 2		
Козьма	4 ἐπιβουλεύω 3 συμβουλεύω 1			
БГ				

³ В УстСтуд глаголы со значением 'принимать (совместное) решение, совещаться' отсутствуют; **сѣвѣщающеи** 384, **несѣвѣщанимъ** 390, **сѣвѣщаними** 392 имеют другую семантику.

ЖФП	1	1		
КирТур	4 (-1)	1		
ЖАЮ		5 (συμ)βουλεύομαι 3 σκέπτομαι 1		
Пчела		2 συμφωνέω ἐπαγγέλλω 2	9 (συμ)βου- λεύω 9	
ИИВ		23 (συμ)βουλεύομαι 6 (δια)γιγνώσκω 6	37 (συμ)βου- λεύομαι 14 ἐπιβουλεύ- ομαι 5	
ПВЛ	9	11 (-1)	2	
НовГ1		2	15	3
НовГ2		2	8	3
Сузд1			29	1
Сузд2		1	8	
Киев1			6	
Киев2		11 (-2)	84	48
Гал	16	1	11	8
Вол			7	1

ХИМ: **сѡвѣтъ** (сѡ)творити 82/4, 114/4, 142/4, 142/26, 146/24, 147/12, 192/14, **сѡвѣщати** (сѡ) 146/11, 191/27, 192/2, 192/16, 192/18, 272/16, 230/3, 334/6, 339/3, **сѡвѣщани**□ 112/12, 133/4.

ХГА: **сѡвѣтъ** (сѡ)творити 395/16, 471/28, 504/28, 513/19, 531/8, 543/8, 546/25, 560/31, **сѡвѣщати** (сѡ) 38/8, 38/9, 181/1, 271/7, 286/10, 381/5, 386/2, 436/24, 443/8, 458/23, 526/6, 531/9, 532/12, 532/22, 541/8, 541/11, 550/11, 550/23, 555/13, 563/8, 568/2, 572/10, 572/16, **сѡвѣщавати** сѡ 464/6, 552/23, 556/23, **сѡвѣщевати** 327/8, **сѡвѣтовати** 506/27.

КирТур: **сѡвѣтъ** (сѡ)творити [Еремин XII 357, XIII 411, XV 336, 338].

Пчела: **сѡвѣщати** 8/24, 328/11, **доумати** 13/20, 20/1, 22/13, 22/20, 23/5, 23/11, 24/22, 122/21, 328/23.

ИИВ: **сѡвѣщати** (сѡ) 351а 8, 467Г 25, 469а 22, 470б 6, 470в 7, 471б 28, 471Г 14, 472б 8, 472в 2, 472Г 32, 474в 20, 474в 25, 474в 29, 475а 28, 473в 6, **сѡвѣщавати** 351б 23, **сѡвѣщани**□ 460в 12, 471Г 28, 474в 34, 475б 2, 476Г 39, 478а 33, 478б 13, **доумати** 349в 24, 357б 16, 357в 15, 368Г 32, 369Г 24, 370б 11, 370Г 14, 372Г 39, 373б 12, 376б 31, 376Г 13, 378б 21, 379а 27, 394в 26, 402в 3, 406б 2, 414а 7, 414а 27, 415Г 40, 421б 30, 424Г 34, 425в 32, 425в 39, 425Г 23, 428б 37, 433а 37, 441а 20, 447в 16, 450в 1, 457в 16, 462в 15, 466Г 7, **сѡдоумати** 465а 18, **подоумати** 360Г 12, 371б 11, 396а 5, 442б 5.

Новг1: **увѣчати** 46, **сѣвѣтати** 50, **сѣдоумати** 23, 24, 25, 33, 37, 38, 40, 43, 44, 47, 58, 67, **доумати** 47, 62, **удумати** 66, **гадати** 53 (2 раза), 57.

Новг2: **сѣвѣщати (сѣ)** 81, 84, **сѣдоумати** 78, 81, 84, 85 (2 раза), 88, 89, 97, **гадати** 88, 90, 99.

Сузд1: **доумати** 358, 359, **сѣдоумати** 305, 307, 308 (2 раза), 319, 324, 328, 331, 338 (2 раза), 340, 341, 342, 346, 347, 348, 349, 358, 365, 372, 375, 377, 385, 389, 397, 403, 415, **гадати** 315.

Сузд2: **сѣвѣщати сѣ** 430, **сѣдоумати** 427 (2 раза), 433, 440, 446, 473, 474, 481.

Киев1: **сѣдоумати** 280, 305, 306, 307, 312, **подоумати** 265.

Киев2: **сѣвѣщати (сѣ)** 324, 325 (2 раза), 363, 405, 494, 574, 586, 651, 696, **сѣвѣщевати** 681, **доумати** 328 (3 раза), 344, 346, 347 (2 раза), 348, 357, 358, 367, 380, 381, 382, 402, 409, 426, 447, 458, 473, 476, 535, 536, 538, 557, 615, 643, 669, 679, 683, 686 (2 раза), 699, **сѣдоумати** 333, 343, 345, 361, 371, 387, 389, 403, 405, 439, 446, 457, 468, 469, 481, 487, 490, 555, 556, 596, 606, 608, 614, 620, 652, 653, 657, 659, 660, 663, 668, 670, 673 (2 раза), 675, 676 (2 раза), 677, 685, 686, 687, 688 (2 раза), 689, 690, 694 698, **оудумати** 373, 378, 428, 458, **гадати** 365, 370, 444 (2 раза), 448, 472, 637, 686, **сѣгадати** 330, 332, 335, 341, 343, 344, 383, 407, 424, 425, 507, 522, 562, 605, 606, 628, 688, **оугадати** 331, 359, 364, 365, 368, 369, 371, 377, 383, 413, 424, 434, 447, 456, 458, 459, 472, 570, 624, 639, 641, **нагадати (сѣ)** 433, 696, **разгадати** 650.

Гал: **сѣвѣтъ сѣтворити** 723, 728, 741, 762 (2 раза), 763 (2 раза), 764, 780-81, 781, 783, 819 (2 раза), 822, 823, 831, **сѣвѣщати** 762, **доумати** 771, 806, 825, 850, 860, 861 (4 раза), **сѣдоумати** 829, **раздоумати** 839, **гадати** 755, 846, **сѣгадати** 754, 815, 825, 838, 846, **розгадати** 816.

Вол: **доумати** 876, 878, 885, **сѣдоумати** 870, 873, 874, 877, **погадати** 909.

Фразеологизм **сѣвѣтъ (сѣ)творити**, помимо Евангелия, отмечен в Апостоле в соответствии с греч. ἔθεντο βουλήν [SJS 39, 244]. В преславских памятниках **сѣвѣтъ (сѣ)творити** употребляется уже как устойчивое словосочетание, о чем свидетельствует тот факт, что в Хронике Малалы оно всегда переводит одно греческое слово. Напротив, в Хронике Амартола этот фразеологизм всегда соответствует греческому словосочетанию, как и в большинстве евангельских контекстов. Христианская топография Козьмы Индикоплова обнаруживает близость с Хроникой Малалы, поскольку всегда переводит этим фразеологизмом одно слово оригинала, однако более последовательно придает ему значение ‘злоумышлять’.

Выразительным контрастом на фоне довольно активного использования этого фразеологизма перечисленными памятниками выглядит его полное отсутствие в Житии Андрея Юродивого, Пчеле и Истории Иудейской войны. Если статистические данные по Житию Андрея Юродивого могут быть признаны недостаточно убедительными, то относительно переводчиков Пчелы и Истории Иудейской войны можно с полной уверенностью констатировать,

что выражение **сѣвѣтъ (сѣ)творити** отсутствовало в их активном лексиконе. Что касается летописей, то из древнейших сводов только Повесть временных лет прибегает к этому фразеологизму, употребляя его как при описании событий в Печерском монастыре, так и в светских контекстах. В Галицкой летописи фразеологизм **сѣвѣтъ сѣтворити** имеет статус маркированного церковнославянизма – нейтральное **сѣвѣщати(сѣ)** автор свода почти не употребляет. Таким образом, Пчела и История Иудейской войны обнаруживают очевидную близость к словоупотреблению летописных сводов конца XII-XIII вв. Эта близость сказывается не только в отказе от фразеологизма **сѣвѣтъ (сѣ)творити**, но и в явном предпочтении, отдаваемом русизму **(сѣ)доумати**, **(по)доумати** перед церковнославянизмом **сѣвѣщати(сѣ)**. Любопытно, что в Истории Иудейской войны подавляющее большинство фиксаций слов **сѣвѣщати(сѣ)**, **сѣвѣщани** приходится на последнюю 1/10 часть текста.

Из летописей глагол **сѣвѣщати(сѣ)** наиболее активно использует Повесть временных лет; в основной части Киевской летописи (дважды в цитате из Ис. III 9: **сѣвѣщаста сѣвѣтъ золь** 324, **сѣвѣтъ золь сѣвѣщаша** 494) он явно уступает по частотности своим синонимам. Стандартным обозначением принятия решения, прежде всего коллективного, в русских летописях служил глагол **(сѣ)доумати**⁴. Правда, с точки зрения авторов начальных редакций Повести временных лет **доумати** и его производные являлись русизмами, не вписывающимися в лексическую норму летописного текста. В Сильвестровской редакции Повести временных лет **доумати** и его производные отсутствуют, две фиксации (под 1111 г. и 1115 г.) приходятся на ту часть, которая представлена в Ипатьевском списке (**подоумати** 265 и **сѣдоумати** 280), т. е. в редакции 1118 г. С этого времени лексика гнезда глагола **доумати** признается нормативной всеми летописцами. Более узкое распространение имели глагол **гадати** и его производные: они совершенно не известны Суздальской летописи. Единственное употребление глагола **сѣгадати** в Сузд1 315 совпадает с чтением Киев2 343 в том же контексте и, следовательно, восходит к их общему – в конечном счете киевскому – источнику. В Волынской летописи отмечено только **погадати** 909, возможно, употребленное автором свода под влиянием Галицкой летописи, откуда он иногда черпал отдельные слова и выражения.

Таким образом, по использованию синонимов рассмотренной группы памятники распределяются следующим образом. Глагол **сѣвѣщати(сѣ)**, вероятно, заимствованный из южнославянских памятников, получил распространение во всех церковнославянских древнерусских текстах, в Повести временных лет и – в меньшей степени – в основной части Киевской летописи. Выражение **сѣвѣтъ (сѣ)творити**, характерное для кирилло-мефодиевских и восточноболгарских переводов, было усвоено переводчиком Христианской топографии Козьмы

⁴ В Волынской летописи дважды зафиксировано **доумати** в значении 'думать', не учтенное при подсчетах.

Индикоплова и, возможно, переводчиком Хроники Амартола, а также составителем Повести временных лет; автором Галицкой летописи оно широко использовалось в целях стилизации. У Кирилла Туровского этот фразеологизм встречается в основном в аллюзиях на соответствующие новозаветные контексты. Два древнерусских перевода – Пчела и История Иудейской войны – отходят от церковнославянского словоупотребления, сближаясь с русскими летописями, использующими в качестве нормативного глагол **доумати** и его производные.

Хотя тенденция к отказу от кирилло-мефодиевской лексики за счет сближения с древнерусским узусом, в особенности в случае поддержки со стороны болгарских памятников, очевидна для Пчелы и Истории Иудейской войны, есть случаи, когда они оказываются активными продолжателями кирилло-мефодиевской традиции. Об этом свидетельствуют данные следующей таблицы (в УстСтуд, Новг2 и Вол соответствующая лексика не зафиксирована):

	досадити	(οϣ)корити	поносити
Евангелие	4 ὕβρίζω 3 ἀτιμάζω 1	2 ἐξουθενέω λοιδορέω	7 ὀνειδίζω 7
ТПророки		9 ὕβρι 4 ὄνειδὸ 3	1 ὄνειδὸ
ХИМ		12 ὕβρι 4 ὄνειδὸ 1 λῆρὸ 1 πομπεύω 1 δημεύω 1	
ХГА	40 ὕβρίζω 25 ἀτιμάζω 10	7 ὕβρίζω 2 μῶμὸ 2 λοιδορία 1 μέμψι 1	17 ὄνειδὸ 13 ὕβρι 2
ПВИ	14 ὕβρίζω 6 ἀτιμάω 3 ἐξουθενέω 1	9 χλευάζω 3 ὕβρι 2 λοιδορέω 1	5 ὀνειδίζω 4 μυκτηρίζω 1
Козьма			1 ὀνειδίζω
БГ			5 (-2)
ЖФП	3	9 (-1)	
КирТур	3	8	6

	ΔΟΣΑΔΙΤΗ	(ΟΥ)ΚΟΡΙΤΗ	ΠΟΝΟΣΙΤΗ
ЖАЮ		3 ἐξουθενέω 2 καταμέμφομαι 1	6 ὄνειδίζω 5
Пчела	1	6 ὕβριζω 2 ἀτιμάζω 2	54 ὄνειδίζω 26 μέμφομαι 11
ИИВ		11 ὕβριζω 3 ταπεινόω 2 σχετλιάζω 1	37 ὄνειδίζω 14 μέμφομαι 9
ПВЛ	(2)	8 (-1)	(1)
Новг1		1	
Сузд1	(2)		
Сузд2		1	
Киев1		1	
Киев2		3	1
Гал		1	

ХИМ: οὔκοριτι 195/6, 231/20, 343/16, οὔκαρᾶτι 280/13, οὔκορῶ 114/3, 191/2, 191/6, 191/11, οὔκοριзна 69/14, 222/18, οὔκορῆνικ 231/8, 306/4.

ХГА: ΔΟΣΑΔΙΤΗ 35/13, 40/2, 121/14, 278/8, 322/22, 327/14, 369/24, 382/27, 432/19, 495/26, 519/9, ΔΟΣΑЖΑΤΗ 240/11, 271/5, 323/9, 361/20, 475/6, 553/20, ΔΟΣΑЖЕНИК 80/18, 162/17, 242/8, 248/5, 271/2, 288/17, 289/8, 370/23, 382/19, 382/20, 423/3, 431/9, 433/9, 477/19, 480/5, 484/24, 490/26, 496/21, ΔΟΣΑДИТЕЛЬ 394/1, 425/2, 501/5, 502/18, 502/28, ΟΥΚΟΡΙΤΗ 151/2, ΟΥΚΑΡᾶΤΗ 91/7, 93/23, ΟΥΚΟΡῶ 101/2, 146/20, 233/9, ΝΕΟΟΥΚΟΡΙΖΝЬНО 233/9, ΠΟΝΟΣΙΤΗ 93/23, 137/8, 325/30, 333/23, 402/24, ΠΟΝΟΣῶ 40/23, 40/25, 115/7, 273/17, 349/28, ΠΟНОШЕНИК 41/8, 154/22, 274/25, 277/5, 313/10, 500/9, СЪΠΟΝΟΣΙΤΗ 366/27.

Пчела: ΔΟΣΑЖΑΤΗ 426/24, ΟΥΚΟΡΙΤΗ 18/18, 214/27, ΟΥΚΑΡᾶΤΗ 383/23, 426/26, ΟΥΚΟΡῶ 222/23, 374/5, ΠΟΝΟΣΙΤΗ 12/22, 18/17, 18/19, 43/22, 51/19, 51/21, 54/29, 58/20, 64/11, 65/16, 79/28, 85/6, 88/10, 93/22, 112/26, 113/13, 116/25, 120/5, 127/23, 134/3, 135/15, 135/21, 142/10, 151/8, 169/6, 177/26, 160/11, 201/7, 202/20, 221/11, 261/28, 289/23, 297/4, 347/10, 377/24, 377/25, 414/29, 444/10, ΠΟΝΟΣῶ 212/12, 279/6, 420/8, ΠΟНОСЬНЫИ 428/2, ΠΟНОШЕНИК 114/7, 118/15, 119/25, 159/16, 265/19, 289/21, 293/11, 365/2, 374/6, 377/26, 394/28, 429/25.

ИИВ: ΟΥΚΟΡΙΤΗ 361в 29, 374г 31, 375а 18, 383г 31, 401б 1, 404а 30, 443а 26, 456а 1, ΟΥΚΑΡᾶΤΗ 434в 35, ΟΥΚΟΡῶ 475а 15, ΟΥΚΟΡῆСТВО 404в 28, ΠΟΝΟΣΙΤΗ 356г 28, 358б 13, 368г 40, 369а 11, 369б 7, 369б 22, 372а 1, 403а 22, 408г 22, 409б 17, 414в 40, 416б 40, 420б 12, 421в 33, 421г 23, 437а 10, 443а 24, 453г 27, 455в 8, 462а 24, ВЪСПОНОСИТИ 452а 9, ΠΟΝΟΣῶ 347а 28б, ΠΟНОСЬНЬ 471г 2, ΠΟНОШЕНИК 372а 19, 394г 37, 401а 26, 401а 39, 403а 31, 403а 32, 404в 27, 434в 9, 434г 32, 451б 1, 451б 29, 455б 8, 455в 36, 476в 36.

Новг1: оу́коръ 53.

Сузд1: досажениѣ 384, 401.

Сузд2: оу́корити 471.

Киев1: оу́коръ 299.

Киев2: оу́корити 656, 710, оу́каривати 494, понось 656.

Гал: оу́кариватисѧ 859.

Помимо Евангелия, **досадити** и его производные в соответствии с ὑβρίζω, ἀτιμία хорошо зафиксированы в Паримейнике и Апостоле [SJS 9, 510-511]. Греческие слова указывают на оскорбление, независимо от того, каким способом оно нанесено. В кирилло-мефодиевских переводах им соответствуют **досадити** (**досаждати**), **досаждениѣ**, **досада**, обозначающие оскорбление действием (или действием и словом одновременно), а на словесное порицание или оскорбление указывают **поносити** и **хоулити** вместе с родственными образованиями. Глагол **оу́корити**, судя по контексту Лк. 23.11 ἐξουθενέω, мог оставаться не охарактеризованным по признаку вербальности/невербальности, т.е. означать 'выразить презрение, унизить' – без конкретизации, словом или действием. Это сделало возможным перенос на **оу́корити** функций невербального глагола **досадити** в преславских редакциях библейских текстов, где глагол **досадити** и его производные последовательно заменялись на **оу́корити** и производные [Евсеев 1897: 112]. Так, в толковом переводе книги пророка Иезекииля кирилло-мефодиевские лексемы гнезда **досадити** совершенно отсутствуют, а в значении 'порицание, порицать' регулярно употребляется **оу́коризна** ὀνειδισμῶ, ὀνειδίσμα (10 раз), **оу́корѣниѣ** и **оу́корити** (по одному разу); всего два раза встречается **понось** λάλημα 'сплетни, пересуды' [Йовчева, Камуля 2000: 6—7]. В то же время здесь очень частотны существительное **хоула** и его производные, зафиксированные в общей сложности 23 раза в соответствии с греч. βλασφημία, κατηγορία, ἐπιμέμφομαι, μωκτηρίζω, ἐξουθενέω, διαβάλλω, ἀτιμάζω, т.е. в вербальном значении [Йовчева, Камуля 2000: 7—8]. В Псалтыри с Толкованиями Феодорита Киррского **поносити** заменяется на **оу́корити**, а **поношениѣ** и **понось** могут заменяться на **оу́корѣниѣ**, **похоулеѣниѣ** [Погорелов 1901: LVIII]. Сходная картина, т.е. отказ от **досадити** и **поносити** в пользу **оу́корити** и **хоулити**, наблюдается в Хронике Малалы.

Напротив, перевод Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе следует кирилло-мефодиевской традиции: здесь употребляется тот же набор лексем и при тех же греческих соответствиях, что в Евангелии и Апостоле. В Хронике Амартола встречаются "двойные" переводы, где глагол **хоулити** добавляется специально для привнесения вербального значения, которое переводчик считал подходящим для данного контекста: **досаженькъмь... хоулити** ὕβρεσι... ἐχρῶντο 370/24, **досадиша хоулаще** ὕβρισαν 382/27. **Хоула**, **хоулити** и родственные

образования как обозначения речевого акта одинаково частотны как в древнеболгарских, так и в древнерусских памятниках (в преславских текстах они могут не иметь вербального значения, см. [Йовчева, Камуля 2000: 7—8]).

В летописях рассматриваемая группа слов представлена скудно. Лексика гнезда **досадити** здесь практически отсутствует. Отглагольное производное **досаженьє** встречается исключительно в цитатах из Паримейника и Псалтыри (Сузд1 384 = Пс. 82.17, Сузд1 401 = Притчи 9.7—9). Правда, в летописях имеются единичные фиксации существительного **досада** в несколько отличном от старославянского значения ‘притеснение, обида’: **твораше... досадоу** Сузд2 476, **досады приа** Киев2 617 (**досады примъ** в Вол 920 является цитатой из указанного места Киевской летописи). Однако расхождение в семантике и использование этого слова только в светских контекстах указывает на то, что его появление в летописях, в противоположность производному **досаженьє**, не связано с кирилло-мефодиевской традицией. Напротив, у Кирилла Туровского **досада** употребляется в церковнославянском значении ‘оскорбление’ [СДЯ XI—XIV III: 59]. Ту же семантику реализуют **досажати**, **досаженик** в Житии Феодосия Печерского; примечательно, однако, своеобразное ограничение на употребление этих лексем: они фигурируют здесь только в сочетаниях с синонимами **корити**, **оукоризна** (43a/27, 57a/18, 61b/26). Древнерусские переводы используют лексику гнезда **досадити** еще менее активно, чем оригинальные восточнославянские произведения, сближаясь в этом отношении с летописями. Характерно, что переводчик Пчелы при передаче синонимических пар со словами ὕβριζω, ὕβρις, которые могли бы спровоцировать его на употребление лексики гнезда **досадити**, оставляет их без перевода: τοῦ λοιδορεῖσθαι καὶ ὑβρίζειν **χοульѣ** 443/28, τὴν ὕβριν καὶ λοιδορίαν **χοульѣ** 443/29.

Гораздо чаще встречаются в восточнославянских памятниках производные от **корити**. В религиозно-дидактических контекстах они могут принимать – очевидно, под влиянием южнославянских образцов – невербальное значение ‘унизить’ (например, в основной части Киевской летописи **оукорити** 656; ср. в Повести временных лет по Ипатьевскому списку **вкоризнѣ** 279 в пассаже из Хроники Малалы, причем в соответствующем месте Хроники **оукоризнѣ** 69/14, по-видимому, соответствует греч. τιμωρέω ‘наказать’). В светских контекстах они имеют отчетливо выраженное вербальное значение: в Повести временных лет **коритиса** 84, **корити** 171, **оукарати** 142, 143, 282, **оукоръ** 143, в основной части Киевской летописи **оукаривати** 494, в Галицкой **оукариватиса** 859 (два последних глагола образованы с помощью восточнославянского суффикса **-ива-**). Изредка, однако, невербальное значение распространяется и за пределы религиозно-дидактических контекстов – например, **оукоръ положити** в Новгородской летописи 53. Вероятно, употребительность **корити** и производных основывалась на древнерусском узусе (по крайней мере, в вербальном значении, ср. **кориться** ‘ругаться’ в Якутских актах XVII в. [СлРЯ XI—XVII 7: 314]) и поддерживалась авторитетом болгарских, в особенности преславских текстов.

Напротив, глагол **поносити** и его производные не имели ни ощутимой поддержки со стороны восточноболгарских текстов, ни опоры в древнерусском узусе, о чем свидетельствует их отсутствие в летописях и в русских диалектах (пассаж об агарянах в основной части Киевской летописи 656, где единственный раз встречается слово **поносъ**, стилизован под церковнославянский текст или, возможно, заимствован из церковнославянского источника). Тем не менее именно лексемы гнезда **поносити** получают особенно широкое распространение в древнерусских церковнославянских произведениях, особенно в Пчеле и в Истории Иудейской войны. Этот факт может объясняться только авторитетом кирилло-мефодиевских текстов – Евангелия, Апостола, Псалтыри, Паримейника, где эта лексика очень частотна [SJS 27:163—164], а также близких к ним по словоупотреблению текстов – таких, как Хроника Амартола и Повесть о Варлааме и Иоасафе.

Некоторое представление о том, как могут группироваться тексты в случае совпадения кирилло-мефодиевского и восточноболгарского словоупотребления при расхождении с восточнославянским узусом, дает статистика использования глаголов **замыслити** – **оумyslити** ‘задумать, изобрести’ и их производных (в УстСтуд, Сузд2 и Вол они не зафиксированы):

	замыслити	оумyslити
Евангелие		1
ТПророки		3
ХИМ	1	18
ХГА	57	24
ПВИ	14	
Козьма	4	
БГ		7
ЖФП		2
КирТур		1
ЖАЮ	1	2
Пчела	1	
ИИВ	10	
ПВЛ	2	4
Новг1	5	
Новг2		1
Сузд1	7	
Киев1	1	
Киев2	15	3
Гал		1

ХИМ: **замышлати** 145/1, **оумыслити** 77/2, 77/10, 89/4, 103/13, 107/4, 116/9, 127/2, 132/1, 132/3, 147/18, 152/13, 172/15, 177/14, 190/21, 191/11, 194/18, 222/24, 339/4.

ХГА: **замыслити** 32/7, 69/19, 77/16, 225/8, 238/10, 239/3, 254/18, 256/8, 264/2, 269/20, 328/20, 357/23, 379/11, 383/25, 389/9, 389/10, 403/19, 403/26, 403/31, 406/27, 410/30, 469/27, 492/3, 492/26, 495/14 (2 раза), 496/24, 497/2, 515/26, 534/1, 550/21, 568/21, **замышлати** 308/3, 325/6, 364/21, 507/19, **замысль** 159/10, **замышленник** 58/19, 60/28, 63/8, 67/10, 158/6, 221/18, 230/2, 231/22, 249/16, 255/12, 257/7, 273/9, 274/14, 274/19, 313/25, 328/26, 442/26, 522/30, 563/21, **незамышленник** 158/6, **оумыслити** 45/25, 315/24, 406/14, 433/1, 515/4, 552/15, **оумышлати** 551/28, **оумышленник** 390/1, 517/6, 526/1, 526/3, 532/22, 534/3 (2 раза), 546/25, 550/7, 551/11, 552/11, 553/14, 553/21, 554/8, 554/17, 554/18, **злооумышленник** 551/28.

Пчела: **замышленник** 18/15.

ИИВ: **замыслити** 360а 27, 367а 20, 417б 16, 424г 21, 432а 11, 433б 4, 466б 39, **замысль** 370г 4, 424а 38, **замышленник** 367в 27.

Новг1: **замыслити** 48 (2 раза), 49, 59, 70.

Новг2: **умыслити** 82

Сузд1: **замыслити** 318, 360, 366, 375, **замышлати** 307, 401, **замышливати** 346.

Киев1: **замышлати** 318.

Киев2: **замыслити** 345, 372, 522, 536, 542 (5 раз), 558, 579, **замышлати** 488, **замыслати** 381, **замысливати** 397, **замысль** 431, **оумыслити** 573, 619, 699.

Гал: **оумыслити** 818.

Хотя единственный случай употребления глагола **оумыслити** в Евангелии нельзя с полной надежностью отнести к первоначальному переводу, поскольку в Мариинском и Зографском евангелии соответствующий контекст отсутствует, тем не менее можно не сомневаться в принадлежности этого глагола кирилло-мефодиевскому лексикону: он засвидетельствован в Псалтыри и Апостоле [SJS 46: 655]. Из канонических старославянских памятников он представлен также в Супральской рукописи. Напротив, **замыслити** ‘задумать’ и его производные в канонических старославянских текстах не зафиксированы. В Хронике Малалы один раз встретился глагол **замышлати** 145/1, однако в значении ‘подозревать’ (ср. **замыслити** **сѧ** в том же значении в преславском переводе Андриатиса по Изборнику 1076 г. и Троицкому сборнику XII—XIII вв. [СДЯ XI—XIV III: 326]).

Высокая частотность **замыслити** ‘задумать’ и его производных в Хронике Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе указывает либо на их связь с периферийными болгарскими диалектами, либо на влияние восточнославянской языковой среды. Любопытно, что подавляющее большинство фиксаций **оумыслити** и производных в Хронике Амартола приходится на последнюю четверть текста. Возможно, сходство Христианской топографии Козьмы Индикоплова

с Хроникой Амартола и Повестью о Варлааме и Иоасафе и здесь не является случайным, хотя это трудно утверждать из-за невыразительной статистики.

Ранние древнерусские памятники – Сказание о Борисе и Глебе, Повесть временных лет – следуют церковнославянской традиции, в то время как История Иудейской войны явно отклоняется в сторону древнерусского узуса, хорошо засвидетельствованного Новгородской, Суздальской и Киевской летописью.

Сопоставляя данные всех таблиц, можно констатировать, что группировка памятников, несмотря на разницу в отдельных деталях, в целом остается неизменной. Ясно просматривается близость переводов Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе, для которых кирилло-мефодиевская традиция остается во многом актуальной (исключительное употребление предлога **ради**, активное использование слов **художество** и **досадити** с производными). К ним обычно примыкает перевод Христианской топографии Козьмы Индикоплова. Особенно показательным для этой группы употребление слова **къзнь** не только во множественном, но и в единственном числе в значении ‘умение, ремесло, искусство’: эта черта объединяет данную группу с южнославянскими текстами, хотя она присуща по меньшей мере одному памятнику, переведенному в Киевской Руси, – Студийскому уставу 1060—1070-х гг. Напротив, широкое распространение в переводах этой группы глагола **замыслити** и его производных отличает их от болгарских памятников и сближает с древнерусскими текстами. Если существование перевода Хроники Амартола в XI в. не вызывает сомнений, то для Повести о Варлааме и Иоасафе такая датировка весьма вероятна, а для Христианской топографии Козьмы Индикоплова вполне допустима. В отличие от Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе, в переводе Христианской топографии число лексических болгаризмов невелико. Можно предположить, что перевод Христианской топографии выполнен в русле переводческой традиции, к которой принадлежат Хроника Амартола и Повесть о Варлааме и Иоасафе, но уже в большей степени адаптированной к древнерусскому языковому узусу.

Древнерусские произведения XI в. и рубежа XI—XII вв. (Студийский устав, Сказание о Борисе и Глебе, Житие Феодосия Печерского, Повесть временных лет, начальная часть Киевской летописи) также находятся под сильным влиянием кирилло-мефодиевского словоупотребления, точнее говоря – под влиянием словоупотребления богослужебных текстов, хорошо сохраняющих кирилло-мефодиевскую лексику. Об этом свидетельствует решительное преобладание предлога **ради**, довольно активное использование слов **къзнь**, фразеологизма **съвѣтъ (съ)творити**. Однако некоторые нюансы – суженная семантика слова **къзнь** во всех текстах, кроме Студийского устава, употребление **досажати**, **досаженик** в Житии Феодосия Печерского только в паре с **корити**, **оукоризна** – указывают на то, что влияние кирилло-мефодиевской традиции на лексикон

этих памятников уже не так актуально, как для переводов Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе.

С XII в. круг авторитетных южнославянских текстов расширяется, и в произведения древнерусских книжников проникает лексика, свойственная восточнославянским диалектам и в то же время употребительная в памятниках восточноболгарского происхождения. Уже у Кирилла Туровского получает довольно широкое распространение предлог **дѣла** и производные от **хытръ**, в Пчеле и Истории Иудейской войны они еще более частотны. Одновременно наблюдается отход от архаичной традиции: у Кирилла Туровского не встречается **къзнь**, в Житии Андрея Юродивого, Пчеле и Истории Иудейской войны – **къзнь**, **сѣвѣтъ** (**сѣ**)**творити**, в Житии Андрея Юродивого и Истории Иудейской войны – **досадити**, в Пчеле и Истории Иудейской войны – **оумислити**. Правда, отдельные кирилло-мефодиевские лексемы, по-видимому, вводятся в оборот именно в этот период: у Кирилла Туровского и в Житии Андрея Юродивого появляются **поносити** и производные, их частотность сильно возрастает в Истории Иудейской войны и Пчеле. По всей вероятности, переводы Пчелы и Истории Иудейской войны относятся к более позднему времени, чем перевод Жития Андрея Юродивого и литературная деятельность Кирилла Туровского. Об этом свидетельствует не только наибольшая дистанцированность этих переводов от архаичной церковнославянской традиции, но и сближение по некоторым позициям с летописями XII—XIII в. (частотность глагола **доумати** и производных).

В начале XII в. намечаются ощутимые изменения и в летописном словоупотреблении. Если Повесть временных лет определенно ориентирована на церковнославянскую лексическую норму, в позднейших летописях происходит переориентация на восточнославянскую лексику (**дѣла** в основной части Киевской летописи, **хытръ**, (**сѣ**)**доумати**, **замыслити** во всех летописях). Для XIII в. можно как будто отметить обратный процесс, т. е. некоторое усиление церковнославянского элемента: небольшое увеличение удельного веса **ради** по сравнению с **дѣла** во второй части Новгородской и Суздальской летописей и в Волынской летописи, появление **оумислити** во второй части Новгородской летописи, **сѣвѣщати сѧ** во второй части Суздальской летописи. Впрочем, для демонстрации этого процесса необходим дополнительный материал (ср., например, фразеологизмы **в силѣ тѣжцѣ**, **в силѣ велицѣ** во второй части Новгородской летописи). Возможно, внедрение церковнославянской лексики в летописное повествование автором Галицкой летописи было уникальным по своей масштабности, но не по своим интенциям.

Литература

Алексеева 1975 – Т. А. Алексеева. Лексика «Слов» Кирилла Туровского. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.

- Голышенко, Дубровина 1997 – Книга нарицаема Козьма Индикоплов. Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997.
- Генсьорський 1958 – А. І. Генсьорський. Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакція і редактори). Київ, 1958.
- Генсьорський 1961 – А. І. Генсьорський. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.
- Евсеев 1897 – И. Е. Евсеев. Книга пророка Исаяи в древне-славянском переводе. СПб., 1897.
- Еремин 1956, 1957, 1958 – И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. 1956. С. 340—361. Т. 13. 1957. С. 409—426. Т. 15. 1958. С. 331—348.
- Златанова 1998 – Р. Златанова. Книга на Двадесетте пророци с тълкования. Т. 1. Старобългарският превод на Стария Завет. Ред. С. Николова. София, 1998.
- Истрин 1920 – В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг., 1920.
- Истрин 1994 – В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репр. изд. / Подг. М. И. Чернышевой. М., 1994.
- Йовчева, Камуля 2000 – М. Йовчева, М. Камуля. От лексиката до структурата на книгата на пророк Иезекиил: резултати от компютърно изследване на средновековен текст на различни равнища // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. 2000. XXIV. № 3. С. 3—20.
- Князевская, Демьянов, Ляпон 1971 – Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Лебедева 1985 – Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985.
- Лебедева 1988 – Словоуказатель к тексту "Повести о Варлааме и Иоасафе", памятнику древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1988.
- Люсен 1995 – И. Люсен. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий. Uppsala, 1995.
- Молдован 2000 – А. М. Молдован. "Житие Андрея Юродивого" в славянской письменности. М., 2000.
- Насонов 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. С. Насонова. М.; Л., 1950.
- Орлов 1926 – А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. 31. Л., 1926. С. 93—126.
- Пентковский 2001 – А. М. Пентковский. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

- Пичхадзе 2002 – А. А. Пичхадзе. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002.
- Погорелов 1901 – В. А. Погорелов. Псалтыри. М., 1901.
- Приселков 1996 – М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.
- ПСРЛ 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ 2 – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- СДЯ XI-XIV – Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—4, 6. М., 1988—2000.
- Семенов 1893 – Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Изд. В. Семенова // СОРЯС. Т. 54. № 4. СПб., 1893.
- СлРЯ XI—XVII – Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—24. М., 1975—1999.
- Соболевский 1980 – А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода // А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147.
- Срз. – И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.
- Творогов 1975 – О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Франклин 1988 – С. Франклин. К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // ТОДРЛ. Т. 41. 1988. С. 324—330.
- Черепнин 1941 – Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. Т. 12. М., 1941. С. 228—253.
- Шахматов 1916 – А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.
- Naumow 1983 – A. E. Naumow. O kartotece cerkiewnosłowiańskich użyć biblijnych // Rocznik slawistyczny. T. XLIV. Cz. 1. Wrocław etc., 1983. S. 21—29.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. D. 1—46. Praha, 1966—1993.

ПРИЧАСТИЯ НА –ШИ В ОДНОМ ЗАПАДНОРУССКОМ ГОВОРЕ
ТОРОПЕЦКО-ХОЛМСКОГО РЕГИОНА

Факт широкого употребления *ши-причастий* (формы типа *оставши*)¹ в предикативной функции в северо-западных русских говорах давно и хорошо известен русской диалектологии. В нашей статье речь пойдет о так называемом субъектном результате на *-вши* (в литературе также «северо-западный», «деепричастный», «отпричастный» перфект). Противопоставление *ши-причастий* и *л-причастий* в северо-западных говорах обычно описывается как противопоставление «перфекта» (значение которого определяется как результатив) и «аориста» (значение которого не связано с результативностью) (см. [Трубинский 1984: 156 сл.] с отсылками на предшествующую литературу). В рамках «аористического» значения описывается два типа контекстов: 1) контексты, представляющие последовательную смену фактов в прошлом (*Он приехал, а потом снова уехал*); 2) контексты с обстоятельством времени (*Он приехал сегодня утром*). В этих контекстах *ши-формы* невозможны, употребляются только *л-формы*.

Мы предлагаем более детальное описание распределения *ши-форм* (а также форм так называемого «плюсквамперфекта»²: *было + ши-причастие*) и *л-форм* в рамках системы одного говора. В качестве материала использованы магнитофонные записи, сделанные в 1996 г. от Дарьи Николаевны Андреевой (далее — ДН), в девичестве и первом замужестве Волковой, род. 1 апреля 1913 г. в д. Овинное (прежде Морховского с/с Серезинского р-на Тверской обл., ныне не существует), ум. в ноябре 1998 г. в д. Борисово Холмского р-на Новгородской обл (записи и

¹ Для таких форм в литературе существует ряд наименований: «причастная форма на –ши», «неизменяемая форма краткого действительного причастия прошедшего времени на -ши», «предикативное деепричастие», «перфект на -ши». Поскольку в данной статье мы рассматриваем формы типа *оставши* в сопоставлении с формами типа *остался* то по отношению к этим формам используем общий термин «причастие» (ши-причастие, л-причастие), что оправдано их происхождением. Также используются термины «ши-форма» и «л-форма».

² Для обозначения этой формы также используются термины «претерит результата-перфекта», «связочный перфект» (см. [Трубинский 1984]).

расшифровка автора и Ф.Р. Минлоса). Мы считаем привлеченный материал достаточно представительным для того, чтобы сделать определенные выводы о распределении *ши-* и *л-*форм в рамках данного говора (идиолекта). Во-первых, материал достаточно велик — примерно 6 часов звучания, во-вторых, материал можно считать «достоверным» в отношении «чистоты» говора — возраст информантки серьезный, жизнь «лингвистически безупречна» (перемещения в пространстве минимальны), образования нет (ДН в школу не ходила, начаткам грамоты научилась у двоюродного брата), средства массовой информации для нее неактуальны, поскольку к моменту записи давно очень плохо слышала и почти ничего не видела; т. е. с уверенностью можно говорить о единой, причем вполне архаичной системе, почти не делая скидок на вкрапление в эту систему «чужих» элементов (литературного языка и/или других говоров). В-третьих, тексты, записанные от ДН довольно разнообразны стилистически и ситуативно: диалоги, рассказы о прошлом, «чужие» (традиционные, воспроизводимые) и «свои» (порождаемые) тексты, сиюминутные реплики, обращенные к собирателю. Кроме того, у нас есть дополнительный «критерий надежности» — повторяемость рассказов (а соответственно и контекстов, требующих употребления той или иной грамматической формы) — поскольку с ДН, работали два собирателя, большинство сюжетов рассказаны дважды.

В нашей статье рассматриваются лишь те глаголы, от которых возможно (в рамках нашего материала) образование *ши-причастия* (формы гораздо более редкой, чем *л-причастие*, несмотря на ее широкое употребление в этом говоре). Материал, демонстрирующий употребление *л-причастий*, представлен выборочно: поскольку основной нашей целью является описание противопоставления двух грамматических форм, рассматриваются не все встретившиеся *л-формы*, а только те, которые образованы от тех же лексем³, что и имеющиеся *ши-формы*.

В литературе по данному вопросу неоднократно отмечалось, что *ши-формы* в северо-западных говорах образуются преимущественно от непереходных глаголов СВ, также от некоторых глаголов НСВ [Кузьмина, Немченко 1971: 170—180; Трубинский 1984: 159]. Наш материал не противоречит этому утверждению. Мы будем рассматривать *ши-формы*, образованные от глаголов СВ и НСВ, отдельно поскольку их грамматическое значение различно.

Ши-причастия в рассматриваемом нами говоре имеют суффикс *-вшиа* (при обычном и везде упоминаемом *-вши*), который изредка фиксировался в новгородских говорах, но происхождение которого не вполне ясно [Обнорский 1953: 217].

³ Если слово многозначно, мы понимаем под лексемой множество словоформ, лексическое значение которых точно совпадает (см., например, такие определения лексемы, как «множество словоформ и/или словосочетаний, отличающихся друг от друга только словоизменительными значениями» [Мельчук 1997: 103]; «слово, взятое в одном из его значений» [Падучева 1996: 105]).

1. О так называемых синтаксических функциях *ши-причастий*

1.1. Проблема предикативного/непредикативного употребления *ши-причастий*

Ши-причастия в северно-западных русских говорах интересны тем, что здесь они могут выступать как самостоятельный предикат, что позволяет сопоставлять их с *л*-формами и устанавливать распределение этих форм (в разделах 1—3 речь идет о *ши-причастиях* от глаголов СВ). В отличие от *л*-форм *ши*-формы могут быть полупредикативными, т. е. употребляться в предложении наряду с глаголом, который несет основную предикативную нагрузку (*Обувши, я пошел в лес* [Филин 1948: 26]; *Шубы вывернувши идут* [Гринкова 1948: 197]; *Дочка переодевши даст вам молока. Я утром доила выпускавши* [Кузьмина, Немченко 1971: 234]) и атрибутивными (*Пришёл обувши* [Филин 1948: 26]; *Нёс ветку крыжевнику, фся обнизавши ягодами* [Гринкова 1948: 197]; *Девка вся идё вымазавши* [Кузьмина, Немченко 1971: 228]). Подобные классификации определенно ориентированы на литературный язык: предикативное употребление *ши-причастия* постулируется в тех случаях, когда оно соответствует литературной *л*-форме (*Он уже пришедши* = *Он уже пришел*), «полупредикативное» — если *ши-причастие* соответствует литературному деепричастию (*Дочка переодевши даст вам молока* = *Дочка, переодевшись, даст вам молока*), атрибутивное — если *ши-причастие* соответствует литературному причастию (*вся обнизавши* = *вся обнизанная*). Однако распределение конкретных примеров по перечисленным «синтаксическим функциям» часто оказывается трудным. Если в литературном языке каждой функции соответствует определенная грамматическая форма, то в говорах с предикативными *ши-причастиями*, определить, является ли в каждом конкретном случае *ши-причастие* самостоятельным предикатом или зависит от другого предиката, часто бывает невозможно. Рассмотрим примеры:

(1) *А бы́ала, п̄жылы́ји пр'ишóчча, гл'ад'áт' и смóтр'ут', а тап'ёр', н̄ каво́ аны насмóтр'ут'?*

Здесь *ши-причастие* определенно имеет значение результата: достигнутое в результате действия, обозначенного словоформой *пр'ишóчча*, состояние актуально на протяжении осуществления другого действия, выраженного словоформами *гл'ад'áт'* и *смóтр'ут'*. «Перевести» это предложение на литературный язык можно и как «пожилые пришли, глядят и смотрят», и как «пожилые, придя, глядят и смотрят», т. е. употребление *ши-причастия* можно интерпретировать и как предикативное, и как полупредикативное. Кроме того, значение *ши-формы* в этом примере определенно не отличается от значения аналогичной формы в предложении:

(2) *С ма́јова кра́ју м̄лад'óши пр'ишóчча, та́к. Х̄т' ужé с тр'ёт'т'ива кал'éна с'астр'и́ца: «С'астр'и́ца, а катóрыј тво́ј?» Já г̄вар'у́: «Óт éтыт» — «С'астр'и́ца, дру́жы, с' с'иб'á харóши, а абр'áнный за фс'óј ја́рмънк'и».*

Здесь второго (главного) предиката нет, т. е. мы должны считать такое употребление *ши-причастия* предикативным. Однако в отношении результативности «предикативное» и «полупредикативное» употребление *ши-причастия* не отличаются друг от друга. В примере (1) достигнутое в результате действия, обозначенного причастием *пр'ишóчка*, состояние актуально на протяжении осуществления другого действия, выраженного финитными формами *гл'ад'аит'* и *смóтр'ут'*. В примере (2) из контекста ясно, что в момент разговора актуален результат действия (*мьлад'óш*) *пр'ишóчка*, так как обсуждается один из пришедших.

Разграничение «предикативных» и «полупредикативных» *ши-причастий* может быть затруднено уже тем, что «основной» предикат может опускаться. Так, в примере:

(3) *Там, тута к нам ы вышычча: «Д'эвчк'и, пмаг'ит'и мн'э!»*

ши-причастие формально можно считать «предикативным», однако с тем же успехом оно может быть и «полупредикативным», т. е. соответствовать как литературному *вышла и говорит*, так и *выйдя, говорит*.

Понятно, что одна и та же ситуация может описываться как при помощи двух сказуемых («полипредикативная» структура) (*он вошел и поздоровался*), так и при помощи одного сказуемого, осложненного деепричастием («монопредикативная» структура) (*Войдя, он поздоровался; Он вошёл поздоровавшись*). Выбор одной из этих конструкций связан с некоторой коммуникативной установкой (какое из действий более важно для говорящего; мыслятся ли два действия как «отдельные» последовательные или одно из них воспринимается «фоновым» по отношению к другому). Дело, видимо, не только в том, что *л-формы* всегда предикативны, а *ши-формы* могут быть также и полупредикативными, а в том, что полипредикативные структуры (ряд *л-форм*) используются в том случае, когда глагольные словоформы имеют событийное («аористное») значение, т. е. когда акцентируется переход в новое состояние, а ситуация в целом мыслится как последовательность отдельных действий. (О «связанных» действиях, о «единстве ситуации» см. ниже, раздел 2.2.2.)

Если же идти от диалектных *ши-форм* глаголов СВ, инвариантное значение которых обычно описывается как результатив, то очевидно, что именно результативность определяет преимущественно «полупредикативное» употребление *ши-форм* (или «предикативное», которое часто неотличимо от «полупредикативного»). Во всех наших примерах (*Пъжылыжи пр'ишóчка, гл'ад'аит' и смóтр'ут'*; *Мьлад'óш пр'ишóчка* (с дальнейшим описанием ситуации); *Тута к нам ы вышычча: «Д'эвчк'и, пмаг'ит'и мн'э!»*) независимо от того, выражен ли другой (основной) предикат, обязательно подразумевается некоторая точка отсчета⁴, относительно которой

⁴ О точке отсчета см., например [Падучева 1996: 12-15, 293-294].

результативное значение и определяется⁵. Таким образом, само по себе результативное значение уже предполагает наличие некоторой точки отсчета (другое действие или момент речи), для которой актуален результат предшествующего действия.

Следующие два примера демонстрируют выбор *ши*-формы или *л*-формы при описании одних и тех же событий (одной и той же денотативной ситуации).

(4) *Ну́ мы съглас'ил'ис'ъ, жив'ом та́ма, в јаво́ннѣ с'астры, пасла́фша ф сара́и.*

Ши-форма здесь выступает «в функции деепричастия», т. е. является «полупредикативной» (второстепенным сказуемым). *Пасла́фша* является «комментарием» к основному действию, «замечанием в скобках».

(5) «*Уо́т, с'т'ал'ит'ис'ъ ф сара́и. Мы́ пьслáл'ис'ъ. Уб'ар'омс'ъ, пау́жынѣм, и ја́ етѣкѣ Мáшк'и, ја́ фс'о пьса́бл'áла.*

Событийный (а не результативный) компонент формы *пьслáл'ис'ъ* дополнительно акцентируется за счет того, что действие, обозначенное данным глаголом, совершено в ответ на предписание, содержащееся в предыдущей фразе.

Можно отметить постпозицию *ши*-причастия (4) относительно глагола, обозначающего «главное» действие (*жив'ом* — *пасла́фша*) по сравнению с препозицией *л*-формы (5) относительно глаголов, синонимичных в данном контексте *жив'ом* (*уб'ар'омс'ъ, пау́жынѣм*). Видимо, важна не постпозиция причастия, а препозиция финитной *л*-формы, поскольку в этом случае линейная последовательность глагольных словоформ соответствует реальной последовательности действий во времени.

1.2. Атрибутивное значение *ши*-форм

Кроме «предикативного» и «полупредикативного» употребления *ши*-причастий, говорят также об атрибутивной функции, присущей этой форме. Поскольку в этом случае *ви*-причастие обозначает не столько действие, сколько свойство, принадлежащее некоторому субъекту, то *ши*-причастие в данной функции должно выступать как определение к имени (напр., *Девочка идё вся вымазавши: девочка* (какая?) *вымазавши* (= *грязная*). На литературный язык такие формы можно «перевести» причастием или прилагательным. Однако при отсутствии согласования имени и причастия «следует также считаться с принципиальной возможностью двойной — атрибутивной и обстоятельственной — интерпретации одной и той же нефинитной формы конкретного

⁵ См., например, определение результативности в [Мельчук 1998: 76]: категорией *результативности* называется такая категория, граммы которой характеризуют наличие/отсутствие в фиксированный момент времени результата описываемого факта, обязательно имевшего место раньше этого момента.

предложения: *The man pacing the floor said...* («Человек, ходящий/ходя по комнате, сказал..»)» [Недялков 1990: 40]. Поэтому атрибутивность, видимо, стоит рассматривать не столько как синтаксическую функцию (особенность употребления), а как семантическую особенность глагола (дополнительное атрибутивное значение возможно в том случае, если результат действия (названного причастием) можно рассматривать как свойство предмета (*вымазавши* = *грязная*). Понятно, что «атрибутивность» обязательно предполагает «результативность».

На наш взгляд, не стоит говорить об атрибутивном употреблении *ши-форм* как об особом случае употребления этих форм. В конце концов, в значении любого причастия атрибутивность в той или иной степени присутствует (специализация причастий на перфектном (т. е. результативном) значении была продиктована именно их атрибутивностью [Филин 1948: 33]). Более корректным будет утверждение, что в некоторых контекстах атрибутивность *ши-причастия* акцентируется.

Видимо, об атрибутивной функции *ши-причастий* можно говорить применительно к следующим нашим примерам:

(6) *И јѣтыкѣјъ Гал'ина ана с'ичаз жывајѣ, ас'л'ѣпша, ана с'ичаз жывајѣ, ф Халм'ѣ жыв'от', так (ас'л'ѣпша = слепая).*

(7) *Ана и с'ичас ф Халм'ѣ жыв'от', ас'л'ѣпша гъвар'ат, н'а в'ид'ит' н'ичаво, уот што кълдафство д'эль[лѣ](ас'л'ѣпша = слепая).*

(8) *А икона — даска д'ир'ав'аннѣјъ, нър'исовън П'отръ и Пáv'ил — в лáпѣткѣх абúфша, абóрк'и пóснѣји кр'астом (в лáпѣткѣх абúфша можно считать определением к П'отръ и Пáv'ил рядом с другим (однородным) определением абóрк'и пóснѣји кр'астом.*

(9) *Фс'ѣ идут', штоба слышит', как ја п'ес'н'и пажу, и вр'од'и и нь м'ин'а хочут' пѣгл'ад'ѣт', рот аткрыфша, и фс'ѣ и смóтр'ут', о уóспѣд'и.*

В примере (9) *рот аткрыфша* и *хочут' пѣгл'ад'ѣт'* могут относиться не к одному субъекту действия, а к разным (*рот аткрыфша* — тот же, кто *поет*, т. е. ДН), в этом случае вся конструкция является остатком конструкции Verb (Subj₁) + Subst [=Pron]_{Acc} (Subj₂) + Part_{Acc} (в нашем случае Part_{Nom} — в результате утраты склонения причастий на *-ши-*). См. упоминание о такой конструкции в современных диалектах и памятниках письменности северо-запада: [Русская диалектология 1964: 196; Трубинский 1973: 117—123; Зализняк 1995: 164] Такая интерпретация фразы поддерживается параллельной конструкцией: «слышать, как я пою» // «поглядеть на меня, рот открывша».

(10) *Ну уот, идú ја ѣттúдѣ вóт ы р'аб'атк'и м'ин'а нь рука́х аттúдѣва, нь рука́х аттúдѣва н'асут', вышл'и, ага. «Вóт ја как ѣбр'ад'úуша нь јáрмънку» — «А тыи и так хърашаи (ѣбр'ад'úуша = нарядная, наряжена).*

(11) *Щас ы ја н'и хачу, а.. а зам'бришиа, о-ој, јоп тваи маслѣ, вѳт сáхър јес'т', јес'т', а јашиѳ, лánна, што, а гд'е вы? хтѳ вас пакѳрм'ит', гд'е вы аб'едѳжит'и?* (зам'бришиа = холодное; речь идет о еде).

(12) *А јавѳннѳј с'астра, вышычча, ана и с'ичáz жывájѳ, пат Хѳльм замѳи, за пáр'н'ѳ, ѳн, прѳс'ит тáм, што-тѳ бы нáм с' н'ад'эл'ку пажыт'* (вышычча = замужем).

(13) *А у Бѳгарѳд'ицу-тѳ вѳфс'и, дѳч, бывáла ужѳ, ав'ѳц р'ѳжѳт', м'áса с'в'ѳжѳј ва фс'ѳх, хѳлад'ѳц навáр'ин, картѳшка нѳтушѳн с' м'áсѳм з барáн'инѳј с'в'ѳжѳјѳ, ѳј, бѳже мѳј м'íльс'л'ивыј, уѳт, ѳту уѳт, ѳту, и в Бѳгарѳд'ицу ужѳ бывáла, ар'ѳх'и пас'н'ѳуша, ар'ѳх'и пас'н'ѳуша, агá, ѳ-ѳ уѳспѳд'и пам'íльј (пас'н'ѳуша = спелые).*

(14) *Вып'ил'и, зѳкус'íл'и, и гѳвар'íд: «Дáр'ја Н'ик'лájивна...», на фс'ѳх, што сабрáфша гѳс'т'и, на фс'ѳх, ууу. «Ивáн Н'ик'íфърѳв'ич, ты н'и аб'íт'с'а», мѳжу мајѳму.*

Таким образом, попытки установить «синтаксические функции» *ши-причастий* дело весьма неблагоприятное. Выработать четкие критерии, позволяющие противопоставить «предикативную», «полупредикативную» и «атрибутивную» функции друг другу, по-видимому, невозможно, поэтому и для выяснения места *ши-причастия* в глагольной системе определение их «синтаксической функции» оказывается бесполезным.

2. Результативное vs. нерезультативное употребление глаголов

— *ши-формы vs. л-формы*

Как было сказано выше, противопоставление *ши-* и *л-*форм глаголов СВ в общих чертах описано как противопоставление результата⁶ и «аористического» действия.

Поскольку инвариантное значение СВ определяется как «наступление нового состояния» [Падучева 1996: 85—88], «возникновение новой ситуации» [Бондарко 1996: 162] и т. д., то понятно, что для глаголов СВ (каковых в нашем материале большинство, см. выше), выбор *ши-* или *л-*формы должен быть связан с тем, какой компонент значения — событийный или результативный (перфектный) — актуален в каждом конкретном контексте. Т. е. если понимать событие как переход в новое состояние [Зализняк, Шмелев 2000: 35—36], выбор между *л-* и *ши-причастием* должен быть связан с тем, что в данном случае важнее: *переход* или *состояние*.

Таким образом, наша задача — проанализировав имеющийся корпус примеров, выявить условия, при которых либо событийность (*переход* в новое состояние), либо само это состояние

⁶ «Признак “результативность” имеет следующее толкование: ‘ситуация (обозначаемая глаголом) достигла своего внутреннего предела, и в некоторый момент наступило ее итоговое состояние’» [Падучева 1996: 34]. Предельность глагольного значения является необходимым условием образования результатов [Сильницкий 1983: 59]

(результат перехода в новое состояние) оказывается важнее, что ведет к употреблению либо *ши-*, либо *л-*формы. Поэтому те лексемы, от которых в рамках нашего материала возможно образование как *л-*форм, так и *ши-форм*, будут нас интересовать с точки зрения контекста их употребления — каким образом контекст диктует выбор одной из этих форм. В тех же лексемах, от которых образование *ши-причастий* предпочтительно (или исключительно), нас будет интересовать то, какие компоненты лексического значения связаны с результативностью.

2.1. *Случаи, в которых преимущественно употребляются л-формы*

2.1.1. *Аорист рассказа и «чужой текст»*

Несколько предварительных замечаний о так называемом аористе рассказа — о тех случаях, когда нам представлена последовательная смена фактов, при которой не указывается, сохраняется ли результат действия в дальнейшем, т. е. акцентуируется именно переход, а не новое состояние. Как уже было сказано выше, тексты, записанные от ДН стилистически неоднородны. В том числе есть ряд фрагментов текста, в которых господствуют *л-*формы (*ши-формы* употребляются крайне редко или не употребляются вовсе). Такова ситуация во всех фрагментах, которые можно атрибутировать как «чужой текст» (воспроизводимый, а не порождаемый): например, в пересказе «Сказки о царе Салтане», в пересказах текстов песен, в развернутых отгадках-объяснениях к загадкам, в пересказе сна сына встречаются исключительно *л-*формы. Как правило, *л-*формы также преимущественно употребляются при рассказе о событиях, в которых ДН не принимала участия непосредственно, но пересказывает их с чужих слов⁷ (например, рассказ о гибели сына, рассказ о выслеживании колдуна):

(15) *А в јаво стајалъ д'в'е избыи и мѣжду с'ѣн'и, и было д'в'е дочк'и, так, он нажралс'ъ ѣтъкъвъ м'асъ ѣтъј каровы, пр'ишол дамѡј, и в новъју избѹ, ф старъј дочк'и с'п'ат' и жѡнка, а он в новъју избѹ, аткрыл акнѡ, так* (рассказ о смерти колдуна — с чужих слов).

(16) *«Мама ја в'ид'ил ва с'н'ѡх, за мнѡј пр'ишол пѡпа ф шын'ѣл'и, а ја ѡт такѡј, Жѣн'ка был, зъ р'акѡј у Вас'к'и такѡј, ну, гадѡф п'ат'-шѣс'т' јамѹ было, пѡпа зыв'арнул м'ан'а ф шын'ѣл', а ја ужѣ ѡт јаво атвыг даунѡ н'и в'идѡл, ја н'и хат'ѣл с' јѹм ит'ѹт', аѹа* (пересказ сна сына).

⁷ О связи категорий результативности и эвиденциальности см. [Мельчук 1998: 77]. Результатное значение может быть близко значению инферентива (говорящий пришел к заключению о произведенном действии на основании воспринятых им фактов, т.е. результата действия). Наш материал дает скорее противопоставление инферентива и эксперентива (говорящий был свидетелем действия), с одной стороны, и цитатива (говорящий описывает факт с чужих слов) — с другой. Понятно, что цитатив логически несовместим с результатомом, поскольку последний предполагает наличие «точки наблюдения», которая отсутствует при цитировании чужой речи.

(17) *Он пѣжал'ѣл, он з'д'ѣлъл стр'алу, и вдѣр'ил ѣтѣкѣва коршунa, коршун свал'илс'а в вѣду в р'ѣку* (пересказ «Сказки о царе Салтане»).

(18) *Патѣм, гѣвр'ат', и сынѣчка ѣпкѣлдавал'и... [С.: «Как так?»] а вѣт тѣк, аѣа был'и так'иш, мајѣва, а он, јѣхъл вѣт В'ихтър с'ичѣс пл'ам'ѣн'н'иг жывѣѣ нѣ машын'и рабѣѣтѣит', а он јѣхъл, с' В'ихтърѣм, В'ихтър с'ид'ѣл зѣ рул'ѣм, а он, тѣк у машын'и с'ид'ѣл, он вз'ѣл, зѣ парѣѣк ѣ свал'илс'а, и уб'илс'а* (рассказ о смерти сына).

(19) *Вѣт, пр'ишѣл ѣтѣкѣј... д'ѣд'ѣ Вѣс'ка, Барѣн: «Карѣѣвѣшкѣ н'и рѣс'т'ал'илс', пѣм'арлѣ.*

Во всех приведенных примерах важна скорее последовательность событий, а не описание ситуаций, поэтому и используются событийные л-формы.

Как цитирование «чужого текста» можно рассматривать и «вкрапления» литературного языка (которые встречаются у ДН довольно редко). Так, лексема *пропасть* (без вести, на войне) предполагает результирующее значение⁸, однако довольно часто употребляются л-формы. Почти во всех таких примерах приводится официальная формулировка *пропал без вести*, которую можно рассматривать как цитату, а л-форму можно считать литературной:

(20) *Нѣс-та вѣт мѣи мѣладышѣ был'и, у м'ин'ѣ сынѣѣк былѣ ад'ѣн, а мѣѣжа вз'ѣл'и нѣ вѣјнѣ, и ѣт пѣлѣчѣн уг м'ин'ѣ тѣѣѣѣ из'в'ѣс'т'иѣ — **пранѣл б'аз в'ѣс'т'и**, тѣк.*

(21) *Ѡт н'а пѣмн'у скѣл'ка, гадѣѣф с'ѣм ѣј вѣс'им' дѣ вѣјнышѣ, н'амнѣѣга пѣжышѣл'и, ѣт вѣјнѣ-тѣ, јармѣн'иѣ-та пр'ишѣл, фс'ѣ жышѣс' с'т'ар'ѣл... ѣх, кѣк с'т'ар'ѣл. И мѣш мѣѣ б'аз в'ѣс'т'и **пранѣл**. Вѣишѣн'иј Вѣлѣѣѣѣ — слѣхѣла?*

(22) *Раскѣзывѣл'и, раскѣзывѣл'и а кѣлдунѣх, ѣј, а вѣт, јѣ зѣмушѣ вѣишѣла н'ичѣвѣ н'а чѣшѣла, нѣ д'ар'ѣвн'и нѣ свѣјѣѣ зѣ сѣс'ѣта вѣишѣла, тѣк, сѣс'ѣт уг вѣјнѣ **пранѣл**, рѣннѣј мѣш, б'аз в'ѣс'т'и **пранѣл**, тѣк.*

Как результат влияния со стороны литературного языка можно рассматривать также употребление л-формы рядом с «незаконной» формой мест. пад. ед. ч. *на войне*⁹:

(23) *Тѣк, и јѣтѣкѣј Вѣн'ушка, он тѣк тѣѣжы, **пранѣл нѣ вѣјн'ѣ**, н'ѣту.*

(24) *Бышѣл стѣршѣј брѣт в јѣвѣѣ, нѣ, стѣршѣј тѣк он, и ѣм'ир, кѣк ф пл'анѣ, бышѣл вз'ѣта, ф салдѣты, и он и ѣм'ир, тѣк, а млѣчѣшѣј-тѣ вѣт **нѣ вѣјн'ѣ пранѣл**, ѣ ѣѣспѣд'и пѣм'илѣј.*

⁸ Другие значения *пропасть* ('исчезнуть', 'исчезнуть с поля зрения', 'прийти в негодность') представлены только л-формами.

⁹ В говоре ДН представлена четкая синкретическая система а-склонения существительных в род., дат. и местн. пад.: твердые основы имеют окончание *-ы*, мягкие основы и основы на заднеязычный – *-е*. На войне – редкий случай отступления от синкретической системы в пользу литературной.

(Ср. употребление *ши-причастия* в сочетании с «закономерной» формой мест. пад.:

(25) «А вóт ы жал'эл'и, а вράк раз'в'ól нáшы дарóг'и», и фшóл. И óн **пpапáуша**, нъ вáјны, ó гóспьд'и пъм'ílъј.)

2.1.2. Конструкции с противопоставлением

К «аористу рассказа» можно отнести и те примеры, в которых *л-форма* употреблена в противопоставительной конструкции (с противительным союзом *а* или разделительным союзом *ай*). В таких примерах не обязательна характерная для аориста рассказа последовательная смена фактов. Употреблению результативной *ши-формы*, видимо, препятствует противопоставление двух событий (тем самым акцент переносится именно на событийный компонент значения). В приводимых ниже примерах лексическое значение глаголов *выйти (замуж)*, *умереть*, *пропасть (на войне)* предполагает результативное значение (см. раздел 3), примеры употребления *ши-причастия* от глагола *впиться* см. в разделе 2.2.1:

(26) А нъ д'ар'эун'и-ть вóт ја, дружыт' с' јím н'и **дружыла**, **а** зámъш-ть патóm вóт ы **вышла**, агá, а óн с'ó за мнóј пр'игл'áдывъл, угу', [ф]с'ó за мнóј пр'игл'áдывъл.

(27) И óн ы **ум'ир**, тák, **а** млáчыј-ть вóт нъ вáјн'э **пpапáл**, ó гóспьд'и пъм'ílъј, и вóт, И вóт, **а** ја вóт **вышла** зámъж зъ свáјóва, ну н'ихтó н'и падумъл кáк-та, штó ја за јéтыва Вáн'ушку зáмуш пáјдú, тák (здесь противопоставлены не два, а три события (*умер*, *пропал*, *вышла*), правда, форма *ум'ир* — литературная, о *пропал на войне* см. В разделе 2.1.1.).

(28) Јавó **вз'áл'и** в áрм'ију... **а** ја дóма нъ свáјóј д'ар'эвн'и **вышла** зáмуш... зъ сас'éда...

(29) И ум'óр, и ум'óр, н'а знáју, гд'э с'ичáс éткъкъј Нáс'т'ъ, был'и гд'э-та у Л'эн'ингрáд'и, с'ичáс н'а знáју, **а** Вáн'а **ум'óр**, áј, вóт тákáја акáз'ија.

(30) «...Анá нáм пакáжыт, **ун'ílъс'а** п'ивáлка **ај н'э**» — «Тфú, пpóкл'итъји! А ја и н'и пáјдú!»

(31) И тák мыи с Вáн'еј тúт и растáл'ис', мајá дóчушка, тák у нáс фс'ó и пpапáла, тák, Вáн'ушка жан'ílс'а, и ја зámъди **вышла** (противительного союза здесь нет, а два события противопоставлены как частично повторяющиеся: *женился* – *вышла замуж*)

2.1.3. Отрицательные частицы

Ши-форм с отрицанием в нашем материале не попало. Видимо, это связано с тем, что отрицание совершения действия (т. е. отрицание достижения результата) логически противоречит акцентированию перфектного компонента (об ограничении на употребление результата с

отрицанием см. [Недялков, Яхонтов 1983: 25]). Тем не менее довольно большое количество употреблений *ии*-причастий с отрицанием фиксируется в соседних говорах – д. Финево Торопецкого р-на Тверской обл.¹⁰, правда, бóльшую часть имеющихся примеров составляют причастия *не спавши, не евши*. В литературе также приводятся некоторые примеры употребления *ии*-причастий с отрицанием. *Грязи не попали; Женихов не оставши* [Кузьмина, Немченко 1971: 125], *Перешли вброд не разувши; Лег не раздевши; Я не высавши* [Филин 1948: 35]. Имеющиеся примеры показывают, что употребление отрицания возможно либо в тех случаях, когда причастие имеет дополнительное атрибутивное значение («результат скорее может быть определен не как состояние, а как признак субъекта» [Кузьмина, Немченко 1971: 177]), либо в тех случаях, когда *ии*-форма имеет значение скорее не результата, а акционального перфекта, на что указывает наличие обстоятельства времени (*Он никогда не работавши; Раз вы этого не делавши, так трудно* — «значение предиката... воспринимается по преимуществу как значение действия» [Кузьмина, Немченко 1971: 175]).

Наш материал:

(32) *Ју, н'ичаво н'игд'е н'и аста́лгс', о́ го́спѣд'и пам'и́лгј...*

(33) *Тѣк вѳт тѳва н'и л'уб'и́л'и, и.. и уг нáшым с'эл'сав'ѳт'и, јавѳннѳѳ дѳчка н'и аннá зáмуш н'а выи́шла, н'ѳ, ил' кáк вѳт јá, нѳ д'ар'ѳугн'и угѳт тáк п'ир'аи́лá, п'ир'аи́лá и фс'ѳ.*

(34) *«Пр'ид'и́ тѳл'ка, з'м'áјá бѳран'áстѳѳ, тѳл'ка пр'ид'и́, мы т'иб'á нагáм с'м'ѳс'им!» И н'ихтѳ н'икагдá н'и пр'ишѳл, н'ѳ.*

(35) *А ѳн н'е ум'ѳр, а тѳта ѳн, на вáјнѳ как-та јавѳ, н'а знáју пачѳм, би́ил зѳбал'ѳвша, ѳт ѳта м'ѳста, у јавѳ случы́ил'ис'а жы́лвак'и́, как анá назывáицѳ, дѳч, анг'и́на.*

(36) *ѳт, бáт'ушка јѳјѳ у цѳр'кву пр'ив'ѳл, мал'ѳб'ин атслужыл, памыл, з' д'ѳвычкѳѳ н'ичавѳ н'и случы́лгс'.*

(37) *А тѳ сáмыј н'аугкл'ѳг з'имыи, нѳ хѳраи́ѳ, марѳс н'икагдá н'а тр'ѳсныл, и ст'ѳклушк'и н'и зам'ѳрз'л'и, вѳт какáја блѳгадáт'.*

(38) *В ѳтѳва в д'áд'и рѳннѳја жанá ум'ерлá, аста́фша трѳјка р'аб'áт, ѳн жан'и́лс'ѳ на другѳј тѳта, тáк, и ѳта ф пѳлажѳнији — а ѳта фи́лá, н'е аста́лгс' с' ји́м жыит', н'и пандрáв'илс'а ѳн.*

В примерах (33), (34), (38) присутствует значение «действие не происходило ни разу», которое определенно несовместимо с идеей результативности. В некоторых из приведенных примеров наличие отрицания — не единственная причина употребления *л*-формы. Так, в примере (39) налицо «аористное» значение ряда *л*-форм.

¹⁰ Информант Александра Васильевна Васильева, род в 1923 г. в д. Финево Торопецкого р-на Тверской обл., на момент записи (1995) жила в с. Пожня того же района. Записи (и расшифровка) автора.

2.2. Резултативность и точка отсчета

Как было сказано выше, резултативное значение предполагает наличие некоторой точки отсчета — момента речи или другого действия — для которой актуален резултат предшествующего действия.

2.2.1. Точка отсчета = момент речи

Ши-причастия, резултативность которых определяется по отношению к моменту речи, находим в следующих примерах:

(39) *А гд'е наши п'ар'ин' прап'ал? Каму' он уш'о'чча? О' у'осп'д'и пам'ил'я, от така'ја ак'аз'и'ја* (ДН заметила отсутствие второго собирателя).

(40) *А у м'ен'а-т'ь у'от былл' кум — мал'чик уг'от пам'ор за Локн'им гд'е-та. От с'ид'им, нас'ид'елка сабра'уша, он ы пр'иход'ит'. Пам'ор'иша, н'ет н'икаво'.*

(41) *Тауд'а, спас'и'ба, бат'ушка умна з'д'ел'ыл: «Па'жд'ом, дочин'ка, в ц'ер'кву, он ум'ор'иша».*

(42) *Ау'а, а у м'ен'а былл' му'ш ы д'ев'ер', д'ев'ер' н'ь ва'жны был, ста'ршы му'жа — а пр'иш'ол, и то'жа ум'ор'иша.*

(43) *А х'иру'рк-т'ь у нас ф' Халм'е, он пам'ор'иша, ау'а, и вз'алс'ъ з'ь м'ин'а, «Т'от'ъ Да'иша, да'лжны на'йт'ит' мы тва'ју бал'ачку».*

(44) *И вот, у Халму' с'ич'ас ум'ор'иша наши х'иру'рк, хажу' з'иму, хажу' дру'гу'ју, вот с' е'стым з' бар'ис'фск'им жы'иуша, вот, с'ич'ас ы фам'ил'и'я мн'е, Анд'р'е'ива ('Когда я жила с этим борисовским [мужем] (и сейчас моя фамилия [по мужу] Андреева), хожу зиму, хожу другую [с этой болезнью], а в Холме был хирург, он сейчас умер').*

(45) *Ну вот, а туд' д'в'е былл'и, аттуд'а с П'с'ал'ан'ицины, анна пам'ор'иша, анна гд'е-та в Л'ен'инград'и жы'ва'я, аныи фс'о хат'ел'и п'ер'вым быит', а н'икак' их н'и наст'ав'ил'и.*

(46) *И жаши'о нас прас'ил'и, а г'ерман'ист, то'ж'ь с'ич'ас пам'ор'иш'ь, з' Зал'ес'я, ф'тот: «Т'от'ъ Да'иша, ја н'и па'једу, нас с' таб'о'ј з'ькалд'у'јут'».*

(47) *Хосп'д'и пам'ил'я, от така'ја ак'аз'и'ја, а'ј, доч', чав'о был'о. И худа' был'о. И худа' был'о. Влас' м'ан'ал'с' — вот как с'еч'ас е'ты д'ен'г'и — ну атку'да така'ја з'м'а'ја јав'и'ф'иша?*

(48) *Уот у м'ин'а былл' д'ев'ир'и брат', д'ев'ир' паг'и'п'иш'ь, а брат'иц' ы с'ич'аз жы'в'от'.*

(25) *«А вот ы жал'ел'и, а врак' раз'в'ол' наши дар'ог'и», и фш'ол. И он прап'а'уша, н'ь ва'жны, о' у'осп'д'и п'м'ил'я.*

(49) *А тут анныи кор'чк'и, а тут н'ед', доч', хл'епца н'игд'е, о... м'ак'шык' аглажус', а кор'чк'и фс'е аст'а'ф'иш'ь.*

(50) *Бы'ала ска'жыд: «Да'шын'ка, од' д'ед' жопу пак'азыв'ел, а тыи п'кажыи, у т'иб'а там н'и анна п'ив'алка фп'и'ф'иш'ь, што у т'иб'а е'т'ь на'да п'г'л'ад'е«т'».*

(51) *«Што т'от'ъ Ма'иша?» — «Што, г'вар'ат', т'иб'а туд'а и п'ив'алк'и unp'и'уша?», ау'а, «А ты х'ош' ја п'кажy?»*

2.2.2. Точка отсчета = другая ситуация («внутренняя связанность» действий)

В качестве точки отсчета, для которой актуален результат действия, выраженного *виш*-причастием, может выступать другая ситуация.

В нашем материале есть примеры, в которых после *виш*-причастия следует описание дальнейших событий, связанных с результатом выполнения действия, обозначенного *виш*-формой. Так, в примере (2) последующее описание связано с пребыванием в той точке, в которой оказался субъект действия *прийти* в результате выполнения этого действия: *С мајова крају млада'оши пр'ишобча, так. Хэт' ужэ с тр'эт'т'ива кал'эна с'астр'ица: «С'астр'ица, а каторыј твој?» Ја гвар'у: «От'этыт» — «С'астр'ица, дружыи, с' с'иб'а хароши, а абр'анныј за фс'ој јармънк'и»* (в момент разговора результат действия (*млада'оши пр'ишобча*) актуален — обсуждается один из пришедших). В примере (1) состояние, достигнутое в результате выполнения действия, обозначенного формой *пр'ишобча*, актуально при осуществлении действий, обозначенных глаголами *гл'ад'ат'*, *смóтр'ут'*: *А быála, пъжылыији пр'ишобча, гл'ад'ат' и смóтр'ут', а тап'эр', нъ кавó аныи пасмóтр'ут'?*

Результат действия, выраженного *виш*-причастием, может быть актуален для действия в будущем:

(52) *«Кумá, от' тыи пъдружыилъс'а з дъл'акá... пáрн'им за д'эс'ет' в'орст, тыи јавó л'уб'иш?» — «Л'убл'у, кум» — «А угóт он умр'от', а тыи и н'а взнáиш, што он ум'орши».*

(53) *«Д'ад'ин'к'и, агá, мыи пъгад'и́фши лъшад'эј вáшых напóим» — «Мълаццыи д'этк'и б́уд'ит'и, мыи вáз вгас'т'им за јэта».*

Формы *было* + *виш*-причастие (иногда в качестве вспомогательного глагола в этой форме употребляется *бывало*¹¹) употребляются тогда, когда результат действия актуален для какого-то момента (или периода) в прошлом.

¹¹ Видимо, можно говорить о разных функциях *бывало* в данном говоре:

1) *бывало* + формы презенса (Так *быала* пъл'ад'иш...фс'и лоскъм, а ја стају, вр'од'и и дура н'а дура, а фс'е тол'ка рук'и и пдымајуд: «Дашын'ка, пој, Дашын'ка, пој...»): *бывало* является маркером относенности к прошлому для всей описываемой ситуации – после этого маркера повествование «переключается» в *praesens historicum*;

2) конструкция «*бывало* + л-форма» может иметь значение повторяющегося действия в прошлом (*Праз'н'ик каровъм, Јауор'иј л'етн'иј, л'етн'иј Јауор'ијб б́ала выпускал'и, с'ыконкой ъбнас'ил'и*);

3) *бывало* может быть синонимом *было* в формах сложных времен: *бывало* + л-причастие – форма «старого плюсквамперфекта» (А патом от, врач вз'лс'ъ, нашол, **быала** ја **пачуствъль** бал'ез'н', а гд'е, што бал'ит н'а знају, ср. аналогичную форму с *было*: Ај, рассказывал'и, стар'иннии л'уд'и была гъман'ил'и, тап'ер'-та н'ет н'ичова, а ран'шы фс'е гвар'ил'и); *бывало* + *виш*-причастие – форма «нового плюсквамперфекта» (Тъг **быала** стар'иннии **сабрафша**, и фс'о п'ир'гвар'ил'и: «Ъпкълдавал'и Дашын'ку кругом»).

При употреблении *было* + *ши-причастие* другие действия выражены, как правило, формами прошедшего времени в имперфектном значении:

(54) *К каму́ эта м'ин'а была́? А ја думъжу вóт, эта у вајн'ы ја думъжу, и н'емцы был'и ужé тутá пр'ишóчча, еу́а, и фс'ó, тóже хат'эл'и, узнат' какъ ѓгадат', а ја им ху́ј, ја гъвар'у, вам, ја вам н'и скажу́, какъ ѓгадывът', ау́а* (к тому времени, когда происходило загадывание-отгадывание загадок, о котором идет речь, немцы были уже *пр'ишóчча*).

(55) *А пóчк'и н'искóл'ка н'и аста́в'ила, фс'у сажрала, уóт, уóт какáјъ пáдла былá выр'ишиа, тьк óт ана́ мн'е уóт так-ът, óт тутá фс'ó-ѓд жрала сасала, тфу́* (речь идет о грыже, которая *была́ выр'ишиа* и в этом состоянии *жрала сасала*).

(56) *Тъг бы́ала стар'инныи сабрáфшиа, и фс'ó п'ир'игъвар'ил'и: «Бпкълдавал'и Дáшын'ку кругóм, ф'сé свайу́ дóчик хат'эл'и, за éтых р'аб'ат, а Дáшын'ка вóт ы аста́лгс'», а пpáвда ај н'е?*

(57) *А как-та, был'и сабрáушиа, был'и сабрáушиа, еу́а, с'м'ајал'ис' аны, а пóс'л'и гл'и м'ин'а, а ја гр'у: «С'м'эјт'ис' какъ хóчит'и», а ја, в éтым была́, в Жаркáу-Баркáх, Валну́шк'и, Прахóр'инк'и, Чарну́шк'и.*

(58) *«É, óн застр'эл'ина óт тудá к Нъвадвóрју...» Там был'и пьс'ал'и́вшиа, ну как... был л'эспрómхóс л'и л'эсхóс — ја тап'ер' ужé забыла, дóч. Ау́а, и там стајал дóм, жыл л'ас'н'и́к.*

(59) *Óт мајá дóчушка штó былó пълучи́ушиа: так, мы с јим ы ид'óm, ступ'ен', а вът там уóт јажжáлгъ дарóга, ну н'а óчин' гр'áзна, а там р'аб'аты ф съпагахъ пьбр'ал'и́ јэтъј дарóггј* (точка отсчета — в последующем описании ситуации, которая *пълучи́ушиа*).

(60) *Уó, какáјъ акáз'ијъ, áј, халóннгъ-та, зам'óришиа былá, á-ај л'ихън'ка мајó, сынóк, óј, л'и́ба паис' захóи, ја пьста́вл'у на éтым, а хóчи́и?* (еда замерзла, потом оттаяла, но все еще холодная).

(61) *Óн пр'ислáл п'ис'мó, и раскáзъвыл, [и]тó Ф'óдыр Н'икáндръв'ич и дъ вајны н'и дашóл, гд'э-та вóт астьнав'и́ушиа был'и, нав'эрна, в н'емцых éтът был какóј-та склáт, и штó там, чиим мóжна была нап'и́ца и ап'и́ца, óт, п'ир'адáјт'и т'ат'иныј Дáшы, штó óн ум'óр, ап'и́лс'а чиим-та éтъкыј Ф'эд'а* (после *астънав'и́ушиа был'и* — описание места и последующей ситуации).

Как правило, в подобных случаях осуществление второго (в хронологической последовательности) действия невозможно без предварительного осуществлении первого (предшествующего) действия. Протекание второго действия при сохраняющемся результате первого действия можно назвать «внутренней связанностью» (обусловленностью) этих действий. Обычно первое (результатирующее) действие выражается *ши-формой*:

(62) *А с Вус'т'јъ там у нáз была́ мъладу́шкъ вз'атъ, и был'и пр'ишóччъ, там м'ин'а и пр'изнал'и, там м'ин'а и пр'изнал'и* (свои *был'и пр'ишóччъ*, поэтому признали).

(63) *А ба́т'ка был бал'но́ј, што-та **была́** грыжа **вышычча**, та́к, д'э́н'г'и аны адда́л'и ба́т'к'и* (была *вышычча* грыжа, тогда и (= поэтому и) болел).

(64) *Че́р'из бал'ша́к, был ка́м'еннѣј, н'ир'акон, и во́н, **была́** вада́ **пр'ибыуша**, и он с'т'ар'а́лс'ъ (с'т'ар'а́лс'ъ ('был испорчен, разрушен', потому что *была́ вада́ пр'ибыуша*).*

(65) *А са́м с'ид'и́т' во́т та́к во́т — вс'аво́ и тр'ас'о́т', а э́та тр'а́ска, до́ч, **была́** **пълучывша**, и уо́т, за э́тъва до́му, за э́тъва до́му* (тряска *была́ пълучывша*, поэтому его *тр'ас'о́т'*, когда он сидит).

(66) *И во́т, и ф тылу́, та́к, ма́м'ин'ка сказа́ла, а ко́ј-каму́ ить Да́шын'ка шарты вын'има́ит', а по́с'л'и ва́жны-та, и ба́л'шыѣи, до́ч, **был'и** **спужа́уша**, ф каво́ но́жсын'к'и н'и хад'и́л'и, ф каво́ рѹчушк'и н'и рабо́тъл'и, о́ бо́же мо́ј* (*был'и спужа́уша* ('больны «испугом»', поэтому ноженьки *н'и хад'и́л'и*, ручушки *н'и рабо́тъл'и*).

«Связанным» действиям противопоставляются действия «не связанные». Сравним два примера:

(67) *И уо́т мы н'ас'о́м, д'э́вычк'и, уо́т ты и ја́ сабра́фша и мы н'ас'о́м э́ту ико́нку нѣ свајо́ по́л'а, та́к.*

(68) *М'э́л'н'ица ста́јала та́м сукно́ вал'и́л'и, а па́р'ин'-та был м'э́л'н'икым, а мы сабра́л'ис' арт'э́л'иј и **пр'ишл'и́** тудá, ше́рс' часáт'.*

В (67) осуществление второго действия (*н'ас'о́м*) невозможно без предшествующего ему *сабра́фша*, в (68) *сабра́л'ис'* и *пр'ишл'и́* мыслятся как отдельные действия, выполнение первого действия (*сабра́л'ис'*) не есть обязательное условие для выполнения второго (*пр'ишл'и́*). Здесь мы имеем дело с «соположением» действий, при котором первое действие не имеет результативного значения, второе (последующее) действие протекает независимо от результата первого (предшествующего) действия, т. е. для обоих действий важен событийный компонент (*переход* в новое состояние, а не само состояние).

Хорошей иллюстрацией того, что действия, выраженные *ши-формами*, мыслятся как отдельные (хотя они очень близки друг другу хронологически и логически вполне могут быть причиной/следствием), служит следующий пример:

(69) *Тѣт Н'икала́ј с'ид'ъ слѹшѣит', во́т э́тъ до́чкѣ на́ста́ршѣѣ **была́**, ка́к л'а́пн'ит' ја́во на мо́рды, ба́т'ку, [знач]ид' ба́т'кѣ э́тъ, а-ај, та́м та́кој канце́рц стрóицѣ, [ба́т']кѣ и **свал'и́лс'ъ** съ скам'э́јк'и, и **пам'о́р**, э́у ка́к, уо́ц с'о́ што́ быва́лѣ, и **пам'о́р** э́тъкѣј ба́т'кѣ, и **свал'и́лс'ъ** съ скам'э́јк'и* (линейная последовательность *л-форм* оказывается безразличной).

3. Лексические семантика и результативность

Наш материал показывает, что одни лексемы допускают (преимущественно, или даже исключительно) образование *ши-форм*, другие — образование *л-форм*, т. е. можно говорить о том,

что одни лексические значения связаны с актуализацией результативного (перфектного) значения, другие — событийного.

3.1. Собраться

3.1.1. Прямое значение ('сойтись, сосредоточиться в одном месте') допускает образование как *л*-форм, так и *ши*-форм, которые употребляются, соответственно, в событийном или результативном значениях. *Л*-формы:

(70) «Пасоб'им, д'ад'ъ Кól'ъ, ój, д'ад'ъ Кól'ъ, пасоб'им, пасоб'им». *И jéтых двá пáр'н'ъ тудá, тýт их сабрáльс' пар'áдышна, уóт [ф]с'ó пь пал'éшку, пь пал'éшку, а já тáм аннá, а já тáм аннá, м'ýлыи май, склáл'и, склáл'и éты дрóвы.*

(68) *М'él'н'ица стаjала тáм, сукнó вал'ýл'и, а пáр'ин'-та был м'él'н'икым, а мы сабрáл'ис' арт'él'иj и пр'ишл'и тудá. Шéрс' часáт'.*

Ши-форма:

(69) *И уóт мы н'ас'óm, д'éвычк'и, уóт ты и já сабрáвшиа и мы н'ас'óm éту икóнку нъ свajó пól'а, тáк.*

Различается также соотношение действий в первых двух примерах и в третьем — см. выше о «внутренне связанных» действиях (раздел 2.2.2).

3.1.2. Значение 'собраться на посиделку' представлено только *ши*-формами (15 примеров с *ши*-формами и ни одного с *л*-формой), что связано с семантической структурой этой лексемы: значение 'собраться на посиделку' предполагает обязательный компонент «пребывать в данном состоянии», т. е. лексема преимущественно (исключительно?) употребляется в результативном значении, которое в данном говоре выражается *ви*-формами. Обязательность «пребывания в данном состоянии» хорошо видна в таких примерах, где это значение дублируется другими лексемами: значения 'сидеть (= проводить время на посиделке)' или 'гулять (= развлекаться на гулянке)' присутствуют в качестве компонентов значения в лексеме *собраться*.

(71) *Já с мýжем, ад'él'ис'ъ, пр'ихód'им нá в'еЕчг, тáк, с'ид'úm зь сталóm, пар'áдышна нáз гас'т'éj сабрáуша.*

(72) *А ф сас'éда гул'н'á сабрáвшиа, а ф сас'éда гул'ájут': свáд'ба кóнчълъс', м'лад'óш фс'á: «Пajд'óm нъ гул'áнку».*

В других примерах всегда описывается ситуация, возникающая в результате выполнения действия, которое описывается глаголом *сабрáвшиа*. Как правило, в контексте употребляются формы НСВ настоящего исторического или прошедшего времени в имперфектном значении:

(73) *Óт сабрáвшиа гул'án'ja, ауá, с'ид'út' гърман'úst, а кáк тóл'ка мól в д'в'эр', já зь парóгу, хлón — зьбалót'с'к'иjи идút'...*

(74) *От с'ид'им, нас'иделка сабра́уша, он ы пр'иход'ит'.*

(75) *С'ид'им сабра́уша, ага́, а мой Ван'ушка-тъ, вот мужык патом-тъ он мн'е ста́л, ага́, а т'ат'ин'къ в гармон'и игра́ит', мой, он пажо́т' п'ес'н'у, е-еј, о уоспѣд'и пам'илѣј.*

(76) *А ја л'ибѣ ф пол'их пасу́с'ѣ, пр'иган'ајус'ѣ с пол'ѣ, сабра́фша на т'ат'инѣј завал'ины, о-о, паб'едѣју, ага́, зѣхажу́ нѣ завал'ину.*

(77) *А на ул'ицы сабра́уша, у нас там в Ав'иннѣм, нѣ бл'шак'ѣ, на т'ат'инѣј завал'ины, хлѣп, с ѣтывъ, с Мо́рхѣва, дыпр'изыун'икѣу, ѣтъ мѣладых, каторых на́ два, на́ тр'и го́да, е-еј, идут' п'ашко́м.*

(78) *Е-е он-та н'и катал, о-ој, а... сас'ед'и бѣвала сабра́фша, с сас'ен'н'иј... д'ир'ав'ен'к'и, с Ло́с'еЕва пр'идут', уот их там ы ид'от' (пасхальное катание яиц) е-еј, о бо́же мой м'илъс'т'л'ивѣј.*

(79) *И вот сабра́уша мы, еј сабра́уша, врод'и ф школы што-та была, школа-тъ там была́ в ѣтъј Ал'ошн'и, ега́, ој и ја так'им арт'истѣм там, м'илѣи ма́и, в ѣтъкѣј школы, ај, ба́и, и он пр'иход'ит', ој, оЕт та́к.*

(14) *Вып'ил'и зѣкус'ил'и, и гѣвар'ид: «Да́р'јѣ Н'икѣлаивна...», на фс'ѣх, што сабра́фша го́с'т'и, на фс'ѣх, уу́, «Ива́н Н'ик'и́фѣр'в'ич, ты н'и аб'ит'с'ѣ», му́жу мајо́му.*

(80) *Ага́, уоЕт ѣтъкѣј па́р'ин', ѣтв'ача́ит': «Да́шын'ка, ты и та́к хѣраша́, он там сабра́уша з гармон'иј, ага́, ты то́л'ка выд'и тудá, уже там т'иб'а́ н'а рас спѣм'анул'и, то́л'ка выд'и туды, и р'ахн'и пад ѣту гармон' п'ес'н'у, ты лу́ччи фс'ѣу бѣд'иши».*

(81) *А вот, с'ичас в ѣтъј д'ар'евн'и, а в јаво́ бра́д был, ка́к хѣрашо́ в гармон' игра́л, и быа́ль вот, ка́к гд'ѣ ја́рмѣнкѣ, ну гд'ѣ хо́ш наро́ц сабра́уша, а в јаво́ гармон' на ше́и л'ибѣ ч'ѣр'ис пл'ачо́, он чѣр'ис в'ес' наро́т, «А́ј, вот там Да́ша, уот там Да́ша», уот, он ка мн'ѣ, он пѣдајд'от' ка мн'ѣ, «Да́шын'къ, паши́'и пѣ д'ар'евн'и».*

(82) *Быа́ль от, ѣта, бл'шынство́ з'имо́ј, бѣвала игра́л'и, сабра́уша вот, нѣ гул'ан'ји, та́к.*

(56) *Тѣг бѣла́ стар'инныи сабра́фша, и фс'о́ п'ир'игѣва́р'ил'и: «Бпкѣлдава́л'и Да́шын'ку круго́м, ф'се́ свайу́ до́чик хат'ѣл'и, за ѣтых р'аб'ат, а Да́шын'ка вот и аста́лс'ѣ», а пра́вда ај н'ѣ?*

(57) *А ка́к-та, был'и сабра́уша, был'и сабра́уша, ега́, с'м'ајал'ис' аны, а по́с'л'и гл'и м'ин'а́, а ја гр'у́: «С'м'ѣт'ис' ка́к хо́чит'и», а ја, в ѣтым была́, в Жа́ркаҫ-Ба́рках, Ва́лну́шк'и, Прахо́р'инк'и, Ча́рну́шк'и.*

3.1.3. Переносное значение 'приготовиться пойти куда-либо' встретилось один раз и представлено л-формой:

(83) *И вот, сабра́л'ис'ѣ, з гармон'иј пр'иши́л'и́, з бл'лалáјкѣј пр'иши́л'и́, па́р'н'и, знако́м'ица с на́м з д'афчо́нкѣм.*

Абстрактные значения, как правило, не выражаются ши-формами. Видимо, акцент на самом состоянии, достигнутом в результате какого-либо действия, возможен лишь в том случае,

если это действие (а соответственно, и его результат) конкретное. Интерпретация л-формы в данном примере как конкретной ('собрались в одном месте') тоже возможна. В таком случае этот пример аналогичен примерам, приведенным выше, в которых л-форма имеет событийное значение.

3.2. Остаться

3.2.1. В нашем материале только *ши-формами* представлены лексемы 'сохраняться, не переставать существовать':

(49) *А тўт анны кóръчк'и, а тўт н'éd, дóч, хл'éпца н'игд'é, ó... м'áкъшык аглажўс', а кóръчк'и фс'é аста́фшиь.*

Аналогично употреблена форма «плюсquamперфекта» *было оставша* в рассказе о событиях в прошлом:

(84) *А нъ п'истал'éтых «Буд'óнный, стр'алок Буд'óнный», и д'éдушка ум'óр, была ф т'át'ин'ки аста́фшиа, аўá.*

3.2.2. Так же только *ши-формами* представлена лексема 'оставаться одиноким (вдовой, сиротой)', в которой перфектный компонент задан уже лексическим значением:

(85) *«Па́па, н'и б'ар'и ты м'ин'ái, — ја́ ја́му прас'ил, — «ма́ма-тъ анна́ аста́жоца». И вóт ја́ и аста́ушиа анна́, и вóт как óн мн'é угада́л, и вóт ја́ и анна́ и анна́ (пересказ сна сына, который оказался пророческим, и комментарии к нему — сын погиб, ДН осталась одна.)*

(86) *С éтъ, свад'óбныи, и в Нóвггрт сваз'ил'и, и јашиó звáл'и, ó-ој, и гърман'и́ст јéз'д'ил, уóт з Зал'ес'јъ, жо́на аста́ушиа, а óн памóр, аўá, и ја́ аста́ушиа (как и в предыдущем примере, аста́ушиа значит 'осталась вдовой'.)*

(87) *В éтъва в д'áд'и рóннъја жанá ум'ерла́, аста́фшиа трóјка р'аб'áт, óн жан'илс'и на друго́ј тўта (аста́фшиа = 'остались без матери, сиротами'.)*

3.2.3. В значении 'пребывать в состоянии, которое было достигнуто чуть ранее', в котором может акцентироваться как перфектный компонент, так и событийный (хотя, строго говоря, значение 'перейти в новое состояние' глаголом *остаться* не выражается, однако оно «прочитывается» в значении всей фразы в целом), может быть употреблена как *ши-форма*, так и л-форма:

(88) *А разра́н'ин был гд'é-та вóт, и с анным ја́ичкым аста́вшиа, дóч, óт, а тўт была фс'ó разб'и́та.*

(89) *Н'éт, óт тр'éт'т'иј гóт паио́л, забыла, каторъ́ва ма́с'л'ин'ица была́, пълучылыс' павышы́нныја давл'én'ијъ, са ско́рыј пр'ијéхъл мушы́ныа... и óт... и óт та́к ы аста́лыс'а éта ба́ба, о уóспьд'и пам'и́лыј... (та́к ы аста́лыс'а значит 'осталась слепой и глухой').*

3.2.4. Есть также ряд примеров, в которых глагол *остаться* употреблен в л-форме, т. е. в событийном значении. Во всех этих примерах значение глагола *остаться* можно описать примерно как ‘остаться в прежнем состоянии (/на прежнем месте) вопреки ожидаемому изменению состояния (/местоположения)’:

(90) *А ја отказáлыс’а, зачим, ја гъвар’у, ја в цѣркву пажѣду, ја н’и бал’наја, а гóды маји пр’ишл’и ка мн’ѣ, ух-т’и. И вјѣхъл’и, н’ичавó н’и сказáл’и, тák ѣта бáба и астáлыс’а. Ну, дóм мóј, с’астрá вóт р’адóм вó, ѣта вóт муш јажѣнный, óт, п’ѣнс’ију мају пълучáјут’, хл’ѣнца мн’ѣ пр’инóс’ут’* (рассказ о том, как ДН предлагали переселиться в богадельню, а она отказалась).

(91) *И астáлыс’ ѣт’ бáба, а в бѣгат’ѣл’ну-тѣ, ја гъвар’у, тáм л’и́бъ л’уд’и јѣс’, ја пажѣду... и на с’и́х пóр... пакá сыта, слáва Бóгу, в с’астр’и́цы карóвка* (рассказ о тех же событиях, что в предыдущем примере).

(92) *А адгáтка какáја, á? ó-ој, ја вóр, ја пѣдашлá с кл’учóм, кл’уч ѣта кул’и́к, а óн-та н’а гóш тудá, и астáлыс’ ја тák, уóт* (ожидаемое действие — открывание замка ключом — не произошло (отгадка загадки)).

(93) *«А тап’ѣр’ как хóчиш, ја ат ár’м’иш астáлс’ѣ, а тап’ѣр’ ужѣ и ты н’ав’ѣста, с’амнáцѣт’ л’ѣт испóлн’илъс’, óј, д’ив’атнáцѣтъј паи́ол, тап’ѣр’ и ты стѣнав’и́с’ к п’ѣчи, на мáмушк’ина м’ѣста, и тап’и́»* (ат ár’м’иш астáлс’ѣ = ‘не пошел в армию’).

(94) *А јавó там, гáда, и зѣстр’ал’и́л’и, уóспѣд’и, прас’т’и́ мајó сѣгр’ашѣн’ије, и јавó абр’ад’и́л’и, јавó и... н’абóс’ и пѣхѣран’и́л’и в мајóм п’инжак’ѣ и пал’т’ѣ, а Дáша ѣта тák ы астáлыс’* (тáк ы астáлыс’ = ‘живая, но без пальто’, т. е. отрез сукна, отнятый при раскулачивании, так к ней и не вернулся, несмотря на то что главный обидчик был застрелен).

(56) *Тѣг быáла стар’и́нныи сабрáфшиа, и фс’ó п’ир’игъвáр’ил’и: «Бпкълдавал’и Дáшын’ку кругóм, ф’сѣ свáиу дóчик хат’ѣл’и, за ѣтых р’аб’áт, а Дáшын’ка вóт и астáлыс’», а прáвда ај н’ѣ?* (‘осталась околдованной, не вышла замуж ни за одного из тех ребят’).

(95) *А фам’и́л’јъ бы́лá и прóз’в’ишиѣ Тар’б’ѣј, а харóшыј был пáр’ин’, уу. «П’ѣс’н’ѣ п’ѣс’н’иј и астáлыс’, а мы с табóј и паил’и́ на јáрмънк’и»* (п’ѣс’н’ѣ п’ѣс’н’иј и астáлыс’ значит ‘не воплотилась в жизнь’; в песне речь шла об изгнании с гулянки жителей деревни, из которой был этот парень).

4. Значение ши-причастий глаголов НСВ

Как было сказано выше, результативную семантику имеют *ши-причастия*, образованные от глаголов СВ. Семантика *ши-причастий* от глаголов НСВ в литературе описывается следующим

образом. Значение «состояние, вызванное действием» обычно предполагается в тех случаях, когда субъект состояния и субъект действия не совпадают: *печка давно не топивши, корова второй год не доивши, с Троицы пол не мывши* (большинство примеров — с отрицанием). Другое значение *ши-причастий* (тоже с отрицанием) — действие, которое было бы законченным, если бы оно было выполнено: *сами-то не учивши, так ребят-то хоть сколько поучить*. Значение *ши-формы* НСВ воспринимается по преимуществу как значение самого действия, а не результата, последовавшего за этим действием (*вода так подступивши, что чуть караул не кричавши*). Если же значение результативности присутствует, то «результат может быть определен не как состояние, а как признак субъекта»: *целый день не емши, не спамши мама-то* [Кузьмина, Немченко 1971: 173—177]. Часто в подобных примерах мы имеем дело с нейтрализацией (конкуренцией) видовых значений (результативное значение НСВ): *не спамши = не выспамши, ни на минутку не заснул; не емши = не поемши (ни разу)*.

Употребление *ши-причастий* СВ и НСВ (как и деепричастий в литературном языке) связано с категорией таксиса: СВ имеет значение предшествования («второстепенное» действие предшествует главному), НСВ — одновременности. В случае предшествования результативность «второстепенного предиката» логична и естественна, в случае одновременности «второстепенный предикат», выраженный *ши-формой*, результативного значения не имеет, но у него есть другой (постоянный) признак — актуально-длительное значение (процесс или состояние длится в момент наблюдения). Т. е. как и в случае с *виш-формами* с результативным значением (от глаголов СВ) оказывается необходимой некоторая точка наблюдения:

(44) *И вóт, у Халмú с'ичáс, ум'óрша нáш х'ирúрк, хажú з'íму, хажú другúжу, вóт с'эстым з бар'исъфск'им жыуша, вóт, с'ичáс ы фам'ил'ижъ мн'е Андр'éива.*

(96) *Уó, ну бывáла, кóнчим úжсын, уб'ирáим пасúду, а р'аб'áты с'ид'эфша, ауá, а н'иштó такóј Барán был Вán'ка, пъм'ан'ú и уóспъд'и: «Вóт р'аб'áты, јá с'авóн'и н'икáк н'а л'áгу с вáм спáт'».*

Пример (96) интересен тем, что предикаты *с'ид'эфша* и *уб'ирáим* относятся к разным субъектам. Поэтому если *ши-форму* считать «полупредикативной» и сопоставлять данную конструкцию с деепричастными оборотами литературного языка, то здесь мы имеем дело с аналогом абсолютному деепричастному обороту.

При описании условий употребления *ши-* и *л-*форм небесполезным может оказаться не строго лингвистическое определение ситуации — «сцена, которую можно обозреть одновременно» [Глезер 1985: 226, цит. по Касевич 1988: 57]. Видимо, в самых общих чертах одним из главных условий возможности употребления *ши-формы* является именно «единство ситуации» (в вышеприведенном понимании; можно добавить, что «обозреть одновременно» — не объективная

характеристика, а субъективная — сцена, воспринимаемая говорящим как некоторое единство). Т. е. в том случае, если речь идет о нескольких (последовательных) ситуациях, употребление *ши-формы* оказывается невозможным. В пределах же одной ситуации может быть не важным, один субъект у описываемых действий или разные.

Ши-причастия, образованные от глаголов НСВ (в нашем материале — формы глаголов *жить, сидеть, смеяться*), очень редки. Употребление такого *ши-причастия* обязательно предполагает одновременное протекание какого-либо другого действия. По крайней мере, в «абсолютных» («предикативных») контекстах (т. е. в тех случаях, когда другое действие не предполагается) *ши-причастия* не встретились:

(97) *А т́ам, бы́ла́ знако́ма, сыно́к, с па́р'н'им, с Ло́с'ива, н'идал'э́ча, жы́л'и хърашо́, и в жа́во гармо́н' бы́ла́, еу́а. А д'ар'эу́н'ъ ма́ја Ав'инны́јъ, та́к, а та́м жы́ло́ два́ Н'икала́јъ, уо́т т'а́т'ин'ка мо́ј, и јашио́ сас'э́т и т. д.*

Ши-причастия, образованные от глаголов НСВ, семантика которого несовместима с результативностью, выступают в значении актуально-длительного (длящегося в момент наблюдения) или континуального (просто длящегося) действия, одновременного с другим действием. Понятно, что значения актуально-длительное и континуальное свойственны НСВ вообще (т. е. эти значения есть как у *ши-форм*, так и *л-форм* глаголов НСВ), однако наш материал позволяет предположить, что выбор между *ши-формой* и *л-формой* глагола НСВ обусловлен видо-временной семантикой глагола, выражающего другое (основное) действие. Закономерность такова. Если второе действие выражено презенсом глагола НСВ в актуально-длительном или континуальном значении (в приведенных ниже примерах: *хожу, убираем, говорит*), то употребляется *ши-форма*:

(44) *И во́т, у Халму́ с'ича́с, ум'о́рша на́ш х'иру́рк, хажу́ з'иму, хажу́ дру́гују, во́т с э́стым з бар'исъфск'им жы́уша, во́т, с'ича́с ы фам'ил'и́јъ мн'е Андр'э́ива.*

(96) *Уо́, ну бы́вала, ко́нчим у́жын, уб'ира́им пасу́ду, а р'аб'а́ты с'ид'э́фша, ау́а, а н'ишто́ тако́ј Барáн был Ва́н'ка, пѣм'ан'у́ и уо́спѣд'и: «Во́т р'аб'а́ты, ја́ с'аво́н'и н'ика́к н'а л'а́гу с ва́м спáт'».*

(98) *А мо́ј с'ид'э́фша, му́ш, у м'ин'а́ ужэ́ р'аб'о́нък' јэ́с', му́ш гъвар'и́т': «Ива́н Вас'ил'ич, а о́д бы́ала гд'э́ съб'ар'о́мс'ъ в арт'э́л', и ја́ фс'о́ зѣм'ача́л т'иб'а́ и Да́шын'ку, жал'э́л'и вы ад'и́н друго́ва»*

(99) *И паил'и́ см'а́јафша в адну́ сто́ръну и в дру́гују...*

Если же другое действие однократно или действие повторяется через некоторые промежутки времени (в приведенных ниже примерах: *бы́ала с'а́д'им, пр'ин'ас'л'иш, вз'а́л... ы свал'и́лс'а*), то употребляется *л-форма*:

(100) *Éта бывáль вóт ы ка мн'э вóт тўт кáк ја вышла зáмуш ы жылá с мўжым, и быáла с'áд'им ўжынът' и нáш бáт'ушка: «Дáшын'ка, ты вóт слыхáла вóт такўжу истóрију?» — «Слыхáла, бáт'ушка».*

(101) *Ф тьлў, кагда мы жыл'и, тák, пр'ин'ас'л'и нáм шéрс'т'и, мы пр'áл'и, и ја испóтк'и наск'и в'азáла, в éты в В'ал'ик'иш Лук'и.*

(18) *А óн jéxъл, с' В'ixтъръм, В'ixтър с'id'эл зъ рул'óm, а óн, тák у машин'и с'ид'эл, óн вз'áл, зъ парók ы свал'илс'а, и уб'илс'а.*

5. Некоторые итоги

Таким образом, значение результативности, свойственное *ши-причастиям* глаголов СВ, предполагает наличие некоторой точки отсчета, для которой актуальным является сохранение результата действия. В качестве такой «точки» может выступать

а) момент речи;

б) другое действие, которое «внутренне связано» с действием, выраженным *ши-причастием*: оно хронологически более позднее и невозможно без осуществления действия, обозначенного *ши-формой*.

Кроме того, употреблению *ши-формы* может способствовать специфическое лексическое значение глагола (предполагающее перфектный компонент).

Употребление *ши-причастий* ограничено в рассказах о событиях, которые известны говорящему с чужих слов («чужой текст»), в таких случаях преимущественно употребляются *л-формы*.

Нехарактерно употребление *ши-причастий* с отрицаниями, в контекстах, предполагающих противопоставление действий или множественность ситуаций.

Ши-причастия, образованные от глаголов НСВ, не имеют результативного значения, но наличие точки отсчета (т. е. указания на другое действие) обязательно и для них — *виш-причастие* обозначает длительное действие, одновременное с каким-либо другим действием.

Литература

Бондарко 1996 — А. В. Бондарко. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.

Глезер 1985 — В. Д. Глезер. Зрение и мышление. Л., 1985.

Гринкова 1948— Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. VIII. Мстинский говор // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. Кафедра русского языка. Л., 1948. Т. 69. С. 171—221.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

- Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 1. М., 1997.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Недялков 1990 — В. П. Недялков. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. М., 1990. С. 36—59.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 5—41.
- Обнорский 1953 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Сильницкий 1983 — Г. Г. Сильницкий. Структура глагольного значения и результатив // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 54—65.
- Трубинский 1973 — В. И. Трубинский. Вторые падежи нечленного действительного причастия прошедшего времени в русских говорах Северо-Запада // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 117—123.
- Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
- Филин 1948 — Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 4. М.; Л., 1948. С. 23—60.

РУССКИЙ АНЕКДОТ КАК ТЕКСТ И КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Важным положением современной лингвистики стало представление о том, что речевая деятельность осуществляется в форме отдельных речевых действий (речевых актов) или, если пользоваться понятием, введенным в научный обиход М. М. Бахтиным, речевых жанров: вопросов, приказов, просьб, шуток или доносов¹. Вслед за А. Вежбицкой [Wierzbicka 1983] мы исходим из того, что набор речевых жанров, выделенных языковым сознанием носителей одного языка, может не совпадать с набором речевых жанров другого языка, поскольку жанры отражают определенный общественно-культурный мир и закодированы в лексических единицах того или иного языка. Так, не случайно, по-видимому, в русском языке есть нехарактерные для английского или французского языка названия таких речевых жанров, как *тост* или *попрек*, а также таких «советских» речевых жанров, как *донос*, *анонимка* или *заявление о приеме на работу*.

Тем самым отнесенность конкретной речевой деятельности к тому или иному речевому жанру определяется способностью носителей языка идентифицировать и назвать его как таковой. Так, носители русского языка могут определить, что некто *поздоровался*, *извинился*, *произнес тост*, *прочел вслух стихотворение*, *написал заявление о приеме на работу* и т. п., и, говоря о соответствующей речевой деятельности, именно так и обозначить ее. Это свидетельствует о том, что соответствующие речевые жанры обладают для носителей русского языка безусловной реальностью. Разумеется, при описании конкретного речевого действия носитель языка может и

¹ Термин «речевой акт» (*speech act*) впервые появляется в курсе лекций, прочитанных Дж. Остином в 1955 г. в Гарвардском университете, и опубликованном в 1962 г. [Austin 1973]. Термин «речевой жанр» был введен М. М. Бахтиным в работе, написанной в 1952-53 гг., но впервые опубликованной в 1979 г. [Бахтин 1979]. Преимущества термина «речевой жанр» по сравнению с термином «речевой акт» убедительно показаны в работе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1983]: термин «речевой акт» наводит на мысль, что речь идет о коротком, состоящем из одного предложения высказывании, так что из рассмотрения исключаются такие виды речевой деятельности, как, напр., *дискуссия*, *застольная беседа*, *дружеское письмо* и т. п. Впрочем, некоторым недостатком термина «речевой жанр» является возможность его смешения с термином «жанр», используемым в литературоведении.

ошибиться (напр., принять *совет* за *просьбу* или *приказ*) или употребить неточное обозначение – важна принципиальная возможность идентификации речевого жанра в данном языке.

Замечание. Решая вопрос об инвентаре речевых жанров, характерных для конкретной культурно-языковой общности, существенно отграничивать подлинные речевые жанры от различных видов деятельности, которые могут осуществляться в речевой форме, но для которых эта форма не является ингерентно присущей. Так, *извинение*, *просьба* или *дружеская беседа* могут считаться речевыми жанрами, поскольку нормально осуществляются именно в речевой форме (конечно, можно *просить* и взглядом, но очевидно, что такое выражение просьбы является вторичным – когда человек *просит взглядом*, это означает, что он смотрит так, что его взгляд интерпретируется как аналог обычного словесного выражения просьбы). А, скажем, для *флирта* отнесенность к речевым жанрам более сомнительна; скорее, это просто вид деятельности, который часто осуществляется в вербальной форме, но осознается в качестве такового независимо от вербальной оболочки. Не случайно в вершине толкования таких выражений, как *попросить*, *извиниться*, *поздороваться*, *беседовать*, *прочитать стихотворение*, *написать письмо* (но не таких выражений, как *флиртовать*), по-видимому, окажутся такие глаголы, как *сказать*, *говорить* или *написать*.

Речевые жанры могут быть подразделены на письменные и устные. Скажем, *заявление* или *протокол* – это письменные речевые жанры, а *тост* – устный речевой жанр. Конечно, *заявление* можно прочитать вслух, а *тост* записать и даже издать сборник тостов, но это будет не создание равноценного речевого жанра, а транспонирование письменного речевого жанра в устную форму или устного жанра в письменную форму. Если написание дружеского письма реализует письменный речевой жанр (*дружеское письмо*), то человек, читающий это письмо вслух, реализует уже другой, устный речевой жанр – *чтение вслух*.

Могло бы показаться, что подразделение речевых жанров на письменные и устные оказывается нечетким ввиду наличия речевых жанров, функционирующих как в письменной, так и в устной формах, таких, как, напр., *приказ*. Однако даже беглое сравнение письменных и устных приказов показывает, что речь идет не о двух формах бытования одного речевого жанра, а об омонимии названий двух различных речевых жанров: письменный *приказ* (канцелярский жанр – *Приказываю назначить И. И. Иванова главным инженером; Приказываю перенести выходной день с 6 мая на 10 мая*) и устный *приказ*, иначе называемый *приказание* (*С утра готовьтесь к бою*).

Итак, представляется целесообразным отличать речевой жанр от текста, используемого в составе данного речевого жанра. Как мы видели, один и тот же текст может использоваться в составе различных речевых жанров. В то же время важно подчеркнуть, что мы идентифицируем речевой жанр именно на основе признаков используемого в его составе текста; поэтому чтобы понять специфику того или иного речевого жанра, необходимо определить, какие ограничения накладываются на тексты, способные использоваться при реализации этого жанра.

Речевые жанры имеют свою историю: они появляются, исчезают, видоизменяются и заимствуются. Так, в английском языке есть специальное обозначение для такого речевого жанра, как *job interview* – «собеседование при приеме на работу». Ранее указанный жанр не был характерен для русского дискурса и, соответственно, в русском языке не было специального выражения, которое служило бы для обозначения этого жанра (ближайший аналог, существовавший в русском речевом обиходе, – *собеседование*), однако на наших глазах данная реалия входит в русский обиход вместе с соответствующим словом (ср. *записаться на интервью, поехать на интервью, пройти интервью* и т. п.).

1. Рассказывание анекдота как особый речевой жанр

1.1. Жанровые особенности русского анекдота

В 20-30-ые годы XX века в русском языковой культуре появился новый тип фамильярного и семейно-бытового общения – рассказывание анекдотов. В это же время лексикализуется особое значение слова *анекдот* – короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям русского языка. Именно к этому времени относится появление такого слова, как *анекдотчик*².

Значимость рассказывания анекдотов для современной русской системы речевых жанров определяется хотя бы тем, что этот жанр имеет в русском языке специальное обозначение – в отличие, скажем, от французского языка, в котором аналогом русского *анекдота* является просто *histoire* ‘история’ или *histoire amusante* ‘забавная история’, или английского языка, на который *анекдот* переводится просто как *joke* ‘шутка’³. Можно полагать, что во французской или английской системе речевых жанров рассказывание анекдота в меньшей степени специфично и с точки зрения используемых при этом языковых средств. Как бы то ни было, мы можем с уверенностью утверждать, что в современной русской системе речевых жанров *анекдот* занимает свое особое место и обладает уникальными языковыми характеристиками⁴.

² Ср. воспоминания Давида Самойлова о детстве (конец двадцатых годов): «За столом площадку держал Виктор Маркович. Он был анекдотчик. / – Где вы купили ваш саракулевый как? / – В магазине Марл Карсы. / Взрослые подробно смеялись» (Д. Самойлов. «Перебирая наши даты»).

³ Впрочем, и в английском языке различаются *joking* и *telling jokes*.

⁴ Напомним, что в соответствии с изложенным выше подходом мы можем говорить, что имела место реализация речевого жанра *рассказывания анекдота* в том случае, если носители языка должны адекватно описать соответствующее речевое событие, отметив, что некто *рассказал анекдот*.

Рассказывание анекдота отличается от большинства других речевых жанров тем, что рассказчик (субъект речевого жанра) никогда не претендует на авторство текста анекдота. Когда человек шутит, это предполагает, что он сам придумал шутку, – пересказать чужую шутку не значит пошутить самому. Конечно, может случиться, что человек повторяет чужую шутку, выдавая ее за свою. Однако в случаях такого рода субъект вынужден скрывать заимствование чужого текста – иначе речевой жанр разрушится. Напротив того, если даже человек сам придумал анекдот, он должен рассказывать его как услышанный от других людей. Тем самым анекдот характеризуется воспроизводимостью: в речевом жанре рассказывания анекдота он не порождается заново, а воспроизводится.

В то же время, хотя рассказчик подает анекдот как услышанный от других людей, он одновременно рассчитывает, что анекдот неизвестен аудитории, что слушатели (по крайней мере, часть из них) его ранее не слышали. Воспроизведение текста анекдота, предположительно известного всем слушателям, если и может иметь смысл в специфических коммуникативных ситуациях (напр., в качестве занятия школы актерского мастерства), то уж ни в какой мере не может быть реализацией речевого жанра рассказывания анекдота.

Замечание. Если говорящий считает, что анекдот известен слушателям, он может прибегнуть к другому речевому жанру, который можно было бы назвать «напоминание анекдота». При напоминании анекдота иногда прибегают к прямому цитированию (анекдоты представляют собою один из самых мощных источников «крылатых слов»), а иногда используют косвенные ссылки (напр., *Это как в том анекдоте; Помнишь анекдот...?; Ты как тот раввин... и т. п.*).

В речевом жанре *рассказывания анекдота* используется текст, построенный по особым правилам. Иными словами, отнюдь не всякая короткая смешная история сама по себе является *анекдотом*, хотя почти всякую забавную историю можно рассказать как *анекдот*, соответствующим образом построив или видоизменив текст. Тем самым изучение текста анекдота невозможно в отрыве от изучения его функционирования в составе речевого жанра рассказывания анекдота. Поэтому явно недостаточным оказывается изучение текста анекдотов, представленного в различных сборниках анекдотов, – далеко не всякий такой текст действительно можно рассказать как *анекдот*.

Основываясь на подходе, разработанном нами в ряде предшествующих публикаций (см., в частности, [Шмелева, Шмелев 1998; 1999б; 2000]), охарактеризуем основные языковые особенности русских анекдотов, т. е. текстов, используемых в речевой практике носителей русского языка в рамках реализации речевого жанра рассказывания анекдота. Сразу отметим, что по своим языковым особенностям анекдот относится не к повествовательным, а, скорее, к «изобразительным» жанрам. Иными словами, рассказывание анекдота – это не повествование, а своего рода представление, производимое единственным актером, и в ряде случаев именно

интонация рассказчика, его мимика и жестикация создают «соль» анекдота. Такие анекдоты чрезвычайно трудно представить на письме (вероятно, именно поэтому они почти не фигурируют в опубликованных сборниках анекдотов), так что приходится использовать специальные приемы, сходные с теми, которые могут быть использованы при описании представлений народного театра (как уже приходилось отмечать, в ряду фольклорных жанров анекдот ближе всего именно к народному театру, а не к таким повествовательным жанрам, как бытовые сказки, юмористические новеллы и т. п.).

Переходя к описанию конкретных языковых особенностей *анекдота* как текста, используемого при реализации речевого жанра *рассказывания анекдота*, отметим, что оно возможно лишь при условии четкого разграничения трех языковых слоев *анекдота*: «метатекстовых» вводов и собственно текста анекдота, в котором можно выделить два языковых слоя – текст «от автора» и речь персонажей анекдота⁵.

1.2. «Метатекстовые» вводы

Необходимость «метатекстового» ввода (т. е. такой фразы, как, напр., *Слышал анекдот о...?; Кстати, знаете анекдот...?; Давай(те) расскажу анекдот...; А вот еще анекдот на эту тему* и т. д.) является важным нетривиальным признаком рассказывания анекдота, отличающим

⁵ Специально заметим, что выделенные нами языковые слои текста русского анекдота – это совсем не то же самое, что выделяемый в целом ряде работ, посвященных механизмам юмора, набор «функций» юмористического текста (шутки, анекдота, скетча и пр.), ср. сводную таблицу этих функций, выделяемых в тексте шутки разными учеными [Attardo 1994: 87]:

	F1	F2	F3
Greimas	récit-présentation	dialogue	
Morin	fonction de normalisation	fonction locutrice d'enclenchement	fonction interlocutrice de disjonction
Marfurt	Einleitung	Dramatisierung	Pointe
Ulrich	Exposition	Bruch ("fracture")	Pointe
Lixfeld	Einleitung	Überleitung	Pointe
Rutelli	Narrazione	rappresentazione	
			punch line
Wenzel	Exposition		Pointe

Иными словами, юмористический текст устроен следующим образом. Вначале задается некоторая ситуация, контекст действия (это необязательная часть, отсутствующая в ряде юмористических текстов), затем рассказывается история, похожая на задачу, имеющую несколько решений, затем в последней фразе дается нестандартное, «юмористическое» решение этой задачи. Эта фраза и содержит в себе «соль» анекдота, его пуанту.

данный речевой жанр, скажем, от речевого жанра *шутки* (действительно, шутки никогда не предваряются «метатекстовым» вводом **Я сейчас пошучу; *Давайте я пошучу* и т. п. – лишь в случае, если адресат речи не понял, что имела место реализация жанра *шутки*, говорящий *post factum* может сказать: *Шутка!; Да это я шучу; Я пошутил* или что-нибудь в этом роде).

Существенно, что наличие «метатекстового» ввода является почти обязательным для речевого жанра рассказывания анекдота. Соответственно, оно может служить критерием, позволяющим отграничить рассказывание анекдота от смежных речевых жанров. Более того, возможность предварить произнесение некоторого текста соответствующим «метатекстовым» вводом может рассматриваться как тест, позволяющий судить, действительно ли данный текст является *анекдотом*, т. е. может быть использован в речевом жанре рассказывания анекдота.

Здесь можно упомянуть, что в сборниках анекдотов (изданных или помещенных в Интернете) нередко встречаются тексты, которые анекдотами не являются, – в том смысле, что рассказаны как анекдоты (т. е. предварены соответствующим «метатекстовым» вводом) они быть не могут. Так, не являются *анекдотами* такие прибаутки и приговорки, как:

- Водку? Теплую?! В такую жару?! Натощак?! Без закуски?! С удовольствием!
- В баню я не хожу. В женскую не пускают, а в мужскую неинтересно.

«Метатекстовый» ввод в нормальном случае не принадлежит тексту анекдота. Однако существуют анекдоты, в которых специально обыгрывается необходимость «метатекстового» ввода при рассказывании анекдота. В них то, что на первый взгляд кажется «метатекстовым» вводом, оказывается неотъемлемой принадлежностью текста анекдота, т. е. анекдота в собственном смысле слова. Такие анекдоты обычно рассказываются в диалогическом режиме – ср.:

- [анекдот советского времени] Знаете самый короткий анекдот? – ... – Коммунизм. А самый длинный? – ... – Путь к коммунизму.
- [анекдот времен перестройки и расцвета кооперативного движения] Хочешь расскажу кооперативный анекдот? – Давай. – Гони рубль.

Иногда «метатекстовый» ввод приходится делать более подробным, давая слушателям экстралингвистическую информацию, необходимую для понимания анекдота. Так, среди русских в свободной Латвии в 20-е гг. рассказывался следующий анекдот, родившийся в советской России, и для слушателей, незнакомых с новыми советскими обычаями, он (насколько можно судить по тексту, приведенному в [Карачевцев 1978: 189]), в дополнение к обычному вводу, предварялся рассказом о том, что такое «октябрины»:

- Коммунисты в СССР, упразднив крестины и обрезание, ввели так называемые октябрины, на которых новорожденным дают вместо христианских или библейских имен – имена, взятые от революции, т. е. от фамилий вождей, названий местностей, связанных с революцией, и т. п.

Встречаются два еврея-коммуниста.

– Наум Яковлевич, у меня родился сынок и не знаю, как его назвать: завтра октябрины.

– Ну, Исак Борисович, что там думать – назовите его: Червонец.

Через несколько месяцев приятели снова встречаются.

– Ну, Исак Борисович, поздравьте меня – жена дочку родила, только ломаю голову, как ее назвать.

– Ну что тут думать? Демонстрация, Революция... или вот что – Трибуна.

– Ай, какого вы мне дадите хорошенького совета! Я вам дал имя Червонец, так это же вещь! Хорошее дело Трибуна! Чтобы каждый хулиган на нее мог залезть.

1.3. Языковые особенности текста анекдота

1.3.1 Текст «от автора»

Текст от автора в русском анекдоте обладает целым рядом особенностей. В нем почти исключительно используется настоящее время глагола (а также, при определенных условиях, прошедшее время глаголов совершенного вида в результативном значении). Эта особенность связана с близостью анекдота народному театру: используя так называемое «настоящее изобразительное», рассказчик представляет действие как бы разворачивающимся в данный момент перед глазами зрителей⁶. Этим анекдоты отличаются от забавных исторических рассказов («анекдотов» в старом смысле слова), в которых естественно ожидать глаголы в прошедшем времени. Ср.:

- «Маэстро, – спросила как-то начинающая пианистка у Рахманинова, – правда ли, что пианистом нужно родиться?» «Сущая правда, сударыня, – улыбнулся Рахманинов, – не родившись, невозможно играть на рояле».

Типичное начало анекдота – предложение, начинающееся глаголом в настоящем времени, за которым следует подлежащее, а затем – все второстепенные члены предложения (*Выходит Анка замуж...; Приходит муж домой...; Приходят ходоки к Ленину...; Едет ковбой по прерии...; Останавливается Илья Муромец у придорожного камня...; Идут Винни Пух с Пятачком в гости к ослику Иа-Иа...; Сидит негр в киевском метро...; Пришел Абрам к дантисту...*). Подавляющее большинство анекдотов начинаются именно таким образом.

⁶ Этому не противоречит тот факт, что многие из анекдотов о Штирлице рассказываются в прошедшем времени, напр.: *Штирлиц знал, что дважды два – четыре. Но он не знал, знает ли это Мюллер*. В них пародируется «закадровый голос» Копеляна из телевизионного фильма «Семнадцать мгновений весны», который является как бы одним из «персонажей» анекдотов о Штирлице, и тем самым прошедшее время используется не в речи рассказчика анекдота, а в речи особого персонажа – «закадрового диктора».

В «тексте от автора» в анекдотах совершенно невозможны такие интродуктивные зачины, как *Жил-был...*, *Жил...* или просто *Один мой знакомый...*, *Однажды...* Это не случайно: персонажи анекдота, как и персонажи фольклорного театра, не нуждаются в представлении, их число ограничено, и предполагается, что они известны всем носителям языка и представителям данной культуры⁷.

Правда, иногда, если анекдот появляется как непосредственный отклик на некоторое историческое событие, в нем в качестве персонажа может появиться протагонист этого события, даже если он не входит в стандартный набор персонажей героев анекдота. Так, после того как секретарь Ленинградского обкома КПСС Толстикова, имевший репутацию антисемита, был снят со своего поста и назначен послом в Китай, появился такой анекдот (цитируется по сборнику [Телесин-1001]):

- Толстикова назначен послом в Китай. Он сходит с трапа самолета в Пекине:
– Ну, жида, что прищурились?

Но, поскольку Толстикова не входит в число стандартных героев анекдота, в таком виде анекдот мог рассказываться недолго. Впоследствии он мог либо рассказываться как анекдот об анонимном советском посланце:

- Новый посол Советского Союза прилетает в Китай. Сходит с трапа самолета и, увидев пришедших его встречать китайцев, говорит:
– Что, жида, прищурились?!

[иногда с факультативным добавлением:]

- А китайцы ему на это:
– А посол ты..., –

либо подаваться в виде байки (другой речевой жанр, отличающийся от анекдота по своим речевым характеристикам):

- Бывший секретарь Ленинградского обкома КПСС Толстикова сослан был послом Советского Союза в Китай. Сходя с трапа самолета и увидев пришедших его встречать китайцев, он процедил:

⁷ Разумеется, набор персонажей анекдотов меняется с течением времени. Давно уже не рассказываются анекдоты о майоре Пронине – персонаже анекдотов, популярных в 60-е гг. XX в. (приведем два таких анекдота из книги [Телесин-1001]): (1) *Агент 007 убедился, что нет слежки и юркнул в вокзальный туалет. Он вытащил из кармана записку со шпионским заданием и выучил наизусть ее текст. Потом порвал ее на мелкие кусочки, бросил их в унитаз и спустил воду... Но тут же в ужасе отпрянул: из унитаза на него смотрели умные, пронзительные, немного уставшие глаза майора Пронина.* (2) *Хрущев на банкете в Индии. Рядом с ним сидит очаровательная полуголая индийская танцовщица. Хрущев под столом поглаживает ее колено. Танцовщица наклоняется к нему и шепчет: – Товарищ Хрущев, подниметесь выше – не меняйтесь в лице! Докладывает майор госбезопасности Пронин.* (В настоящее время практически перестали рассказываться и анекдоты об Авдотье Никитичне и Веронике Маврикиевне (эти анекдоты были чрезвычайно популярны в 80-е гг. XX в.).

– Что, жидяры, прищурились?!

Китайцы, говорят, сказали:

– Толстиков, а посол ты...

Именно в таком виде (как байка) эта история была опубликована в книге [Столович 1996]. Характерна интродуктивная конструкция в начале рассказа (*Бывший секретарь Ленинградского обкома КПСС Толстиков*), повествование в прошедшем времени, использование показателя эвиденциальности (*говорят*).

1.3.2 Речь персонажей

Говоря о речи персонажей анекдотов следует иметь в виду, что, в отличие от собственно театральных представлений, все «роли» в анекдоте исполняются одним «актером» – рассказчиком анекдота. Никаких костюмов, масок или кукол не предполагается. Персонажи нередко бывают узнаваемы исключительно по речевым особенностям, которые тем самым играют роль своего рода языковой маски соответствующего персонажа. Важно при этом, что число персонажей в анекдотах ограничено, и в современном городском анекдоте используется относительно постоянный набор возможных персонажей, многие из которых имеют достаточно стабильные речевые характеристики.

Помимо речевых масок, узнаванию персонажей анекдота может способствовать упоминание каких-то клишированных деталей их внешнего облика, а также отсылка к каким-то общеизвестным историческим фактам, ассоциируемым с данным персонажем. Так, облик Ленина в анекдоте задается как грассированием, использованием обращения *батенька*, прилагательных и причастий с приставкой *архи-* (речевая маска), так и упоминанием кепки, лысины, бородки, небольшого роста (детали внешнего облика). Ср. следующий анекдот (приводим его в том виде, как он опубликован в известной книге [Телесин-1001]):

- На пионерском сборе выступает с воспоминаниями участник первого ленинского субботника: «Вывели нас с Федей из цеха и повели на субботник. Подошел к нам маленький в кепке, с бородкой, картавый и говорит: "бегитесь за бгевно, товагищи!" Шел бы, говорим, ты на х...! Федю с тех пор я не видел, а сам лишь месяц как вышел...»

В этом анекдоте Ленина легко узнать и по картавости, и по кепке, и по лысине, и по бородке, и по аллюзии к известной всем советским людям истории о том, как Ленин нес бревно на субботнике в Кремле.

Ср. значительно более поздний анекдот (середина 90-х гг.), в котором Ельцин опознается как по особенностям речи, так и на основе косвенного намека на нашумевшую историю с падением Ельцина с моста:

- Рассказ таксиста: «Тормозит меня один мужик. Весь мокрый, в одних трусах, вода с него так и льет. "Куда едем?" – говорю. "В Кремль!" Я говорю: "Мужик, ты что, с печки упал?" А он говорит: "Шта-а-а? А нет, не с печки. С моста". Отвез я его. И не видел с тех пор никогда. А чем-то он мне запомнился...»

Особенно яркие речевые характеристики отличают персонажей анекдотов об этнических меньшинствах: грузин, чукчей, евреев. Примечательно, что эти характеристики определенным образом коррелируют с характером соответствующего персонажа (подробное описание речевых характеристик персонажей анекдотов об этнических меньшинствах содержится, напр., в [Шмелева, Шмелев 1999а]). Именно анекдоты, построенные на обыгрывании речевых характеристик этих героев (а также иных связанных с ними клишированных деталей), оказываются самыми трудными для понимания носителями иных языков и культур. Рассмотрим следующий пример:

- Бедный студент купил на последний рубль несколько грецких орехов. Разбил один – а он пустой, одна скорлупа. Разбил другой – а он тоже пустой, одна скорлупа. Разбил третий – то же самое. Разбил он последний орех, а оттуда вылезает червяк в большой кепке и говорит: «Обидно, да?» [рассказчик произносит эту фразу от лица червяка с грузинским акцентом].

Этот анекдот приводится в английском переводе в книге [Draitser 1998] как иллюстрация антигрузинских стереотипов. Однако едва ли «грузинские мотивы» в этом анекдоте могут быть выявлены на основе английского текста:

- With his very last ruble, a student buys a dozen walnuts. He cracks one of them. It's empty. He cracks another one – again, it's empty. When he comes to the last one, a worm wearing a cap crawls out and says: «It hurts, doesn't it?»

2. Проблемы вариативности и интертекстуальных связей анекдота

2.1. Межжанровая вариативность и интертекстуальность

Мы уже видели, как содержательно одна и та же история может рассказываться и в качестве анекдота, и в качестве какого-то смежного жанра (байки, истории «из жизни» и т. п.). При этом текст определенным образом модифицируется, чтобы удовлетворить требованиям соответствующего жанра. Соответствующее явление было нами названо межжанровой вариативностью [Шмелева, Шмелев 1999в].

Приведем еще пример формальной адаптации к требованиям жанра при межжанровой вариативности, когда некоторая история, которая могла бы быть рассказана как анекдот:

- Знаете анекдот [метатекстовый ввод]? Мать спрашивает сына: «Почему ты с утра выпиваешь стакан водки, а не пьешь кофе с булочкой?!» Сын отвечает: «Мама, ну кто же натошак осилит кофе с булочкой?!», –

была опубликована И. Губерманом в качестве «случая из жизни» [Губерман 1995] в следующем виде:

- Один мой товарищ из Ташкента рассказывал мне, что рядом с ним на окраине жила такая еврейская семья – в общем, ее Бабель должен был бы описывать. Отец – огромный, как ломовой извозчик, мужик, и три сына, таких же огромных. Они работали на мясной фабрике. Жили по очень жесткому расписанию: вставали в 4 утра, выпивали по стакану водки и шли на забой скота. Один из его сыновей женился, и маленькая жена, обожавшая своего мужа, из такой интеллигентной семьи, однажды спросила – даже не мужа, его она побоялась спросить, нравы были очень патриархальные – она спросила у своей свекрови: «Мама, а почему Боря с утра выпивает стакан водки, а не чашку кофе с булочкой?» Мать очень обрадовалась, ей это просто не приходило в голову, и сказала: «Борух, а чего ты, действительно, как я не знаю кто, с утра пьешь стакан водки, а не выпиваешь кофе с булочкой?!» Сын ей ответил: «Мама, ну кто же натошак осилит кофе с булочкой?!».

От межжанровой вариативности следует отличать межжанровые интертекстуальные связи анекдотов, которые могут относиться к одному из двух типов.

Во-первых, анекдот может опираться на знание слушателями некоторого текста, принадлежащего иному жанру. Напр., в целом ряде анекдотов используются библейские мотивы. Приведем примеры анекдотов, которые предполагают, что слушатели имеют хотя бы приблизительное представление о десяти заповедях:

- Моисей спускается с горы к народу и говорит: «У меня для вас две новости: хорошая и плохая. Хорошая – сторговались на десяти. Плохая – прелюбодеяние осталось».
- Приходит раввин к священнику и говорит: «Вот, типа, такое дело – у меня велосипед сперли. Причем сделал это кто-то из моей общины! Вот ты, типа, тоже направляешь своих прихожан на путь истинный. Вот дай совет – как найти вора среди своих?» «Это просто, – отвечает священник, – надо всех собрать и зачесть перед ними 10 заповедей. Вот когда дойдешь до *не укради*, внимательно смотри людям в глаза, и кто глаза потупит, тот и вор». Через день приходит снова раввин к нему с букетом цветов. «Ну что, мой совет помог?» – интересуется священник. «Ну не совсем, в общем, но идея сработала». – «Не, ну так как все получилось?» – «Да не, неважно». – «Ну все-таки?» – настаивает священник. «Ну понимаешь как, вот созвал общину, начал зачитывать заповеди, а когда дошел до *не прелюбодействуй*, то вспомнил, где забыл велосипед...».

Как правило, такого рода анекдоты понятны только слушателям, способным установить необходимые интертекстуальные связи, напр. опознать цитату. Так, следующий анекдот предполагает, что слушатели знакомы с православной молитвой перед принятием пищи («Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремении...»):

- Встречает пустынный голодного льва. Бежать некуда, а съеденным быть не хочется, и взмолился пустынный: «Господи, пошли этому льву христианские чувства...». И случилось чудо – лев человеческим голосом говорит: «Очи всех на Тя, Господи, уповают...»

Другой тип интертекстуальных связей имеет место, когда анекдоты или цитаты из анекдотов воспроизводятся в составе других речевых жанров. Так, очень многие анекдоты могут быть использованы в составе тостов, достаточно лишь добавить фразу, указывающую, за что говорящий предлагает выпить (многочисленные примеры такого рода можно найти в сборнике тостов [Косулин 1998]).

Заметим, что в постсоветское время наблюдается «экспансия» анекдота в другие жанры. Тексты анекдотов, набор анекдотических персонажей, их речевые и поведенческие характеристики рассматриваются носителями русского языка как общеизвестный фонд знаний, который служит источником цитат как в устной, так и в письменной речи. Так, например, анекдоты или отдельные фразы из известных анекдотов часто используются в качестве газетных заголовков (приведем некоторые газетные заголовки из нашей картотеки: «Тенденция, однако», «Вернулся муж из командировки», «Ту ти ту ту ту»). Анекдоты постоянно цитируются в речи известных политиков, спортсменов и телевизионных ведущих, что позволяет говорить об активизации интертекстуальных связей анекдотов.

2.2 *Внутрижанровая вариативность и интертекстуальность*

Под внутрижанровой вариативностью анекдота можно понимать различные способы рассказать «один и тот же» анекдот, т. е. случаи, когда, несмотря на варьирование способа рассказывания, мы воспринимаем рассказываемое как варианты одно и того же анекдота. Внутрижанровая вариативность анекдота может быть одного из двух типов: свободное варьирование или культурная адаптация. В первом случае она бывает связана со свободным выбором рассказчика, во втором – обусловлена необходимостью приспособить манеру рассказывания анекдота к инокультурной аудитории.

Свободное варьирование может быть едва заметным и быть обусловлено общей культурой речи рассказчика, его актерским мастерством, выбранными им «режиссерскими решениями». Напр., один и тот же анекдот может начинаться и *Приходит муж домой с работы...*, и *Пришел муж домой с работы....* И, разумеется, приведенный выше анекдот о равнине, у которого пропал велосипед, мог бы быть рассказан в иной манере (в частности, без «паразитических» словечек *вот, тина*). Такое варьирование часто остается незамеченным слушателями или получает импрессионистическое описание («такой-то хорошо рассказывает анекдоты»).

Возможно и более существенное варьирование, напр. – когда некоторую функцию в анекдоте могут исполнять в разных вариантах разные персонажи. Разумеется, в этом случае часто

приходится соответствующим образом видоизменять аранжировку анекдота, речевые характеристики персонажей и т. п. В этом случае вариативность анекдота осознается говорящими, и они могут даже настаивать на том, что верной является та, а не другая версия. Приведем два варианта анекдота, в одном из которых фигурируют *Василий Иванович* и *Петька*, а в другом – *Рабинович* (отметим, что замена Василия Ивановича на Рабиновича влечет за собою смену речевых характеристик персонажа – ср., напр., характерное для еврейских персонажей самообозначение «бедный еврей»):

- Приходит Петька к Василию Ивановичу и видит: тот сидит без штанов, но в галстук. «Василий Иванович, почему вы без штанов?» – «Так никого же нет». «Тогда почему в галстук?» – «А вдруг кто-нибудь зайдет».
- – Рабинович, почему вы дома сидите в галстук? – Ну, знаете, а вдруг кто-нибудь придет...? – Почему же вы тогда сидите в одном галстук? – Ай, ну кто придет к бедному еврею?...

Когда этот анекдот во второй («еврейской») версии был рассказан президентом России Путиным на открытии еврейского центра в Марьиной роще осенью 2000 г., в газете «Иностранец» появился следующий комментарий: «Путин... зачем-то рассказал всем старый анекдот про Чапаева, заменив Чапаева на еврея». В то же время в статье [Жолковский 1996] данный анекдот приводится и анализируется в «еврейской версии», так что очевидно, что А. К. Жолковский именно ее считает «правильной»⁸.

Варьирование может быть и более значительным. Так, после избрания К. У. Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС, появился такой анекдот:

- Однажды чукча захотел стать генсеком ЦК КПСС. И стал...

А во время президентских выборов 2000 г. рассказывали следующий анекдот (из серии «анекдоты о Вовочке»):

- Захотел Вовочка стать президентом России. И стал...

В такого рода случаях уже трудно сказать, идет ли речь о вариантах одного и того же анекдота или о двух разных, хотя и однотипных анекдотах. По-видимому, строгие критерии здесь невозможны, и решающую роль играет восприятие участников коммуникативной ситуации, отражаемое, в частности, в метатекстовом вводе («А был еще похожий анекдот» или «А я знаю этот анекдот в другом варианте»).

Наряду со свободным варьированием может иметь место варьирование, связанное с переносом анекдота в иную культурную среду. Дело в том, что в разных культурных общностях анекдоты рассказываются несколько по-разному, в них встречается различный набор персонажей,

⁸ Автор пишет: «Тут все, как в анекдоте вообще и в типовом еврейском анекдоте в частности: нелепость и автоирония; неожиданный поворот к демонстрации голого тела; еврейская фамилия и призыв акцента ("Ай, ну...")»

обладающих разными характеристиками. Так, финские анекдоты о шведах могут рассказываться в русской среде как анекдоты о милиционерах или же предваряться специальным метатекстовым пояснением, из которого следовало бы, что в финских анекдотах шведы играют роль глупцов⁹.

От варьирования следует отличать случаи, когда один из двух анекдотов предполагает знание другого, «играет» только на его фоне. Так, известен старый еврейский анекдот:

- Умирает старый слепой еврей.
 - Где Сарочка? – спрашивает он.
 - Мамочка стоит рядом с тобой, – говорит старший сын.
 - Это ты, Абраша? А где Исаак?
 - Исаак стоит рядом со мной!
 - А где моя доченька Фаня?
 - Тут, папочка, тут!
 - Кто же тогда остался в лавке у кассы?

В книге [Столович 1996] приводится этот анекдот и сразу же указывается, что существует новый вариант с последней фразой:

- Кто же остался у синхрофазотрона?

Ясно, что «соль» последней фразы состоит в эффекте обманутых ожиданий слушателей, знакомых с первоначальным вариантом анекдота. В этой же книге приведен еще один анекдот, также очевидным образом рассчитанный на слушателей, знакомых с исходным анекдотом:

- Умирает старый слепой русский.
 - Где мой сын Ваня? – спрашивает он.
 - Он, папа, стоит у твоего изголовья.
 - А где Петя и Вася?
 - Мы здесь, папочка!
 - А где Настя?
 - Я тоже здесь, папочка.
 - Кто же тогда остался в России?

То, что предполагается знакомство с исходным анекдотом, видно уже из начальной фразы. Дело в том, что *старый слепой русский* (в отличие от обозначения *старый слепой еврей*) не является подходящей дескрипцией для героя анекдота (и вообще *русским* персонаж русского анекдота может быть назван только в том, случае, если в анекдоте фигурируют и какие-то «нерусские» персонажи); поэтому слушатели должны задуматься, какая дескрипция той же формы звучала бы более естественно, и тем самым вспомнить исходный анекдот. Далее данный анекдот полностью, включая последнюю фразу, повторяет структуру исходного, и слушатели, невольно вспоминая исходный анекдот, оказываются в состоянии оценить переключку.

⁹ Ср., напр., такой анекдот: *Знаете, почему шведы не едят соленых огурцов? – Голова в банку не пролезает.*

Случаи такого рода можно отнести к внутрижанровым интертекстуальным связям анекдота.

Иногда анекдот совсем непонятен тем, кто незнаком с исходным анекдотом. Ср.:

- По сообщению ИТАР-ТАСС, Анатолию Быкову дали десять лет с конфискацией. Конфисковали дачу, БМВ, миллион баксов и три барабана Страдивари.

Что имеется в виду под «барабанами Страдивари», понятно, только если знать исходный анекдот о «новых русских»:

- Купил *новый русский* другу за 100 тысяч баксов барабан от Страдивари, а ученые друганы ему говорят «Слушай, тебя кинули, как лоха, Страдивари скрипки делал, а не барабаны!» Разозлился новый русский, взял с собой два джипа с братками, поехал к хозяину магазина разбираться. Приезжает довольный, говорит: «Не, ребят, все путем, этот Страдивари для лохов скрипки делал, а для братвы – барабаны!»

Особый тип внутрижанровых интертекстуальных связей имеет место в тех случаях, когда к некоторому анекдоту, предположительно известному аудитории, присоединяется дополнительная концовка. Так, к анекдоту:

- Если есть где, есть чем, но некого – это трагедия. Если есть чем, есть кого, но негде – это трагикомедия. Если есть кого, есть где, но нечем – это комедия. Если есть где, есть чем, есть кого, но зачем? – это трагедия русской интеллигенции, –

иногда добавляется новая концовка:

- Если есть где, есть чем, есть кого, есть зачем, но глючит компьютер – это трагедия современной русской интеллигенции.

Приведем еще один пример появления у анекдота дополнительной концовки. Следующий анекдот построен на том, что глагол *разводить* <X-а> имеет в криминальном жаргоне значение, отличное от общеязыкового, а именно – ‘силой или обманом завладеть деньгами X-а, не давая ему ничего взамен’:

- На перекрестке в 600-й мерседес въезжает запорожец. Из мерса вываливают братки и вытаскивают из запора дедка: «Как звать-то тебя, дедуля?» – «Иван Иванович». – «Ну, попал ты, Иван Иванович на 10 тысяч баксов». - «Да нет проблем, поехали, отдам». Едут они, значит, братки его и спрашивают: «А кем ты, дедуля, работаешь, что у тебя такие бабки есть?» – «А я кроликов развожу» – «А у кроликов-то откуда, они кого разводят?»

В первоначальном варианте анекдот на этом и заканчивался, но затем он получил новое продолжение:

- Ну, приезжают на хату, поднимаются вместе, дед стучится в дверь, оттуда: «Кто там?» – «Это я, Иван Иванович». – «А чего надо?» – «Да вот, кроликов вам привез...».

Впрочем, интертекстуальные связи такого рода могут стираться, и анекдот с продолжением начинает функционировать сам по себе, не предполагая непременно знакомства аудитории с исходным анекдотом. Приведем пример (фраза, отсутствовавшая в первоначальном варианте анекдота, выделена курсивом):

- Что говорят женщины разных национальностей, проведя ночь со своим поклонником? Немка: «Когда мы поженимся?» Француженка: «А Пьер был лучше». Русская: «А душу мою, Федя, ты так и не понял». *Еврейка: «Тут болит, там болит».*

Итак (хотя, как говорилось выше, при рассказывании анекдота его текст не порождается заново, а воспроизводится), вариант, в котором рассказывается анекдот, и предваряющий его метатекстовый ввод выбираются рассказчиком. При этом выбор зависит не только от вкусовых пристрастий рассказчика, но и от фоновых знаний аудитории.

Литература

Бахтин 1979 – М. М. Бахтин. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237—281.

Губерман 1995 – И. Губерман. Случаи из жизни // Программа. 1995. № 46. С. 7.

Жолковский 1996 – А. К. Жолковский. Три инвенции на грани лингвистики и поэтики // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 147—161.

Карачевцев 1978 – С. Карачевцев (ред.). Тысяча двести анекдотов. 2-е изд. Paris, 1978.

Косулин 1998 – В. Д. Косулин (сост.). Тосты и застольные речи. СПб., 1998.

Столович 1996 – Евреи шутят. Еврейские анекдоты, остроты и афоризмы, собранные Л. Столовичем. 2-е изд., доп. Тарту; СПб., 1996.

Телесин-1001 – Ю. Телесин. 1001 избранный советский политический анекдот. Самиздат.

Шмелева, Шмелев 1998 – Е. Шмелева, А. Шмелев. Рассказывание анекдота как жанр современной русской устной речи // Труды Международного семинара «Диалог'98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 262—271.

Шмелева, Шмелев 1999а – Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. «Неисконная русская речь» в восприятии русских // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 162—169.

Шмелева, Шмелев 1999б – Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. Языковые особенности малых форм современного городского фольклора // Язык. Культура. Гуманитарное знание. М., 1999. С. 350—358.

Шмелева, Шмелев 1999в – Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // *Жанры речи* 2. Саратов, 1999. С. 133—145.

Шмелева, Шмелев 2000 – Е. Шмелева, А. Шмелев. Клишированные формулы в современном русском анекдоте // *Труды Международного семинара «Диалог'2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1. Протвино, 2000. С. 299—305.

Attardo 1994 – S. Attardo. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; New York, 1994.

Austin 1973 – J. L. Austin. *How to Do Things with Words*. New York, 1973 [русский перевод – Дж. Л. Остин. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22—129].

Draitser 1998 – E. A. Draitser. *Taking Penguins to the Movies. Ethnic Humor in Russia*. Detroit, 1998.

Wierzbicka 1983 – A. Wierzbicka. *Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław etc., 1983 [русский перевод – А. Вежбицка. Речевые жанры // *Жанры речи*. Саратов, 1997. С. 99—111].

ПУБЛИКАЦИИ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ «ПРАСЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ» Г. А. ИЛЬИНСКОГО

Вступительная статья и подготовка текста Г. С. Баранковой

«Праславянская грамматика» - главный итог научной деятельности члена-корреспондента АН СССР Г. А. Ильинского, над которой он работал на протяжении всей своей жизни. Первое издание книги вышло в Нежине в 1916 г. Это был первый в истории славистики труд обобщающего характера, в котором праславянский язык был определен как самостоятельная дисциплина, имеющая свой предмет и метод изучения. Эта работа Ильинского была высоко оценена в мировой и отечественной науке. По ходатайству акад. А. А. Шахматова «Праславянская грамматика» (далее ПГ) была удостоена в 1918 г. Толстовской премии и золотой медали АН, которая, впрочем, ввиду гражданской войны и разрухи так и не была вручена ученому.

В 1927 г. Е. Ф. Карский, действовавший от имени АН СССР, предложил Г. А. Ильинскому подготовить второе издание ПГ для Энциклопедии славянской филологии (далее ЭСФ). Еще до первой мировой войны с предложением опубликовать в этом издании работу об общеславянском языке выступил И. В. Ягич. Первоначально он обратился к Ф. Ф. Фортунатову, который ответил отказом, затем за эту работу взялся А. Мейе. Однако в связи с войной и последовавшей за ней Октябрьской революцией и гражданской войной А. Мейе выпустил свою книгу в другом издательстве. И лишь спустя десятилетие к работе над вторым изданием ПГ для ЭСФ приступил Г. А. Ильинский.

Весьма кратко история этой работы описана В. К. Журавлевым, и им же опубликован пятый параграф «Введения» ПГ «Взгляд на общий ход изучения праславянского языка» [Журавлев 1962]. Однако эта история настолько интересна и важна для истории отечественного языкознания, что заслуживает более детального рассмотрения. Наиболее полное представление о ней можно получить по документам, хранящимся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН. Исчерпывающе отражена она в переписке Ильинского с коллегами-славистами - Б. М. Ляпуновым, Е. Ф. Карским, В. А. Богородицким и др. Особый интерес в этом отношении представляют письма Ильинского Б. М. Ляпунову, который не только постоянно находился в

курсе научных интересов Ильинского, но и принимал деятельное участие в подготовке 2-го издания ПГ. Ляпунов помогал Ильинскому в работе над корректурой издания, участвовал в редактировании рукописи, давал советы по ее улучшению, в ряде случаев делал библиографические справки по просьбе Ильинского. Не случайно в одном из писем 1930 г. Г. А. Ильинский писал Б. М. Ляпунову: «Что касается редактирования ПГ, то конечно, я могу только благословлять судьбу, что она послала мне такого благородного редактора, как Вы: Вы уже успели сделать не мало ценных замечаний к книге и спасти ее не от одной неточности» [Письма: л. 260]. К середине 1930 г. работа над 2-м изданием была закончена [Журавлев 1962: 122]. Однако его корректура шла настолько медленно, что Ильинский заподозрил неладное. Уже в апреле 1929 г. он пишет Б. М. Ляпунову: «Последние недели я очень волновался о судьбе моей книги: мне все мерещилось вмешательство разных злых гениев нашей трагической современности» [Письма: л. 204]. Предчувствия ученого имели под собой реальное основание и были связаны с теми отношениями, которые сложились у него с главой марксистской лингвистической науки - акад. Н. Я. Марром. Последовательный сторонник сравнительно-исторического метода в языкознании, он не мог принять яфетическую теорию Марра. Ильинский активно выступал против его учения и даже участвовал в дискуссии, состоявшейся в Коммунистической академии, вместе с Е. Д. Поливановым, осознавая, впрочем, опасность такого выступления для судьбы ПГ, о чем сообщал Б. М. Ляпунову в письме 2 марта 1929 г.: «В последнее время я очень волнуюсь, что моя ПГ не увидит света совсем. Как я слышал от М. Н. Сперанского, председателем ком[иссии] «Языка и Литературы» Академии Наук назначается Н. Я. Марр, и я очень боюсь, чтобы он не стал бросать мне палки в колеса. Он вообще не признает «праязыков», а тут я еще недавно имел неосторожность выступить в здешней Коммунистической Академии вместе с небезызвестным Вам Е. Д. Поливановым на диспуте о пресловутой яфетической теории, причем с полной откровенностью высказал свое мнение об этой фантазмагории...» [Письма: л. 200—200 об.]. В письмах к Ляпунову он не раз высказывался по поводу этой теории исключительно резко и откровенно, называя ее то «бредом сумасшедшего», который выставляют как своего рода «лингвистическое православие», то «марровской галиматьей».

В 1930 г. эта принципиальная позиция Ильинского отразилась при его выдвижении в действительные члены АН СССР. Будучи представленным академиками Б. М. Ляпуновым, Е. Ф. Карским, В. Н. Перетцем и В. М. Истриным, он так и не был избран академиком, более того, он снял свою кандидатуру на последнем туре голосования, видя для себя полную бесперспективность победы на выборах. Вот что он писал по этому поводу Б. М. Ляпунову: «Конечно, я знаю, что предстоящие выборы представляют лотерею, где 99% билетов - черные, что мне все равно нечего терять...» [Письма: л. 260].

Следует упомянуть в связи с этим, что уже с апреля 1929 г. началась кампания по реорганизации АН СССР с целью избрания в ее состав ученых-коммунистов и внесения серьезных изменений в ее деятельность. Политическая подоплека этой кампании описана В. С. Брачевым [Брачев 1990]. Ильинский прекрасно понимал, что в сложившихся условиях он не мог быть избран академиком, тем более что и лингвистический разряд Института языка и литературы РАНИМХИРК отмечал его непримиримую позицию по отношению к марровскому учению и приверженность индоевропейской теории¹. Для Ильинского-ученого было совершенно очевидно, что отрицание сравнительно-исторического метода в языкознании антинаучно.

На базе этой теории и была основана ПГ Ильинского. В § 3 «Введения», озаглавленном «Задачи и методы праславянской грамматики», ученый утверждал, что «Восстановление праславянского языка есть главнейшая задача науки славянской сравнительной грамматики, а грамматика этого языка есть ее первая глава» [ПГ: л. 5]. Здесь же определена методика работы лингвиста, использующего сравнительный метод в языкознании: «Как сравнительный языковед, сопоставляя звуки и формы отдельных и[н]д[о]е[вропейских] языков делает приблизительно точные выводы о том виде, который они имели в момент распада индоевропейского языка, так и сравнительный лингвист-славист, комбинируя между собою данные славянских наречий, догадывается о тех праславянских образованиях, которые положили им начало» [ПГ: л. 5]. В этом же параграфе он подчеркивает огромное значение сравнительного языкознания для праславянской грамматики: «...ведь только установив отправные точки развития праславянского языка, можно приступить к изучению тех многочисленных фонетических и морфологических процессов, которые мало-помалу привели к образованию современных славянских языков, конечно, в их эмбриональном состоянии» [ПГ: л. 7].

Ильинский видел, что издание работы тормозится, корректуры шли крайне медленно, так что у автора книги возникало опасение, что она будет издаваться не менее 10 лет, так что устареет к моменту своего выхода, о чем он неоднократно с беспокойством писал в письмах Ляпунову.

¹ Вот что писала о выборах новых академиков и отводе кандидатуры Ильинского «Литературная газета» № 4 (103) за 1931 г.: Многочисленные труды Г. А. Ильинского относятся к изучению славянской письменности, к славянским этимологиям и к исследованию отдельных языковых явлений. Богатая эрудиция, тщательность в обзоре истории изучения данного вопроса - основные черты трудов Ильинского. Однако лингвистический разряд РАНИМХИРК отмечает, что профессор Ильинский до сих пор занимает совершенно непримиримую позицию, стоя на базе индоевропейской теории, без попыток перестроиться, и таким образом, также не может удовлетворить требованиям, предъявляемым к кандидату в члены Академии наук СССР». Вырезку из этой газеты Ильинский послал Ляпунову.

В 1930 г. Ильинский хлопочет о продолжении издания, пишет письма В. П. Волгину и С. Ф. Ольденбургу, в которых он «истощил все аргументы в доказательство необходимости продолжения печатания книги», но не получил от них никакого ответа. В январе 1931 г. «Праславянская грамматика» Ильинского по решению РИСО была передана на рецензию акад. Н. Я. Марру, который дал отрицательный отзыв, охарактеризовав ее как работу, методологически стоящую на позициях «идеалистической лингвистики». Он предложил издать лишь «Введение» в ПГ, снабдив его предисловием, в котором должен был быть развенчан «формально-сравнительный метод» в языкознании и показан тупик, «в который завел этот метод так называемое «славяноведение». При этом «Введение» предполагалось издать небольшим тиражом, распространив его по библиотекам, а основную часть вообще не печатать. Несмотря на то, что это известие не должно было стать для Ильинского неожиданным, он переживал его тяжело и бурно. Он предпринимает отчаянные попытки отстоять издание.

С этой целью ученый решает написать письмо в РИСО, в котором излагает соображения юридического, экономического характера, отмечая при этом, что его работа была подготовлена по заказу Академии наук, а расходы на ее печатание окупилась бы при распродаже книги, особенно за рубежом. К этим доводам он прибавляет еще один - идеологический: книга не включает в себе «хотя бы малейшую опасность для советского государства и господствующей в нем идеологии». В этом же заявлении Ильинский продолжает мужественно отстаивать сравнительно-исторический метод в языкознании как пользующийся признанием и уважением во всем цивилизованном мире, а также позволяет себе не соглашаться с мнением Марра, которого упрекает в необъективности к своему труду, а также в том, что последний не может быть признан авторитетом в области славистики и, следовательно, дать компетентный отзыв. Это заявление Ильинский предварительно показал М. Н. Сперанскому, который, в целом одоблив его, посоветовал убрать словосочетание «драконовская мера», употребленное по отношению к ПГ². Но и этих соображений ученому показалось мало, и уже на следующий день он отправляет еще одно заявление в РИСО, в котором отмечает важное обстоятельство: 1-е издание ПГ получило Толстовскую премию и золотую медаль АН на основании отзыва акад. А. А. Шахматова, 2-е, исправленное и дополненное, отклонено на основании отзыва акад. Н. Я. Марра, не-слависта. Ответ на риторический вопрос: чье мнение должно быть предпочтительнее, очевиден. Копию первого заявления Ильинский отправил Ляпунову 24 марта 1931 г.

² Хотя в письме Ляпунову от 24 III. 31 Ильинский утверждал, что он все-таки оставил это словосочетание в окончательном тексте, в действительности он немного смягчил свою формулировку, употребив в заявлении выражение «применение исключительно крутой меры».

Ляпунов тоже обратился с заявлением в РИСО, в котором просил пересмотреть решение от 13 февраля 1931 г. о печатании ПГ. В нем как несомненное ее достоинство он отмечал сравнительно-исторический метод изучения славянских языков, в том числе фонетики и морфологии. Примечательно, что ученый просил напечатать не только «Введение», но и всю книгу, что свидетельствовало о том, что он по сути предлагал пересмотреть решение, вынесенное Марром. Были указаны и недостатки и библиографические упущения (в библиографии работ по кавказским языкам не была упомянута «Грамматика древнеармянского языка» Н. Я. Марра, впрочем, неясно, имел ли здесь место недосмотр или эта работа не была указана Ильинским сознательно).

Объединение трех восточнославянских языков под общим названием «русский», также отмеченное Ляпуновым как недоразумение, в действительности имело под собой устойчивую научную позицию. Так, в неопубликованной работе ученого (предполагаемое ее название «Введение в историю русского языка»), хранящейся в Рукописном отделе Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ф. 13, № 21 и 26), написанной, по всей вероятности, в Саратове в 20-е годы [Баранкова 1996], Ильинский рассматривал историю русского языка как историю великорусского, малорусского (украинского) и белорусского языков, исходя из теоретической установки об этническом единстве этих народов, имеющих в своей основе единый прарусский язык. Во «Введении» в ПГ ученый высказывался по этому вопросу следующим образом: «Представляя в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношениях единое органическое целое, живой русский язык распадается на три группы говоров: великорусскую, малорусскую (украинскую) и белорусскую, выделивших из себя три литературных языка: русский, украинский и белорусский» [ПГ: л. 79]. Русский литературный язык до 1917 г. ученый считал «общенациональным», не вполне утратившим эту свою роль «в последние десять лет», что произошло, по его мнению, «благодаря особенно счастливым условиям его образования, помогшим ему впитать в себя немало особенностей других наречий», что дало ему возможность «в течение не одного столетия «служить «литературным языком не только для великорусского народа, но и для малорусского и белорусского» [ПГ: л. 82]. В письме 1931 г. Ляпунову Ильинский высказывался об этом с еще большей определенностью: «Самый скользкий пункт - вопрос о взаимоотношении восточнославянских языков, хоть и решается мною в плоскости их общего происхождения из прарусского языка, но так, что культурное равноправие украинского и белорусского языков с великорусским остается незыблемым. Поэтому мне представлялось бы излишним перепечатывать «злокозненные страницы», но достаточно было бы в предисловии мне или кому-нибудь другому разъяснить недоразумение» [Письма: л. 80].

В апреле 1931 г. РИСО направляет рукопись ПГ на отзыв А. С. Орлову, который, сознавая, что не является специалистом в области славянских языков, ограничился замечаниями стилистического и отчасти идеологического характера. Его общий вывод был сформулирован достаточно обтекаемо: не отрицая желательности опубликования работы, он предлагал предварить ее предисловием, в котором был бы сформулирован взгляд Академии наук на этот труд. Обращение РИСО за отзывом к литературоведу Орлову вызвало недоумение у Ильинского. Вот что писал он в марте 1931 г. Ляпунову: «Но я не могу, все-таки, скрыть перед Вами своего удивления, почему РИСО, несмотря на то, что АН числит среди своих членов высокоавторитетных славистов-лингвистов, обращается за консультациями к специалисту по д[ревне]-русс[кой] л[итерату]ре, и еще более удивляет, что сей последний, в свою очередь, будет совещаться в Москве не со славистами (напр[имер], А. М. Селищевым), а с румынистом Сергиевским. По-видимому, хотят хоть в лупу найти в ПГ что-ниб[удь] «потрясающее основы». Но совершенно напрасно - в ней ничего такого нет и не может быть» [Письма: л. 80].

Судя по сохранившимся документам, 22 мая 1931 г. секретарь РИСО И. Эйзен обратился к Марру с просьбой дать новое заключение о работе Ильинского, препроводив ему вместе с набором и рукописью ПГ все выписки из протоколов заседаний РИСО, на которых обсуждался вопрос ее издания, и первое заключение Марра. Однако второй отзыв Марра в материалах Архива нами обнаружен не был. Вероятнее всего, окончательное распоряжение о приостановлении издания ПГ Марр отдал устно. В конце 1932 г. у Ильинского появилась слабая надежда на издание «Введения» (очевидно, появилось новое распоряжение РИСО на этот счет, см. письмо Ильинского Ляпунову от 22 XI. 32), но он и сам мало верил в возможность этого издания, а кроме того, боялся, что с течением времени «Введение» безнадежно устареет.

Последнюю, хотя и слабую надежду опубликовать ПГ, Ильинский связывал с избранием в академики АН СССР. Он полагал, что в этом случае работа была бы издана. Даже сам факт своего неизбрания он рассматривает с этих позиций. «Но более всего я горюю, что мне приходится отказаться от надежды ускорить печатание ПГ в том случае, если бы мне удалось стать Вашим коллегой», - пишет он 1 октября 1930 г. Ляпунову. А в письме тому же адресату 21 января 1931 г. он тревожится о том, что когда Державина изберут в академики, то не только ПГ, но и все его другие статьи «не будут допускаться на страницы акад[емических] изданий» [Письма: л. 299]. Это опасение оказалось справедливым. Вряд ли оно было связано только с новоизбранным академиком. Сказалось резко отрицательное отношение промарксистски настроенных кругов к ученому. Ведь по справедливому замечанию Е. П. Аксеновой, «приверженность марризму была в то время мерилom научной значимости и политической благонадежности» [Аксенова 1991: 85]. Сам Ильинский в письме Ляпунову 29 октября 1930 г. отмечал, что начало травли было положено

Н. Ф. Яковлевым: «... который еще в авг[усте] напечатал в газете «За комм[унистическое] просвещение» возмутительную статью, призывая сторонников марксизма и яфетизма сплотиться против индоевропейцев и начать персональную атаку на них, как «подкулачников» (!!!). В частности, он задел в этой статье М. Петерсона, Д. Бубриха и особенно меня, ошельмовав как «реакционнейшего из соврем[енных] славистов». Можно себе представить, как накинется на меня яфетическая свора, когда она прочтет мое имя как кандидата в Академию!» [Письма: л. 285]. С 1931 г. труды ученого печатались в украинских изданиях, но по большей части за границей. Как отмечает М. А. Робинсон, при специальном обсуждении в Институте славяноведения 18 ноября 1931 г. вопроса «о приглашении к сотрудничеству в Инславе русских славяноведов Селищева и Ильинского» было принято решение воздержаться от такого приглашения [Робинсон 1992: 88].

Когда стало ясно, что в полном объеме ПГ не будет опубликована, Ильинский пытался спасти хотя бы «Введение», а когда пришел к выводу о том, что и ему суждено «сгореть в котле яфетической инквизиции», то решил получить корректуру рукописи и ее оригинал. Кстати, в одном из писем Ляпунову (10 января 1931 г.) содержится упоминание о том, что Ильинский собирался отдать свой труд для публикации в изданиях Чешской Академии наук, но он и сам мало верил в успех этого так и не осуществившегося плана. Однако несмотря на настойчивые просьбы вернуть рукопись из издательства, повторяющиеся из письма в письмо Ляпунову, судьба рукописи ПГ в настоящее время неизвестна. Сохранился оригинал «Введения», переписанный А. Я. Ильинской, женой ученого, и его корректура, которые хранятся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН.

Ниже публикуются документы, связанные с работой над 2-м изданием ПГ: отзывы на нее Марра и Орлова, заявления Ильинского и Ляпунова, а также письма Ильинского Ляпунову и «Записка об ученых трудах проф. Г. А. Ильинского», 22 мая 1930 г. Все документы хранятся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН³. Публикуемые материалы интересны не только для воссоздания истории так и не увидевшего свет второго издания ПГ Ильинского, но и как бесценные свидетельства острой борьбы, которая разгорелась в 30-е годы между сторонниками яфетической теории и приверженцами сравнительно-исторического метода в языкознании, а также тех изменений в академической науке (борьба с «аполитичностью», реорганизация Академии наук, выборы в нее в новых условиях), которые довелось пережить автору писем и его адресатам.

³ Выражаем благодарность за предоставление архивных материалов Санкт-Петербургского отделения Архива РАН М. Ш. Файнштейну и И. Б. Еськовой, скопировавшей для нас два документа из Архива: заявление Ильинского 13 марта 1931 г. и заявление Б. М. Ляпунова 24 марта 1931 г.

12 февраля 1931 г.⁴

В Издательство АН СССР

Отзыв на работу Г. А. Ильинского «Праславянская грамматика»⁵.

Указанная работа Г. А. Ильинского, результат его многолетнего труда, не выходит по своему материалу и своим интересам за пределы формально-сравнительной школы языковедения, а методологически стоит целиком на позициях идеалистической лингвистики. Вследствие этого, работу Ильинского ни в коем случае нельзя рекомендовать в качестве практического пособия по изучению славянских языков, следовательно ее незачем и печатать.

Однако, работа Г. Ильинского представляет значительный интерес в другом отношении. Она с исчерпывающей полнотой подытоживает все высказывания русских и иностранных лингвистов по вопросу о т[ак] наз[ываемом] «праславянском» языке и представляет читателю громадный библиографический и справочный материал по тому же вопросу.

По этой книге читатель не только со специальным интересом к языку, но даже массовый читатель, с совершенной наглядностью убедится в бессилии формально-сравнительного метода разрешить важнейшие проблемы языкознания и безнадежности того тупика, в который завел этот метод т[ак] наз[ываемое] «славяноведение».

С этой точки зрения, работу Г. Ильинского, в частности, «Введение» к ней следовало бы напечатать, снабдив ее предварительно соответствующим предисловием, раскрывающим методологические установки автора и вышеуказанную ценность ее издания.

Кроме того, работа Г. Ильинского до своего напечатания нуждается в некоторых «стилистических» поправках (напр., в поправке «украинский яз[ык]» вместо употребляемого автором термина «малорусский яз[ык]» стр. 39).

Приложение: Вышеуказанная работа на 96 стр.

Директор ЯИ - Академик Марр.

Верно: Секретарь Издательства РИСО Эйзен.

⁴ Документ был датирован 1931 г., но от руки дата исправлена на 1930 г. Судя по другим сохранившимся документам, первоначальная дата - 1931 г. - является более правильной. Маловероятно, чтобы отзыв Марра на работу Ильинского пролежал без движения целый год.

⁵ Впервые опубликован В. К. Журавлевым, см. [Журавлев 1962: 123].

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 24
заседания Редакционно-Издательского Совета

от 13 февраля 1931 г.

§ 8. О работе Г. А. Ильинского «Праславянская грамматика».

Приняв к сведению письменный отзыв ак. Н. Я. Марра о работе Г. А. Ильинского «Праславянская грамматика», согласиться с его предложением издать книгу, снабдив ее предисловием. Просить ак. Н. Я. Марра написать это предисловие, предварительно испросив на то согласие автора. Закончить издание, выпустив лишь в количестве, необходимом для снабжения Библиотеки Академии (50 экз.) и других библиотек (по одному экземпляру). Оставшиеся ранее отпечатанные листы сдать для использования на бумажную массу.

Выписка верна:

Секретарь Издательства РИСО И. Эйзен.

Ф. 18 оп. 2. № 238

Л. 154

В Редакционно-Издательский Совет
Всесоюзной Академии Наук
Г. А. Ильинского

Заявление

Через акад[емика] Б. М. Ляпунова мне сообщены на днях председателем Кряза новые условия издания I-го вып[уска] моего труда «Праславянская грамматика», а также печатания его дальнейших частей. Спешу заявить, что я не все эти условия считаю для себя приемлемыми.

Прежде всего, считаю долгом напомнить Рису, что я представил в свое время указанный труд для Энциклопедии славянской филологии не по собственной инициативе, а по специальному заказу самой Академии Наук, точнее б[ывшего] Отделения Русского языка и словесности. Если бы я был предупрежден, что мой труд появится не в указанном издании, в качестве какого-то библиографического раритета, прикрепленного к полкам сравнительно немногих библиотек, то я ни в каком случае не стал бы тратить 2 1/2 года титанической работы, обнимающей собой свыше 30 печ[атных] листов.

2) К этому юридическому соображению присоединяется и финансовое. Печатание одного I вып[уска] моего труда стоило казне не одну тысячу рублей. Если бы он был издан согласно первоначальному условию, то расходы на его публикацию, вероятно, окупилась бы с избытком. Постановление Риса от 13/II 1931 г. лишает казну надежды вернуть свои расходы.

3) Применение к моей книге исключительно крутой меры – физическое уничтожение большей части экземпляров моей книги – оправдывалось бы лишь в том случае, если бы ее содержание заключало в себе хотя бы малейшую опасность для советского государства и господствующей в нем идеологии. Но никто, даже при самом тщательном изучении моей книги, не найдет в ней ничего антисоветского, ничего религиозного, ничего даже «славянофильского» в специфическом смысле этого слова, - словом, ничего такого, что делало бы необходимой по отношению к плоду всей моей жизни указанную истинно драконовскую меру.

4) В своем труде я оперирую методами сравнительной грамматики славянских языков и сравнительной грамматики индоевропейских языков, - методами, пользующимися всеобщим признанием и уважением во всем образованном мире⁶ и, насколько мне известно, еще не упраздненными в стенах самой Всесоюзной Академии Наук. Если за эти методы моя книга должна быть скрыта от глаз широкой публики, то такую же меру пресечения, уже во имя простой последовательности, надлежало бы применить и к другим аналогичным работам, издававшимся и издающимся Академией Наук. Почему же только для моей книги сделано исключение?

5) Я осмеливаюсь утверждать, что Рис поступил не совсем правильно, решив судьбу моей книги на основании отзыва акад[емика] Н. Я. Марра. Не говоря уже о том, что он не может относиться ко мне беспристрастно, - ведь я являюсь открытым и принципиальным противником его яфетической теории, считая ее неудовлетворительной, между прочим, и с марксистской точки зрения⁷, - Н. Я. Марр едва ли может быть признан безапелляционным авторитетом в области славистики: он никогда не занимался систематически вопросами славяноведения.

К кавказским же языкам, в изучении которых акад[емик] Н. Я. Марр стяжал себе мировое имя, а также к общему языкознанию, вопросами которого он в последнее время также частично занимается в связи с своей теорией, мой специальный грамматический труд не имеет почти никакого отношения. Поэтому ставить судьбу моей книги в зависимости от мнения акад[емика] Н. Я. Марра так же странно, как удивительно было бы судить о ценностях специального труда по грамматике на основании отзыва тюрколога, хотя бы и первоклассного.

Таковы соображения, которые заставляют меня убедительно просить Рис пересмотреть свое решение и издать мою книгу согласно первоначальным условиям ее заказа.

⁶ Не кто иной как сам Энгельс так ценил сравнительно-лингвистический метод, что одно время собирался всецело посвятить себя изучению славянской сравнительной грамматики. Об этом сохранилось и документальное свидетельство, приведенное в *Slavia I*. [Примечание Г. А. Ильинского].

⁷ Происходившая в текущем году в Комакадемии дискуссия по общим вопросам языковедения, в частности, об яфетической теории, показала, что мнение о противоречии последней принципам марксизма находит в настоящее время сторонников среди целого ряда марксистов и коммунистов. [Примечание Г. А. Ильинского].

Смею еще раз заверить, что в моей книге нет ничего злокозненного ни против Советской власти, ни против марксизма, ни даже против самой яфетической теории. И только в том случае, если Рис пойдет навстречу моему мнению, я бы не возражал против постороннего предисловия к моей книге, хотя бы оно принадлежало перу самого ак[адемика] Н. Я. Марра.

Москва 13.III.31.

Долгий, 17. кв. 8.

Л. 157

В Редакционно-Издательский Совет
Всесоюзной Академии Наук
профессора Г. А. Ильинского

Заявление

В своем заявлении, посланном мною вчера, я не отметил еще одного важного обстоятельства, касающегося моей книги «Праславянская грамматика».

Этот труд представляет, собственно говоря, переработку первого издания книги, вышедшего под тем же названием в Нежине в 1916 г. и теперь составляющего величайшую библиографическую редкость. За эту книгу Академия Наук в самом конце 1918 или в самом начале 1919 г., на основании отзыва акад[емика] А. А. Шахматова, присудила мне Толстовскую премию и почетную золотую медаль. Теперь же Академия Наук собирается ту же книгу, но в усовершенствованном и расширенном виде, подвергнуть почти полному уничтожению. Основание - отзыв Н. Я. Марра. Но неужели авторитет Марра, никогда серьезно не занимавшегося славянскими языками, и который сам, как добросовестный ученый, никогда не называл и не называет себя славистом, имеет более решающее значение, чем авторитет Шахматова, прямого специалиста и автора целого ряда капитальных работ именно в области праславянского языка?

14.III. 31.

Г. Ильинский

Л. 159

В Редакционно-издательский Совет АН СССР

Обращаюсь в РИСО с просьбой пересмотреть решение 13 февраля 1931 (протокол № 24) о печатании работы Г. А. Ильинского «Праславянская грамматика».

Работа эта, объемом 1596 рукоп[исных] стран[иц] в лист, представлена автором по специальному заказу бывшего Отд[еления] рус[ского] яз[ыка] Ак[адемии] Н[аук], как очередной том Энциклопедии Славянской Филологии, и, как свод материалов и исследований

многочисленных ученых по сравнительному изучению славянских языков в их историч[еском] развитии, является необходимым пособием для аспирантов, готовящихся самостоятельно работать в области исследования восточно-европейских языков, как в уже отпечатанной, вводной части, заключающей обзор славянских и соседящих с ними географически или родственными с ними материально и формально языков, так и в основной, еще не отпечатанной, но представленной автором, заключающей выводы сравнительной фонетики и морфологии славянских языков.

Принимая во внимание указанные достоинства труда Г. А. Ильинского, но в то же время соглашаясь с отзывом академика Н. Я. Марра в том, что в отпечатанных листах «Введения» допущены некоторые неточности и библиографические недосмотры (особенно досадно, что на стр. 25-ой пропущено упоминание «Грамматики древнеармянского языка» Н. Я. Марра, как важного пособия по армянскому языку, и некоторых других пособий на русском языке, а в § 27, стр. 37 допущено вызывающее недоразумения с украинской точки зрения объединение всех трех славянских языков под общим родовым термином «русский язык») я бы просил РИСО, имея в виду как громадное научное значение труда Г. А. Ильинского, так и потраченные, с одной стороны, автором на эту обширную работу время и энергию и, с другой стороны, Издательством Академии Наук большие средства по печатанию, отменить свое слишком поспешное решение об ограничении числа выпускаемых экземпляров, а, приняв во внимание изложенные соображения, допустить «Введение» и затем всю книгу к изданию в заранее определенном количестве экземпляров (от 500 до 650), хотя бы с условием исправления и перепечатки страниц с означенными дефектами.

Академик Б. М. Ляпунов

24. III. 1931.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 28

заседания Редакционно-Издательского Совета

от 24 марта 1931 г.

§ 4. Текущие вопросы.

I. О «праславянской грамматике» Г. А. Ильинского (Заявление и письмо Г. А. Ильинского и заявление ак. Б. М. Ляпунова).

Просить ак. А. С. Орлова просмотреть работу Г. А. Ильинского (частью уже набранную и частью в рукописи) с точки зрения внесения в нее таких поправок (сокращений и дополнений), которые без особого напряжения и больших изменений дали бы возможность издать эту работу.

Выписка верна:

Секретарь Издательства РИСО И. Эйзен.

До знакомства с текстом Введения проф. Ильинского в «Праславянскую грамматику» я высказал РИСО предположение о возможности проредактировать это Введение так, чтобы самую грамматику печатать уже без изменений.

Ознакомившись с текстом Введения, нахожу, что такое «компромиссное» редактирование невозможно, так как положения «сравнительной» грамматики выражены здесь с наибольшей резкостью и в таком виде проходят по всем §§ (все 96 печ. стр.).

Собственно лингвистики касаться вообще не решаюсь. Позволю себе только сказать несколько слов о форме выражения Введения.

Изложение несколько растянуто, местами нет определенности формул; элементарное трактуется пространно, более трудное, специальное - короче. Характеристики исследователей иногда несодержательны (Meillet - «истинный артист», работает с «неподражаемым искусством», стр. 18—19; исследователи «догадываются»).

При общей прозаичности, наблюдается склонность к метафорам: «отец славяноведения» (стр. 7), «отец сравнительного языковедения» (стр. 8), «бросил неожиданный свет», «блестяще разгадал тайну происхождения... юсов» (стр. 8), «рассуждение... как бы открыло дверь в сравнит[ельную] грамматику» (стр. 9), «новая школа написала на своем знамени след[ующий] девиз» (стр. 12), «обе системы знаний сделались своего рода сиамскими близнецами» (стр. 17).

Шаблонные метафоры постоянно (на первых стр.) сопровождают рассуждение о генеалогии языков: одни языки - «отцы», другие - «братья» и «дети», у последних «наследство» или «наследие» «от отца»; есть и «старший сын», «ствол», «многоветвистое дерево», «мощные ветви», «ростки» (напр., стр. 10).

Есть стремление к образам архитектуры, напр.: «обе науки суть как бы два столба, на которых покоится величественное здание грамматики» (стр. 4; здесь, возможно, сказывается воспоминание об «Арифметике» Магницкого: «Арифметика что деет, На столпах то всё имеет»). «Реставрация здания праязыка... неизбежно обречена на неудачу, если архитектор будет пренебрегать тем неисчерпаемым материалом» и т. д. (стр. 6).

Еще из области поэтических реминисценций: «письменность Рима, благодаря его миродержавному значению, выросла в могучую литературу, а его язык гремел всюду, куда только залетали орлы римских легионов» (ср. Марлинского и Гоголя) - стр. 22.

«до славянских пределов доезжали лишь отдельные кибитки иранских кочевников, и воду р. Сана могли пить лишь немногие скифские и сарматские кони» (ср. Пушкина - «пьют уже донские кони Арпачайскую струю») - стр. 66 и 67.

Скрытый пафос чувствуется в географическом определении «крайних пределов славянской речи» океанами и морями, «великой китайской стеной»,

м. пр.: пределы на западе - верхнее течение Лабы, Спревы, Чешский лес»... Едва ли уместно не пояснить здесь такие общеевропейски старые славянские имена (и далее «Гданск», стр. 28, 34—36). Это почувствовал сам Ильинский по отношению к «Чешскому лесу», пояснив: «высокими горами - Шумаовой и Чешским лесом» - стр. 34.

Следы декоративного славянофильства сказываются в начале § 19 («во второй половине IX в. было переведено с греческого языка трудами славянских апостолов Кирилла и Мефодия св. Писание» - стр. 30).

При общей вялости и прозрачности Введения, приведенные мною примеры манерности и старомодной риторики мало уместны, если иметь еще в виду сухость собственно лингвистического материала и место работы - в Энциклопедии Славянской Филологии, издаваемой Академией Наук. Было бы желательно устранить кое-что из отмеченного, если это еще не печатано начисто, а также пересмотреть транскрипцию (напр., вместо слав. «х» лат «x», без оговорки). Затем, следует ли отмечать, что Meillet свой труд по праславянскому языку «назначал... первоначально для русской «Энциклопедии Славянской Филологии», но *vis maior* четырехлетней войны и последовавших за ней русских событий заставила его опубликовать свой труд под названием «Le slave commun» в коллекции учебников парижского «Института славянских изучений» (стр. 18)?

Этими замечаниями я и ограничиваюсь, не отрицая желательности опубликования «Праславянской грамматики» проф. Ильинского, при условии еще дополнительного предуведомления, где был бы выражен взгляд Академии на этот труд. Не лишнее было бы проредактировать еще не отпечатанный текст с целью уменьшения его объема.

Академик А. Орлов

IV. 16. 1931.

Л. 102

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 31
заседания Редакционно-Издательского Совета
от 23 апреля 1931

§ 3. Прием и направление рукописей.

20. Г. А. Ильинский «Праславянская
грамматика

Признать печатание в
настоящем году
нецелесообразным,
рукописи вернуть автору,
отпечатанные листы
обратить в макулатуру

Москва, 19. I. 29

Долгий 17, кв. 3

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

Вернувшись из Петрограда в Москву, считаю своим долгом принести Вам мою сердечную благодарность за радушный прием. Одновременно с этим письмом посылаю Вам брошюру Смаля: раньше Пасхи она мне не понадобится.

Пользуюсь случаем, чтобы обратиться к Вам с двумя маленькими просьбами.

Во-первых, Е. Ф. Карский хочет исключить из моей ПГ главу об «индоевроп[ейской] семье языков», как (по его мнению) лишнюю. По мягкости моего характера, я не решился с ним спорить, но я был бы очень Вам признателен, если бы Вы нашли возможность его уговорить ее оставить. Ведь изучать древнейший период праслав[янского] языка невозможно без сравнения его фактов с соответствующими фактами его и[н]д[о]е[вропейских] родичей. Поэтому, по моему мнению, весьма важно, чтобы начинающий славист имел в данной книге все главные библиографические справки, касающиеся этих языков. В частности, в инкриминируемую главу вошла характеристика древнейшего племенного разделения балтийцев, что так важно для понимания взаимного отношения обеих родственных групп, балт[ийцев] и слав[ян]. Я не говорю уже о том, что в случае исключения главы придется изменить последовательность §§ и все перекрестные на них ссылки. А экономия бумаги, которая получилась бы в результате такого сокращения, едва ли была бы значительна: книга стала бы меньше на 7—8 стр.⁸.

Во-вторых. В своей книге я, между прочим, стремился как можно полнее зарегистрировать Ваши взгляды и теории. Но возможно, что, при нек[оторой] спешности работы, я многое упустил. Поэтому я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы, когда рукопись перейдет в Ваши руки, отметили бы все такие пропуски. Я буду иметь время их тщательно восполнить: ведь в тек[ущем] году едва ли будет напечатано более «Введения».

Наш сердечный привет глубокоуважаемой Елене Константиновне!

Искренне преданный Г. Ильинский

⁸ В окончательном варианте эта глава все-таки осталась во «Введении», возможно, вмешательство Ляпунова помогло ее сохранению.

Москва, Долгий 17, кв. 3

16.IV. 29

Глубокоуважаемый Борис Михайлович,

Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за доброе мнение о моей работе, но вместе с тем выразить сожаление, почему Вы ранее не потребовали от меня списка сокращений, который полностью будет сообщен после предисловия и оглавления. Мне очень совестно, что я невольно причинил Вам столько хлопот и отнял столько дорогого времени.

Последние недели я очень волновался о судьбе моей книги: мне все мерещилось вмешательство разных злых гениев нашей трагической современности.

Относительно Фортунатова и Шахматова я должен засвидетельствовать, что как о людях я храню о них благоговейную память. Я даже многим лично им обязан, и, напр[имер], без их «протекции» я едва ли бы защитил в 1905 г. в здешнем университете мои «Сложные местоим[ения]» как диссертацию на степень магистра (Как Вы, вероятно, знаете, Соболевский провалил ее в свое время в петербург[ском] у[ниверси]тете). Тем более мне грустно, что лингвистические рассуждения Ф[ортунатова] и особенно Шахматова всегда производили и производят на меня отталкивающее впечатление. Мне глубоко антипатично их ультрафонетич[еское] направление, при котором морфология играет роль загнанной «золушки». Кроме того, меня всегда шокировало крайнее пристрастие А. А. к сложным и запутанным построениям. Истина в 90 случаях из ста всегда проста, а, по мнению Шахматова, она должна быть как можно мудренее, для чего он не стесняется строить иногда целые фонетические небоскребы. При таком изложении не удивительно, что изучение многих исследований Ш[ахматова] (напр., его Исследо[вания] в обл[асти] русс[кой] фонет[ики] или глава об акцентуации в «Очерке») причиняет настоящее умственное страдание, «Lautortur», как выразился однажды Brückner, по этому поводу в одной из своих статей. Что мое мнение в данном случае не одиноко, доказывают хотя бы след[ующие] слова Margulíés'a в его последней статье в A[rchiv für] S[lavische] Ph[ilologie] XLII 67: «Die lautlichen Veränderungen vollziehen nicht auf geraderen und einfacheren Bahnen als es namentlich die Fortunatovschule mit ihren Kühnen und überspitzten Konstruktionen wahr haben will»⁹.

⁹ Ильинский не во всем разделял взгляды представителей московской лингвистической школы, основателем которой был Ф. Ф. Фортунатов. Более всего его не удовлетворял излишний «фонетизм» сторонников этого научного направления. Как отмечал по этому поводу Ляпунов, «Основная особенность научного метода Гр. А. Ильинского - объяснение формальных и лексикальных различий славянских языков не столько путем новых фонетических гипотез, сколько путем предположения старых морфологических вариантов» [Записка: л. 2]. В. К. Журавлев отмечал по этому поводу, что свой «морфологический метод Ильинский противопоставлял «гиперфонетизму» фортунатовско-шахматовского направления» [Журавлев 1962: 14]. В этом отношении ему гораздо ближе был научный метод А. И. Соболевского, с которым на протяжении всей своей жизни у Ильинского складывались непростые личные отношения. Вот что писал он в письме Ляпунову 30 апреля 1929 г., по-видимому, ответившему ему на письмо 16 апреля: «Мне очень досадно, что я причинил Вам невольное огорчение с моим отзывом о Фортунатове и

Простите меня великодушно за эти откровенные строки. Но я знаю Вашу широкую терпимость ко всем инакомыслящим, и я надеюсь, что Вы не истолкуете предшествующие строки как неблагодарность и неуважение к памяти обоих корифеев русской лингвистики. Я и в I изд[ании] ПГ напал на Ш[ахматова], но он не только не обиделся, но со свойственным ему благородством выхлопотал мне в Отд[елении] полную Толстовскую премию и золотую медаль (И то и другое, впрочем, из-за революции осталось лишь на бумаге).

Проф[ессор] Нич, вероятно, не получил Вашего письма. На одно мое письмо он ответил только через 3 мес[яца], так как, по его словам, оно шло к нему какими-то весьма длинными путями.

С сердечным приветом

Г. Ильинский

Л. 233

Москва, 21 Долгий 17, кв. 3

27. X. 29

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Михайлович!

Уезжая из Москвы в П[етро]г[ра]д в сент[ябре] м[есяце], Вы мне дали разрешение обращаться к Вам по делам ПГ. На этом основании я и осмеливаюсь опять пожаловаться Вам на крайнюю медленность ее печатания: корректуру в гранках первых 3 лл. я отправил более месяца тому назад и до сих пор не получил ее в сверстке. Неужели для того, чтобы сверстать корректуру,

Шахматове. Но мне и в голову не приходило считать их слабыми учеными. Я обоих признаю корифеями нашей науки не только в том смысле, что они возглавляют собой целое направление, но и потому, что обоим по многим частным вопросам удалось сделать ценнейшие наблюдения и открытия. Но констатируя это, я в то же время признаю научное направление обоих незабвенных славистов в высшей степени односторонним. Как и всякая односторонность, оно рано или поздно должно вызвать реакцию, и, конечно, не я первый, и не я последний принимаю участие в этой реакции. Вообще по иронии судьбы, мне гораздо симпатичнее научное направление Соболевского (хотя взамен благожелательности Ф[ортунатова] и Ш[ахматова] я встречал у него обыкновенно лишь злопыхательство), но Соболевского не XX в., когда он заболел (по-видимому, неизлечимо) скифо-сарматской болезнью, а Соболевского XIX в., когда он был трезвым реалистом, и с удивительным тактом пользовался и фонетич[ескими] и морфологич[ескими] приемами объяснений» [Письма: Л. 207].

типографии необходимы многие недели? Но если так, то ПГ не выйдет и через 10 лет!

Теперь окончательно выясняется, что состав сов[етской] делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому неведомый Быковский из Перми: он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!! Странен также состав укр[аинской] делегации: она состояла из Немчинова и никому неизвестного Пилипенка!

Вчера я получил письмо от St. Szaber'a с подробным описанием Съезда. О нашей делегации он хранит гробовое молчание. Зато он сообщает, что с Кульбакиным он провел целый вечер в Брне. «Jest to nadzwyczaj miły człowiek!»

Понравился ему также Трубецкой. Приятные впечатления от Съезда будто бы были нарушены в Братиславе, где один словацкий юрист Iwanka внес проект ввести русс[кий] язык в качестве междуславянского. Польская делегация, по словам Шабера, немедленно подала против этого проекта мотивированный протест!

Здесь получена новая книга Skold'a, посвященная яфетической теории. Он беспощадно разоблачает эту галиматью и в заключение заявляет, что теория Марра есть kein Marxismus, kein Materialismus, но Marrasmus. Пикантнее всего то, что Skold если не коммунист, то очень близок к коммунизму. Следовательно, отныне уже нельзя будет говорить, что против Марра восстает лишь одна «буржуазная лингвистика».

Как здоровье П. А. Лаврова?

Наш сердечный привет Елене Константиновне!

Искренне преданный

Г. Ильинский

Л. 237—238 об.

Москва, 25. XI. 29

21 Долгий 17, кв. 3

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

Наконец, после почти 2-х месячного перерыва я получил сверст[анную] корректуру первых листов ПГ. Я возвращаю ее не прямо в И[здательст]во, а через Вас потому, что мне хотелось бы посоветоваться с Вами по поводу след[ующих] вопросов:

1) Прежде всего мне кажется очень странным, что подзаголовки глав (напр[имер], на 1 стр. «Общие понятия») печатаются совершенно тем же шрифтом, что заголовки параграфов (Напр[имер], «Что такое праслав[янский] язык?» ib).

По моему мнению, было бы и эстетичнее, и логичнее, и экономичнее печатать последние более мелкими буквами. Но так как ломать набор теперь неудобно, то я очень был бы Вам

благодарен, если бы Вы настояли перед метранпажем на необходимости набрать, по кр[айней] мере, подзаголовки глав более крупным шрифтом, напр[имер], тем, которым набрано слово «Введение». А для слова «Введение» можно было бы выбрать другой более крупный шрифт.

2) На стр. 33 Вы сделали вставку о грамоте бана Кулина¹⁰. Я за нее Вам очень благодарен, но хотел бы, что[бы] она была набрана петитом, как все подобные библиографические справки.

3) На стр. 38 меня очень смущают теперь заключительные строки первого абзаца (Несмотря на то, что языки обеих юных литератур...¹¹). Ныне, когда вновь открылась кампания травли АН, не опасны ли эти строки, и не могут ли они дать новый повод некоторым интриганам обвинить Академию, что она в своих изданиях проводит великодержавные тенденции?

Хотя, по существу, я и теперь считаю указ[анные] строки святой правдой, но я ничего не буду иметь против, если Вы из тактических соображений проредактируете данное место иначе. Я заранее согласен со всеми Вашими изменениями.

Может быть, мне следовало бы обратиться с таким же письмом к Е. Ф. Карскому, но я, зная его занятость, очень боюсь слишком часто досаждать ему своими письмами.

Давно не имею от Вас известий. Все ли у Вас благополучно? Наш сердечный привет глубокоуважаемой Елене Константиновне!

Ваш Г. Ильинский

Л. 288—289 об.

Москва 4. II. 30

Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович!

Уже давно я не получал от Вас известий. Здоровы ли Вы? Все ли у Вас дома благополучно?

На днях я получил от М. Н. Покровского печальное известие, что печатание «Лекций» Фортунатова, как не «актуальных» откладывается *ad calendas graecas*. Но судя по сведениям,

¹⁰ Была опубликована Ильинским [Ильинский 1906].

¹¹ Далее в тексте ПГ: «Несмотря на то, что языки обеих юных литератур уже успели вытеснить общерусское *коічѣ* из многих позиций не только литературной и научной жизни, но и вообще культурной и политической, все же они не могут и теперь вполне заменить его как орган высшей образованности. Мало того, последний до сих пор остается более понятным и доступным для самих белорусов и украинцев, чем их собственные литературные языки, вырабатываемый часто наспех чисто искусственными средствами» [ПГ: 82]. Примечательно, что в корректуре ПГ этот текст был сохранен.

привезенным М. Сперанским с последней сессии АН, та же участь грозит и моей ПГ. Ввиду этой катастрофы я решился на крайнюю меру и написал письма Волгину и Ольденбургу, в которых я истошил все аргументы в доказательство необходимости продолжения печатания книги, но до сих пор ни от того, ни от другого ответа не получил, что является, конечно, дурным предзнаменованием.

Сейчас, в здешней Комакадемии, происходит любопытная дискуссия по поводу яфетической теории. Против ее «творца» выступает коммунист Данилов, за - Аптекарь, нашедший себе неожиданную сторонницу в лице Р. О. Шор (ученицы Поржезинского и М. Покровского!). Знаменательно, что и среди аспирантов начинают преобладать антимааровские настроения.

Недели две тому назад я получил неожиданное уведомление от Польской Академии Наук об избрании меня ее чл[еном]-корреспондентом. А вчера получил и некоторые ее новейшие издания. Между прочим, в Bulletin en Avril-juin 1929 помещено резюме доклада Милевского, в котором он подтверждает гипотезу А. И. Томсона о дифтонгич[еском] произношении праслав. у, ссылаясь гл[авным] обр[азом] на данные полабск[ого] языка.

Я сейчас занят срочной работой - редактированием Польско-русс[кого] словаря, который в нач[але] января буд[ущего] г[ода] должен выйти в серии словарей, издаваемых Советск[ой] Энциклопедией; к Словарю будет приложена краткая грамматика польск[ого] языка школьного типа. Платят мне за этот труд 20 р. за лист¹².

Д. Н. Ушаков, которому в наступающем уч[ебном] году оставили всего 4 часа, подал в отставку и хлопочет теперь об акад[емической] пенсии.

Получили ли Вы корректуру Вашей статьи о Лаврове?

Привет Е. К.!

Ваш Г. Ильинский

Л. 260

Москва, 30. III. 30

21, Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович,

Спешу принести Вам мою сердечную благодарность за Ваше письмо и за Ваш новый труд, подъятый в мою пользу¹³. Я до глубины души тронут таким Вашим истинно товарищеским

¹² Взяться за эту работу ученого, по-видимому, заставило его ухудшающееся материальное положение, связанное с сокращением славистических дисциплин в МГУ. С июля 1930 г. Ильинский был вынужден выйти на академическую пенсию.

¹³ Речь идет о выдвижении Ильинского в академики АН СССР в связи с вакансией после кончины акад. П. А. Лаврова.

отношением и не знаю даже, как Вас благодарить за все то добро, которое сделали Вы для меня в жизни. Конечно, я знаю, что предстоящие выборы представляют лотерею, где 99% билетов - черные, что мне все равно нечего терять: с 1 июля не только «Слав[янский] цикл», но и все «Этногр[афическое] Отд[еление]» И[сторико]-Ф[илофского] ф[акультета] (а по другим сведениям, даже весь Ист[орико]-Философ[ский] ф[акультет] I МГУ) прекращает свое существование, и мне, во всяком случае, придется перейти в совершенно новые условия жизни...

Что касается редактирования ПГ, то, конечно, я могу только благословлять судьбу, что она послала мне такого благородного редактора, как Вы. Вы уже успели сделать не мало ценных дополнений к книге и спасти ее не от одной неточности. Я в маленькой претензии лишь на уч[еного] корректора, который на корректуре делает множество изменений чисто внешнего характера, лишь задерживающих и усложняющих и без того сложный набор книги.

Еще раз благодарим Вас, я и жена, от всего сердца!

Ваш Г. Ильинский

Л. 266—267

Москва, 29.IV. 30

21 Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович,

Я и жена сердечно благодарим Вас за Ваше милое поздравление, а также за столь добрую приписку Вашей глубокоуважаемой супруги.

С нетерпением я буду ожидать появления в печати Ваших статей о Лаврове и Б[одуэне] де К[уртенэ]: даже поминальные Ваши статьи всегда содержат в себе много ценных и новых замечаний по поводу неразрешенных вопросов нашей науки.

Мне кажется, что Вы напрасно боитесь за результаты дискуссии о последних «лингвистических» элукубрациях Марра. Лица, видевшие Волгина после последней сессии АН, вынесли впечатление, что он остался в дискуссии не на стороне М[арра]. Но есть и много других симптомов, что его акции продолжают падать. Из достоверных источников я слышал даже, что осенью в Комакадемии состоится диспут об яфет[ической] теории, на котором собираются выступить против ее творца даже нек[оторые] коммунисты.

В субботу состоялось заседание Слав[янской] Комиссии под председательством М. Сперанского. Н. Н. Дурново прочел очень интересный доклад о слав. переводе «Песни песней»; кроме того я поделился своими впечатлениями об opus posthumum П. А. Лаврова.

В Великую субб[оту] я имел счастье получить сверстанную корректуру 4, 5 и 6 лл. ПГ. И я должен извиниться перед Вами и Е. Ф. [Карским. - Г. Б.],

что я не удержался сделать на них некоторые вставки и дополнения библиогр[афического] характера. Без сомнения, Типография и Е. Ф. будут меня за это жестоко бранить; но я надеюсь, что Вы отнесетесь к этому иначе: у нас с Вами есть общая черта, - стремление с максимальной полнотой использовать результаты исследования наших предшественников. Поэтому Вы меня поймете, как никто другой. Конечно, я не отказываюсь взять на свой счет набор вставок.

В пятницу на прошлой неделе я подал прошение об освобождении меня от должности профессора I МГУ с 1 июля. Другого выхода не было, т[ак] к[ак] окончательно выяснилось, что в буд[ущем] уч[ебном] году от славистики останутся только ножки да рожки, то. есть 2 ч. польск[ого] языка. Ну, а этого мало даже для одного А. М. Селищева. Вместе со мной выходят в тираж преподаватели П. П. Свешников (ученик Щепкина) и А. И. Павлович (ученик Францева), а также лекторы польск[ого] яз[ыка] (Розенталь), чешск[ого] (Грулин), серб[ского] (Добровольский) и болг[арского] (Каченкова). Все они взяты были в свое время из Интернационала.

С мая и мне придется начать хождение по пенсионным мукам.

Что касается моих перспектив в АН, то я, конечно, сам смотрю на создавшуюся ситуацию трезво и нисколько не самообольщаюсь напрасными надеждами: на предстоящую кампанию я смотрю как на лотерею, в которой 99% составляют черные билеты. Но меня удивляет одно: если при выборе д[ействительных] членов в Акад[емию] обществ[енная] деятельность кандидатов играет большую роль, чем научные заслуги, то почему не переименуют Академию Наук в Академию общественной деятельности? Это было бы последовательнее и... честнее.

С сердечным приветом

Г. Ильинский

Москва, 5.VI. 30

Л. 270—271 об.

Дорогой Борис Михайлович!

Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за Ваше письмо и поздравление с избранием в чл[ены]-корр[еспонденты] БАН. Оно мне дорого больше всего правом сотрудничать в ее изданиях и получать таковые.

Большое спасибо за указание на мою оплошность с Далем. Она тем более удивительна, что обе Ваши статьи мне хорошо известны, и я тщательно использовал Ваши доводы в статье. Кажется, меня сбил с толку Потебня (Два исс[ледования]).

Здесь сейчас гостит О. И. Брок с женой. На возвратном пути (после 15 июня) он постарается повидаться с Вами. Он часто вспоминает о Вас в самых теплых выражениях.

В прошлую субботу мы устроили для дорогих гостей скромный обед, на котором были также М. Н. С[перанс]кий и М. К. Л-ский. А. М. С[елище]в почему-то не мог быть.

М. Н. С[перанс]кий привез самые удручающие известия о том, что происходит сейчас в Академии. Да и то, что Вы сообщаете о судьбе проекта Инст[итута] Русс[кого] Языка, прямо ужасно. Для разных фантастических учреждений вроде Яфетического Института находятся деньги, а для изучения языка, на котором говорит огромная часть населения Союза, считают достаточной «Комиссию»!! Для меня же лично особенно горестно было известие о порядках в Академической типографии: оказывается, там царит теперь полный произвол в распределении порядка печатания работ. Теперь мне делается понятным, почему уже 50 дней я не получаю корректуры ПГ. Я начинаю даже сомневаться, будет ли продолжаться ее печатание вообще.

Вчера я получил от проф. Маншики довольно странное письмо. От имени Mikko[л]ы он просит сообщить Дурново, что тот (т. е. Mikkola) писал Луначарскому относительно его судьбы и получил «оптимистический ответ». «В случае неизбрания Д[урново] в Академию имеется возможность получить разрешение на выезд в Чехословакию. Было бы поэтому крайне желательно, чтобы проф. Д[урново], получив об этом извещение через Ваше посредство, обратился к Луначарскому для выяснения дальнейших шагов». Я, конечно, тотчас исполнил эту просьбу, но удивился, почему для этого понадобилось мое посредство: Миккола - старый знакомый Дурново и даже бывал у него прошлой зимой.

Наш сердечный привет Вашей супруге!

Ваш Г. Ильинский

Л. 282—282 об.

Москва, 21 Долгий 17, кв. 3

17/1. IX. 30

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Михайлович!

Простите великодушно, что я задержался ответом на Ваше подробное письмо от 12/25 VIII. Прежде всего позвольте выразить Вам мое сочувствие по поводу болезни Вашей родственницы, но мы надеемся, что эта невзгода не лишит Вас бодрости духа, столь необходимой в наше тревожное время. Очень Вы меня обрадовали известием, что Ваша статья о П. А. Л[авро]ве уже послана в редакцию «Б[ългарски] Пр[еглед]»: без сомнения, нас ожидает там масса поуч[ительного].

Ю. М. Соколов, долгое время служивший в Ист[орическом] Муз[ее], должен был недобровольно оставить это учреждение, но пока он держится еще в обоих здешних универс[итетах].

И мы крайне поражены и удручены внезапной кончиной П. Н. Сокулина: еще за неделю до катастрофы его многие видели здесь полного сил и энергии. Похороны были очень многолюдны, и многих поразило, что совершенно отсутствовали представители той «общественности», перед которой покойный так много делал реверансов...

M. Vaillant пробыл здесь только несколько дней, и Ваша открытка уже не застала его в Москве. Но он отправился домой via Ленинград. К. Менгес получил Вашу книгу, и в восторге от нее.

Я твердо решил еще до конца этого месяца отказаться (письменно) от своей кандидатуры в АН, только не знаю, на чье имя я должен послать свое отречение, на имя ли Волгина или избир[ательной] комиссии. Конечно, очень грустно открывать дорогу таким беспардонным карьеристам, как Державин, но что делать!

В наше время только таким людям честь и место! А мне добиваться этой чести - это значит «прать против рожна». Но более всего я горюю, что мне приходится отказаться от надежды ускорить печатание ПГ в том случае, если бы мне удалось стать Вашим коллегой. Я боюсь, что при сложившихся условиях ей навеки суждено остаться torso, а еще более вероятно, что будущий преемник Лаврова окончательно ее потопит...

Сердечный привет Вашей семье.

Ваш Г. Ильинский

Л. 295—296 об.

Москва 10. I. 31

21 Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович,

Прежде всего позвольте приветствовать Вас и глубокоуважаемую Елену Константиновну с Новым Годом! О если бы он был хоть немного счастливее своего мрачного предшественника!

И я виноват перед Вами, что так долго не писал. В оправдание свое скажу, что я был завален корректурами Польско-русс[кого] словаря; в настоящее время в своей главной части он готов; теперь дописываю последние страницы польской грамматики, которая будет помещена в приложении. Она имеет чисто практический и компилятивный характер и потому лишена всякого научного значения.

Дней десять тому назад здешний РАНИМХИРК обсуждал кандидатуры славистов в д[ействительные] чл[ены]. АН. Щербу отвели как не слависта без обсуждения его других заслуг. Как и следовало ожидать, отвели и меня как «ярого индоевропеиста», игнорирующего

«социалистический метод» и «не желающего перестроиться на новые рельсы¹⁴» но удивительнее всего, что Р. отклонил - и притом единогласно – и Державина, ввиду слабого значения его научных работ.

После этого судилища мне стало окончательно ясно, что выборы новых академиков будут представлять одну недостойную комедию. Если я не снимал до сих пор своей кандидатуры, то лишь потому, что у меня была надежда, что Волгин сохранит хоть искру совести и не будет мне, по крайней мере, мешать. Но после второй Вашей открытки я и здесь убедился в своей наивности. Поэтому третьего дня я послал на имя В. П. Волгина заявление об отказе от своей кандидатуры. Согласитесь, настаивать теперь на своих правах значило бы только «прать против рожна» и причинять лишние неприятности и себе и тем, которые имели великодушие выдвинуть меня в число кандидатов.

Так как будущие новые академики (и Подхалюзины от науки) Каринский, Державин и Орлов не станут ратовать за Прасл[авянскую] гр[аммати]ку, то мне придется в ближайшее время востребовать ее обратно. Попробую позондировать почву в Чешск[ой] академии, - не согласится ли она продолжать ее издание хотя бы на чешск[ом] языке. Впрочем, и это ultimum refugium наверное окажется миражом!

С величайшим удовольствием прочел я в последней книжке Изв[естий] Вашу ценную статью о П. А. Лаврове¹⁵; с нетерпением жду другой Вашей статьи о незабвенном П. А., - статьи, которая должна появиться на страницах Болг. Прегл. Получили ли Вы, по кр[айней] мере, ее корректуру?

Ваш Г. Ильинский

Л. 305—306 об.

Москва, 13. III. 31

21 Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович,

Позвольте доставить Вам копию моего заявления в Рис (которое я одновременно с этим письмом посылаю) - по поводу дикой расправы с моей книгой, учиненной Н.Я. Марром. Посылаю Вам, а не Карскому, потому что я боюсь, что оно может взволновать его в критический момент его болезни. Вы живете в одном с ним доме, и, наверное, угадаете момент, когда его можно будет ему показать.

¹⁴Я получил всего 2 голоса (Селищева и Расторгуева); четыре (Данилов, Медведева, Кузнецов и Шор) высказались против; пять воздержались от голосов[ания], в том числе и Каринский, кстати сказать, ведущий себя здесь в последнее время как «православный иезуит» чистой воды. [Примечание Ильинского].

¹⁵См. [Ляпунов 1930а].

Послал я свое заявление, но уверен, что оно никаких благих последствий иметь не будет. «У сильного всегда бессильный виноват», и нет сомнения, что ПГ придется погибнуть если не на костре, то в котле яфетической инквизиции. Ввиду этого, я вновь осмеливаюсь просить Вас спасти для меня если не чистые листы «Введения», то по кр[айней] м[ере], его последние корректуры. Как Вы знаете, я делал на корректурах не мало дополнений и вставок, которые теперь я даже не припомню и которые будут необходимы в случае эвентуальной перепечатки Введения. Да и Ваши ценные дополнения и вставки желательно было бы спасти.

Я так расстроен всем происшедшим, что не могу ни о чем больше писать. Когда успокоятся немного нервы, напишу Вам более подробное письмо.

Ваш Г. Ильинский

Л. 307—308 об.

Москва, 24. III. 31

21 Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович!

Спешу принести Вам от всего сердца благодарность за присылку 5 л.¹⁶ ПГ. Вместе с тем приношу Вам извинения, что невольно причинил Вам столько хлопот и отнял столько драгоценного времени.

Прежде, чем послать заявление в Рисо, я прочел его М. Н. Сперанскому. Он содержание его одобрил, возражая только против слова «драконовский». Но я, все-таки, оставил его, так как оно называет вещь ее настоящим именем.

«Граматику др[евне]арм[янского] языка» Н. Я. Марра я не упоминал без всякого злого умысла, но только потому, что она носит чисто описательный характер и предназначена гл[авным] обр[азом] для кавказоведов. Странно, что ее игнорирует и Meillet в своей грамматике этого языка. Но если даже считать ошибкой отсутствие ук[азанной] цитаты, то ее можно легко исправить, приклеив к I вып. ПГ цветной листочек с дополнительной ссылкой. Уничтожать же целую книгу из-за этого совершенно безобидного недосмотра просто дико.

В только что полученном мною Отчете АН сообщены сведения о составе Рисо. Оказывается, за исключением Е. Ф. Карского, очевидно, не присутствовавшего по болезни, среди его членов нет ни одного слависта-лингвиста. Т[аким] о[бразом], судьбу ПГ решили на основании

¹⁶ Но куда же делся 6-й (и 7-й л.?). [Примечание Ильинского].

отзыва не слависта, лица, не имеющего никакого отношения к нашей науке!! O tempora, o mores!

Ваш Г. Ильинский

Л. 309—310 об.

Москва, 8. IV. 31

21 Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович,

Прежде всего о Вашей статье. Я, конечно, не мог не заметить этого прекрасного очерка в Сборнике в память Соболевского¹⁷, но, к сожалению, я не мог им воспользоваться в своей статье, так как эту последнюю я послал в редакцию «Украины» еще весной 1930 г. Но меня интересовала другая Ваша статья о Соболевском как исследователе укр[аинского] языка. Если я не ошибаюсь, Вы читали на эту тему доклад в Ленингр[адском] Обществе Украиноведения. На этом основании я полагал, что она появилась или появится в Трудах украинского Общества.

Очень я виноват перед Е. Ф. Карским, что дурно о нем подумал. Но издалека и со стороны мне продолжает казаться крайне странным, что судьбу моей книги отдали в руки моего заведомого врага. Не значит ли это то же самое, что бросить кролика в пасть удава, в надежде, что он его не проглотит, а выбросит назад? Правда, двусмысленный отзыв Марра как будто оправдывает это ожидание или, лучше сказать, чудо, но не следует быть наивным и полагать, что он ограничился только одним письменным отзывом. Ведь ничто не могло ему помешать на словах предложить совсем другую меру. И я лично ни минуты не сомневаюсь, что проект уничтожить большую часть экземпляров ПГ был инспирирован именно им. Это так похоже на него! Ведь ПГ представляет сплошной гимн сравнительному методу и живое отрицание того хаоса, который вносит в злополучную русскую лингвистику его яфетическая теория, где искать системы или даже просто здравого смысла то же, что ловить ветер в поле.

Спасибо за указание на статью Буги. Но я уже видел ее в Б[иблиоте]ке I МГУ. Конечно, громадная часть ук[азанных] им моих промахов уже исправлена во 2-м изд[ании]; другая часть их представляет ошибки моих предшественников и источников; третья часть является простыми опечатками. Напр., у меня в оригинале было др.-пр. moatis, а в печати вышло др.-ир. moatis (в моем почерке и и ц почти не различаются).

¹⁷ См. [Ляпунов 1930].

Сердечно поздравляем Вас и глубокоуважаемую Елену Константиновну с наступающими праздниками!

Ваш Г. Ильинский

Л. 326—327 об.

Москва, 24. X. 31

Глубокоуважаемый Борис Михайлович,

Прежде всего позвольте принести Вам мою сердечную благодарность за Ваше внимание к моему семейному горю: пребывание А. Я. в Крыму принесло лишь незначительное улучшение в состоянии ее здоровья: напр[имер], несколько уменьшились отеки ног. Но основные болезни - крайнее расширение аорты и плохая деятельность сердца - остались почти в прежнем виде...

Из Вашего последнего письма я окончательно убедился, что песенка ПГ спета. В самом деле, в новоиспеченном Институте Языка и Мышления (какое дикое название?) никто не дерзает возражать его председателю; Державин в Институте славяноведения, как типичный сервилист, никогда не пойдет против Марра и Волгина; едва ли станет портить из-за меня свои отношения с Державиным и В. Н. Перетц. Следовательно, единственным моим защитником остаетесь Вы, - ну а один в поле не воин...

М[ожет] б[ыть], чтобы спасти, по кр[айне] м[ере] «Введение», при окончательном обсуждении дела, оказали бы нек[оторое] действие соображения хозрасчета. Я читал недавно в газетах, что все предприятия АН переводятся на хозрасчет. Уничтожение «Введения» причинило бы прямой убыток казне и лишило бы ее нек[оторого] количества столь нужной ей иностр[анной] валюты. Но, вероятно, даже эти мотивы экономии окажут действие гороха в стену. Ведь главная причина враждебного отношения к ПГ заключается не в «буржуазности» ее направления, а в ее авторе. Ведь если бы дело обстояло иначе, то почему же Академия издает столько работ, которые включают в себе все, кроме марксизма? Чтобы не быть голословным, сошлюсь хотя бы на изданный в 1930 г. Коллегией Востоковедов огромного тома (в честь Крачковского), в котором марксизм «даже не ночевал». Следовательно, дело заключается не в содержании ПГ, а в ультра-персональном отношении к ее автору. При таких обстоятельствах я даже серьезно подумываю о сложении с себя звания чл[ена]-корресп[ондента] АН.

Наш глубокий поклон Елене Константиновне!

Ваш Г. Ильинский

Севастополь

30. XI. 31

Дорогой Борис Михайлович!

На ближайшей сессии АН, вероятно, произойдут похороны по первому разряду моей злополучной ПГ. Если это погребение произойдет с соблюдением внешнего декорума, т. е. не келейно, а на заседании Отделения, и если Вы найдете возможным еще раз поднять Ваш авторитетный голос в защиту моей книги, то я был бы Вам бесконечно признателен, если бы Вы указали, по крайней мере, на следующие три совершенно объективные обстоятельства:

1) I-ое издание ПГ, уже при советской власти, было увенчано почетной золотой медалью и полной Толстовской премией. Рецензентом был А. А. Шахматов, компетенция которого выше всякого сомнения¹⁸. Теперь Академия собирается уничтожить эту книгу только за то, что она усовершенствована, и по отзыву лица, которое имеет лишь отдаленное отношение к лингвистике или славистике.

2) I-ое издание ПГ постоянно приводится в качестве одного из главных пособий почти всеми новейшими составителями церковнославянских и других славянских грамматик. Может быть, Вы нашли бы даже возможность показать на заседании Отделения *Geschichte der altsl[avischen] Sprache van Wijk'a*, где моя книга не только указана в списке пособий, но и цитируется постоянно в тексте. То же следует сказать о «*Geschichte der bulg[arischen] Sprache*» Младенов'а. Если, таким образом, даже иностранные специалисты признают бесполезным первое, весьма далекое от совершенства первое издание ПГ, то неужели Академия обратит в макулатуру 2-е, исправленное?

3) ПГ была представлена к напечатанию не по моей инициативе, а по заказу самой Академии, в лице б. ОРЯС. Если я выполнил свое обязательство, то Академия с своей стороны, должна выполнить свое.

Простите за нескромность некоторых вышенаписанных строк. Поверьте, у меня рука никогда бы не поднялась их написать, если бы к этому меня не принудили чрезвычайные обстоятельства.

Через неделю возвращаемся в Москву.

С сердечным приветом

Г. Ильинский

¹⁸ Рецензия А. А. Шахматова, написанная в ноябре 1918 г., была опубликована в [Журавлев 1965].

Москва 23. XII. 31

Глубокоуважаемый, дорогой Борис Михайлович!

Прежде всего сердечно благодарю Вас за сведения о Ваших работах, из которых меня особенно интересуют статья о Зубатом¹⁹ и Ваши *Etym[ologische] Beiträge* в Сборнике Микколы²⁰. Около месяца тому назад я запросил Калиму о судьбе наших статей и вообще Сборника, но не получил никакого ответа. Очень опасаясь, что редакция не удосужится послать корректуру статьи, и тогда в ней не оберешься всевозможных опечаток...

Вы продолжаете отстаивать фонетич[еское] происхождение форм типа *зілля*, но как же Вы объясняете в таком случае словацкие формы? Ведь укр. *біжжя* невозможно отделять от словацк. *boĥia*, укр. *каміння* - от словацк. *kamienia* и т. д. А словацкие формы никто даже не пытался объяснить фонетически.

У С.Н. Карской я хотел бы купить I т. «Slavia», который зачитали у меня мои саратовские коллеги; прочие томы у меня имеются²¹. Говоря об *Encyklopedia Polska*, я имел в виду вошедшее в ее состав I изд. коллективной «Gramatyka Polska» (Розвадовского, Лося, Нича, Бодуэна-де-Куртенэ); в этом издании помещена очень важная статья Розвадовского об взаимоотношении ляшских говоров, - статья, почему-то не вошедшая в состав 2-го изд[ания]. М. Г. Долобко в свое время мне говорил, что единственным экземпляром I изд[ания] указанной Грамм[атики] владел в Ленинграде Е. Ф. Карский.

Горячо Вас благодарю за Ваше постоянное теплое участие к нашим делам. Матерьяльно, слава Богу, мы не нуждаемся. Хотя моя акад[емическая] пенсия составляет всего 180 р. (точнее 170), но моя жена по месту своей службы получает 225 р. Это дает нам возможность не только сводить концы с концами, но и помогать немного нашим родным. А. Я. благодарит Вас за Ваше сочувствие. Она давно уже встала с одра болезни и ходит на службу, хоть болезнь сердца, которой она страдает, не перестает внушать самые серьезные опасения.

И после Вашего последнего письма я остаюсь в недоумении относительно судьбы ПГ. Мне неясно, вынесло ли Рисо окончательное постановление о дальнейшем печатании или нет; кроме того, я по-прежнему нахожусь в неведении, как будет поступлено с отпечатанным Введением: уничтожат ли его совсем или выпустят в ограниченном количестве экземпляров? В первом случае я хотел бы спасти, по кр[айней] мере, 1 экземпляр последнего 1 1/2 л. (стр. 81 до конца) Введения;

¹⁹ См. [Ляпунов и др. 1924].

²⁰ См. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. 27. Mélanges de philologie offerts à M. J. Mikkola, par des amis et ses élèves. Helsinki, 1931.*

²¹ Я уже послал ей задаток за эту книгу. [Примечание Ильинского].

ведь у меня не осталось ни черновика, ни оригинала, ни корректур этих страниц... Поэтому я не знал бы, как Вас благодарить, если бы Вы выручили для меня эти страницы, или, по крайней мере, указали, к кому я должен обратиться, чтобы получить последние §§ Введения.

Хотя Вы и пишете, что главной причиной гонения на ПГ является отсутствие в ней марксистско-ленинск[ой] идеологии, но я не верю в это. Если бы это было так, то почему же будет издаваться 2-ая часть работы Обнорского о «Склонении»? Ведь в ней также нет ничего марксистского; Державин, которому нельзя отказать в недостатке сочувствия к официальным доктринам, печатает в I т. Трудов Слав[янского] И[нститу]та три статьи Сперанского, в которых Вы напрасно стали бы искать даже со свечой марксистских или ленинских идей. Следовательно, дело не в идеологии, а в личности автора ПГ, ненавистной Марру и его сателлитам. При таких обстоятельствах я серьезно подумываю о том, чтобы сложить с себя даже звание чл[ена]корресп[ондента] РАН, мотивировав свое решение в особой докладной записке.

На днях совершенно неожиданно я получил от А. И. Томсона отгиск его «Ответа Марру». Я и не подозревал, что нелепости яфетич[еской] теории имеют такие давние корни и что еще в 1891 г. «большинство сопоставлений» Марра заставляли «только жалеть об измаранной бумаге» (Томсон, стр. 14).

Ваш Г. Ильинский

Л. 336—337

Москва 23. I. 32

21 Долгий 17, кв. 3

Дорогой Борис Михайлович,

Прежде всего позвольте принести Вам благодарность за указание моей грубой ошибки относительно нем. *aus*, - ошибки, которую Вы так мягко назвали «недосмотром».

Очень я также признателен Вам за указание статьи Шахматова. Она имеется в моей б[иблиоте]ке, и мне крайне досадно, что я, составляя статью об укр. формах типа *зілля*, не догадался заглянуть и туда. Но, по существу, гипотеза Ш[ахматова] мне не кажется убедительной. Ведь если бы -je действительно переходило фонетически в ja > ja в словацком языке, то мы ожидали бы, что то же самое произойдет с данной группой в середине и в начале слов; но ничего подобного мы не видим в соотв[етствующих] говорах словацкого языка. А. А. Ш[ахмато]в и в этом случае злоупотребил, по моему мнению, фонетич[еским] принципом.

На днях я получил, наконец, от Калимы корректуру моей статейки в Сб[орнике] Микколы. Не сомневаюсь, что и Вы уже держите ее в своих руках.

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность за то новое участие, которое Вы проявили к судьбе моей злосчастной ПГ. Из Вашего письма я с удивлением вижу, что формально дело об ее печатании пока обстоит благополучно: Рисо решило продолжать издание книги, а Отд[еление] Общ[ественных] Наук подтвердило это решение. Орлов, очевидно, не решается поставить свое *imprimatur* из страха или угодливости перед Марром, воля которого, очевидно, выше не только Рисо, но и самого Отделения. Это не вице-президент, а какой-то турецкий паша в своем пашалыке!

У нас на лингвистическом фронте продолжается развал. С янв[аря] Гнияз (Гос. Науч. И-т языка) преобразован в Институт Языкового строительства, и деятельность его отныне будет иметь более прикладной характер. Но пока эта деятельность проявляется в непрерывной склоке, в настоящем *bellum omnium contra omnes*. Дело дошло до того, что Р. О. Шор, которую отнюдь нельзя упрекнуть в недостатке симпатий к марксизму, впала на одном «заседании» в истерику. П. А. Расторгуев хлопочет об академич[еской] пенсии, а А. М. Селищев на днях добровольно ушел из Института. Не знаю, как он даже будет жить: в университете, где он ведет факультативный курс чешского языка, он получает всего 52 р.

Как видите, новый год начался у нас при невеселых [обстоятельствах].

Шлем сердечный привет глубокоуважаемой Елене Константиновне.

Ваш Г. Ильинский.

Л. 364—365 об.

Москва, 27. X. 32

Дорогой Борис Михайлович!

Прежде всего приношу Вам сердечную благодарность за Вашу статью о гребтеть и т. п. Я уже зарегистрировал ее результаты в своем «Эт[имологическом] словаре»²². Без сомнения, только благодаря Вашему представительству я получил № 3 Изв[естий] с Вашей статьей о незабвенном

²² «Этимологический словарь славянских языков» Ильинского - итог многолетней работы ученого в этой области. Им подготовлено более 200 этимологий, опубликованных в виде статей. Словарь был составлен в 30-е годы [Трубачев 1957] и так и остался неопубликованным - во многом из-за отрицательного отношения к этому труду Н. Я. Марра. Какое-то время рукопись хранилась в Институте русского языка АН СССР (в полном объеме она существовала еще в 1957 г., когда ее видел О. Н. Трубачев). В настоящее время рукопись утрачена, в Рукописном отделе ИРЯ РАН сохранились лишь ее фрагменты (на буквы А и Б).

Е. Ф. Карском²³ и Труды Инслава. Ваша статья об Е. Ф. принадлежит к числу наиболее удачных Ваших произведений этого рода – по меткости и содержательности и полноте библиогр[афических] данных.

Хотя я и привык к мысли, что ПГ рано или поздно будет пущена ко дну торпедами Марра и С°, все-таки, Ваше известие о постановлении Рисо меня крайне расстроило. К сожалению, Ваше известие очень лаконично, и мне неясно:

1) На основании чьих отзывов Рис вынес свою резолюцию: Марра, Орлова, Державина или всех вместе.

2) Какая судьба ожидает «Введение»: будет ли оно издано «Für wenige» или будет превращено в бумажную массу?

Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы при случае ответили мне на эти два вопроса. Надеюсь, Рис есть, все-таки, Рис, а не Верховный Тайный Совет.

Рукопись своего труда я пока не получил. Я бы ничего не имел против того, чтобы Вы взяли ее к себе на квартиру на хранение. В один из своих приездов в Ленинград я бы мог зайти к Вам и получить рукопись лично от Вас.

Одновременно с Вашим письмом, по странной иронии судьбы, я получил от чешского профессора Machek'a письмо, в котором он предлагает проекты (конечно, утопические) спасения ПГ. Так как это письмо не включает в себе ничего интимного, то я позволяю себе его приложить сюда, чтобы Вы могли убедиться, как наивно смотрят чешские ученые на положение науки у нас. Письмо мне возвращайте, но, если можно, вложите в одну из папок с ПГ.

С сердечным приветом

Г. Ильинский

PS. Ваш проект о возобновлении ЭСФ, конечно, следует приветствовать, но если от ее будущих вкладчиков будут требовать марксизма и яфетизма, то едва ли она составит большое приобретение для нашей науки.

Г. И.

Л. 367—368 об.

Москва, 22. XI. 32

Дорогой Борис Михайлович,

Прежде всего приношу Вам мою сердечную благодарность за то, что Вы, несмотря на обременяющие Вас 1000 дел и на суматоху очередной Сессии АН, все-таки, нашли время написать

²³ См. [Ляпунов 1932].

мне столь важное, интересное и вместе с тем столь печальное для меня письмо. Я ведь нисколько не сомневаюсь, что и постановление Ризо относительно издания «Введения» останется на бумаге. Если даже Вам и удастся убедить в необходимости исполнять свои же постановления, то, все-таки, под разными предлогами дело затянута на несколько лет, когда «Введение» совершенно устареет и печатание его потеряет всякий смысл, но меня теперь больше всего беспокоит судьба корректуры последнего листа Введения. У меня не сохранилось ни оригинала, ни черновика этого листа, и потому, если корректуру в Издательстве затеряют, - а я слышал, что там ухитряются затерять целые статьи, - то мне крайне трудно будет восстановить текст заключительных §§ Введения. Не могли бы Вы переслать мне эту корректуру на самый короткий срок? Я бы списал с нее текст, а потом вернул бы ее по принадлежности, - для иллюстрации, какие *fata habent libelli* в нашем государстве.

Впрочем, такие же странные *fata* имеют и другие научные труды. Напр[имер], А. И. Томсон жалуется, что его «Общее языковедение» не может быть выпущено в укр[аинском] переводе только потому, что в нем нет ничего об яфетической теории; и В. А. Богородицкий плачется, что его курс по сравнительной грамматике тюрк[ских] языков отправили в Москву для цензуры именно с этой же точки зрения. Одним словом, у нас всех стараются выстричь под одну умственную гребенку и при таких обстоятельствах утверждать, подобно Марру, что у нас Прометей мысли сбрасывает свои цепи - значит проявлять верх цинизма или говоря попросту - «дурака валять».

Очень меня интересует судьба Вашего проекта о возобновлении ЭСФ. Есть ли надежда, что он не будет встречен «в штыхы»?

Что касается J.Ф.²⁴, то лучше вернуть себе обе книжки по моему адресу: А. М. Селищев, м[ожет] б[ыть], в близком будущем переменит свою теперешнюю квартиру.

С сердечным приветом Вам и Вашей супруге

Всегда глубоко
Вам признательный
Г. Ильинский

Санкт-Петербургское отделение Архива РАН.

Ф. 752, оп 1, ед. хр. 157

Записка об ученых трудах проф. Гр. А. Ильинского

Открывшаяся со смертью академика П. А. Лаврова вакансия действительного члена Академии Наук СССР налагает на нас обязанность для замещения ее остановиться на ученом

²⁴ Речь идет о журнале «Јужнословенски филолог», издававшемся в Белграде с 1913 г.

мирового значения, наиболее порабатавшем в этой отрасли гуманитарно-общественных наук, представителем которой был покойный академик, т. е. в области Славянской филологии. В этой области как по количеству ученых трудов, так и по их первоклассному научному значению выделяется в числе других кандидатов бесспорно профессор 1-го МГУ Григорий Андреевич Ильинский, член-корреспондент Академии Наук СССР с 10-го декабря 1921 г.²⁵.

Г. А. Ильинский родился в 1876 г. и окончил высшее образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В университете занимался под руководством известного слависта В. И. Ламанского и лингвиста С. К. Булича, но рано обнаружил самостоятельность и оригинальность своих взглядов на многие явления в истории славянских языков. Командировками в Австро-Венгрию и славянские земли Г. А. Ильинский значительно пополнил полученные в университете сведения. Особенно благотворное влияние оказали на расширение его сведений и научного кругозора его усердные занятия изучением древних славянских рукописей в библиотеках Гос. Публичной в Петербурге, в Москве, Киеве, Одессе, Праге, Вене, Любляне, Загребе, Белграде и Софии, его непосредственное знакомство с живыми славянскими языками на месте их живого употребления, его занятия в славянском семинаре Венского университета под руководством первоклассного ученого слависта с мировым именем И. В. Ягича и его тщательное изучение научной литературы в области сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Как славист, Г. А. Ильинский необходимо должен был обратиться к исследованию древнейшей славянской письменности как по существовавшим уже изданиям, так и непосредственно по рукописям, и результатом этих занятий является ряд работ, вышедших благодаря его усердным трудам описаний и изданий древних рукописей, которые мы имеем в прекрасных и точных передачах с его обширными палеографическими, грамматическими и историческими примечаниями. Понимая важность для восстановления палеонтологии славянского языка изучения древнейших письменных памятников, Г. А. Ильинский, следуя примеру славистов XIX-го века, издателей древнейших памятников, Миклошича, Срезневского, Ягича и их учеников, заслужил неувядаемую славу и благодарность последующих ученых поколений своими образцовыми изданиями не только важных для лингвистов староболгарских церковных текстов, но и не менее важных для истории славянских языков и истории быта и социального строя славянских стран текстов социально-правового значения, каковы грамоты болгарских царей²⁶ и древнейшая сербская грамота бана Кулина 1189 г.

²⁵ См. «Записку об ученых трудах Г. А. Ильинского»: VIII-е Приложение к протоколу XI заседания экстраординарного Общего собрания РАН // Изв. РАН. Т. 15. Сер. VI. № 1—18. Пг., 1922. С. 61.

²⁶ Капитальный труд Г. А. Ильинского «Грамоты болгарских царей» послужил автору диссертацией на степень доктора [Ильинский 1911].

Но Г. А. Ильинский не ограничился описанием, изучением и изданием материалов для исследования славянства в его лингвистическом, бытовом, социальном и культурном отношениях.

Как сказано выше, он уже в первых своих работах вышел на совершенно независимый от влияния своих учителей путь детального исследования палеонтологии славянского языка, т. е. вскрытия тех незаметных для употребляющих тот или иной славянский язык морфологических пластов, которые заключены в каждом слове. Весьма естественно, что первые опыты Г. А. Ильинского в сфере детального анализа морфологии различных слов страдали известными увлечениями, отмеченными ученой критикой, но глубокая убежденность в правоте своего аналитического метода заставляла автора, приняв указанные критические поправки, настаивать на тех своих положениях, которые были безупречны с точки зрения фонетики и семасиологии. Таково второе издание его ценного труда "Сложные местоимения" (М. 1905), который дал автору степень магистра.

Большую часть ученых трудов проф. Г. А. Ильинского, число которых, кроме библиографических заметок и рецензий, достигло 130, составляют морфологические, этимологические и сравнительно-грамматические исследования. Эти многочисленные исследования печатались в Р. Ф. Вестнике, Изв. ОРЯС АН, ЖМНП, *Archiv für slavische Philologie*, *Indogerman. Forschungen*, *Zeitschrift für slavische Philologie*, *Slavia*, *Revue des études slaves*, *Лужнословенски филолог*, *Записки істор. філол. відділу Українськ. Акад. Н.*, *Tauta ir Žodis*, *Зап. Белор. Академии Наук*, *Български Прегледъ* и других изданиях на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, немецком, французском, литовском языках. Основная особенность научного метода Гр. А. Ильинского - объяснение формальных и лексикальных различий славянских языков не столько путем новых фонетических гипотез, сколько путем предположения старых морфологических вариантов. Ничто не вызывало большего протеста со стороны Г. А. Ильинского, как построение новых звуковых законов *ad hoc*, т. е. для объяснения тождественных по значению, но непохожих по звукам морфологических элементов.

Труды Г. А. Ильинского пользуются большою известностью среди западно-европейских ученых лингвистов. Имя его постоянно упоминается в лингвистических трудах немецких, шведских, датских, французских, голландских, польских, чешских и других ученых, как имя первоклассного исследователя в области славянской морфологии и этимологии. Его "Славянские этимологии" значительно дополняют этимологические словари Бернекера и Преображенского. Как свод своих многочисленных исследований, Г. А. Ильинский издал в Нежине в 1916 г. огромный том в 536 страниц под заглавием "Праславянская грамматика". В настоящее время печатается его новый труд в этой области.

И для истории языковедения и славяноведения Г. А. немало потрудились, напечатав ряд статей о М. Г. Халанском, А. И. Яцимирском, В. А. Богородицком и известном научном и

общественном деятеле Н. Г. Чернышевском.

Прилагая список многочисленных статей и изданий Гр. А. Ильинского, считаем возможным ограничиться сказанным о крупных достоинствах его ученых трудов. Прибавим, что до профессорства в 1-ом МГУ Г. А. Ильинский более 30 лет был профессором в Нежинском Ист. филол. Институте и в университетах Харьковском, Киевском, Саратовском и Казанском.

22.III.1930.

Акад Б. М. Ляпунов

Акад Е. [Ф.] Карский

Акад. В. [Н.] Перетц

Акад. В. [М.] Истрин

Список сокращений

Записка - «Записка об ученых трудах проф. Гр. А. Ильинского». Санкт-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 752, оп. 1, ед. хр. 157.

ПГ – Праславянская грамматика. Санкт-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 18, оп. 1, № 3457.

Письма – Письма Г. А. Ильинского Б. М. Ляпунову. Санкт-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 752, оп. 2.

Литература

Аксенова 1991 – Е. П. Аксенова. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 83—93.

Баранкова 1996 – Г. С. Баранкова. Неизвестный труд Г. А. Ильинского по истории русского языка // ИАН СЛЯ. 1996. Т. 55. № 1. С. 67—83.

Брачев 1990 – В. С. Брачев. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии Наук СССР. 1990. № 4. С. 120—127.

Журавлев 1962 – В. К. Журавлев. Из неопубликованной «Праславянской грамматики» Г. А. Ильинского // ВЯ. 1962. № 5. С. 122—129.

Журавлев 1965 – В. К. Журавлев. Из неопубликованных работ А. А. Шахматова // ВЯ. 1965. № 6. С. 108—114.

Ильинский 1906 - Г. А. Ильинский. Грамота бана Кулина. Опыт критического издания текста с приложением фототипического снимка. СПб., 1906 (= Пам-ки др. письменности. Т. 165).

Ильинский 1911 – Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911.

Ляпунов 1930 – Б. М. Ляпунов. Исследования А. И. Соболевского по истории восточнославянских языков // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 1. С. 31—45.

Ляпунов 1930а – Б. М. Ляпунов. Краткий обзор жизни и научной деятельности П. А. Лаврова // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 8. С. 547—557.

Ляпунов 1932 – Б. М. Ляпунов. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. 1932. № 3. С. 167—192.

Ляпунов и др. 1924 – Б. М. Ляпунов, Е. Ф. Карский, П. А. Лавров. Записка об ученых трудах профессора И. Зубатого // Изв. РАН. Сер. 6. Т. 18. 1924. С. 524—526.

Робинсон 1992 – М. А. Робинсон. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г. А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20-х — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 78—90.

Трубачев 1957 – О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков // ВЯ. 1957. № 6. С. 91—96.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Рецензия на книгу: Е. Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 530 с.

Магистральное для современного языкознания направление «язык и культура» реализуется различными средствами в различных лингвистических дисциплинах, на разных языковых уровнях, выходит за их рамки, контактирует с историей и этнографией и в лучших своих реализациях обнаруживает новые возможности собственно языкознания как гуманитарной науки, а именно – возможности постижения носителя языка, его материальной и духовной культуры путем исследования языковых данных. К числу лучших реализаций данного направления можно с полным правом отнести рецензируемую книгу.

Введение и первая глава книги «Общие вопросы этнолингвистического изучения топонимии» посвящены изложению проблематики этнолингвистики как одной из дисциплин, изучающих связь языка и культуры, характеристике ее основных течений, достижений, трудностей и перспектив, а также специфике исследования топонимии в этнолингвистическом аспекте. Содержащаяся здесь критическая оценка преобладающей в анализе топонимов методики их прямолинейного соотнесения с апеллятивной лексикой выглядит весомой и убедительной, благодаря фундаментальной историко-лингвистической подготовке автора, опыту полевого диалектолога и топонимиста и широкому теоретическому кругозору, являющимся неотъемлемыми достоинствами екатеринбургской лингвистической школы А. К. Матвеева.

На этом фундаменте Е. Л. Березович разрабатывает и собственную теорию и методику этнолингвистического исследования топонимов. Эта теория обобщает весь опыт предшествующих топонимических изысканий, но ее новизна определяется гармоничным соединением исторического и системно-синхронного подходов, что и дало автору возможность выявить наиболее актуальные и существенные проблемы этнолингвистического анализа топонимов и разработать методику их исследования. Определение этнокультурной информации, содержащейся в топонимиконе, и специфики ее кодирования, выявление понятийной сетки, организующей систему пространственных представлений, и ее особенностей в применении к микротопонимам, разработка методики извлечения этнокультурной информации из топонимикона путем реконструкции его мотивационных моделей с опорой на историю апеллятивов, особенности топонимической номинации и системность топонимии, уяснение и убедительное истолкование фактов, свидетельствующих о сложности генетических отношений топонимии с апеллятивной лексикой в ее системной организации – таковы результаты, сообщаемые первой главе книги качества принципиально нового теоретического подхода, который может обеспечить топонимическим исследованиям более надежные и существенные, нежели прежде, позиции в этнолингвистике.

В отличие от многих неопитов направления «язык и культура» и его составляющей – этнолингвистики, автор знает и помнит о генетической укорененности проблемы связи языка с материальной и духовной культурой его носителей в историческом языкознании, особенно в

этимологии. В духе лучших традиций историзма Е. Л. Березович демонстрирует сложность мотивационных отношений, скрывающихся за формальным тождеством топонимических основ с апеллятивами. На этом сущностном фоне алогичным диссонансом, противоречащим строгости всей теории, представляется сохранение в авторском употреблении терминов *семантика* (или *значение*) *топонима*, *семантическая модель* и *семантическое поле* для обозначения мотивации топонима, мотивационной модели и т. д. (что вообще-то характерно для топонимических исследований); хотя при этом изредка автор употребляет и термин *мотивация*. Помимо несоответствия использования термина *семантика* (*значение*) *топонима* общетеоретическому пониманию (*семантика топонима* – его денотативная связь), элиминирование термина *мотивация* обособляет топонимические исследования типа рассматриваемого от тождественных по целевым установкам этимологических исследований апеллятивов.

Другой повод для высказывания не столько даже критических замечаний, а скорее пожеланий определяется органичностью (как представляется) диахронической ориентации этнолингвистики и соответственно заключается в проблеме хронологической стратификации извлекаемой из языка этнокультурной информации. В отличие опять-таки от большинства этнолингвистических трудов, игнорирующих эксплицитную постановку этого вопроса, Е. Л. Березович постоянно напоминает о вероятности смены топонимов и целых топонимических комплексов, о мозаичности и временной неоднородности топонимии (с. 76–78, 209, 226–227, 233–234 и др.), однако для более определенного впечатления о хронологической сущности извлеченной этнокультурной информации было бы очень полезно эксплицитное изложение авторских представлений о хронологических рамках и диахронической стратификации используемой в работе (и вообще доступной анализу) микротопонимии. При всем богатстве исследованного материала, повторяющееся утверждение автора об устойчивости топонимических моделей во времени (с. 13, 46, 76) требует более конкретизирующего основания. Более того, автор очень внимательно фиксирует все диахронически толкуемые отношения элементов в топонимиконе, и ряд наблюдений второй главы противоречит тезису об устойчивости топонимических принципов (см. ниже).

Вторая глава книги «Концепция географического пространства в русской топонимии» представляет собою практическое приложение теоретических и методических установок, разработанных в первой главе, к анализу конкретного топонимического материала. Лингвистическая и культурно-историческая достоверность авторских толкований в значительной степени определяется использованием собственных полевых материалов, собранных по очень детально и дальновидно разработанной программе (в частности – с фиксацией многочисленных мотивирующих текстов) на территории Русского Севера (выборочно привлекаются данные по топонимии Среднего Урала, Западной Сибири и других регионов). Эта фактическая база обеспечивает и убедительность, и увлекательность последовательно реконструируемой картине географического пространства, представленной в топонимии.

Важнейшим результатом этой реконструкции является определение параметров, организующих пространственные представления, и основных характеристик картины географического пространства. Это наивный фундамент и хозяйственная (связанная с природой) обусловленность пространственных представлений;

ограниченность пространственного горизонта и дробность восприятия пространства; жесткая заданность центра освоения пространства и закрепление позиции номинатора преимущественно в населенном пункте; относительная нерелевантность идеи передвижения для формирования пространственных представлений; линейность освоения пространства при организующей роли реки и дороги; качественная неоднородность пространства с противопоставлением обжитого/необжитого пространства, святого/нечистого (страшного), ближнего/дальнего и др. (с. 190–198).

Из более частных положений, входящих как составные элементы в отмеченные выше обобщения, можно выделить в качестве показателя убедительного решения очень давних историко-лингвистических проблем топонимии выявление на большом микротопонимическом материале принципа номинации речных притоков *левыми/правыми* по направлению хозяйственного освоения прилегающих к реке территорий с исходом от населенного пункта (с. 102–104). Прямо связаны с общей идеей органической связи формирования пространственных представлений с условиями обитания, освоения территории и всей хозяйственной деятельности наблюдения относительно диахронических соотношений ряда топонимических мотивационных моделей: отмечается архаичность комбинаторной модели, восходящей к синкретическому восприятию целых пространственных комплексов (с. 170–174); первичность автоориентации субъекта номинации по отношению к ориентации с внешнего пункта (с. 149–150); поздний характер тенденции к моногидронимизации и наименования рек по населенным пунктам (с. 153–154). Очень интересной, хотя и нуждающейся в более развернутой аргументации представляется гипотеза об отражении в топонимиконе восприятия именно необжитого пространства как пространства *par excellence* и сохранении в топонимике идеи развертывания пространства (с. 189–190).

Подавляющее большинство микротопонимов формально вполне прозрачно связано с апеллятивами. В плане собственно лингвистического анализа автору удается предложить в ряде случаев, помимо тщательной реконструкции мотивации, также решение собственно этимологических проблем (например, выявление калькированной – с финно-угорских оригиналов – природы некоторых топонимов, см. о названии поля *Зычное* (с. 181–182), объяснение происхождения названия *Шелковый* (ручей) как преобразования субстратного *Шолговарский* (с. 317)); весьма интересны наблюдения относительно специфики семантики лексем, используемых в топонимии, в сравнении с их апеллятивным функционированием (например, отсутствие для *левый/правый*, *верх/низ* в топонимии коннотаций с *плохой – хороший* (с. 106, 111–112)), обоснование значительного расширения набора ориентированных предлогов и функций соответствующих конструкций (*к, в, до, с, на, из, через, от, прямо* и т. п. (с. 135–142)). По поводу толкования некоторых конкретных случаев можно высказать сомнения: приведенный автором материал относительно использования *куриных* и *кошачьих* определений свидетельствует скорее о мотивации по признаку малого размера, малой глубины (ср. *курице по колено*), но не обязательно близости к дому (с. 96); погодная мотивация лидирующего положения *северных* топонимов (в паре *северный/южный*) не очень убедительна, т. к. не отмечено такое же соотношение для *тневых/теплых* названий (с. 113).

Принцип историзма, цементирующий работу Е. Л. Березович,

играет особо важную роль критерия, основания для организации, классификации и оценки материала в трех следующих главах книги. Третья глава «Народная религия и верования в зеркале топонимической номинации» вскрывает особо сложные, «идеологизированные» пласты мотивации в топонимиконе, что требует предельной наблюдательности, тщательности и объективности. В самом общем виде результат исследования *святых, нечистых* и *заветных* топонимов может быть определен как убедительное доказательство отражения в топонимии единства народно-религиозного сознания, сплавившего элементы язычества и христианства, что проявляется и в сохранении архаического смысла слова *бог* (с. 209–210), наделении святостью со всеми сопутствующими положительными коннотациями языческих культовых мест (с. 206–207, 217–218, 221–223 и др.) и мотивации *святых* топонимов хозяйственной деятельностью (и даже эстетическими качествами) объектов номинации (с. 229–230). Эти выводы автора заставляют усомниться если не в сущности тезиса о возможности нейтрализации основной оппозиции народной религии нечистая сила/крестная сила (с. 267–268), то в формулировке этого тезиса: о нейтрализации можно говорить лишь с точки зрения христианского толкования соответствующих понятий, то есть при наличии отождествления языческий=нечистый; весь авторский материал свидетельствует скорее в пользу оппозиции святой—нечистый (и возможности ее нейтрализации).

Из конкретных ярких толкований, решений и гипотез этой главы заслуживают упоминания следующие: подтверждение связи образа черта с идеей «разрытия» (с. 241–242); важная аргументация идеи охранительного смысла веселья на похоронах (с. 330–331); интересная гипотеза о развитии противопоставления *покойник—мертвец* на базе религиозных характеристик православный/неправославный (с. 334–335); убедительно аргументированное толкование ряда топонимов, восходящих к библейским локативам, как «авторских», созданных в ходе номинативной деятельности монахов (с. 285–287); критический анализ и опровержение теории об обязательной сакральности всех *лисых* гор (с. 311–313); доказательство распространения *святости* на сверхъестественное (включая страшное) (с. 227–229), что ставит под сомнение реконструкцию для *святого* идеи положительной предельности (тезис В. Н. Топорова). Дополняя конкретные толкования, следует отметить, что развитие семантики *святого, богова* в направлении полезности возможно не только на базе топонимии, но и в апеллятивах (ср. употребление *святое дело* как в высоком стиле, так и в просторечии).

В четвертой главе, названной «Человек и пространственные объекты: процессы интеракции», анализируется значительный пласт топонимов, мотивированных деятельностью человека, направленной на освоение и обживание географических объектов (в отличие от топонимикона предыдущих глав, где субъект топонимической номинации выступал не как деятель, а как наблюдатель). Эти топонимы, получившие в работе название «интерактивных» и «событийных», до сих пор не находили устойчивого места в семантических классификациях или вообще оставались за рамками выделенных классов как нетипичные маргиналии. Тщательный идеографический и мотивационный анализ, проделанный Е. Л. Березович, показал, что акциональная топонимическая номинация хотя и уступает по продуктивности другим типам, все же активно используется в микротопонимии и отражает разнообразные формы взаимодействия

человека с окружающим миром: передвижения в пространстве (мыс *Выход*, болото *Обходное*, река *Прохожая*, урочище *Каменный Перелаз* и т. п.), хозяйственную, бытовую и ритуальную деятельность (лес *Корчёвка*, урочище *Плавильня*; река *Рукомойка*, озеро *Платомой*; гора *Свадебная*, поле *Борода*), интеллектуальные и эмоциональные состояния человека, связанные с открытием, освоением и практическим использованием географических объектов (урочище *Незнаиха*, болото *Заманиха*, озеро *Забывтое*, река *Найдёнка*, урочище *Трудный Лог* и т. п.).

Пятая глава книги «Топонимия и фольклор: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации» посвящена проблеме содержательных отношений топонимии и фольклора. При наличии обширного фона исследований по этой тематике работа Е. Л. Березович отличается особой убедительностью и надежностью благодаря богатейшему полевому материалу и строго историческому его толкованию. Автор обнаруживает сложность и генетическую разнонаправленность связей топонимии и фольклора при весьма слабой роли последнего в первичной топонимической мотивации. В авторской методике анализа материала чрезвычайно интересен и полезен опыт составления ассоциативных полей для топонимических преданий, поскольку он ориентирует на вероятную первичную мотивацию топонима, что более всего соответствует целям топонимики (с. 450–472). Большое лингво- и культурно-историческое значение имеет вывод о значении топонимикона не только как возможного отражения истории народа, но и как стимула, формирующего его историческое сознание (с. 473–474).

Понимая всю сложность алфавитного упорядочения обширного и разнообразного материала, рассмотренного в книге, все же нельзя не пожалеть об отсутствии в ней единого указателя топонимов.

Оценивая монографию Е. Л. Березович в целом, необходимо еще раз отметить оригинальность и надежность материала, глубину теоретической и методической проработки всей проблематики этнолингвистического исследования топонимии, создание строгой и перспективной теории и методики анализа, действенность которых подтверждена весомыми результатами – созданием концепции пространства по данным микротопонимии Русского Севера. Это позволяет оценить появление книги как важное событие и в этнолингвистике, и в топонимике, одновременно свидетельствующее о реальности и плодотворности комплексных исследований, объединяющих эти две области языкознания.

Ж. Ж. Варбот

Русский язык в межнациональном общении: Проблемы исследования и функционирования /
Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2001.

Созданная в Отделе изучения русского языка как средства межнационального общения Института русского языка РАН рецензируемая коллективная монография является первым в отечественной русистике исследованием не только социолингвистических проблем, возникающих в связи с функционированием русского языка в инонациональной среде, но и в связи с проблемами чисто лингвистическими – с характеристикой того русского языка, который не является исконным для его носителей и который служит для них средством общения с русскими

носителями этого языка и с носителями иных национальных языков. То, что русский язык, функционируя в межнациональном общении, претерпевает определенные изменения, давно было известно и признано, но оценка этих изменений (прежде всего – нарушений литературных норм), носящих разный характер и затрагивающих разные уровни языковой системы, объяснялись в основном интерференцией родных языков или недостаточным уровнем владения неродным языком, т. е. эта оценка имела явно негативный характер. Но высказывалась и другая точка зрения, сводящаяся к тому, что функционирование русского языка в межнациональном общении обуславливает образование национальных вариантов русского литературного языка. И у той, и у другой точки зрения были сторонники и противники, но и те, и другие по существу не имели достаточно аргументированных оснований для отстаивания своей позиции, так как не было исследования лингвистических характеристик русского языка как средства межнационального общения. Эту задачу поставили перед собой авторы монографии, и в этом отношении последняя заслуживает самого серьезного внимания. Сразу оговорюсь, что подход к решению этой задачи, обнаруживаемый в монографии, вызывает ряд вопросов и требует уточнений в силу сложности самого предмета исследования (об этом ниже).

Книга включает в себя три раздела, первый из которых – «Социолингвистические аспекты функционирования русского языка в межнациональном общении» – представляет значительный интерес прежде всего потому, что в нем подробно и на большом фактическом материале (и притом совершенно здраво) рассматриваются причины и факторы, которые способствовали выдвиганию русского языка на роль средства межнационального общения в Российской империи и в СССР, различные этапы в истории русского языка как средства межнационального общения и – главное – современная (постсоветская) ситуация, складывающаяся в России и в странах СНГ и Балтии с русским языком в межнациональном общении. Подкрепленные значительным статистическим материалом социолингвистического характера, рассуждения о роли русского языка в межнациональном общении на разных этапах истории России и СССР и в современных условиях, сложившихся после распада Союза, достаточно полно раскрывают эволюционные процессы в жизни народов Российской империи и СССР, а также коренные изменения в отношении к русскому языку как межнациональному средству общения в постсоветский период.

Как известно, новая общественно-политическая обстановка, возникшая после распада СССР и образования независимых государств на территориях бывших союзных республик, обусловила коренные изменения в жизни народов, живущих на этих территориях, и в том числе изменения в отношении к русскому языку как средству межнационального общения. Книга содержит много конкретных фактов о различном отношении к русскому языку, складывающемуся на различных территориях бывшего СССР и в самой Российской Федерации, – фактов, собранных авторами в результате специальных разысканий, анкетирования носителей языка в разных новых государствах и последующей обработки полученных результатов. Это дало возможность представить объективную картину языковой ситуации в автономных республиках России и в странах СНГ и Балтии. Хочу подчеркнуть, что представление объективной картины, характеризующей языковую политику в новых государственных образованиях, исключает

какие-либо голословные утверждения и какую-либо предвзятость в оценке существующего положения вещей. Главное же, к чему приводит анализ фактов, – это то, что, несмотря на изменение ситуации, несмотря на языковую политику в некоторых странах СНГ и особенно Балтии, явно направленную на вытеснение русского языка как средства межнационального общения и замене его в этой роли языком титульной нации, русский язык продолжает сохранять эту роль, хотя в таких условиях его функционирование оказывается затрудненным, а сам русский язык в этих условиях (прежде всего в силу отсутствия организованного обучения) теряет ориентированность на литературные нормы.

Большую часть книги занимают второй раздел – «Лингвистическая характеристика русского языка в межнациональном общении» – и третий – «Методологическая характеристика неисконной русской речи», при этом между автором второго раздела Т. Ю. Позняковой и автором третьего раздела Э. А. Григоряном обнаруживаются серьезные расхождения в понимании предмета исследования и методов его изучения (В. Н. Белоусов, автор первого раздела, стоящего несколько особняком в книге, высказал осторожное сомнение в правомерности некоторых утверждений Т. Ю. Позняковой).

Итак, что такое русский язык как средство межнационального общения и, следовательно, каков предмет исследования в рецензируемой книге?

По мнению Т. Ю. Позняковой, это – особая, адаптированная форма существования русского языка в многоязычном социуме (с. 73). Э. А. Григорян же вводит понятие неисконной русской речи, понимаемой как совокупность всех речевых произведений, продуцируемых на русском языке носителями, для которых этот язык не является родным; неисконная русская речь также квалифицируется как одна из форм существования русского языка (с. 135).

Согласно банальной истине, язык не дан нам в непосредственном наблюдении – в этом наблюдении нам дана только речь, устная или письменная. И поэтому русский язык в межнациональном общении – это русская речь, и прежде всего устная, звучащая, служащая средством коммуникации в межнациональных условиях, когда люди разных национальностей с разными родными языками по условиям жизни вынуждены иметь в своем распоряжении такое языковое средство, которое создавало бы возможность взаимообщения независимо от национально-языковой принадлежности.

Если мы говорим, что в качестве такого межнационального средства общения выступает русский язык, то тем самым мы утверждаем, что в русской речи нерусского реализуется система и нормы русского языка. Проблема же заключается в том, что при реализации русской языковой системы в русской речи носителей других национальных языков наблюдаются специфические особенности, не характерные для носителей русского языка как родного. Эти особенности могут быть обусловлены недостаточным уровнем владения неродным языком, интерференцией с родным языком, они носят различный характер, а их специфика определяется психолингвистическими и социальными условиями овладения неродным языком и вынужденными ограничениями в процессе этого овладения. Эти специфические особенности и определяют лингвистическую характеристику неисконной русской речи. При этом такие особенности и ограничения не оказывают влияния на возможность взаимообщения на русском языке носителей разных национальных языков. Во всяком случае, это свидетельствует о том, что основные параметры русской языковой системы в неисконной русской речи сохраняются.

Нельзя также упускать из виду то обстоятельство, что при общении на русском языке с представителями иных национальных языков у носителей русского языка как родного также могут возникать специфические особенности, определяемые «лингвистической компетенцией» нерусского партнера по коммуникации.

Если русскую речь носителей иных родных языков можно определять термином «неисконная русская речь», то речь русских в условиях межнационального общения может быть охарактеризована как адаптированная, причем степень ее адаптации («приспособления») зависит от степени владения русским языком партнера-национала: русский «приспосабливает» свою родную речь к неисконной русской речи, ибо без такого «приспособления» могут возникнуть трудности во взаимопонимании.

Перевод проблемы изучения русского языка как средства межнационального общения в плоскость изучения неисконной русской речи определяет необходимость установления состава носителей такой речи, их возрастной, социальной, образовательной и иной характеристики, условий овладения русским языком (через организованное обучение, в семье, на «базаре» и под.), степени или уровня этого владения, наконец, тех условий, в которых функционирует русский язык в той или иной местности, республике, государстве, в которых живут носители неисконной русской речи. Иначе говоря, сам предмет исследования – русский язык в межнациональном общении – не представляет собой единого целого в том смысле, что всякий, кто им пользуется, владеет им в одинаковой степени, ибо это владение определяется многими экстралингвистическими причинами. И поэтому и адаптация родной речи русских при общении с носителями неисконной русской речи тоже будет иметь различный характер в зависимости от того, насколько носитель русского языка как родного будет варьировать свою речь, устраняя из нее «избыточные» элементы, мешающие осуществлению коммуникации с носителями неисконной русской речи.

Э. А. Григорян был совершенно прав, когда написал: «В целом наше исследование посвящено изучению русской речи. В этом смысле по своему объекту и методам исследования оно может быть поставлено в один ряд с исследованиями по русскому разговорному языку» (с. 155). А это означает, что, как и при изучении русской разговорной речи, так и при изучении неисконной русской речи необходим массовый разнообразный материал, записи этой живой речи и последующий ее анализ. В книге такого материала нет, думаю, прежде всего потому, что он не собирался, в книге есть отдельные разрозненные примеры, но их, конечно, недостаточно для того, чтобы делать какие-либо серьезные выводы о характере неисконной русской речи. Правда, Т. Ю. Познякова, характеризуя лексические изменения в русском языке как межнациональном средстве общения (она не употребляет термина «неисконная русская речь»), опирается на результаты проведенных экспериментов и анкетирования и делает выводы на основе анализа этих результатов. Не отрицая ценности экспериментов и анкетирования, я все же полагаю, что они недостаточны для определения лингвистического характера неисконной русской речи в силу их малой доказательности: они осуществлены в малых по количеству группах носителей языка, относящихся лишь к некоторым социальным слоям. Но главное – это то, что полученные таким образом материалы не могут быть отнесены к спонтанной неисконной русской речи.

Нужны записи этой речи, сделанные в условиях непосредственного общения ее носителей с носителями русского языка как родного и с носителями других национальных языков. Кстати, такие записи могут дать и реальное представление об уровнях владения русским языком, которые в книге определены лишь декларативно.

Монография «Русский язык в межнациональном общении» читается с большим интересом, во-первых, потому, что она содержит новую актуальную и малораспространенную информацию о современном положении русского языка как межнационального средства общения и о языковой ситуации на территории бывшего СССР, а во-вторых, потому, что в ней рассматривается целый ряд важных вопросов, связанных с проблемами русского языка как средства межнационального общения. К ним относятся такие вопросы, как динамическая структура русского языка в такой функции, как изоляция просторечных слов в этом языке, отбор лексики и закрепление слов лишь в определенных значениях, роль субъекта речи в формировании лексико-семантической системы. Ставятся вопросы о понятии родного языка и неправомерности утверждения «один народ – один язык», о возможности несовпадения родного языка и этнической принадлежности, о возможности наличия двух родных языков, о типах интерференции и многие другие. Вероятно, не во всем можно согласиться с авторами, но тот факт, что эти вопросы в книге поставлены и предложено определенное их решение, являются безусловным достоинством монографии.

Несколько снижает впечатление от книги наличие в ней довольно большого количества опечаток, иногда стоящих на грани орфографических ошибок, что, впрочем, вообще характерно для современной печатной продукции.

В заключение можно сказать, что рецензируемая книга – это серьезный шаг вперед в изучении функционирования русского языка как средства межнационального общения. Многие вопросы, связанные с этим функционированием и с особенностями реализации русской языковой системы в речи носителей разных национальных языков, использующих в общении русский язык, получили в ней, как представляется, верное решение, иные же остались пока не решенными или дискуссионными. Теперь необходимо сделать следующий шаг – собирать и анализировать материал, представляющий неисконную русскую речь во всем ее многообразии, как территориальном, так и социальном.

В. В. Иванов

Работы шведских русистов, опубликованные в серии *Studia Slavica Upsaliensia*

Монографическая научная серия *Studia Slavica Upsaliensia*, которая, в свою очередь, входит в серию *Acta Universitatis Upsaliensis*, издается кафедрой славянских языков Упсальского университета (Швеция) с 1960 года. За прошедшие сорок лет упсальскими славистами опубликовано в этой серии сорок монографий, более половины которых посвящены различным вопросам русского языка и литературы.

В настоящей статье будут представлены три последние монографии, опубликованные в *Studia Slavica*

Upsaliensia на немецком и английском языках. Наш обзор мы открываем монографией упсальского русиста И. Майер “Глагольное управление в “Вестях-Курантах” 1600—1660 гг. Историко-филологическое исследование синтаксиса русского языка среднерусского периода»: *Ingrid Maier. Verbalreaktion in den "Vesti-Kuranty" (1600—1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittlerrussischen Syntax // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 38. Uppsala, 1997. 308 pp.*

Монография посвящена столь же важному, сколь и недостаточно изученному аспекту русского синтаксиса XVII в. — глагольному управлению. Хорошо известно, что именно в этом столетии русский язык начинает приобретать черты современного нам языка. Однако его переход из одного состояния в другое на протяжении всего этого периода характеризуется нестабильностью синтаксической системы и широкой вариативностью в области управления.

Нельзя сказать, что этому вопросу вообще не уделялось внимания в научной литературе. Вопрос о глагольном управлении XVII в. затрагивался как в общих трудах по историческому синтаксису русского языка, например в [Ломтев 1956; Стеценко 1972], так и в специальных трудах по синтаксису XVII в., например [Ломов 1966; Котков, Попова 1986]. Однако в работах, посвященных общим вопросам исторического синтаксиса, приведено, по мнению автора, лишь небольшое количество примеров из памятников этого периода. В монографиях, специально посвященных синтаксису русского языка XVII в., в общих чертах рассматривается как предложное, так и беспредложное управление с использованием цитат-примеров из множества различных источников, причем, как замечает И. Майер, окказионализмы и даже описки и опечатки толкуются в этих работах вместе с формами, действительно представлявшими собой вариативные формы управления. В монографии В. Б. Крысько [Крысько 1997], вышедшей одновременно с монографией И. Майер, приводится и интерпретируется огромное количество примеров, относящихся к этому периоду. В задачу этого исследования, однако, входило воссоздание полной картины объектных отношений на всем протяжении развития русского языка, поэтому отдельные периоды не могли получить исчерпывающего описания. Таким образом, монография И. Майер является первой попыткой полного описания всех случаев вариативности беспредложного глагольного управления в русском языке XVII в. на определенном временном срезе (1600—1660) и в одном источнике. Кроме этого, в представляемой работе автор дает исторический и культурологический фон, анализирует переводческую технику, применяемую в Посольском приказе, описывает обнаруженные им в различных европейских архивах печатные оригиналы, послужившие первоисточниками для русского перевода.

Монография состоит из семи разделов, заключения, списка литературы и приложения.

Первый раздел представляет собой введение (с. 13—26). Здесь автор формулирует цель работы, дает подробное описание основного объекта исследования — пятитомного издания рукописной газеты “Вести-Куранты” (далее В—К), подготовленного к печати В. Г. Демьяновым, останавливается на проблематике использования переводных текстов в целях изучения истории русского синтаксиса. Ведь тексты в В—К в большинстве своем представляют собой переводы с западноевропейских языков, в основном немецкого, шведского и нидерландского. Затем автор коротко останавливается на понятии «глагольное управление».

Особое место отводится методу исследования, где автор также дает краткую характеристику других источников, систематически изученных и послуживших фоном для настоящего исследования [Котошихин 1980; Грамотки 1969; Fenne 1970]. Они используются для подтверждения достоверности синтаксических конструкций в В—К: наличие подобных конструкций в оригинальных русских памятниках свидетельствует о том, что и в В—К мы имеем дело не с переводными кальками, а с чисто русскими конструкциями. Большинство глаголов было проверено также по картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (Институт русского языка РАН, Москва). Введение завершается подробным описанием принципов подачи примеров, цитируемых как по русским источникам, так и по иностранным оригиналам.

Два последующих раздела — второй (с. 34—82) и третий (с. 83—106) — посвящены соответственно печатным первоисточникам, идентифицированным автором, и языку В—К. В третьем разделе дается также анализ переводческой техники в Посольском приказе.

Для сравнения перевода с первоисточником автор использует не только оригиналы, напечатанные в качестве приложения к «Вестям-Курантам», и оригиналы, хранящиеся в виде микрофильмов и ксерокопий в Бременской государственной университетской библиотеке, но и оригиналы, собственноручно обнаруженные в архивах. Таких первоисточников — мирных договоров, реляций, памфлетов — автор нашел приблизительно к 300 русским рукописным листам. В этом разделе дается не только их подробное описание, но и публикуются фрагменты из них на языке-источнике. Использование оригинальных памятников помогло автору судить о том, построена ли конкретная синтаксическая конструкция по правилам русского языка или она является калькой иноязычного оригинала. Здесь важно заметить, что И. Майер владеет всеми тремя языками, на которых написана большая часть документов — немецким, шведским и нидерландским, что, несомненно, является необходимым условием успешного проведения такого рода исследований.

Язык В—К характеризуется автором как язык, ориентированный не на церковнославянскую языковую норму, а на живой разговорный язык. В отличие от большинства памятников XVII в., написанных на «гибридном» языке, пестрящем церковнославянизмами, язык В—К представляет собой письменную форму обиходного русского языка образованных людей того времени. Тексты, «опубликованные» в этой рукописной газете, зачитывались вслух царю и его приближенным, чем можно объяснить их близость к устной речи. Благодаря этому тексты В—К дают возможность выявить, систематизировать и описать живые тенденции в русском синтаксисе рассматриваемого в монографии периода.

В последующих разделах подробно рассматривается вариативность беспредложного глагольного управления. Самым большим по объему является четвертый раздел (с. 107—206), в котором представлены результаты исследования вариативности родительного (РП) и винительного (ВП) падежей. Здесь И. Майер анализирует следующие группы глаголов: а) со значением стремления и достижения (*Verben des Erstrebens und Erreichens*)¹ — *желать, жаждать, ждать, ожидать, дожидаться, надеяться, искать, просить* и др.; б) со значением уступки (*Verben des*

¹ Русские названия лексико-семантических групп глаголов позаимствованы нами из статьи [Майер 1997], где более подробно представлены результаты монографического исследования.

Verzichtens und Überlassens) — *поступиться/поступаться, отступиться*; в) со значением чувственного восприятия и памяти (Verben der sinnlichen Wahrnehmung und der Erinnerung) — *слушать, слышать, смотреть, памятовать* и др.; г) со значением охраны и заботы (Verben des Bewachens und der Fürsorge) — *беречь, стеречь, оборонять*; д) со значением взаимодействия (Verben der Interaktion) — *мстить, отомстить/отмщать, помиловать*.

Анализируя цитаты с глаголами вышеперечисленных групп, автор приходит к выводу, что в разговорной речи первой половины XVII в. при многих глаголах, управлявших в древнерусском языке РП, такое управление уже может рассматриваться как устаревшее. В официальных текстах оно еще встречается, но чаще всего употребляется ВП. В группе глаголов стремления и достижения в основном пока преобладает РП. Однако редко встречающийся в исследованном источнике ВП все же указывает на наметившееся развитие, которое продолжается до наших дней. Господствующий в XVII в. аккузативный тип управления при глаголах уступки не сохранился до наших дней, а был заменен либо предложными конструкциями (*отступиться от чего, мстить за что*), либо беспредложным творительным — ТП (*поступиться чем*). При глаголах охраны и заботы ВП несколько преобладает над РП. Одновременно И. Майер отмечает, что в этой группе глаголов в некоторых случаях вариативность ВП и РП семантически обусловлена: объект, выраженный абстрактным существительным, чаще всего стоит в РП, в то время как ВП преобладает в конструкциях с конкретным существительным. Среди глаголов со значением чувственного восприятия и памяти картина управления неодинакова. Так, соотношение ВП и РП при бесприставочном глаголе *слушать* равно 6 : 6, при глаголе *послушать* существенно преобладает РП (5 : 1), в то время как при *выслушать* употребляется в основном ВП (10 : 2).

При глаголах активного зрительного восприятия распределение падежей следующее: при *смотреть* преобладает ВП (8 : 6), а при *досматривать* — РП (6 : 3). Всего в этом разделе рассмотрено 29 глаголов — и это без учета видовых соответствий и однокоренных вариантов, например, *прошать, смотреть, отместить* и др.

В пятом разделе (с. 207—263) рассматривается вариативность дательного (ДП) и винительного (ВП) падежей. Здесь автор выделяет следующие группы глаголов: а) со значением дарения (Verben des Schenkens) — *дарить, подарить, одарить, даровать, подаровать, жаловать, пожаловать*; б) со значением извещения (Verben des Mitteilens) — *известить, извещать, повецать, обвести, обнадежить*; в) со значением просьбы (Verben des Bittens) — *молить, просить, прощать*; г) со значением поздравления (Verben des Glückwimschens) — *поздравить/поздравлять, здравствовать*; д) со значением прощения (Verben des Verzeihens und des Duldens) — *простить, пожаловать, терпеть/потерпеть*; е) со значением влияния (Verben des psychischen Einwirkung) — *грозить, угрожать, заставить/заставливать*; ж) со значением помощи и противодействия (Verben des Mitwirkens und Entgegenwirkens) — *помочь/помогать, подмогать, мешать, вредить*.

Опираясь на примеры, автор делает вывод о том, что, в отличие от предыдущего случая, где уже намечается общая тенденция — расширение сферы ВП при одновременном сужении употребления РП — в области вариативности ДП и ВП нельзя обнаружить общую для всех глаголов тенденцию. Здесь можно отметить только некоторые отдельные явления.

Во-первых, И. Майер показывает, что ряд глаголов, управлявших ДП в древнерусский период, сохраняет этот тип управления и в XVII в., лишь спорадически сочетаясь с ВП (*известить кому, грозить кому, помочь кому* при крайне редких случаях управления *известить кого, грозить кого, помочь кого*). Во-вторых, как отмечает автор монографии, при некоторых глаголах традиционный ВП употребляется параллельно с более новым ДП (*дарить кого чем / кому что; молить кого / кому, обнадежить кого / кому, поздравлять кого / кому, прощать кого / кому; мешать что / чему* и др.). В результате такого параллельного употребления находим в одних случаях полный переход на дативное управление (глаголы *дарить, мешать*), в других, более многочисленных случаях, — закрепление сферы употребления ранее доминировавшего аккузативного управления (*молить, обнадежить, поздравлять*). Таким образом, временное употребление ДП в этих конструкциях является лишь свидетельством нестабильности системы управления в данный период развития русского языка. В некоторых случаях колебания в выборе ДП или ВП зависели от характера объекта. Например, глагол *мешать / помешать* управлял только ДП, сочетаясь с личным объектом, в то время как в сочетании с предметным объектом этот глагол мог управлять обоими падежами.

Два последующих раздела — шестой и седьмой — значительно меньше по объему, поскольку в них трактуются редкие случаи вариативности глагольного управления. В шестом разделе (с. 264—275) рассматривается параллельное употребление ВП и ТП, в седьмом (с. 276—284) — РП и ДП.

Вариативность ВП и ТП представлена в В-К только четырьмя глаголами: *владеть / завладеть, метать, поступиться*, причем эта вариативность проявляется по-разному. Так, пара *владеть / завладеть* исконно управляла ТП, но иногда эти глаголы могли сочетаться и с ВП, причем не только в среднерусский, но и в древнерусский период. Автор показывает, что в В—К при данной паре глаголов преобладает ТП (соотношение 95 : 11), который в дальнейшем полностью вытеснил ВП. Что касается двух других глаголов, рассмотренных в шестом разделе, то при них доминирующим является ВП при спорадическом употреблении ТП. Например, глагол *поступиться* зафиксирован в этом источнике в ТП лишь один раз. Этот же глагол был рассмотрен автором и во втором разделе монографии, так как в изученном источнике при нем наблюдается также вариативность ВП и РП. Обращаясь к этим данным, автор полагает, что ТП при глаголе *поступиться* появляется лишь в XVII в., что еще не получило достаточного распространения, чтобы быть зафиксированным в В—К большим количеством примеров. Вариативность падежей при глаголе *метать*, как показывает автор, зависит от характера объекта: при предметном объекте наблюдается вариативность ВП и ТП, в то время как при личном объекте глагол управляет исключительно ВП.

Наконец, в последнем седьмом разделе рассматривается тип вариативности, который не является и никогда не являлся типичным для русского языка, а именно вариативность РП и ДП. В исследуемом источнике автор находит лишь два глагола — *доложить / докладывать* и *последствовать* — при которых объект мог стоять как в РП, так и ДП. Однако автор замечает, что эта вариативность была, вероятно, устаревшей уже в рассматриваемый период, так как другие письменные памятники ее не подтверждают. Анализируя видовую пару *доложить / докладывать*, автор констатирует, что во многих

случаях трудно установить, в каком падеже стоит объект — РП или ВП, ввиду синкретичности этих падежных форм при одушевленных существительных. Основываясь на нескольких однозначных примерах (*доложа всей великой улицы Рогатицы; доложя старца Иосеи и старца Ионы*), автор все-таки делает вывод о том, что и в остальных случаях мы имеем дело с РП, а не ВП. Генитивное управление при этом глаголе, как известно, полностью было вытеснено дативным, однако в В—К в семи встречающихся контекстах преобладает пока РП — 5 : 2.

В Заключении И. Майер суммирует выводы, сделанные в ходе работы. Здесь приводятся только те из них, которые не упоминались выше.

Автор констатирует, что В—К содержат богатый материал, иллюстрирующий вариативное беспредложное глагольное управление в русском языке XVII в. В источнике зафиксировано 29 глаголов, которые манифестируют вариативность между ВП и РП; 18 глаголов, употребляющихся то с ДП, то с ВП; три глагола, показывающих редкую вариативность между ВП и ТП; а также два глагола, которые подтверждают еще более редкую, но все-таки встречавшуюся вариативность между РП и ДП.

Большую роль в этой работе сыграло, как считает сам автор, сопоставление переводных текстов с оригиналами. Первоисточники были обнаружены не для всех переводных текстов. Из 430 цитат только четвертая часть — 113 — могли быть сопоставлены с оригиналом. Анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев — их 84 — синтаксические конструкции в языке текста-оригинала и языке перевода не совпадают. Только в 29 конструкциях из 113 констатировано совпадение, когда, например, немецкий ДП переводится русским ДП или когда нидерландскому прямому объекту соответствует русская конструкция с ВП. Однако и в этих случаях, как подчеркивает автор, нельзя с уверенностью сказать, что мы наблюдаем калькирование, так как в большинстве таких примеров синтаксические конструкции исходного языка совпадают либо с доминирующими синтаксическими конструкциями русского языка того времени, либо с одной из параллельно употреблявшихся форм. Для подтверждения своих выводов о том, что язык В—К дает адекватное отражение живых процессов русского синтаксиса и является именно русским языком того времени, а не калькой, автор приводит многочисленные примеры, которые мы здесь опускаем.

Завершает работу библиография, которая состоит из четырех разделов: а) источники (25 наименований составляют русские источники и 30 — западные); б) картотеки и текстовые корпуса (4 наименования); в) словари (22 наименования); г) использованная литература (120 наименований, из которых больше половины представлены трудами на русском языке).

В приложении даются таблицы, в которых приводятся идентифицированные до 1997 г. западные оригиналы, с которых делались переводы, послужившие материалом для данного исследования.

Прежде чем перейти к обзору следующей работы, мы хотели бы добавить, что в настоящее время автор представляемой здесь монографии продолжает заниматься текстами В—К в рамках двух проектов. Во-первых, И. Майер пишет новую монографию по глагольному управлению XVII в., на сей раз предложному; во-вторых, она участвует в подготовке к выпуску шестого тома В—К, в который войдут тексты 1660—1670 гг. Автору удалось найти немало западных оригиналов, с которых был сделан русский перевод. Эти оригиналы будут опубликованы в шестом томе в качестве приложения.

Вторая монография, которую мы хотим представить в этом обзоре, — диссертация Э. М. Шараповой на соискание шведской степени доктора философии «Имплицитная и эксплицитная норма в глагольном ударении современного русского языка»: *Elisabeth Marklund Sharapova. Implicit and Explicit Norm in Contemporary Russian Verbal Stress // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 40. Uppsala, 2000. 302 pp.*

Проблемам русского ударения посвящено много трудов как российских, так и зарубежных русистов, о чем свидетельствует впечатляющий список литературы, использованной автором, — 283 наименования. Внимание в монографии сфокусировано на глагольном ударении. Однако этот вопрос интересует автора не столько сам по себе, сколько в связи с исследованием теоретического вопроса о норме в словесном ударении.

Монография состоит из семи глав. В первой главе — Введении (с. 13—38) — автор вводит читателя в проблематику данного исследования. После краткого представления монографии, где дается не только традиционная «цель исследования», но и определение используемых в работе понятий, а также описание метода и структуры работы, автор переходит к истории вопроса. Остановившись на трудах, посвященных различным проблемам русского ударения, Э. М. Шарапова не просто описывает их содержание, но и дает оценку того вклада, который они внесли в изучение русского ударения. Здесь представляются, в частности, орфоэпические словари начала XX в., работы, посвященные норме и языковым изменениям, труды, в которых рассматриваются только проблемы ударения, а также ранее проведенные экспериментальные исследования в области русского ударения. Подводя итог сказанному в данном разделе, автор приходит к выводу, что языковая норма в современном русском языке понимается достаточно узко. Создается впечатление, что широкая и непредвзятая дискуссия о том, что такое норма, обойдена стороной в общей дискуссии о состоянии русского языка, поскольку объективная норма принималась за нечто само собой разумеющееся. Далее в этой же главе в сжатой форме освещается проблематика русского словесного ударения, где автор особо останавливается на акцентных вариантах и возможных причинах их существования. Введение завершается более четкой постановкой цели данной работы: а) дать анализ понятию «норма», русской языковой политике и нормализаторской деятельности; б) дать анализ орфоэпическим словарям; в) описать эксплицитную норму в русском глагольном ударении; г) описать имплицитную норму в русском глагольном управлении; д) дать анализ соотношению между эксплицитной и имплицитной нормами и на базе этого анализа получить картину русской акцентологической нормы как в теории, так и на практике. Этим авторским целям подчинена вся дальнейшая структура монографии.

Во второй главе (с. 39—76) рассматриваются понятия «норма» и «кодификация». Сначала Э. М. Шарапова обращает внимание на полисемичность понятия «норма» — факт не всегда учитываемый в лингвистических работах, посвященных вопросам о норме в языке. Затем автор переходит к показу того, как понятие «норма» трактуется в применении к русскому языку. В русской лингвистической традиции используются три критерия для определения нормы: (1) соответствие системе языка; (2) узус; (3) авторитет / традиция / необходимость. Другими словами, чтобы считаться нормативным, языковое явление должно соответствовать правилам языковой системы, употребляться широкими слоями носителей

языка и быть представленным в авторитетных источниках. Автор подходит критически к каждому из этих критериев, полемизируя с исследователями, ранее рассматривавшими вопрос о норме. Подводя итог дискуссии о том, что же такое норма, автор заключает, что в этом понятии следует выделять два аспекта: эксплицитную и имплицитную норму². Кратко эти понятия можно объяснить следующим образом: эксплицитная норма — это кодифицированная норма, то, что предписывается словарями и учебниками. Имплицитная норма — это узус и отношение носителей языка к узусу. Далее автор уточняет, что узус является — с небольшими оговорками — единственным объективным критерием для определения нормы, и что именно под таким углом зрения он рассматривается в данной работе. Здесь автор считает нужным подчеркнуть следующее: а) имплицитная норма не выводится чисто квантитативно из узуса всех носителей языка; б) она основывается не только на узусе, но и на отношении к нему носителей языка; в) узус и отношение к нему *всех* носителей языка не могут лежать в основе определения того, что должно считаться нормативным. Такой подход противоречит встречающемуся в литературе мнению, согласно которому вариант может считаться нормативным, если его употребляют 55% носителей языка. Установление таких четких границ, считает автор, невозможно по той причине, что любая цифра будет лишь относительной, поскольку невозможно исследовать узус всех носителей языка одного языкового коллектива.

Далее во второй главе большое место отводится понятию «современный русский литературный язык». Здесь автор останавливается на таких вопросах, как определение и терминология, отношение между кодифицированной нормой и литературным языком, дает хронологическое и социальное определение русского литературного языка, а также очерчивает сферу его применения. Не упускаются и такие аспекты функционирования литературного языка, как его отношение к разговорной речи, просторечию и территориальным диалектам.

Определив понятие «акцентный вариант» и охарактеризовав существующие в русском языке типы вариативности ударения, автор переходит к описанию встречающихся нарушений нормы или отступлений от нее. Отмечая, что норма не является чем-то раз и навсегда заданным, а изменяется вместе с языком, автор останавливается на причинах языковых изменений. Не остается без внимания также и вопрос о языковой политике и кодификации русского языка. При этом автор делает экскурс в историю нормализаторской деятельности в России.

Подводя итог второй главе, целью которой было всестороннее рассмотрение понятий «норма» и «кодификация языка», автор делает следующие выводы, которые приводятся здесь в кратком виде.

а) Большую проблему при кодификации русского языка создает тот факт, что само понятие «норма» не имеет ни рабочего, ни лингвистического, ни социологического определения, а представляет собой чисто субъективное построение.

б) Норма может существовать в эксплицитной и имплицитной формах. Проблематичным здесь является то, что существует предвзятое мнение об объективности существующих норм. На самом деле

² Эти термины Э. М. Шарапова употребляет вслед за такими лингвистами, как В. Хартунг (W. Hartung), С. Алеонг (S. Aléong) и Д. Е. Эйджер (D. E. Ager).

языковые нормы складываются в результате взаимодействия многих факторов, а не только путем кодификации.

в) Носители языка и кодификаторы по-разному относятся к существующим языковым нормам и вопросам языковой правильности. С одной стороны, если для лингвиста инновации и отклонения от нормы могут быть знаком языкового развития, для неспециалиста это, скорее, признак упадка речевой культуры. С другой стороны, не существует единогласия между кодифицированной нормой и нормой, которой следует языковой коллектив.

Третья, небольшая по объему глава (с. 77—93) посвящена вопросу о том, как норма отображена в орфоэпических словарях. Дав краткую справку об истории издания орфоэпических словарей, Э. М. Шарапова переходит к обзору двух основных источников, использованных для этого исследования, а именно: [ОС 1997] и [РПП 1996]. Они были выбраны в качестве основных источников не случайно. Это сравнительно недавно вышедшие орфоэпические словари достаточного объема, которые содержат большое количество стилистических и нормативных помет и, таким образом, дают более полную, хотя и далеко не исчерпывающую картину вариативности в русском ударении. Большинство других словарей отмечают только нормативное ударение или очень незначительное количество вариантов. Негативная лингвистическая информация в них, как правило, отсутствует. А словари, в которых такая информация дается, изданы более четверти века назад, например [Горбачевич 1973]³. Все словари, использованные в данном исследовании (их семь), получают краткое описание и объяснение, почему они привлекаются автором только в качестве сравнительного фона.

Тщательно сопоставив принципы подачи материала в обоих основных источниках, Э. М. Шарапова приходит к заключению о том, что не существует соответствия в нормативных пометах: 1) составители словарей ударений не имеют определенного концепта нормы; 2) используется слишком много помет для характеристики акцентных вариантов, причем эти пометы часто не имеют четкого определения; 3) некоторые пометы употребляются неодинаково в разных источниках; 4) некоторые пометы, употребленные в одном источнике, распространяются на более широкую группу в другом. Например, *простореч.* в РПП употребляется при вариантах, которые в ОС помечены *не рек.* и *неправ.*; 5) пометы совпадают только в половине случаев.

Все это создает проблемы как в теоретическом, так и практическом планах, что автор показывает в шестой главе.

В самой большой по объему четвертой главе (с. 94—224) представляются результаты исследования акцентных вариантов как в основных письменных источниках, так и в проведенном автором эксперименте. Прежде чем приступить к описанию проведения устного и письменного тестирования, автор уточняет поставленные задачи, а именно, исследовать: а) актуальную норму и актуальный узус языкового коллектива; б) совпадают ли эксплицитная и имплицитная нормы; в) как соотносится узус с представлением говорящего об этом узусе; г) отражают ли орфоэпические словари акцентную вариантность, существующую в узусе, и, наоборот, подтверждаются ли варианты, данные в словарях, узусом носителей языка; д) какая группа информантов стоит ближе к словарной норме;

³ Новое издание этого словаря (2000 г.) вышло практически одновременно с монографией, отчего Э. М. Шарапова не смогла использовать его в своем исследовании.

е) как относятся представители языкового коллектива к словарным пометам.

Для того чтобы получить ответ на эти вопросы, Э. М. Шарапова провела письменный и устный опрос информантов. Метод проведения опроса, методологические соображения, тестовый материал, данные об информантах, условия проведения тестов и принципы подачи как словарного, так и тестового материала — все это подробно описано в § 4.1. К сожалению, в этом небольшом обзоре нет возможности остановиться на всех деталях. Заметим только, что тесты проводились в Москве при участии 106 информантов и что устный тест был построен таким образом, чтобы информанты не знали, что именно интересуется исследователь.

Далее в этой главе автор рассматривает четыре группы глаголов: 1) глаголы с вариативным ударением во всей парадигме — § 4.2; 2) глаголы с вариативным ударением в настоящем и будущем времени — § 4.3; 3) глаголы с вариативным ударением в инфинитиве — § 4.4; 4) глаголы с вариативным ударением в прошедшем времени — § 4.5.

Каждый из параграфов построен по одинаковой схеме. Сначала автор, ссылаясь на предыдущие исследования, дает общие тенденции, которые наблюдаются в данном акцентологическом типе. Например, для глаголов первой группы это две разнонаправленные тенденции: прогрессивная — с переходом ударения с корня или основы на тематическую гласную (*ржа́веть* > *ржавéть*) и регрессивная — с переходом ударения с суффикса на корень или основу (*кле́ить* > *клеи́ть*). Затем рассматриваются отдельные подгруппы глаголов, в зависимости от окончания в инфинитиве. Для каждой такой подгруппы представляются сначала словарные данные. Например, для инфинитива на *-ать* получаем следующую информацию: если нормой в словарях считается ударение на окончании, то ударение на основе помечается словарями как а) неправ./простореч. *бряца́ть* -*бряца́ть*, б) не рек./простореч. *перха́ть* — *пе́рхать*, в) и/и *рыка́ть* — *рыка́ть*. Если нормой в словарях считается ударение на основе, то ударение на окончании помечается как а) _/простореч. *ко́мкать* — *комка́ть*, б) не рек./простореч. *ще́лкать* — *щелка́ть*, в) и/разг. *запы́хаться* — *запыха́ться*. Если есть другие варианты в ударении, то приводятся и они. Затем автор представляет данные опроса информантов. Например, относительно глаголов первой группы на *-ать* автор замечает, что наблюдаются случаи несоответствия между эксплицитной и имплицитной нормами. Однако нельзя различить какую-либо общую тенденцию к перемещению ударения на окончание, как и нельзя сформулировать какие-либо правила, которые бы мотивировали норму. Все случаи совпадения и расхождения эксплицитной и имплицитной норм подробно комментируются, причем по ходу изложения материала автор обращается к ранее опубликованным теоретическим и экспериментальным исследованиям, сравнивая их данные со своими. Всего в этой главе рассмотрено 25 подгрупп, содержащих вместе 292 акцентных варианта.

В конце четвертой главы (§ 4.7) Э. М. Шарапова сопоставляет результаты устного и письменного тестов. Устный тест показал, как информанты ставят ударения в действительности (actual usage), в то время как письменный тест показал отношение носителей языка к тому или иному ударению (reported usage)⁴. Автор делает вывод о том, что между actual usage и reported usage нет прямого соответствия.

⁴ Информантам был предложен список глаголов с проставленными ударениями (нормативными и акцентными вариантами), против которых они должны были отметить следующие графы: Я сам/а/ так говорю и знаю, что это правильно; и думаю, что это правильно; но не знаю, правильно ли это; но знаю, что это неправильно. Я сам/а/ так не говорю и не знаю, правильно ли это; и думаю, что это неправильно; и знаю, что это неправильно.

Из общего числа 3875 наблюдений несовпадения отмечены в 904 случаях, т. е. в 23,3%. Это указывает либо на неуверенность информантов в том, что является нормой, либо на принятие ими нескольких акцентных вариантов. Сюда относятся следующие случаи:

— формы муж. р. и мн. ч. невозвратных глаголов в прош. вр. (ударение на приставке и на основе) *о́тда́л, про́жили, про́да́л, про́дали, распрóдали, пéре́жил, о́жили* и др.;

— формы муж. р. возвратных глаголов в прош. вр. (ударение на приставке и окончании, иногда в корне) *на́чался', о́бня'лся'*;

— формы мн. ч. возвратных глаголов в прош. вр. (ударение на приставке и окончании, иногда в корне) *по́днялись, за́нялись*. Для некоторых форм мн. ч. с корнем / основой не на *-ня-* неуверенность или, наоборот, принятие акцентного варианта касались ударения на основе и окончании: *собра́лись, напи́лись, дожда́лись, разобрáлись*;

— некоторые глаголы в форме наст. вр. (ударение на основе и окончании) *прислóнит, шевéлишь, мо́рит, глúи́ишь, звóнит* и др.;

— некоторые глаголы в инфинитиве и с подвижным ударением во всей парадигме: *преми́ровать, ба́луешься*.

В заключение автор подчеркивает, что эксплицитная и имплицитная нормы в большинстве случаев совпадают. Однако во многих случаях русские информанты употребляют тот акцентный вариант, который они сами считают правильным, независимо от того, совпадает ли он с данными нормативных словарей. Уровень языковой неуверенности среди русских информантов, по мнению автора, низкий.

Пятая глава (с. 225—233) посвящена анализу вопроса о том, насколько привержены норме различные группы информантов. Здесь автор представляет результаты тестов в статистической форме и дает ответ на четыре вопроса: 1) в какой степени имплицитная норма совпадает с эксплицитной нормой; 2) правильно ли утверждение, что группа, включающая так называемых носителей литературного русского языка, чаще следует эксплицитной норме при выборе акцентного варианта; 3) какая группа информантов находится ближе к эксплицитной норме и какая наиболее отходит от нее (разделение на группы основывается на следующих данных: возраст, пол, родной язык, место, где прошло детство, место наиболее длительного пребывания во взрослом возрасте, образование); 4) какие общие черты объединяют информантов, у которых наблюдалось наибольшее совпадение с эксплицитной нормой, и тех, у кого отмечено наименьшее совпадение.

Анализ привел к следующим результатам, которые здесь представляются в значительно сокращенном виде.

Если рассматривать группу информантов в целом, то совпадение имплицитной нормы с эксплицитной наблюдается в 57,1% случаев (165 из 289). Однако эта цифра варьирует по отдельным глаголам — от 95 совпадений до 203 из 289 возможных. Если из группы информантов выделить тех, кто по традиционным критериям считается носителем литературного языка, количество совпадений несколько выше — 166,5. Одновременно с этим информанты, традиционно не причисляемые к носителям литературного языка, показывают более низкое количество совпадений — 149,6.

Отличия по возрастным группам следующие: наиболее привержены эксплицитной норме информанты в возрастной группе 17 лет — 31 год, наименее — в возрастной группе 47 лет — 61 год.

Результаты показали, что пол также играет определенную роль: женщины следуют эксплицитной норме чаще, чем мужчины — 171,9 и 151,7 совпадений соответственно.

Сравнение информантов по географическому признаку (месту, где прошло детство, и месту наиболее длительного пребывания во взрослом возрасте) показало, что наименьшую приверженность кодифицированной норме имеют информанты, детство которых или большая часть взрослой жизни прошли на юге России: 127,0 и 110,0 совпадений соответственно.

Что касается признака образования, то здесь выделяется только группа наименее образованных (8—9 классов) — 118,0 совпадений. По другим группам (среднее специальное, законченное высшее, среднее общеобразовательное, незаконченное высшее (студенты)) — в среднем 162 совпадения.

Наконец, автор также проанализировал характеристики, которые являются общими для десяти информантов, имевших наибольшее число совпадений с кодифицированной нормой, и для десяти с наименьшим числом совпадений. Все десять в первой группе отвечают критериям, по которым традиционно определяются носители литературного русского языка: у всех законченное среднее образование (все они на момент проведения тестов были студентами), они провели большую часть своей жизни в городе, и русский язык является их родным языком. В группе, чей узус наиболее отличается от кодифицированной нормы, не все информанты отвечают трем критериям носителей литературного языка, однако каждый из информантов отвечает, по меньшей мере, одному критерию.

В шестой главе (с. 234—247), где сравниваются результаты тестов с данными словарей, автор показывает следующее: а) соотношение между ответами информантов и пометами в орфоэпических словарях; б) противоречивые нормативные пометы в главных и дополнительных источниках; в) случаи имплицитной нормы, не отраженной в основных источниках (в сравнении с дополнительными источниками).

Прежде всего автор указывает на наиболее «проблематичные» нормативные ударения, то есть такие, которые в наименьшей степени соответствуют узусу информантов. Сюда относятся: формы муж. р. прош. вр. возвратных глаголов с нормативным ударением на окончании (*-ся?*); некоторые формы муж. и ср. р. прош. вр. невозвратных глаголов с нормативным ударением на приставке (*на́лил, до́лило, не́ дало*); некоторые глаголы на *-ит* с нормативным ударением на окончании (*мо́рит, поме́стится, вклю́тится, кровоте́чит, глуши́т*); некоторые глаголы на *-ит* с нормативным ударением на основе (*стрóчишь, прислóнишь, заслóнит*), а также глаголы *перепéрчить, за́индеветь, заржа́веть, подомовни́чать, ба́ловаться*.

Затем сравниваются расхождения в пометах между основными источниками. При этом автор привлекает также материалы других источников и сопоставляет все полученные данные с результатами тестов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что не существует прямого соответствия между имплицитной нормой, т. е. нормой, существующей в языковом коллективе, и теми пометами, которые даются составителями нормативных словарей. Исключение составляют пометы *грубо неправ.* / *грубо простореч.* и *устар.*

Такие ударения были отвергнуты подавляющим большинством информантов. Что же касается всех других помет — *и, доп. / разг, не рек. / простореч., неправ. / простореч.* — отношение информантов к таким акцентным вариантам и их фактическое употребление варьирует на шкале от 100%-ого совпадения с предписаниями словарей до 0%.

Кроме этого, автор заключает, что во многих случаях не существует согласия между основными источниками в том, какой акцентный вариант следует считать нормативным. Картина становится еще более запутанной, если принять во внимание данные дополнительных источников, использованных в этом исследовании.

Наконец, сравнение имплицитной нормы с данными словарей показало, что есть глагольные ударения, которые почти не употребляются информантами, но которые представляют собой кодифицированную норму в основных источниках, в то время как ударения, широко употребляемые информантами, не всегда отображены в словарях, даже в виде акцентных вариантов. Только три словаря из всех рассмотренных достаточно близко отображают имплицитную норму⁵.

Подводя итог шестой главе, автор замечает, что существует необходимость пересмотра норм не только при создании новых словарей, но и переиздании старых. При этом, как считает автор, следует использовать данные не одного, но нескольких лексикографических источников наряду с результатами массовых обследований узуса.

Седьмая, последняя глава (с. 248—251) коротко суммирует результаты исследования.

В приложениях к монографии находим формуляры, использованные при устных и письменных тестах, а также сводные таблицы, показывающие все результаты исследования.

Последняя работа, которую мы представляем в этом обзоре, посвящена вопросам текстологии. Диссертация Т. Росена на соискание шведской степени доктора философии «Славянский перевод апокрифического евангелия Фомы *Детство Иисусово*» вносит свой вклад в изучение истории создания славянских переводов: *Thomas Rosen. The Slavonic Translation of the Apocryphal Infancy Gospel of Thomas // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 39. Uppsala, 1997. 173 pp.*

Настоящая монография посвящается одному из малоисследованных представителей корпуса славянских переводов — апокрифическому евангелию *Детство Иисусово* (далее ДИ)⁶. Этот перевод неоднократно привлекал внимание исследователей, однако круг проблем, рассматривавшихся в предыдущих работах, ограничивался либо отдельными вопросами, связанными с историей перевода ДИ, например [Сперанский 1895; Яцимирский 1899; de Santos 1967], либо изданием и анализом текста ДИ по какой-либо определенной рукописи, например [Попов 1872; Архангельский 1899; Лавров 1899]. Более полный обзор работ, посвященных этому переводу, дается в первой главе.

Монография состоит из введения, пяти глав, списка сокращений и библиографии.

Во введении (с. 13—15) автор прежде всего подчеркивает одну из главных трудностей, связанных с исследованием новозаветных апокрифов. Она состоит в том, что эти переводные тексты в славянской традиции всегда входили в состав сборников и компиляций самого различного характера и содержания,

⁵ См. [Агеенко, Зарва 1993; 2000; Кузнецов 1998].

⁶ У М. Н. Сперанского (см. [Сперанский 1895]) это евангелие называется «Апокрифическое евангелие Фомы».

таких, как четьи минеи, прологи или Златоуст, Измарагд и др. Поэтому апокрифические произведения в славянской рукописной традиции отличаются значительной текстуальной нестабильностью: ведь они подвергались таким же изменениям и редакционным обработкам, каким подвергались сами сборники. Опираясь на уже существующие работы, посвященные тем или иным аспектам исследования ДИ, автор приходит к следующему заключению: отдельные фундаментальные вопросы, связанные с ДИ, остаются до настоящего времени невыясненными; отсутствует полное издание рукописного материала; нерешенным остается важный для любого переводного текста вопрос о том, восходят ли дошедшие до нас тексты ДИ к одному переводу или этот текст был переведен несколько раз. Не существует также единого мнения о времени создания самого перевода. Исходя из сложившейся ситуации в области исследования ДИ, автор формулирует цели своей работы так: а) подготовить критическое издание всего рукописного славянского материала, содержащего ДИ; б) ответить на вопрос о количестве переводов, к которым восходят славянские списки ДИ; в) определить, как соотносится ДИ с параллельными греческими текстами, а также с переводами ДИ на другие языки; г) определить, как соотносятся между собой тексты ДИ отдельных славянских списков; д) установить исходное содержание перевода (переводов) и определить ту славянскую рукопись (или рукописи), где оно сохранилось в наиболее полной форме; е) определить время и место славянского перевода.

Первая глава (с. 17—26) посвящается краткому обзору текстов ДИ на греческом языке и в переводах, включая и исследуемый славянский перевод. Особый интерес здесь вызывает экскурс в греческую рукописную традицию, поскольку кроме существующих изданий греческого текста ДИ автор обращается и к отдельным неизданным до настоящего времени греческим рукописям, содержащим текст ДИ. Некоторые из них используются в проводимом здесь анализе. Помимо греческих текстов, в этой главе приводятся также краткие сведения о ДИ на других языках — сирийском, латинском и грузинском. Основное внимание, однако, уделяется славянскому переводу ДИ, а также анализу предшествующих работ, посвященных этому тексту.

Текст ДИ известен в настоящее время по 16 рукописям, датируемым XIV—XIX вв. Шесть из них содержат более древнюю — средневековую — версию текста, представленную среднеболгарскими, сербскими и древнерусскими рукописями. Остальные десять — более поздние украинские рукописи, датируемые XVIII—XIX вв. Научный интерес к славянскому ДИ появился сравнительно рано, и уже к концу XIX в. ему был посвящен ряд отдельных статей. Как отмечает автор, исследование этого текста началось менее чем через 70 лет после написания самого позднего известного славянского списка, содержащего текст ДИ, который датируется 1805 годом. История исследования славянского перевода ДИ, согласно проведенному анализу, распадается на два четко ограниченных этапа: период до первой мировой войны и период, начавшийся в 1950 году и продолжающийся до настоящего времени. Анализируя результаты предшествующих работ, автор приходит к выводу о том, что исследователи единодушны только в том, что в основу этого перевода был положен греческий текст. Мнения, однако, расходятся в вопросе о том, был ли этот текст переведен один раз или мы имеем дело с разными переводами,

сделанными, возможно, не в одно и то же время. Существуют разногласия и в установлении времени создания этого перевода (X—XI вв. или XIII в.), а также места (Болгария или Македония).

Во второй главе (с. 27—38) автор переходит к описанию материала, который положен в основу критического издания славянского текста ДИ, а также материала на греческом и других языках, который используется при текстологическом анализе этого перевода. Для издания славянского текста привлекается большинство известных на сегодняшний день списков, содержащих ДИ. Шесть из них — одна болгарская, три сербских, одна древнерусская и одна хорватская — датируются XIV—XVI вв. Они содержат более ранний (средневековый) вариант текста ДИ. Все названные тексты уже опубликованы раньше отдельными изданиями. Для своей работы автор настоящей монографии использует как микрофильмы рукописей, так и уже существующие издания. Последнее объясняется тем, что микрофильмы некоторых рукописей было невозможно получить по различным причинам. Так обстоит дело, например, с сербским сборником XIV в., хранившимся в Народной библиотеке в Белграде и содержащим на листах 108—125 текст ДИ. Сама рукопись погибла при бомбардировках во время второй мировой войны, но входивший в нее текст ДИ был издан еще в 1876 г. Второй, более поздний вариант текста ДИ представляют, как уже было сказано, украинские рукописи, датируемые XVIII—XIX вв. Из десяти известных сегодня списков с текстом ДИ шесть привлекаются для издания. Для каждой рукописи дается краткое описание и необходимая библиографическая справка.

Помимо описания и анализа славянского рукописного материала, использованного в издании текста ДИ, Т. Росен останавливается на неславянских текстах ДИ, также использованных в работе. Особое внимание здесь, естественно, уделено греческим текстам ДИ, поскольку установлено, что славянский текст ДИ является переводом с греческого. Кроме общедоступных изданий греческих текстов к анализу впервые привлекаются также три неопубликованные греческие рукописи. По мнению автора, определенный интерес представляют также тексты ДИ на латинском, сирийском и грузинском языках, так как в предшествующих исследованиях можно найти указания на то, что отдельные чтения славянского перевода следуют не известным греческим текстам, а одному из названных переводов. Таким образом, эти переводы, включая и славянский, отражают исчезнувшую редакцию греческого текста.

В третьей главе (с. 39—97) центральное место занимает сам славянский текст ДИ, где дается анализ композиции и распределения различных эпизодов и затем дается сам текст. Для более обозримого анализа содержания славянского текста по имеющимся спискам, количества эпизодов и их расположения в каждом списке автор представляет все данные в форме таблицы и сопровождает ее собственными комментариями. Из 26 представленных в славянских текстах эпизодов ДИ 20 имеют параллель в известных греческих текстах. Шесть эпизодов остаются в них без точного соответствия. Однако автор полагает, что поскольку в большинстве случаев эти эпизоды сохранились в других переводах, они тоже восходят к греческим текстам, которые не сохранились до наших дней.

Предлагаемое в данной главе издание ДИ состоит из двух частей, или двух отдельных критических изданий. Первая часть — издание средневекового варианта текста ДИ. В основу этого издания положен текст среднеболгарской рукописи, датируемой 1337—1355 гг.,

которая в настоящее время хранится в Библиотеке РАН в Санкт-Петербурге под номером 13.3.17 (в монографии под буквой J). Вторая часть представляет собой издание текста ДИ украинской рукописной традиции. В основу издания положен текст рукописи Cod. No. 472, датируемой 1732 годом, которая хранится в Киеве, в Институте литературы УАН (в предлагаемом издании под буквой I).

Четвертая глава (с. 99—134) полностью посвящена текстологическому анализу представленного в издании славянского материала. Здесь внимание автора сосредоточивается на разрешении следующих вопросов. Сколько переводов отражают дошедшие до нас тексты ДИ — один или несколько? Каковы отношения между славянским текстом ДИ и известными греческими текстами, а также текстами ДИ на других языках? В цели текстологического анализа входит также определение отношений между текстами отдельных славянских рукописей, определение содержания перевода (или переводов) в его исходной форме, а также установления того, в какой славянской рукописи или рукописях это первичное состояние перевода сохранилось в наилучшей форме.

Для анализа выбираются отдельные главы-эпизоды текста ДИ, причем для автора главным является соответствие следующим критериям: избранные для анализа главы должны представлять такие части текста, как начало, середину и конец ДИ; эти эпизоды должны иметься в подавляющем большинстве списков. Исходя из этих критериев, автор останавливает свой выбор на эпизодах V, VI, VIa, XVI, XVII и XVIII. Текстологический анализ проводится в два этапа: на первом этапе исследуются тексты шести славянских списков, содержащих старший вариант текста ДИ, в то время как на втором этапе соответствующий анализ проводится на материале текстов украинских рукописей.

Текстологическое исследование славянского текста, проведенное с привлечением широкого материала как из греческих текстов ДИ, так и из текстов на других языках, позволяет автору сделать несколько важных выводов относительно истории славянского ДИ. Во-первых, автор нашел подтверждение мнению большинства исследователей о том, что все тексты поздних славянских списков представляют один и тот же перевод, который за время своего существования несколько раз подвергался правке по греческим рукописям, отличавшимся от оригинала, использованного для этого перевода. Правки славянского перевода в соответствии с доступными для правщика греческими рукописями проводились в разное время. В общей сложности, по мнению Т. Росена, славянский перевод ДИ был подвергнут такой правке четыре раза. Во-вторых, автор выделяет два списка (С и J), которые не несут никаких следов поздней правки и, таким образом, содержат текст, который наиболее близок к исходному переводу. Опираясь на результаты анализа, полученные в настоящей главе, автор составил стемму всех текстов, использованных в исследовании славянских рукописей.

В пятой и заключительной главе (с. 135—166) автор обращается к вопросу о времени и месте создания перевода. Детально проанализировав аргументы, традиционно выдвигавшиеся в качестве доказательства при установлении времени и места создания определенного перевода, автор приходит к выводу, что такие данные, как, например, особенности орфографии, морфологии или лексики, не могут выступать единственным убедительным аргументом в пользу того или иного мнения. Важную

информацию в вопросе о месте и, главное, времени создания перевода может также дать анализ переводческой техники, к которому автор и обращается в этой главе. Для этого он сравнивает тексты только двух рукописей (С и J), которые, как уже было сказано, не были подвергнуты правке в соответствии с греческими текстами различных редакций. Пословный анализ перевода и параллельного греческого текста позволяют Т. Росену выделить несколько особенностей техники перевода: стремление к пословной передаче оригинала, использование *hendiadys* (передача значения одного греческого слова несколькими славянскими) и многочисленные случаи поморфемного перевода греческих слов. Все эти черты относятся к характерным особенностям переводческой техники у славян IX—XI вв.

Проанализировав морфологические, орфографические и лексические особенности, автор приходит к тому же заключению, какое было сделано в предыдущих исследованиях, а именно, что местом создания славянского перевода ДИ следует считать Болгарию. Что касается попытки точного установления времени создания перевода, то, по словам самого автора, это достаточно рискованное предприятие. Тем не менее, сопоставив аргументы в пользу нескольких временных срезов, а также имеющиеся возражения, автор делает вывод, что перевод был создан, скорее всего, в период 975—1025 гг. Для установления более точного времени, как считает автор, требуется проработать более обширный материал.

Завершают монографию список сокращений и библиография, насчитывающая 120 наименований.

Литература

Агеенко, Зарва 1993 – Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва. Словарь ударений русского языка. М., 1993.

Агеенко, Зарва 2000 – Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва. Словарь ударений русского языка. М., 2000.

Архангельский 1899 – А. С. Архангельский. К истории южнославянской и древнерусской апокрифической литературы // Известия ОРЯС. 1899. Т. IV. С. 101—110.

В—К — Вести-Куранты 1600—1639 гг. / Ред. С. И. Котков. М., 1972; Вести-Куранты 1642—1644 гг. / Ред. С. И. Котков. М., 1976; Вести-Куранты 1645—1646 гг. / Ред. С. И. Котков. М., 1980; Вести-Куранты 1648—1650 гг. / Ред. С. И. Котков. М., 1983; Вести-Куранты 1651—1652 гг., 1654—1656 гг., 1658—1660 гг. / Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996.

Горбачевич 1973 – К. С. Горбачевич. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Л., 1973.

Грамотки 1969 — Грамотки XVII — начала XVIII века. / Ред. С. И. Котков. М., 1969.

Котков, Попова 1986 – С. И. Котков, З. Д. Попова. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986.

Котошихин 1980 – Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Text and Commentary. Ed. by A. Pennington. Oxford, 1980.

Крысько 1997 – В. Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.

Кузнецов 1998 – С. А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Лавров 1899 – П. А. Лавров. Апокрифические тексты// СОРЯС. 1899. Т. LXVII. № 3. С. 111—118.

Ломов 1966 – А. М. Ломов. К вопросу о варьировании некоторых форм грамматического объекта (на материале южновеликорусских памятников деловой письменности) // Филологические очерки (По материалам Воронежского края). Воронеж, 1966. С. 146—168.

Ломтев 1956 – Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Майер 1997 – И. Майер. Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого (на материале «Вестей-Курантов») // ВЯ. 1997. № 5. С. 87—101.

ОС 1997 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова, С. Н. Боруновой, В. Л. Воронцовой, Н. А. Еськовой. 6-е изд. М., 1997.

Попов 1872 – А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.

РПП 1996 – Л. А. Введенская, П. П. Червинский. Русское произношение и правописание. Словарь-справочник. Ростов-на-Дону, 1996.

Сперанский 1895 – М. Н. Сперанский. Славянские апокрифические евангелия // Труды восьмого археологического съезда в Москве 1890. М., 1895. Т. II.

Стеценко 1972 – А. Н. Стеценко. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.

Яцимирский 1899 – А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей — Тексты и заметки // Ученые записки Императорского Московского Университета, отд. истор.-фил. М., 1899. Вып. 24. С. 1—166.

De Santos 1967 – O. A. de Santos. Das Kirchenslavische Evangelium des Thomas // Patristische texte und Studien. Berlin, 1967. Bd. 6.

Fenne 1970 — Tunnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. 2. Copenhagen, 1970.

Л. Ферм (Стокгольм)

Работа над эпистолярием В.В. Виноградова:

Письма 20-30-х годов к жене

Переписка Виктора Владимировича Виноградова с женой, Надеждой Матвеевной Малышевой, началась в 1925 году после того, как они познакомились и «подружились» (по выражению Надежды Матвеевны) в подмосковном санатории «Узкое» (лето 1925). Первые годы супружества (1925—1929) им пришлось жить врозь: он работал в Ленинграде, она — в Москве. Из-за финансовых трудностей поездки друг к другу были нечасты. Однако потребность в общении была настолько велика, что Виктор Владимирович писал жене письма иногда по два раза в день. С годами эта потребность не только не иссякла, но возросла. Стоило им расстаться на какое-то время, как непременно рождались — в зависимости от обстоятельств — записочка, открытка или подробное письмо в несколько страниц.

После кончины мужа, по совету Н. И. Толстого, Надежда Матвеевна передала его письма Архиву АН СССР, где они и значатся как фонд 16—02: «Виноградов В. В. Малышевой Надежде Матвеевне, жене». Фонд состоит из трех томов — соответственно единицы хранения 116, 117, 118. Том первый содержит 251 письмо. Крайние даты: 26 августа 1925 г. и 30 сентября 1932 г. Количество листов — 605. Второй том содержит 359 писем, 616 листов. Крайние даты: 19 апреля 1934 г. и 29 апреля 1936 г. В третьем томе хранятся 27 писем разных лет: 1937, 1941-1945, 60-е годы¹ [Архив РАН, фонд 1602].

Хронологически и событийно письма В. В. Виноградова можно объединить в четыре блока. В первом — ленинградские второй половины 20-х годов. Это письма, продолжившие духовное сближение В. В. Виноградова и Н. М. Малышевой после знакомства в «Узком». Эта часть переписки завершается 1929 годом, когда В. В. Виноградов в поисках работы начал чаще ездить в Москву и имел возможность общаться с женой лично.

Второй блок писем — 1932 года. Они объединены драматическими событиями семейной жизни Виноградовых: ожиданием и потерей ребенка. Письма адресованы в г. Липецк, где Н. М. Малышева некоторое время отдыхала (июль 1932). В. В. Виноградов не мог сопровождать жену: вместе с Д. Н. Ушаковым он торопился завершить работу над очередной «порцией» рукописи первого тома «Толкового словаря русского языка». (Словарь для Виноградовых был в то время единственным стабильным источником заработка). Примыкают к липецким письмам записочки, которые В. В. Виноградов передавал Надежде Матвеевне в родильный дом им. Грауэрмана (сентябрь 1932). Ребенок погиб. В. В. Виноградов опасался за жизнь жены. Отсюда и содержание писем этого цикла. Виктор Владимирович призывает жену «принять в себя» пушкинское доверие к судьбе. Его самого, как он пишет, «тупо» примирило с судьбой то, что Надежда Матвеевна осталась жива.

Третий блок — письма В. В. Виноградова 1934—1936 гг. из г. Вятки, вскоре (декабрь 1934) переименованной в г. Киров.

¹ См.: Архив РАН, фонд 1602, опись 1, ед. хр. 116, 117, 118.

Он писал их, будучи «адмссылным», отбывая срок как «контрреволюционер». Ссылке предшествовал арест, пребывание В. В. Виноградова в одиночной камере изолятора лубянской тюрьмы, где его содержали как подследственного по делу, известному в литературе как «дело Российской национальной партии (РНП)»; подробнее см. [Ашнин, Алпатов 1994; Гуськова 1995а: 70]. Это была масштабная фальсификация ОГПУ, инициированная и реализованная его первыми лицами, направленная против той части интеллигенции, которая профессионально либо из личных побуждений была привержена изучению и пропаганде русской и славянской культур и языков. Угрозами, изощренным психологическим давлением подследственных принуждали к самооговору, к признанию существования в СССР национал-фашистской партии, цель которой — свержение советской власти и установление в стране фашистской диктатуры. Помимо В. В. Виноградова, по «делу РНП» были осуждены такие ученые-слависты и русисты, как Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, А. И. Павлович, Н. И. Кравцов, В. Н. Сидоров и др. Из материалов 11 томов следственного дела № 2554 (Центральный архив ФСК РФ) вытекает, что по делу РНП могли пострадать также Д. Н. Ушаков, Н. К. Гудзий, М. Н. Петерсон, Р. И. Аванесов, Я. В. Лоя. На каждом из писем этого периода — ответ драматических событий, пережитых В. В. Виноградовым в те годы.

Четвертый блок — самый протяженный во времени, но самый малочисленный по количеству писем. В него вошли разрозненные письменные свидетельства разных лет: 14 открыток, адресованных Н. М. Малышевой в Теберду (август 1938), три послания жене военного лета 1941 г., три телеграммы (1944—1945) и несколько записок 60-х годов. Письма лета 1941 г. отправлены В. В. Виноградовым с оказией на подмосковную дачу Жолтовских, где гостила Надежда Матвеевна. (Жена известного архитектора И. В. Жолтовского была ее близкой подругой). В. В. Виноградов сообщает, что вступает в ряды Народного ополчения. Несколько строк о военной Москве, подробные наставления больной жене, что она должна делать, когда он уйдет в казармы.

Письма В. В. Виноградова редкостно откровенны и искренни. Причина тому — их адресат, второй участник диалога: Надежда Матвеевна Малышева (1897—1990). Она родилась и выросла в Москве. Пианистка. Концертмейстер. Музыкальное образование получила в Московской консерватории. Ее учителя — корифеи русской пианистической школы проф. Г. П. Прокофьев и проф. К. Н. Игумнов. Работала со Станиславским, с Шаляпиным. Концертировала. Потом до последних дней своей жизни обучала певцов. Среди ее учеников — Ирина Архипова и Любовь Казарновская.

На протяжении 46 лет Надежда Матвеевна была самым близким другом В. В. Виноградова и разделяла с мужем все превратности его судьбы. Н. М. Малышева была человеком высокой культуры, с неутомимой жизнью духа, проникновенной любовью к музыке и слову, с безусловной преданностью нравственному долгу. Одарена красотой, обаятельным юмором, щедрой добротой ко всему живому. Обладала безукоризненным художественным вкусом и чувством стиля. Умела слушать и понимать, откликаясь на тончайшие нюансы мыслей и эмоций. Все эти ее качества вызывали у В. В. Виноградова потребность делиться с ней самым сокровенным, искать в ней поддержку и сочувствие. Такие строки его писем, как «поймите, оцените и напишите обо всем этом» (имелась в виду тема «о лирическом герое»), «прочтите, покритикуйте» (речь шла о статье в

«Литературную газету»), «посоветуйте» (в ходе размышлений, что предпочесть в ближайших исследовательских планах — Гоголя или фразеологию) — говорят о многом. Когда круто изменилась их жизнь и В. В. Виноградов был сослан в Вятку, Надежда Матвеевна, как явствует из его писем, стала его «всем»: она и «тяжеловес», таскающий чемоданы книг, нужных ему для научной работы, из Москвы в Вятку-Киров и обратно, и первый читатель, и доброжелательный критик. Она и связующее звено между ним и его коллегами в Москве и Ленинграде, и источник информации, не позволяющий ему задохнуться в «вятской одиночке», и ходатай по делам издательским, тактично и умело защищающий его интересы, и адвокат, пытавшийся облегчить его участь хлопотами в НКВД. Ее приезды в Киров были для В. В. Виноградова праздником. Как только он, проводив ее на вокзал, приходил «домой», начиналось тягостное ожидание новой встречи, и в Москву летели письма «утренние», «вечерние», «ночные»...

Публикация личных писем — дело чрезвычайно деликатное. Совершенно естественно, что принять решение о публикации писем В. В. Виноградова имела право только сама Надежда Матвеевна. Она сама и приняла такое решение незадолго до своей кончины. Она хотела, чтобы потомки знали правду о Викторе Владимировиче-человеке, о сути его характера, превратностях его судьбы. Как она выразилась: «Пусть те, кто будут жить после нас, узнают, какими мы были на самом деле» [Гуськова 1995а: 73].

Свою волю — подготовку к изданию писем В. В. Виноградова поручить его ученице Г. А. Золотовой и филологу-издателю А. Б. Гуськовой — она закрепила впоследствии в двух документах — письмах в Комиссию по научному наследию академика В. В. Виноградова и руководству Архива АН СССР. В Комиссию она писала о том, что только Г. А. Золотова и А. Б. Гуськова имеют право знакомиться и работать с письмами к ней Виктора Владимировича и что В. М. Мальцева назначается ею правопреемницей и решает все вопросы, связанные с их изданием, после ее кончины. Директора Архива — доктора исторических наук Б. В. Левшина она просила «разрешить снять копии с личных писем моего покойного мужа ко мне, хранящихся во вверенном Вам архиве. Цель — подготовка их к публикации, порученная мною Г. А. Золотовой и А. Б. Гуськовой». Она писала также, что очень хочет, «чтобы их издание осуществилось в ближайшие сроки» [Гуськова 2000: 217].

Н. М. Малышева была еще в добром здравии, когда мы начали изучение архива и отбор писем для публикации. Мы услышали от нее самой и конкретные советы, и пожелания общего характера к будущей книге, а также комментарии к некоторым письмам и встречавшимся в них персоналиям. Она согласилась с тем, что в издание будут преимущественно включены те письма, которые имеют непосредственное отношение к научно-исследовательской, педагогической деятельности В. В. Виноградова.

В силу присущего ей такта Надежда Матвеевна подчеркивала, что ее пожелания не носят обязательного характера и что она полностью нам доверяет. Единственное, что могло бы ее огорчить, это включение в публикацию текстов, содержащих реплики В. В. Виноградова в адрес друзей, коллег, знакомых, высказанные под впечатлением мимолетной эмоции, которые могли быть неправильно поняты. Поэтому она считала, что купюры в текстах писем необходимы, а в некоторых случаях возможна

публикация только их фрагментов. Мы неукоснительно следовали советам Надежды Матвеевны, сознавая всю меру лежавшей на нас ответственности.

В своих письмах В. В. Виноградов делился с женой научными замыслами, размышлял, философствовал, рассказывал о написанных страницах, настроении, событиях дня, официальных и дружеских встречах, мелочах быта. Советовался, давал советы. В суждениях о жизни, месте науки и творческой интеллигенции в обществе, долге непрерывного духовного очищения, совершенствования, научной чести, высокой требовательности к себе и другим, неприятию невежества, лени мысли В. В. Виноградов предстает как человек, наделенный мощным творческим темпераментом исследователя и ученого, как сильная гармоническая личность. Письма открывают образ В. В. Виноградова и с более интимной стороны — как глубокого лирика — в изъятии своих чувств к любимой женщине, в восприятии природы, в отзывах о душевной красоте и благородстве ценимых им людей.

Письма В. В. Виноградова — это сплав любви и нежности, силы духа и проявления минутной слабости, скепсиса и веры в свое призвание, в то, что ему предстоит открывать неизведанные пути филологической науки. «Союз любви и труда» — его девиз второй половины 20-х годов, а в 30-е, в годы изгнания, он уверенно заявляет о себе, что не только «живущ», но и «могущ», что он не отступит перед вызовом судьбы и сумеет «преодолеть все препятствия» на пути к цели. По этому поводу академик Н. И. Толстой справедливо заметил: «Вера в свои силы, свое призвание, свою исключительность помогли Виктору Владимировичу выжить во всех драматических перипетиях его жизни и сохранить себя как ученого».

В письмах «весомо и зримо» предстает талант Виктора Владимировича к работе. Колоссальны объемы прочитанных и изученных им трудов своих предшественников и современников. А результаты его научных изысканий — монографии, статьи, учебная литература, упомянутые в письмах, поражают воображение. Так, находясь в ссылке, в изоляции от научной среды, при отсутствии нужных книг, страдая от мучительных головных болей, от неустроенности быта, испытывая унижительный надзор местного НКВД, В. В. Виноградов всего за два года успеваешь прочесть корректуры и подготовить второе издание монографии «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1934), прочесть корректуры монографии «Язык Пушкина» (1935), первого тома «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, отредактировать рукопись объемного тома «Словаря языка различных профессий» Е. П. Иванова, к сожалению, так и не увидевшей свет, написать учебник «Современный русский язык» — основу ставшего классическим труда «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», солидные монографические статьи «Язык Гоголя», «О языке Толстого», завершить работу над статьями «О стиле Пушкина», «Стиль «Пиковой дамы». Одновременно он продолжал собирать материал для фундаментального исследования «История слов», работать над монографией «Стиль Пушкина», писать популярные статьи для «Литературной газеты». Многозначительная деталь: когда в ноябре 1935 г. ссыльному В. В. Виноградову грозил повторный арест и у него был произведен обыск, «операторами для изучения» было конфисковано семь тюков (!) рабочих материалов. Их везли в кировский НКВД на подводе.

Жажда осмысления форм, явлений и знаков словесного искусства, при всем тематическом многообразии, требовательно ведет В. В. Виноградова к новым проблемам и обобщениям.

Читатели, знакомые с его трудами последующих десятилетий, встречаются в письмах 20-х — 30-х годов с идеями его будущих книг.

Изучение всего массива писем привело нас к мысли о том, что для публикации целесообразно использовать только два блока писем В. В. Виноградова: ленинградский и вятско-кировский, а липецкие письма и письма разных лет использовать только в примечаниях. Это и определило название и состав будущей книги. В ней — две части: «Часть первая: 1925—1929», «Часть вторая: 1934—1936». Название: «В. В. Виноградов. Письма к жене: 20-е — 30-е годы».

«Часть первая: 1925—1929»: в ней Виктор Владимирович предстает «в вихре работ и планов». Он читает лекции в Государственном институте истории искусств, Ленинградском университете, участвует в многочисленных дискуссиях с коллегами-филологами, выступает с докладами. Ему удается полнокровно реализовать свои научные планы: публикуются монографии «Этюды о стиле Гоголя» (1926), «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский» (1929). Его литературный дар ищет выхода в художественном творчестве. В письмах этих лет упоминаются написанные им и принятые к производству киносценарии, работа (в соавторстве с актером В. С. Чернявским) над драмой об Л. Толстом. Вместе с Н. М. Малышевой он подшучивает над своими стихами. Круг его общения — это «замечательные люди петербургского типа», «высокого нравственного подъема». Достаточно упомянуть имена филологов Б. М. Энгельгардта, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, Б. В. Казанского, Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского, это и театралы и театроведы, литераторы, писатели, поэты, художники, артисты и мн. др. Неукротимая творческая энергия, воля, сила духа оттесняют на задний план «мелочи быта», этот «миллион кусающих блох» — материальные невзгоды, нависавшую угрозу безработицы.

Помимо писем, отражающих научно-педагогическую деятельность В. В. Виноградова, в первую часть рукописи нами включалось все, что связано с реалиями времени: исторические свидетельства политических и служебных притеснений, переживавшихся ленинградскими учеными, профессурой, «напора начальствующих социологов марксистского вероисповедания» и реакции на них интеллигенции: молчания одних и попыток дружного сопротивления, иногда небезуспешного, в интересах науки и человеческого достоинства, — других.

Отбирая письма для публикации из этой части эпистолярного наследия В. В. Виноградова, мы испытывали серьезные трудности: В. В. Виноградов предназначал их только любимой женщине — Н. М. Малышевой. Можно было бы идти по наилегчайшему пути — исключить лирическую тему из собрания писем. Но это крайне обеднило бы образ В. В. Виноградова, а главное -исказило бы его внутренний облик: для него научное творчество и любовь -неразрывны, они как бы составляют двуединство его внутреннего «я». Именно эта идея — стержень публикации ленинградских писем В. В. Виноградова. Она позволяет воспринимать их как целостную картину его жизни этого периода.

Следует упомянуть еще одно, в определенном смысле фатальное обстоятельство: судьбу самих писем 1925—1929 гг. Во время обыска и ареста В. В. Виноградова в 1934 г. они были изъяты «операторами» ОГПУ и присоединены к его «делу». Следователи высокого ранга искали в них улики его «контрреволюционных» взглядов и «шпионских» связей с

«эмиссарами иностранных разведок». Однако по завершении следствия, когда В. В. Виноградов был на пути к «месту отбытия наказания», все письма были возвращены адресату — Н. М. Малышевой. Она справедливо расценила это как «необыкновенное чудо»: в практике ГПУ, насколько ей было известно, подобных случаев не было.

«Часть вторая: 1934—1936» включает в себя 190 писем В. В. Виноградова. Письма этих лет не содержат информации сугубо личного характера. Как «адмссылный» он не допускал в них излишней экспрессии в выражении своих чувств, предпочитая описывать внешний срез своей жизни. Он знал, что его письма перлюстрируются, и, когда брался за перо, всегда имел в виду третьих лиц, своих «невежественных читателей» — цензоров. Малейшая оплошность, неосторожное слово могли дать повод для ужесточения наказания — ссылке в такую глушь, где заниматься наукой было бы невозможно. Эти обстоятельства позволили нам представлять письма В. В. Виноградова из Вятки-Кирова без малейших изъятий, в точном соответствии с автографом.

События начала 1934 г. Н. М. Малышева характеризовала как «слом» жизни В. В. Виноградова. Сам Виктор Владимирович называл их «переворотом». Свою точку зрения и общую оценку «дела» славистов он изложил много лет спустя в объяснении, которое давал КГБ (март 1964), когда пересматривались дела, связанные с репрессиями конца 20-х — начала 30-х годов. Он писал, что арест в феврале 1934 г. был для него полной неожиданностью, хотя интеллигенция, «в том числе научные круги», уже стали осознавать, что в стране развертывается широкая кампания по истреблению кадров так называемых «буржуазных» специалистов. В это время он напряженно работал над рукописями «Толкового словаря русского языка», «Языка Пушкина», «Очерков истории русского литературного языка» и находился в состоянии «крайнего переутомления».

«Надежд на законное, юридически оправданное ведение «дела» никаких не было. Так как все обвинение представлялось крайне нелепым и диким, то казалось целесообразным «удовлетворить» следователя и затем, отстрадавши, вернуться к общественно-полезной деятельности. Само собой разумеется, что эта «логика» в настоящее время мне не кажется правильной.

Ни к какой организации славянофильского или российско-националистического типа я не принадлежал. Я как в настоящее время, так и тогда не мог даже допустить ее существования у нас — в России. Но русский народ я любил и люблю. <...>« [Гуськова 1995б: 91]. Обобщение — вывод, которым заключает свое объяснение Виктор Владимирович, однозначен: «процесс славистов-филологов в 1934 г. сильно ослабил базу нашего славяноведения. Почти половина крупнейших русских славистов была так или наче отстранена от науки или уничтожена» [Гуськова 1995б: 192].

В рукопись второй части издания включались письма, которые с наибольшей полнотой отражали внутреннее состояние и ключевые моменты жизни В. В. Виноградова в ссылке. Объединяет их сила самоутверждения В. В. Виноградова. Он преодолевает бесправие, одиночество, крушение деловых связей, разочарования; кому-то выгодна его изоляция (об этом, например, письма о приближающемся юбилее А. С. Пушкина). Он борется с самим собой — с постлубянской депрессией, физическими недугами, ощущением обреченности. Предложены к публикации все письма В. В. Виноградова первой декады ноября 1933 г., связанные с обыском и

конфискацией наработанных им материалов Кировским НКВД, с предъявлением ему ордера на повторный арест. Он дошел до отчаяния, потеряв возможность заниматься научной работой. Писал жене, что близок к самоубийству. Преододел и это.

Источник внутренней силы В. В. Виноградова — погружение в научное творчество, в работу. Первые слова, которые он написал Надежде Матвеевне, как только узнал, что НКВД вернет рукописи, были: «Теперь начну гнать статью о Толстом». Художники слова — не только предмет изучения, но воздух, которым он дышал, его виртуальный мир. Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин помогли ему сохранить себя. В мире реальном его опоры — родные и друзья. Брат-погодок Николай Владимирович и его жена, братья Иван Владимирович, Александр Владимирович, сестры Мария Владимировна и Антонина Владимировна Виноградовы, друзья: Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов, Е. М. Галкина-Федорук, семья Цявловских, М. Н. Петерсон, Б. В. Казанский, Н. К. Гудзий, семья Кудиновых-Лясс и др., — все они, как и Н. М. Малышева, всем, чем могли, поддерживали душевные силы В. В. Виноградова и его творческую энергию. Их имена — на страницах включаемых в рукопись писем.

В. В. Виноградов в самых первых вятско-кировских письмах шутливо сообщал жене, что стал «кроток» и «молчалив», избавился от «многомыслия» и т. д. В этих шутливых фразах много горькой правды. В философии жизни В. В. Виноградова меняются акценты. Преобладает скепсис. В этих письмах уже нет искрящейся россыпи афоризмов, остроумных и парадоксальных эскапад, упоения жизнью, желания «победить мир» любовью, трудом и талантом. Зато в традициях русской философской мысли отчетливо звучат мотивы терпения и времени, которые «все могут» (Л. Толстой). А роль случая в жизни человека приобретает фатальный мистический оттенок.

Особый интерес представляют письма, содержащие описание В. В. Виноградовым своей собственной творческой лаборатории, самого процесса научного творчества (от замысла, сбора информации до выхода произведения в свет). Это не только редкая возможность наблюдать «вблизи» работу мысли ученого, но бесценная школа мастерства.

Несколько слов об аппарате «Писем...». Как известно, аппарат книги полностью зависит от характера издания и аудитории, на которую оно рассчитано. Письма В. В. Виноградова по своим литературно-художественным достоинствам — это образец практически исчезающего в наши дни эпистолярного жанра художественной литературы. Его будущий читатель — интеллигенция разных областей знания. В первую очередь гуманитарии от ученого до студента и пытливого старшеклассника, историки, философы, культурологи, науковеды, краеведы и просто любители данного жанра литературы и русской словесности.

Соответственно строился и аппарат издания. Письма В. В. Виноградова сопровождаются краткими примечаниями: даны сведения, необходимые для их понимания. Мотивируется дата написания писем, установленная нами, там, где она отсутствовала или была неполна. Расшифровываются инициалы, сокращенные слова, поясняются некоторые географические, исторические, бытовые реалии, указываются источники цитат, библиографические сведения. Отмечены дефекты оригинала, авторские опуски и пр. Приводятся цитаты из писем В. В. Виноградова, не вошедших в основной корпус рукописи. Это делалось с тем, чтобы

расширить информацию, содержащуюся в публикуемых текстах, и как можно полнее представить тексты Виктора Владимировича.

«Создание произведения» — так называется на юридическом языке проделанная нами работа. Ее результат — рукопись «В. В. Виноградов. Письма к жене...», объемом более 600 страниц, 90% которых — письма Виктора Владимировича. Отбор писем для публикации, подготовка их к печати, работа над аппаратом будущей книги — процесс очень сложный, многогранный, трудоемкий. Его осуществление стало возможным только потому, что нам активно помогали ученые, высококвалифицированные специалисты Центрального архива Министерства безопасности РФ, Архива РАН и ряда других институтов Академии наук, филологических факультетов МГУ, ЛГУ, издательств МГУ, «Высшая школа», а также родственники, ученики, коллеги и друзья В. В. Виноградова, краеведы В. И. Полянчев (г. Зарайск), В. Н. Морохин (г. Нижний Новгород), Е. И. Кирюхина (г. Киров). С момента замысла и до завершения отбора и обработки для издания текстов писем нам оказывал неоценимую поддержку и конкретную помощь Н. И. Толстой. На разных этапах работы над рукописью наиболее плодотворным было наше сотрудничество с Ф. Д. Ашниним, Ю. А. Бельчиковым, В. Н. Виноградовой, В. В. Кусковым, В. М. Мальцевой, Л. Е. Мисайлиди.

Нельзя сказать, что письма В. В. Виноградова совсем неизвестны читателю-филологу. В связи со 100-летием со дня рождения Виктора Владимировича некоторая часть писем по инициативе Д. С. Лихачева была опубликована в журнале «Новый мир» (1995, № 1: 172—213). По предложению И. С. Улуханова 14 писем представил журнал «Вестник Российской академии наук» (1995, № 1: 74—81). Несколько писем повторил на своих страницах «Вестник Московского университета» (1995, № 1: 57—62). Незначительное количество писем цитировалось ранее авторами статей и комментария в «Избранных трудах» В. В. Виноградова, в частности, томе «О языке художественной прозы» [Виноградов 1980: 311, 312, 326, 335, 337 и др.]. Кроме того, в статье «Записки ссыльного», написанной в свое время «по материалам В. М. Алпатова», газета «Комсомольское племя» (г. Киров) представила своим читателям «отдельные строки и краткие извлечения из писем В. В. Виноградова 1934—1936 годов» (№ 29, 21.07.1990).

Вместе с тем совершенно очевидно, что публикация рукописи «В. В. Виноградов. Письма к жене: 20–30-е годы» значительно обогатила бы виноградоведение, расширив и углубив наши представления о личности одного из крупнейших филологов XX века и о драматических страницах истории отечественной науки. К сожалению, когда большая часть пути по созданию этого произведения была пройдена, наша работа была остановлена по независящим от нас причинам. В настоящее время рукопись передана нами в Архив РАН на временное депонирование².

Литература

Ашнин, Алпатов 1994 – Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

Виноградов 1980 – В. В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Гуськова 1995а – А. Б. Гуськова. Письма из ссылки (1934—1936) // Вестник Российской академии наук. 1995. № 1. С. 70—81.

² Акт: 18.06.99. О приеме документальных материалов в Архив РАН в количестве 618 листов.

Гуськова 1995б – А. Б. Гуськова. В. В. Виноградов и «дело русских фашистов» (1933—1934 гг.) // Наш современник. 1995. № 1. С. 183—192.

Гуськова 2000 – А. Б. Гуськова. О Надежде Матвеевне Малышевой (Виноградовой). Памятное // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 4. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 208—223.

А.Б. Гуськова, Г.А. Золотова

Международная конференция
«Славянские языки сегодня: языковые процессы,
лексикография, новые формы коммуникации»
(Вена, 4 – 7 октября 2001 г.)

В конце 2000 г. в Вене вышел в свет международный сборник «Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert» (отв. ред. Лев Цыбатов), авторами которого явились слависты из разных стран Восточной, Западной Европы, США и Израиля. Проходившая в Вене международная конференция стала своеобразным продолжением и развитием наметившегося сотрудничества и была посвящена в основном проблемам, затронутым в этом издании, однако не ограничивалась его тематическими рамками. Большинство участников конференции составили авторы сборника. В докладах некоторых из них получили отражение и дальнейшее развитие проблемы, затронутые ими в статьях. Многие докладчики предложили для конференции новые темы. В конференции приняли участие ученые из Австрии, Болгарии, Белоруссии, Германии, Израиля, Македонии, Польши, России, Украины, Финляндии и Чехии. Рабочими языками конференции были русский, английский и немецкий, отдельные доклады были прочитаны на чешском языке.

В числе организаторов конференции Институт славистики Венского университета (в конференц-зале которого и проходили все заседания); Институты славистики других университетов Австрии: Клагенфурта, Инсбрука, Зальцбурга, Граца; Институт славянских языков Венского экономического университета, Ассоциация славистов Австрии.

Первое утреннее заседание открылось выступлениями членов оргкомитета конференции Ю. Бестерс-Дилгер (Венский университет), В. Айсмана (Университет Граца), Л. Цыбатова (Университет Инсбрука), В. Дубичинского (Лексикографическое общество, Харьков), Т. Ройтера (Университет Клагенфурта). В своем кратком вступительном слове директор Института славистики Венского университета Юлиана Бестерс-Дилгер рассказала о деятельности Института. С давних пор основными направлениями его работы являлись русистика, богемистика, полонистика. Однако новые тенденции в общественно-политической жизни ряда стран бывшего социалистического лагеря, изменение их места и роли в современном мире определенным образом повлияли и на сложившуюся структуру преподавания. Так, в ближайшее время планируется ввести на факультете изучение словацкого, болгарского и украинского языков. Поздравив собравшихся с началом работы, госпожа Бестерс-Дилгер выразила надежду на то, что конференция будет способствовать развитию славистики, явится стимулом для новых исследований в области славянского языкознания.

На конференции было прослушано около 40 докладов. Все заседания были пленарными.

Время выступления – 20 минут. После каждого доклада отводилось 10 минут на вопросы и дискуссию. Обсуждался широкий круг проблем, отражающих основные направления исследований в современной славистике.

Активные процессы в языках Восточной и Южной Европы, обусловленные политическими и социально-экономическими преобразованиями, были в центре внимания целого ряда докладчиков. При этом, естественно, на первом плане оказывалась лексика.

В докладе **Л. П. Крысина** (Москва) «Социально обусловленные процессы в русском языке конца XX века» особое внимание было уделено описанию современного состояния основных подсистем русского национального языка (литературный стандарт, территориальные говоры, городское просторечие, групповые жаргоны), рассмотрению сдвигов в их социальном и коммуникативном статусе, в соотношении этих подсистем друг с другом. По мнению докладчика, многие языковые процессы последних лет имеют социально обусловленную природу. Так, изменения в литературном языке, широкое проникновение жаргонной, просторечной лексики обусловлены вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи.

Доклад вызвал большой интерес и бурную дискуссию. Обсуждались, например, проблемы интенсификации процесса заимствования (в частности, активное проникновение в литературный язык англоязычной лексики), жаргонизации русского языка. Особое внимание привлекло сообщение автора доклада о существовании двух видов просторечия – просторечия-1 и просторечия-2, каждое из которых имеет свой круг носителей и характеризуется специфическим набором языковых черт.

Доклад **О. П. Ермаковой** (Калуга) «Новые тенденции в лексической семантике русского языка конца XX века» был посвящен анализу социальных и собственно языковых механизмов, обусловивших динамику изменений в современном русском языке новейшего периода. Некоторые процессы, обусловленные в первые годы перестройки возросшим интересом к политике в разных общественных группах, потеряли свою актуальность в конце 90-х годов. Особенно ярко эти изменения отразились в лексике. Так, «ключевые слова» периода перестройки *плюрализм, гласность, консенсус* были мгновенно освоены не только публицистикой, но и бытовой речью, но довольно быстро вышли из употребления. В докладе были рассмотрены следующие противонаправленные тенденции, действующие в сфере лексической семантики: архаизация значений – деархаизация; «криминализация» лексики – декриминализация; расширение значения – сужение значения; утрата денотата – обретение нового денотата. Особое внимание было уделено анализу новых семантических оппозиций, отражающих разные языковые и социальные процессы, нередко слитые воедино (нейтрализация прежних стилевых контрастов, старое и новое идеологическое противостояние, «изоморфизм» властных и криминальных структур и др.). Так, активизация оппозиций некоторых имен лиц по признаку пола (*боевик – боевичка, снайпер – снайперша, сыщик – сыщица, проститутка – проститут* и др.) свидетельствует не только о новых социальных явлениях в жизни российского общества, но и о собственно языковой тенденции к усилению регулярности модификационных образований.

Несколько выступлений было посвящено проблеме освоения иноязычных заимствований в разных языках.

И. Ликоманова (София) в своем докладе «Англоязычные заимствования в славянских языках» представила подробный анализ функционирования иноязычных заимствований в текстах современной прессы на материале разных славянских языков. Исследовались различия в адаптации англоязычных феноменов разными языками (болгарским, русским, польским). Был поставлен вопрос о функциональном статусе заимствований с точки зрения отношений «стандарт–субстандарт» в этих языках.

Дальнейшее обсуждение доклада свидетельствовало о важности поставленных задач не только для анализа конкретных языков, но также и в теоретическом плане. Данная проблематика заслуживает внимания с точки зрения современной типологии славянских языков.

В докладе **Е. В. Какориной** (Москва) «Активные процессы в языке современной прессы» рассматривалась проблема освоения новых иноязычных заимствований рядовыми носителями языка. Результаты иноязычного влияния на состав словаря оценивались методом социолингвистического опроса. Фиксировались узуальные семантические варианты значений иноязычных слов в разных группах говорящих (школьники и студенты, информанты 30—40 лет, информанты старше 60 лет). Введение в стилистический узуз большого числа иноязычных заимствований заставляет носителей языка эксплицировать семантические характеристики слова. Были проанализированы различные семантические трансформации значений, возникающие в процессе освоения иноязычных инноваций.

Отвечая на вопросы по докладу, Е. В. Какорина отметила, что данные проведенного социолингвистического опроса могут использоваться для верификации системно-языковых значений иноязычных слов.

Исследование **С. Запрудского** (Минск) «Отношение к некоторым инновациям белорусского литературного языка» базируется на материале социолингвистического опроса, проведенного в Минске в январе 2001 г. Цель анкетирования – определить степень освоенности, с точки зрения носителей белорусского литературного языка, некоторых (преимущественно лексических) инноваций, выяснить отношение респондентов (опрошено было 150 человек) к кодификации некоторых новых языковых форм и установить наличие корреляции между ответами испытуемых и некоторыми социологическими параметрами (возраст, пол, политическая ориентация, степень владения литературным языком и нек. др.). Анализ вопросников показал, что большая часть включенных в анкету инноваций воспринимается значительной частью респондентов как основной пласт современного белорусского литературного языка. Наиболее освоенными оказались формы *тэлефанаваць, функцыянаваць, выступовец, выстава, аповяд*, а также новые акцентологические варианты типа *напісбны, сказбны, пасіджанне*. Менее освоены формы *ангельскі, даследнік, выхудны* (дзень), *прайздны* (білет).

В отличие от лексики языковые изменения, охватывающие грамматический уровень, не столь очевидны. Грамматические и синтаксические новации в различных славянских языках рассматривались в следующих докладах: **Б. Кунцманн-Мюллер** (Берлин) «Синтаксические изменения в южнославянских языках», **О. Уличны** (Прага) «Динамика и тенденции развития в грамматике современного чешского языка», **У. Долешаль** (Вена) «Несклоняемость – (новая) тенденция в славянских языках?».

О. Уличны в своем докладе исследует тенденции грамматического развития в чешском

письменном и устном (разговорном) языках, которые несколько различно выражаются в западных и восточных чешских землях. Особое внимание посвящено таким явлениям в чешском письменном языке, как тенденция к дефлексивации имени существительного, прилагательных и местоимений, отражению тенденции к дефлексивации в синтаксисе, взаимоотношению между грамматическими тенденциями, с одной стороны, и морфологической и графической структурой служебных слов – с другой.

Материалом для доклада **У. Долешаль** послужили эмпирические исследования, проведенные автором. По наблюдениям докладчицы, тенденция к несклоняемости возросла в последние годы в славянских языках под влиянием английского. В разных языках эта тенденция проявляется по-разному, причем различается ее влияние на разные части речи. В чешском, словацком, словенском, сербском и хорватском появляются новые классы несклоняемых прилагательных (типа хорв. *Duracell nagradna igra*), в русском же их практически нет, в польском – очень мало. В грамматическом классе существительных наблюдается противоположная тенденция: русский и польский языки дают большое число несклоняемых форм (например, топонимы *Перedelкино*, *Rytro*, имена собственные – ср. *Садко*). В других же славянских языках (в чешском, сербском, словацком и др.) встречаемость подобных форм незначительна.

Актуальные языковые процессы в нормативном аспекте стали предметом рассмотрения в докладе **И. Онхайзер** (Инсбрук) «Русская публичная речь и культура речи». Анализируя новые тенденции в современной публичной коммуникации, докладчица говорила о расширении сферы «устности» и изменении норм современного официального общения. Одной из ведущих особенностей рассматриваемой коммуникативной сферы является сдвиг в сторону активного проникновения в устную публичную речь элементов разговорной речи, жаргона, просторечия.

Новые активные процессы языковых изменений нашли отражение и в развитии функциональных сфер. Ряд докладов затрагивал проблему функциональной дифференциации различных славянских языков.

С. Ермоленко (Киев) в своем докладе «Изменения в системе функциональных стилей современного украинского языка» остановилась на рассмотрении особенностей функционирования украинского языка в новых социальных условиях. Так, отмечается, что активизация коммуникативно-речевых типов конфессиональной сферы оказывает влияние на соотношение высоких, низких и нейтральных экспрессивных средств выражения как внутри самого конфессионального стиля, так и в системе выразительных средств литературного языка. Изменения внутренней структуры функциональных стилей связаны с изменением или расширением их жанрового состава. Докладчица отметила активность развития новых жанров внутри официально-делового и публицистического стилей, призванных заполнить лакуны, связанные с тем, что языком официальной коммуникации на Украине долгое время являлся русский. В жанрах публицистического стиля наблюдается взаимодействие двух противоположных тенденций: с одной стороны, насыщенность газетных текстов терминологической лексикой, с другой – активное проникновение в язык прессы жаргонных лексических средств и разговорного синтаксиса. В научно-художественном жанре отмечаются поиски новых внутритекстовых средств выразительности, возрастает роль субъективного фактора в построении текста.

В докладе **Х. Куссе** (Франкфурт-на-Майне) «Речевые акты Прославления и Восхваления в

литургии чехословацкой гуситской церкви» был представлен анализ языковых особенностей данных речевых актов (РА). На материале литургических текстов разного периода (1923, 1933, 1992 гг.) докладчик показал эволюцию РА Прославления и Восхваления с точки зрения использования в них различных экспрессивных средств. По наблюдениям Х. Куссе, исследуемые им тексты, характеризуются возрастанием в них эмфатических элементов, что позволило автору доклада рассматривать эти изменения как тенденцию к созданию нового церковного «традиционализма» в гуситской церкви 90-х гг.

Я. Хофманова и **О. Мюллерова** (Прага) в докладе «Старшие рассказывают младшим (изменения в чешском языке в свете межгенеративной коммуникации)» представили результаты исследования, проведенного на основе анализа магнитофонных записей рассказов пожилых людей, адресованных представителям младшего поколения носителей современного чешского языка. В поле зрения исследователей оказались разные явления, связанные с особенностями организации данного типа речевого взаимодействия: специфические речевые средства, которые использует старшее поколение в рассказах-воспоминаниях для обозначения различных событийно-временных фрагментов (например, каким образом выражается движение времени между полюсами *раньше* и *теперь*); особенности коммуникативной организации нарративного жанра в условиях непринужденного спонтанного общения (получаются своего рода рассказы-диалоги, когда партнер выступает не только в роли слушающего, но и в роли активного участника коммуникации); особенности тематического развития текстов данного типа и их языковое воплощение. Наиболее важная отличительная черта межгенеративного общения состоит в несовпадении жизненного опыта, языковой и коммуникативной компетенции собеседников. В результате многие употребляемые рассказчиком слова неизвестны слушателю и требуют пояснения. В докладе были рассмотрены наиболее характерные приемы толкования непонятных выражений и слов, их типовое контекстное окружение, а также особенности речевого поведения собеседников в процессе коммуникативного взаимодействия.

Доклады **М. В. Китайгородской** (Москва) «Коммуникативное пространство современного городского рынка» и **Н. Н. Розановой** (Москва) «Выкрики-зазывы как специфический жанр рыночной коммуникации» явились результатом совместной работы, поэтому авторы объединили их в одно выступление. В первой его части М. В. Китайгородская дала общую характеристику рынка как особого пространства общения, при описании использовались четыре основных параметра, формирующих любую коммуникативную ситуацию (время, место, партнеры коммуникации – ПК, тема). Общение на рынке, в отличие от магазина, характеризуется большей громкостью речи, более свободным поведением ПК, существуют специфически рыночные коммуникативные ситуации, например, «торг». Выступление Н. Н. Розановой затрагивало один из жанров рыночной коммуникации – выкрики-зазывы, которые представляют собой «неофициальный» вариант устной рекламы, существующий в рамках народной культуры. Именно в этом жанре наиболее ярко проявляется установка говорящего на шутливое общение с использованием различных приемов языковой игры.

Участники конференции отмечали, что современная коммуникативная ситуация во многих славянских языках характеризуется появлением новых типов дискурса, а также возникновением

новых тенденций развития ранее известных типов текстов. Так, в новых социально-экономических условиях получает «второе дыхание» жанр коммерческой рекламы.

В докладе **Э. Хоффмана** (Вена) «Процессы изменений в рекламном дискурсе» была представлена модель анализа рекламного дискурса, которая, по мнению автора, дает возможность интерпретировать активные процессы в языке и культуре и найти их специфику применительно к России. Предлагаемая модель «работает» как последовательность шагов, «отталкиваясь» от рекламного текста, который предстает прежде всего в связи с картинкой («визуальный текст»). На следующем шаге текст и изображение интегрируются в дискурсивные рамки. При этом особое внимание уделяется ситуативному и еще в большей степени культурному контексту, который анализируется на основе обращения к ключевым культурным концептам в рекламе.

Доклад **С. Чмейрковой** (Прага) «Чешский и русский рекламный дискурс: сравнение речевых стратегий, или: Чешский в интернет-чате: между устным и письменным языком» продолжил тему рекламы. В первой части доклада были рассмотрены некоторые приемы (главным образом игровые) построения русских и чешских рекламных текстов: использование литературных цитат (ср. русская реклама штопора: *О, сколько нам открытий чудных...*), фольклорных текстов, пародийное использование культурно-исторических текстов (ср. в чешской рекламе обыгрывание известного выражения *Veni, vidi, vici: Veni, vidi, video*) и др. Во второй части доклада рассматривались особенности функционирования чешских рекламных текстов на WEB-сайтах. В электронной рекламе активно используются различные виды деформации слов, характерные для устного разговорного языка. Один из распространенных приемов компьютерной коммуникации – обыгрывание неожиданных семантических сближений слов, возникающих в результате того, что при электронном общении чехи не используют диакритических знаков (ср. *sírka* – спичка; *šírka* – ширина). Особенность современной чешской рекламы заключается в соединении традиционных рекламных приемов и новейших (прежде всего электронных) средств построения текста.

Выступавшие во время дискуссии обращали внимание на специфичность организации рекламного дискурса, обладающего широкими возможностями сочетания и взаимодействия разных семиотических кодов – вербального и визуального.

Анализ новых типов текстов, порожденных новыми формами коммуникации, нашел отражение в целой серии докладов. Выступление **В. Стадлера** (Инсбрук) «Специфика общения на русском чате» было посвящено описанию особенностей взаимодействия через Интернет преимущественно между молодыми людьми. О возрастном статусе коммуникантов свидетельствует высокая насыщенность текстов экспрессивными и жаргонными формами и выражениями, принятыми в молодежной среде (*фиг знает, круто, клево*), активное использование прозвищ (*Рыжик, Шурунчик*), разных приемов языковой игры, аббревиатур и «смайликов», заменяющих отсутствующие жесты. В докладе рассматриваются основные характеристики чата как коммуникативной сферы, которые проистекают из совмещения такого интернационального средства общения, как Интернет, и специфики русского речевого поведения. Принципиально важная особенность этой формы коммуникации заключается в том, что она совмещает в себе черты устного и письменного типов общения.

Проблеме интернет-коммуникации на материале чешского языка был посвящен доклад **С. Неверклы** (Вена) «Частное представление в Интернете: тип текста «Персональный вэб-сайт».

Большое внимание участников конференции вызвал доклад **Х. Грубера** (Вена) «e-mail-коммуникация: новое вино в старых мехах или новая форма коммуникации?». По мнению автора, в новой коммуникативной среде рассматриваемый тип взаимодействия представляет собой некую гибридную форму, которая имеет признаки устности и письменности (спонтанности и планирования), с одной стороны, но также оказывается под влиянием «технологических свойств» канала коммуникации – с другой. На основании корпуса данных (81 e-mail-доклад, продюцированный на английском языке в рамках научной дискуссии участниками из различных стран) были проанализированы следующие языковые/дискурсивные свойства этих текстов:

- относительная доля письменных и, соответственно, устных дискурсивных признаков;
- «динамика дискуссии»: признаки «релевантных» / »нерелевантных» докладов, а также протекание e-mail-дискуссий;
- жанровые признаки исследуемых текстов в сравнении с другими научными жанрами.

В докладе также поднимался ряд вопросов, связанных в основном с межкультурными аспектами интернет-коммуникации (английский язык как коммуникативный посредник Интернета).

Доклад **Т. Ройтера** (Клагенфурт) «Разговор по мобильному телефону с точки зрения лингвиста» был посвящен новой специфической форме коммуникации. Докладчик анализирует данный тип общения в четырех аспектах (социолингвистическом, с точки зрения структуры диалога, особенностей грамматики и лексики). Мобильный телефон предоставляет новые возможности, способствующие изменению социального и коммуникативного поведения людей, но в то же время нередко является фактором, порождающим разного рода стрессовые ситуации. С точки зрения диалогической структуры разговоры по мобильному телефону представляют собой короткие, как правило, монотематические диалоги. В докладе были подробно проанализированы некоторые, наиболее значимые, лексико-грамматические особенности подобных микродиалогов. Так, для актуализации локуса и характера своих действий говорящий чаще всего употребляет высказывания с глаголами 1-го лица наст. времени (ср. *Я дома, смотрю детектив*); для описания наблюдаемой ситуации адресант использует определенные слова-актуализаторы (ср. *Смотри, там кто-то падает*). Особое внимание было уделено использованию временных актуализаторов *сейчас, как раз* и их семантическим характеристикам. По наблюдениям автора, рассматриваемые слова при общении по мобильному телефону используются для «сцепления» наблюдаемых говорящим событий с моментом речи, а также для указания на различие между известной ситуацией и новым знанием о ней (ср. *Я <сейчас/как раз> в университете*).

В целом ряде докладов обсуждался вопрос использования компьютерных средств для решения как собственно лингвистических, так и прикладных задач. Так, активное применение компьютерных технологий позволяет расширить возможности языковедов в сфере преподавания иностранных языков. Новые стратегии и методики обучения иностранным языкам были предложены в докладе **Л. Цыбатова** (Инсбрук) «Славянские языки единой Европы в условиях многоязычия», который представил результаты работы интернациональной исследовательской группы EuroComSlav.

В своем выступлении **В. Дубичинский** (Харьков) «Лексикографические вопросы в системах машинного перевода семейства PARS» коснулся истории создания этой системы, которая работает со следующими парами языков: английский и русский, английский и украинский, русский и украинский, немецкий и русский, немецкий и украинский. Докладчик отметил принципиально важную роль словаря для системы перевода и основное внимание в своем докладе уделил именно принципам представления словарной информации. В большинстве существующих систем машинного перевода имеется одна база данных для перевода и в ту, и в другую сторону. В системе PARS сделаны две отдельные базы данных, в которые синхронно вносятся необходимые изменения.

В ряде выступлений обсуждались проблемы лексикографического описания языков.

В. Щербин (Минск) в докладе «Проблема систематизации словарных знаний» отметил, что современный этап развития лексикографии характеризует информатизация, интернационализация, специализация материала. Он заметил, что возрастает разрыв между общей и узкоспециальной лексикографией. По мнению автора, в настоящий момент накоплено такое количество лексикографической информации, представленной в различных изданиях, что даже специалисту в этой области трудно в ней ориентироваться, поэтому, по его мнению, в нынешней ситуации необходимо систематизировать все имеющиеся лексикографические источники на макро-, мега- и микроуровне (соответствующем словарной статье).

В докладе **А. Баранова** (Москва) «Словарное представление политической метафоры: теоретический и компьютерный аспект» были рассмотрены основные проблемы словарного описания и представления русских и немецких политических метафор в международном проекте «Сравнительное изучение коллективных представлений» (рук. Л. Цыбатов). Обсуждались принципы компьютерного представления результатов проекта в гипертекстовой модели.

Доклад **Т. Пиотровского** (Ополе) «Развитие лексикографии в Польше после 1990 г.» был посвящен анализу ситуации в Польше конца XX века. В связи с политическими изменениями последнего десятилетия значительные преобразования произошли и в издательской индустрии, и, соответственно, и в лексикографии. Негативным аспектом этих изменений явилась коммерциализация издательской деятельности, что немедленно отразилось на качестве словарей. В настоящее время в Польше отмечается сокращение государственной поддержки лексикографических проектов. Положительным аспектом является то, что издается большое количество словарей, осуществляется политика непрерывного пересмотра словарей. Возникли новые техники лексикографического описания, словари расширили область покрытия лексических элементов, стоящих за пределами литературного языка.

Участники конференции в процессе выступления стремились представить широкую панораму языковой жизни своих стран. Во многих докладах была дана характеристика языковой ситуации различных национальных сообществ и рассматривались проблемы, с ней связанные.

О языковой ситуации и перспективах ее развития для южнославянских языков на территории бывшей Югославии говорилось в докладе **Г. Невекловского** (Вена) «Сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки – перспективы». Грамматические различия между

боснийским, хорватским и сербским языками, получившими в соответствии с изменившейся политической ситуацией статус официальных, незначительны; языковые различия касаются прежде всего лексики, включая терминологию, и в определенной степени также словообразования. Прежнего равноправия двух шрифтов (латинский и кириллический) больше не существует: хорваты и боснийцы используют латинский шрифт, сербы и черногорцы – кириллицу. В докладе рассматриваются важнейшие черты трех названных языков и стремящегося к признанию в качестве официального стандартного языка черногорского.

В своем докладе **М. Каранфиловский** (Скопье) «Современное состояние и некоторые изменения в македонском языке» кратко охарактеризовал процесс становления македонского языка как официального языка Македонии, окончательная кодификация которого закончилась лишь к 1945 г. Основную часть своего выступления автор посвятил характеристике современных тенденций развития македонского языка и анализу активных процессов, происходящих в нем. К наиболее актуальным языковым изменениям относятся следующие: дальнейшее отверждение мягких согласных фонем; изменения в дистрибуции групп гласных и согласных под влиянием современных лексических заимствований; перенос ударения на второй слог от конца; постепенная утрата падежных форм.

М. Виденов (София) в докладе «Современная болгарская языковая ситуация» дал описание сложных национально-этнических проблем, возникших в последние годы. Несмотря на то, что, согласно Конституции, официальным государственным языком Болгарии является болгарский книжно-литературный язык, языковая реальность не столь однозначна. На практике можно говорить о двух основных факторах, порождающих в обществе «языковое напряжение», – внешнем и внутреннем. Внешнее напряжение обусловлено экспансией английского языка в различные сферы жизни. Это обстоятельство создает определенный «дискомфорт» для представителей среднего и старшего поколения, изучавших ранее в школах и университетах французский и русский языки. Внутреннее напряжение является следствием активизации двух этнических языков – турецкого и цыганского.

Участники конференции коснулись также проблемы изменения роли и статуса некоторых языков, традиционно выступавших в роли посредников при межнациональном общении – прежде всего русского, английского, немецкого и французского.

И. Неквапил (Прага) в своем докладе «Взаимодействие между институциональным и индивидуальным аспектами владения языком (language management): некоторые прогнозы относительно роли русского языка в Чешской Республике» исследовал языковую ситуацию в современной Чехии. Докладчик проанализировал динамику изучения иностранных языков в различных учебных заведениях страны с 1991 по 1999 гг. Сравнивались данные об изучении английского, немецкого, французского, русского, испанского и итальянского языков. Так, в начальной школе число изучающих русский уменьшилось с 30,6 тыс. чел. (в 1991 г.) до 1 тыс. чел. (в 1999 г.), в средней школе за эти же годы – с 36 тыс. до 3 тыс. Число изучающих английский и немецкий языки (занимавших лидирующую позицию в 1991 г.), напротив, возросло, причем в средней и старшей школе число изучающих английский заметно выше числа изучающих немецкий. Таким образом, наблюдается общая тенденция к снижению интереса к изучению

русского языка в чешских школах и, соответственно, к ослаблению его позиций как средства межнационального общения.

В докладе **Х. Хаарманна** (Хельсинки) «Сетевое сообщество и его коммуникативные стратегии: национально-английское двуязычие» говорилось о том, что в результате лингвистической «глобализации» возникло новое явление: национально-английское двуязычие. Однако английский не полностью доминирует в коммуникации, он выполняет связующие функции (такие, как компьютерная грамотность, глобальный маркетинг, международные дипломатические контакты и др.). Национальный язык в такой модели двуязычия обслуживает разные коммуникативные сферы (повседневная коммуникация, образование, СМИ и многие другие). Для успешной коммуникации в сети необходим правильный баланс между английской и национальной составляющими. Докладчик отметил, что в многонациональных государствах, таких, например, как Российская Федерация, эта модель дополняется третьим компонентом, т. е. мы имеем дело с национально-русско-английским «трехъязычием» (татарский – русский – английский, коми – русский – английский и т. п.).

В процессе дискуссии по докладу поднимался целый ряд актуальных вопросов: о том, как соотносятся между собой две отмеченные тенденции – тенденция к языковой «глобализации», связанная с экспансией английского языка, и тенденция к сохранению национально-культурных традиций; о том, как влияет развитие национально-английского билингвизма на языковую компетенцию носителей языка. Во время обсуждения докладчик остановился на особенностях функционирования русского языка в Финляндии. Основная сфера реализации русского языка связана с эмигрантской средой. Более широкое распространение русского языка обусловлено территориальной близостью Финляндии с Россией (прежде всего с Санкт-Петербургом) и оживлением экономических и деловых контактов между двумя странами. В связи с этим можно говорить о развитии особой разновидности русского языка – т. наз. Business Russian. В целом же можно говорить об ослаблении позиций русского языка в Финляндии и расширении сферы употребления английского языка как средства межнационального делового общения.

В некоторых выступлениях рассматривалась проблема соотношения языка и культуры.

Доклад **Р. Ратмайр** (Вена) «Развитие жанра «Международные переговоры» на примере русского языка. От описания к рекомендациям» затронул актуальный вопрос межкультурной коммуникации. Основным материалом для исследования послужили переговорные диалоги русских с австрийскими или американскими партнёрами по научному сотрудничеству и торговле, записанные в 1992–1997 гг. Как считает автор, обращение к теме межкультурного взаимодействия вызывает соблазн объяснить любые проявления взаимного непонимания или раздражения национально-культурной спецификой. Однако многие проблемы общения обусловлены такими факторами, как недостаточная коммуникативная компетенция, слабое знание языка, тематическая неосведомленность, отсутствие фоновых знаний. Наконец, степень успешности переговоров во многом определяется и личными чертами характера собеседников. Задача лингвистики, по мнению докладчицы, состоит в том, чтобы выработать универсальную модель речевого поведения участников межкультурных переговоров. В докладе были предложены некоторые предпосылки для создания такой модели.

Р. Ратмайр рассмотрела общие правила межкультурного общения, действующие на различных языковых уровнях (фонетика, интонация, лексика, характер использования различных риторических приемов – метафора, ирония и т. п.), особенности тематических переключений, правила ведения диалога, использование невербальных средств (жесты, мимика, проксемика) и др.

Участники дискуссии отметили важность и актуальность данной проблематики. Отмечалась также аутентичность материала исследования.

В докладе **Е. Бартминьского** (Польша) «Изменение языковой картины мира поляков» рассматривались новые способы концептуализации окружающей действительности носителями современного польского языка в период после падения коммунизма. Докладчик ознакомил присутствующих с результатами анкетных опросов, проводившихся среди польских студентов и школьников в конце 90-х гг. Репертуар частных вопросов в исследовании языковой картины мира (ЯКМ) может быть достаточно широк. Для данного исследования было выбрано пять направлений: 1) новые способы определения коллективного самосознания (автостереотип поляка и Польши); 2) изменения в системе общественных ценностей; 3) изменения языковых стереотипов соседей (гетеростереотипы); 4) новые способы концептуализации своего места в мире (пространственная ориентация); 5) концептуализация общественного времени. Ответы информантов на вопрос «Кто ты?» показали, что в автостереотипе поляка сохраняется высокая позиция трех положительных признаков: патриотизма, гостеприимства, храбрости. Однако молодое поколение поляков обнаруживает самокритичность, указывая такие отрицательные национальные черты, как пьянство, лень, расточительность. Ценностная ориентация поляков базируется на общечеловеческих характеристиках (любовь/ненависть, дружба/вражда, верность/предательство и т. п.). При этом данные опроса указывают на снижение ранга ценностей, связанных с властью и государством. Трансформацию претерпели и гетеростереотипы соседей. Так, стереотип немца изменяется постепенно в положительном направлении, русского – в отрицательном. Преобразуются также языковые концепты времени и пространства. Общепринятое ранее членение времени на «czas/okres przedwojenny» и «czas/okres powojenny» в последнее время заменяется новым делением: «za komunę», «w czasach komunę», «za Solidarności», «w czasach Solidarności». Сохраняется пространственная ориентация по оси «восток – запад», однако Польша помещается теперь на западной, а не на восточной стороне. Одновременно растет значение полузабытой в прошлом оси «север – юг».

Интересный и содержательный доклад Е. Бартминьского вызвал оживленную дискуссию. В процессе обсуждения была затронута проблема соотношения дефиниций ЯКМ и методов ее исследования в различных областях науки: этнолингвистике, социоллингвистике, когнитивной грамматике. Отвечая на вопрос о методике сбора материала, докладчик подчеркнул, что данные для реконструкции полной языковой картины мира черпаются из языковой системы (словарь и грамматика), анкет и аутентичных текстов, т.е. всестороннее изучение данного феномена требует комплексного подхода.

Заключительное заседание было посвящено судьбе русского языка за рубежом.

Доклад **Е. А. Земской** (Москва) «Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследований» основывался на материале записей устной речи эмигрантов разных волн, живущих

в Италии, Германии, Франции, Финляндии и США. Одной из задач, поставленных в докладе, было выяснение того, какие участки системы русского языка являются наименее устойчивыми (т. е. в первую очередь подвергаются иноязычному воздействию), а какие отличаются устойчивостью. Е. А. Земская отметила, что быстрее всего разрушается интонация. Словообразование в отличие от других подсистем русского языка не подвергается иноязычному влиянию. Это видно, например, при производстве слов-гибридов, где иноязычные части «встраиваются» в словообразовательные модели русского языка.

В докладе **Х. Пфандла** (Грац) «Спорное в интерпретации речи эмигрантов, уехавших в детском возрасте из России» поднимается проблема языковой атрибуции эмигрантов. Вопрос утраты / сохранения родного языка связан в первую очередь с общекультурной установкой эмигранта. Автор выделяет три вида позиций говорящего по отношению к родному языку: ассимилятивная (полное «растворение» в языке и культуре той страны, куда эмигрировал человек), антиассимилятивная («отторжение» чужой культуры и языка) и бикультурная. Исследование проводилось на материале магнитофонных записей живой устной речи 15 молодых австрийцев, выходцев из России и Украины (родители вывезли их из страны в детском возрасте). Записи проводились в период с 1987 по 1989 гг., общий объем звучания – 50 часов. Явление интерференции рассматривалось на разных языковых уровнях: фонетическом (произнесение отдельных звуков, специфические интонационные модели), морфологическом (падежные формы, видовые противопоставления и др.), синтаксическом (управление, синтаксический эллипсис и т. п.), лексическом (особенности словоупотребления). Анализ языкового материала позволил автору сделать следующее заключение: степень потери родного языка зависит от общекультурной установки эмигранта. Наиболее плодотворным типом поведения, позволяющим сохранить родной язык и при этом успешно осваивать чужие язык и культуру, является бикультурный тип.

В выступлении **В. Московича** (Иерусалим) «Эмигрировавший русский язык в Израиле» проблема языка русского зарубежья рассматривалась в большей степени под социальным, нежели под лингвистическим углом зрения. Докладчик, рассказывая о месте русского языка в языковом многообразии современного Израиля, отметил, что в Израиле на русском говорит такой большой процент населения, что в правительстве серьезно обсуждался вопрос о присвоении русскому языку статуса (третьего, наряду с ивритом и арабским) государственного языка.

А. В. Занадворова, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

Хроника постоянного семинара «Проблемы поэтического языка»

Во втором полугодии 2001 года после долгого перерыва возобновил свою работу постоянный семинар «Проблемы поэтического языка» при Отделе стилистики и языка художественной литературы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Руководители семинара — доктор филологических наук Виктор Петрович Григорьев и доктор филологических наук Наталья Александровна Фатеева.

22 мая 2001 года новая серия семинаров открылась докладом **Сандро Васильевича Кодзасова** (отдел экспериментальной

фонетики ИРЯ РАН) «**Вторая фонетика стиха**». Докладчик отметил, что при анализе стиховой формы обычно рассматриваются метр и ритм, рифма и строфика, а также аллитерации и ассонансы, однако «материя стиха» содержит разнообразные просодические компоненты, которые обычно не осознаются ни фонетистами, ни стиховедами. К числу признаков, образующих «вторую» фонетику стиха, относятся: темп, громкость, плавность/резкость межслоговых переходов, фонация (тип голоса) и другие. Эти признаки маркируют абстрактные семантические категории: темповые различия символизируют краткость/долготу, близость/дальность, предельность/непредельность; уровни громкости символизируют степени духовной значимости; плавность/рубленность речи связана с различием одинакового и неодинакового, ровного и неровного, состояния и действия.

По мнению докладчика, поэты бессознательно используют эти просодии как средство организации стиховой формы: стихи бывают быстрые и медленные, плавные и резкие, громкие и тихие и т. п. Нередко просодические переломы внутри стиха соотнесены с границами его составляющих — строф или строк. Иногда поэты осознают просодию стихотворения или его фрагментов, чаще всего это относится к темпу. Например, С. В. Кодзасов показал, что К. Бальмонт делает помету «*медленные стихи*» при тексте «Воспоминание о вечере в Амстердаме», а Цветаева дает темповые пометы в тексте «Стихов сироте»:

Скороговоркой – ручья водой
Бьющей: – Любимый! родной! больной!
Речитативом – тоски протяжней:
Хилый! чуть живой! сквозной!
бумажный!

Темп может регулярно меняться внутри всех строк — таково стихотворение А. Блока «Золотистой долиной» (переход от медленного начала строки к быстрому концу).

Перелом громкости обычно сопровождается переходом от «высокого» к «обыденному» или наоборот. Первый тип представлен, например, в «Горных вершинах» М. Лермонтова и «Весенней грозе» Ф. Тютчева, а второй – в «Пророке» и «Поэте» А. Пушкина.

С. В. Кодзасов пытался также показать, что поэты очень часто используют и мену плавности/неплавности. Так, в «Ангеле» М. Лермонтова в нечетных строках использованы нейтральные слова, а в четных плавные. В «Чудной картине» А. Фета первая строфа нейтральна, а вторая написана плавным стихом. Согласно мнению выступающего, странное строфическое деление стихотворения А. Блока «Будет день» (строфы представлены парами нерифмуемых строк) обусловлено ориентацией не на рифмовку, а на плавность/неплавность строк. У Блока можно найти и случай осознания различия в фонационном типе строф: например, в стихотворении «О я хочу безумно жить» последняя строфа, составленная из слов с расслабленной фонацией, набрана курсивом, тогда как предыдущие, имеющие нейтральную фонацию, набраны прямым шрифтом.

По замечанию докладчика, стихотворение В. Хлебникова «Смехачи» замечательно игрой просодических переогласовок однокоренных слов, которые поэт, несомненно, хорошо чувствовал: рубленая форма (*смехачи*) сменяется у него сначала плавными (*смеянутся смеяльно, усмеяльно, усмейных смехачей, исмейся рассмеяльно*), а потом быстрыми (*смейево, усмей, осмей, смешики, смеюнчики*) производными формами.

В заключение С. В. Кодзасов сделал следующий вывод: в отличие от обычной речи, где фонетическая символика не создает цельных структур, поэтический текст имеет ту или иную

просодическую организацию. Настоящая поэзия отличается от версификаций, удовлетворяющих внешним требованиям к размеру, рифме и строфике, именно своей скрытой просодией.

5 июля 2001 года в рамках семинара состоялся доклад профессора **Александра Константиновича Жолковского** (Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, e-mail: alik@hermes2.usc.edu) «**К обезьяньему топосу у Ходасевича и Зоценко**». Он был посвящен сопоставлению стихотворения В. Ходасевича «Обезьяна» (1919) и 14-й главки «Возвращенной молодости» М. Зоценко (1933) на фоне широкого круга текстов (из А. Ремизова, А. Белого, В. Набокова, Б. Житкова, В. Шкловского, И. Бабеля, И. Бунина, Д. Р. Киплинга, И. Тургенева, А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета, М. Лермонтова, В. Жуковского, русского фольклора, Цицерона, «Рамаяны» и А. Галича), содержащих обезьяньи и сходные квази-антропоморфные мотивы и другие релевантные переключки.

Основной общий тезис А. Жолковского состоял в том, что если у Ходасевича обезьяна ассоциируется с темой исторической и культурной памяти, то у Зоценко она, напротив, служит достойным подражания образцом забывчивости. Было показано, что этот мотив, инвариантный в зоценковском мире страха, недоверия и поисков здоровой простоты, в данном случае восходит к киплинговскому образу Обезьяньего Племена Бандар Логов («Книга Джунглей») с их характерным отсутствием памяти, осмеиваемым у Киплинга, но положительно переосмысляемым у Зоценко.

В выступлении также аргументировались следующие положения:

— опора «Обезьяны» Ходасевича на пушкинский фрагмент «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (1826; впервые опублик. 1916);

— чисто литературный характер квазимемуарного текста Набокова «Первое стихотворение» — главы, не включенной им в русский вариант автобиографии—«Другие берега» (1954) и построенной на апроприации текстов Бунина и особенно Ходасевича (в последнем случае присвоенной оказывается даже приуроченность сочинения к началу Первой мировой войны);

— насыщенность злополучных «Приключений обезьяны» Зоценко (1945/46) автореминисцентными инвариантами, включая трактовку обезьянки как безыдейной сексапильной женщины из рассказа-фельетона «Горько» (1929).

По материалам доклада опубликована статья «Две обезьяны, бочки злата...» («Звезда», 2001, № 10: 202-214; см. также <http://zholk.da.ru>, Bibliography, Nos. 151, 152).

24 июля 2001 года участникам семинара был предложен доклад **Лады Геннадьевны Пановой** (Отдел стилистики и языка художественной литературы ИРЯ РАН) (e-mail: gatto_pardo@mail.ru) «**Космология О. Мандельштама в зеркале поэтического языка**». Выступая, Л. Панова рассматривала ключевые слова идиолекта Мандельштама — «мир», «земля», «небо», «воздух»; «пространство»; «время» в качестве носителей и выразителей авторской образности. Сравнение семантики и стилистики выделенных мандельштамовских слов с теми же словами из пяти других поэтических идиолектов (Пушкин, Тютчев, Блок, Гумилев, Ахматова) помогло докладчице представить космологическую доминанту поэзии Мандельштама более рельефно. Основные тезисы доклада сводятся к следующим:

— в поэзии Мандельштама на смену символистскому многомирию и хаосу пришло акмеистическое единомирие; в акмеистический и постакмеистический периоды пределы мира

задают земля (нижний слой), воздух (средний) и небо (верхний);

— пространство подается Мандельштамом как созидательное, творческое начало, а время – как разрушительное. В поэзии Мандельштама даже складывается экзистенциальный сценарий: «земля» дает вещам и человеку материю на время земной жизни, а потом забирает ее обратно, «пространство» придает им форму и расставляет в том или ином порядке, а «время» (линейное) разрушает их;

— по данным лексики и грамматики можно говорить о том, что Мандельштам является поэтом пространства, а не времени.

По окончании доклада состоялась торжественная презентация первого тома **«Словаря языка русской поэзии XX века. А—В»** (Главный редактор: В. П. Григорьев. Авторы-составители: В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова, Л. И. Колодяжная, А. В. Гик, Н. А. Фатеева, В. В. Бакеркина).

23 октября 2001 года было проведено заседание семинара под названием «Поэтический язык и современные литературные стратегии». Открывая это заседание, **Наталья Фатеева** (Отдел стилистики и языка художественной литературы ИРЯ РАН) (e-mail: stasie@orc.ru) выразила надежду, что это только первый семинар из целой серии, посвященной современным литературным тенденциям. Она напомнила, что последний раз встреча с поэтами в Институте русского языка РАН состоялась более 10 лет назад — тогда в гостях у Отдела стилистики и языка художественной литературы были А. Парщиков, И. Жданов, А. Еременко, Д. Пригов, Л. Рубинштейн и другие поэты, а также их «методолог» М. Эпштейн. В то время поэзия всех этих авторов называлась «альтернативной», т. е. противопоставлялась так называемой «безальтернативной», заказной поэзии. Сейчас, когда художники слова имеют полную эстетическую и этическую свободу выражения, понятие альтернативы получает совсем другое значение: это уже проблема ответственности выбора своего творческого метода. При этом и самими поэтами, и специалистами в области изучения поэтического языка ощущается необходимость диалога. Н. Фатеева предложила сделать семинар «Проблемы поэтического языка» постоянным местом такого диалога.

Основную часть семинара открыл доклад мэйл-артиста **Юрия Гика «Визуальная поэзия. Теория и практика»** (e-mail: GikJuri@yandex.ru). В своем выступлении Ю. Гик попытался вывести общее определение «визуальной поэзии», иллюстрируя свои положения работами визуальных поэтов середины XX века (Ойвинд Фальстрем (Швеция), Юджин Гомрингер (Швейцария), Аугусто и Гарольдо Де Кампос (Бразилия), Пьер Гарнье (Франция)), а также современных западных поэтов. Ю. Гик подчеркнул, что визуальная поэзия – это жанр искусства, находящийся на стыке литературы и традиционного изобразительного творчества (живописи, графики). Первые известные фигурные стихи писали еще древнегреческие поэты Александрийской школы. Подлинный расцвет и действительно массовый характер визуальная поэзия обрела в 1950—60-е гг., когда появилась на свет «конкретная поэзия», породившая огромное количество визуальных поэтов во всем мире.

Большой демонстративный материал, в который также был включен личный мэйл-арт архив (1994—2001) докладчика, позволил Ю. Гику построить типологию визуально-поэтических произведений. В заключение выступающий отметил, что визуальная поэзия и мэйл-арт

в конце XX – начале XXI века развиваются в тесной связи друг с другом.

Следующим взял слово поэт **Владимир Аристов** (e-mail: aristov@ext1.ccas.ru), который озаглавил свое выступление «От метаболы к “idem-forma”». Объясняя введенное им новое понятие «idem-forma», он высказал мнение, что с некоторых пор стала ощущаться недостаточность понятия «метаболы», введенного Михаилом Эпштейном для объяснения поэтических фигур в метареализме. Сама приставка «мета-» (термины с такой же приставкой использовал и Константин Кедров) была удачным указанием на некое новое поэтическое пространство, поскольку новые поэтические элементы предполагались способными к метаморфозе, к более органичному взаимодействию и обмену смыслами по сравнению с классической метафорой. Однако при этом, отметил В. Аристов, метаболы все же «работает» в рамках метода бинарных оппозиций, в то время как реализация искомого принципа «равенства в неравенстве» (или «неравенства в равенстве») требует постановки вопроса о новых возможностях формы и расширения «мета»-подхода.

По мнению Аристова, такой новый «мета»-подход должен опираться на идею платоновски-аристотелевского мимесиса, в основе которого лежат понятия отражения, уподобления и взаимоуподобления. Именно в рамках этих понятий и сложилось представление о гипотетической «idem-forma», в котором очевидно указание на отождествление: «idem» – по-латински «тот же, тождественный». Структура «idem-forma» связана со структурой метафоры или более широкой структурой «метаболы», но не исчерпывается ими. Образ в таком понимании перестает быть изолированным, и создается совершенно новое качество, когда один образ, как человек, глядит в другого, чтобы увидеть сквозь него себя, и затем «сквозь себя увидеть другого» и т. д. Такая цепочка не бесконечна: в каждом случае важна система этих связей между сущностями. «Idem-forma» — это не только обозначение некоего выразительного рисунка, но создание сложной системы взаимодействующих сущностей, — это как бы мгновенное «сознание образа», понимаемого как динамическая система связей. «Частичное отождествление» – так можно обозначить такую попытку поэтики реализовать желаемое равенство в неравенстве. Поэтому «idem-forma» можно рассматривать как доведение формы «метареализма» до некоторого абсолюта (но не до абсурда). В заключение поэт прочел свое стихотворение «Флоренция влажная (послание Б. К. в пластмассовой бутылке)», которое, по его мысли, иллюстрирует изложенные им представления о видоизменении структуры образа в современной поэзии.

В докладе **Юрия Проскуракова** (соредактора журнала «Черновик») (e-mail: magestor2095190@hotmail.com) «Стили Кассандриона» (по имени пророчицы древнегреческого эпоса Кассандры) было выделено три основных вида описываемого стиля: автоматический, проективный и транспарантный, а также представлены тексты, выдержанные в описываемом стиле (работы И. Лапинского, М. Бузника, И. Лощилова, И. Иогансона, Т. Грауз). По мнению выступающего, любой стиль Кассандриона представляет собой для автора и читателя «черный ящик», причем литературным стилем является лингвистический способ организации топологического перехода от «черного ящика» Кассандриона к эстетике литературного текста. Некоторые произведения, написанные стилем Кассандриона, можно прочесть на страницах Нью-Йоркского альманаха «Черновик». В России этот альманах и представляет сам докладчик.

Ю. Проскуряков отметил также характерную для литературы тенденцию: возникновение синтеза жанра поэзии и прозы в качестве дискурсивных повествовательных элементов в пределах одного текста. В заключение докладчик коротко остановился на текстах, принадлежащих направлению Гиперэкзистенциализма (представители Е. Даенин, Ю. Милорава, Г. Балл, С. Шерстюк, О. Ильницкая), развивающемуся параллельно стилю Кассандриона.

Следующим выступал **Александр Давыдов** (главный редактор журнала «Комментарии») с докладом **«Новый метафизис»**. Его выступление представляло собой рассуждение на тему — «Настоящее и будущее российской литературы». Автор констатировал смену литературных ориентиров: от постмодернизма XX века к «новому метафизису» в XXI веке. Как считает А. Давыдов, основная цель искусства — «питать душу пред лицом жизни и смерти». На смену постмодерну, не справившемуся с этой задачей, идет литература «новой серьезности», а именно, сказал докладчик, в то время, когда одни с почти истерическим смехом завершали, а другие тщились продлить «старый миф», одинокие творцы создавали новый миф... По мнению выступающего, современной «литературе серьезности» (автор не остановился на одном определении, давая синонимичные замены — «новый метафизис», «новое мифотворчество») свойственно «слипание» различных жанров, что соответствует нерасчлененности непознанного мира. Возможно, рассуждал А. Давыдов, впоследствии из этого «комка будет общим усилием вылеплен вовсе новый род литературы». Он назвал основные признаки этой литературы: новая серьезность причастна ко многим традициям, но не инструментальна, а органична, это не игра с традицией, а попытка познания бытия и попытка «заклясть бесов распада».

В конце выступления Александр Давыдов назвал имена творцов новой литературы: А. Тавров, А. Иличевский, Ю. Кокоско. Более подробную информацию о «Новом метафизисе» можно найти на сайте: <http://metaphysis.artinfo.ru>

Итоги семинара подвела Ольга Северская (ИРЯ РАН), которая призвала всех участников встретиться еще раз.

20 ноября 2001 года в гостях у Отдела стилистики и языка художественной литературы ИРЯ РАН были поэты — **Дмитрий Пригов** (e-mail: dmitri_prigov@yahoo.com), **Лев Рубинштейн**, **Михаил Айзенберг** (последний чаще выступает в роли литературного критика). Состоялась свободная беседа филологов с литераторами. В ходе беседы Д. Пригов поделился своим мнением о современном этапе развития литературы. Он отметил, что радикальный писатель – эмигрант и в пределах родной ему масс-культуры и масс-словесности. И даже больше, приняв модель авангардного искусства, доминирующую модель поведения художника в XX веке, требующую от творца бесконечных новаций, мы обнаруживаем художника, оставляющего им уже освоенное и постигнутое, эмигранта и в пределах своего собственного реализованного опыта. Таким образом, радикальный художник, по мнению Пригова, есть эмигрант *par excellence*, и страдания поэта по поводу непереводаемости на чужие языки суть частный случай позиции литератора в современном мире, доведенный до логического конца. Уходя в бесконечные пределы вдоль этого вектора, мы приходим в конце к молчанию, в противоположном направлении этого же вектора лежит весьма расплывчатая, унифицирующая и обнадеживающая зона всеобщего понимания и единства общих антропологических оснований. Иными словами, все сказанное одним человеком в результате

может быть понято другим человеком. И все зависит от того, где, в какой точке этой растянутой прямой мы полагаем себя в качестве писателя, где мы полагаем тот камень, на котором воздвигаем свое литературное здание. Надо заметить, сказал Пригов, что эта возможность отстраненного предположения и даже созерцания различных точек дислокации на упомянутой прямой порождает динамическую модель художественного поведения и акцентирует одну из основных черт, присущих современной художественно-артистической деятельности – мобильность. Относительно литературы можно даже сформулировать это так: преодоление преодолевающего. А именно, в период героического доминирования литературы и вообще вербальности в культуре основной и постоянный пафос всех национальных литератур был в преодолении обыденного языка и в преодолении национальных пределов высокой литературы. Ныне же само доминирование вербальности, заключил поэт, постепенно преодолевается культурой, и все вышеуказанные борения литераторов становятся проблемами вполне маргинальными.

18 декабря 2001 года на семинаре состоялся доклад **Максима Ильича Шапира** (ИЯЗ РАН) «**Барков и Державин (Об одном из “узловых моментов” в истории русского поэтического языка)**». В докладе рассматривалась роль И. Баркова и барковщины в истории русского поэтического языка (роль эта, по мнению докладчика, была весьма велика). В первой части выступления анализировались механизмы пародии, которой в обценно-порнографическом бурлеске были подвергнуты произведения высокой словесности, представленной именами прославленных писателей своего времени (таких, как М. Ломоносов, А. Сумароков и другие). Докладчик показал, что перелицовке подлежали все роды литературы (эпос, лирика, драма) и почти все жанры, включая комические и даже фривольные. Целью такой травестики было пародирование не отдельных текстов и даже не жанров, а литературы в целом. Возникшая в результате этого «вторая», непечатная литература, в свою очередь оказала сильнейшее обратное влияние на высокую поэзию, и прежде всего на творчество Г. Державина, который, как свидетельствуют мемуаристы, учился литературной грамоте "по Баркову". Державин в буквальном смысле переписывал многие барковские произведения, очищая их от крайней неблагопристойности; кроме того, он усвоил и использовал лексику и фразеологию Баркова, его формулы и клише, его ритмику, рифму и строфику, а главное — его основной стилистический прием: соединение высоких церковнославянизмов с диалектизмами, грубым просторечием и даже с площадной бранью. В результате сложился новый поэтический язык, позволявший автору балансировать на грани серьезности и шуток. Открытие Баркова — напрямую или при посредничестве Державина — было воспринято многими русскими писателями. Среди них оказались, в том числе, Пушкин и Гоголь, во многом определившие лицо русской классической литературы.

12 февраля 2002 года на очередном заседании семинара в рамках направления «Поэтический язык и современные литературные стратегии» выступил поэт и филолог, исследователь русского авангарда, основатель и президент Академии Зауми **Сергей Бирюков** (sibirjukov@web.de) (сейчас он живет в Германии). Его выступление было посвящено современным литературным стратегиям. Он обратил внимание на то, что в 10—20-е годы XX века были намечены пути синтеза искусств в поэзии, но эти начала не были развиты на русской почве.

В то время как на Западе в послевоенное время активно развивалась визуальная и фонетическая поэзия, в СССР в связи с запретом на эксперимент эти опыты были закрыты. Те, кто работал в этом направлении, не имел выхода к аудитории. В последнее десятилетие возможность выхода появилась, стал доступен отечественный и зарубежный опыт. Однако здесь, по мнению С. Бирюкова, остается много резервов. В частности, докладчик остановился на проблеме звучарной (фонетической) поэзии. Сделав обзор работ Л. Сабанеева, М. Малишевского, А. Квятковского, которые активно разрабатывали теорию «музыки речи», С. Бирюков привел примеры из практики современных «звучарных» поэтов – Валерия Шерстяного, Дмитрия Булатова. Он показал также возможности голосового анализа различных текстов. В частности, помимо своих собственных произведений, Бирюков прочитал фрагмент программы одной научной конференции. По мысли поэта и исследователя, поэзия претерпела настолько существенные изменения, что практически любой текст может стать поэтическим в процессе исполнения. Устремления современной поэзии здесь вплотную сошлись с устремлениями современной музыки, которая также захватила все немзыкальные сферы (не только звучащие!). Поэзия и музыка давно работают с тишиной как звуковым материалом, вторгаются в область пространственных искусств. В России это пока заметно меньше, хотя есть и ряд авторов и несколько изданий, где такие синтетические формы представлены. Это альманах «Черновик» (который, правда, издается в США), «Журнал Поэтов», «Футурум-арт». Появились и книги, репрезентирующие расширение поэзии. Это «Зевгма» (1994) и «Теория и практика русского поэтического авангарда» (1998) самого Бирюкова, две международные антологии Д. Булатова: «Точка зрения: Визуальная поэзия. 90-е годы» (1998) и «Номо sonorus. Международная антология саунд-поэзии» (2001). Однако, по мнению выступающего, этих изданий явно недостаточно, необходимо объединение усилий поэтов, лингвистов, литературоведов в изучении и фиксации новых поэтических стратегий. По мнению Бирюкова, современное поэтическое искусство даже старые проблемы разворачивает по-новому: это, например, проблема интонации в авангардной поэзии, а также вопрос о расподобления знаков в тексте, когда составляющие знака меняются местами и т. д. Выступление закончилось исполнением авторских поэтических композиций.

26 марта 2002 года заседание семинара было посвящено теме «Языковой мир рекламы». В гостях у Отдела стилистики и языка художественной литературы были специалисты из Международного института рекламы. Первое слово было предоставлено кандидату филологических наук, заведующей кафедрой коммуникативных технологий в рекламе и проректору Международного института рекламы **Юлии Константиновне Пироговой**. Она выступила с докладом «**Речевое воздействие и манипулирование в рекламе: к вопросу о разграничении понятий**». Докладчица заметила, что в связи с динамичным развитием различных сфер увещательной коммуникации в России (рекламы, PR, политической риторики, судебной риторики и др.) актуальной становится проблема допустимых границ языкового воздействия на адресата, возможности манипулирования его сознанием. Поэтому анализ функционирования русского языка в профессиональных сферах увещательной коммуникации должен включать оценку не только в терминах «правильное употребление» и «языковая

культура», но и в терминах «социальная ответственность» и «информационная безопасность». Ю. К. Пирогова заметила, что одна из основных претензий к рекламе со стороны общества состоит в том, что реклама, по мнению людей, лжет и вводит в заблуждение. В силу сказанного вопрос о границах эффективного воздействия и манипулирования является одним из принципиальных для рекламного дискурса.

Для прояснения существа терминов Ю. К. Пирогова рассмотрела существующие в научной литературе определения понятия «манипулирования» и возможность их использования при анализе рекламного дискурса. Был предложен новый вариант определения, позволяющего, по мнению автора, более четко разграничивать случаи манипулятивного и неманипулятивного рекламного воздействия. Далее докладчица проанализировала языковые приемы, активно используемые в современной русскоязычной рекламе в целях воздействия и манипулирования, а также подвергла разбору когнитивные и иные предпосылки манипулирования.

В заключение Ю. К. Пирогова отметила, что манипулятивные возможности рекламы ограничиваются в статьях законов и этических кодексов, действующих в сфере рекламы, однако формулировки этих статей и механизм их применения требуют серьезной научной проработки. Здесь необходимы совместные усилия представителей разных коммуникативных и когнитивных наук, а также юристов и рекламистов-практиков.

Выступление молодого преподавателя Института **Марии Михайловны Блинкиной-Мельник** «**«Задача копирайтера»: степени свободы рекламного текста**» было посвящено практике рекламного дела. Она заметила, что создание рекламного текста более всего напоминает решение системы уравнений, математической задачи, которую можно было бы назвать «задача копирайтера». Двумя ключевыми параметрами, определяющими красоту рекламного текста, являются адекватность заказчика и талант копирайтера, причем первый параметр задается экзогенно, поэтому при адекватности заказчика, стремящейся к нулю, задача может вообще не иметь сколько-нибудь изящного решения. По мнению М. М. Блинкиной-Мельник, сложность и принципиальная решаемость задачи копирайтера определяется соответствующими степенями свободы. Опираясь на свой опыт работы в рекламном агентстве, докладчица поведала аудитории, что перечень ограничений (весьма разнородных!) копирайтер получает в стандартной форме на фирменном бланке. К ним относятся: название продукта, временные рамки, жанр, цель проекта, главные достоинства продукта, целевая группа, потребительские предрассудки, суть сообщения, интонация, обязательные компоненты, цельность кампании.

Особенно подробно М. М. Блинкина-Мельник остановилась на одной из самых интересных «задач копирайтера» – сюжетных схемах. Она объяснила, что внутри одной кампании телевизионные ролики часто строятся по заданной схеме. Можно различать 3 типа схем: 1) **ограничительные схемы** — *готовая история, куда вставляются персонажи*, то есть все элементы фиксированы, и в наличии только одна степень свободы (пример: *Пиво Tuborg: мой отец хотел бы видеть меня таким/такой* — варьируется только пол, продуктивность – 2 ролика); 2) **полуограничительные схемы** — *заданная ситуация, наполнение которой варьируется*, то есть степеней свободы несколько (пример: *Сделай паузу, скушай Твикс* — ситуация ожидания, продуктивность 5 роликов); 3) **свободные схемы** — *заданные персонажи, с которыми может*

приключиться почти любая история, то есть фиксирован один (хотя и весьма важный) элемент (пример: *одушевленные конфеты M&M's*, продуктивность почти не ограничена). Заключительная фраза доклада о том, что сюжетная схема – аналог допинга, а самое интересное — придумать то, что не укладывается ни в одну из популярных схем, прозвучала как творческое кредо ее автора.

Заключил семинар доклад доцента Международного института рекламы **Павла Борисовича Паршина** о модели мира, какой она предстает из потока современной российской коммерческой рекламы (далее СРКР) последних лет (в основном телевизионной). Доклад представлял собой развитие идей, изложенных весной 2001 г. на международной конференции «Текст. Интертекст. Культура» и опубликованных в виде статьи в сборнике ее материалов (М.: Азбуковник, 2001).

Как заметил докладчик, упомянутые в работе 2001 г. онтологические идиосинкразии представляют собой наиболее яркую и занимательную особенность модели мира СРКР, однако особенности моделей мира онтологией далеко не исчерпываются. Среди других представляющих немалый интерес (да к тому же находящихся сейчас – безотносительно к языковой сфере рекламы – в фокусе внимания исследователей) компонентов необходимо упомянуть **систему метафор** и **корпус интертекстуальных ссылок**, представленных в потоке рекламных сообщений. Их рассмотрению и был в основном посвящен доклад.

П. Б. Паршин заметил, что при всем различии метафор и интертекстуальных ссылок между этими явлениями имеется несомненное сходство, заключающееся в том, что оба они (а также, как минимум, аналогия и экземплификация) представляют собой своего рода межмировые (точнее, «межсферные» – interdomain) операторы, соотносящие, хотя и по-разному, семиотическую сферу данного сообщения с некоторой другой семиотической сферой, тем самым активируя угодным автору сообщения образом знания об этой последней в сознании реципиента сообщения. В обоих случаях знания о понятийных сферах-источниках (в случае интертекстуальности – о мире претекста) обладают некоторой выделенностью: большей близостью к непосредственному опыту, наглядностью и «теплотой» в случае сферы-источника метафоры и семиотической маркированностью того или иного рода (престижность текста источника или его автора, изящество формы, нетривиальность мысли – это основные параметры, хотя иногда важны не они сами по себе, а нетривиальность способа вписания ссылки в текст, создающая специфический эстетический эффект) в случае интертекстуальности. Эти общие особенности лежат в основе тех функций, которые выполняют метафоры и интертекстуальные ссылки в рекламном сообщении.

Как в случае метафор, так и в случае интертекстуальных ссылок в докладе рассматривались следующие основные вопросы:

Типология (соответственно, метафор и интертекстуальных ссылок).

Функции, выполняемые метафорами и интертекстуальными ссылками в рекламном дискурсе. В частности, рассматривалось соотношение когнитивных, прагматических и эстетических функций, а также возможность и целесообразность применения к описанию соответствующих явлений шестичленной функциональной схемы Р. Якобсона. Особое внимание было уделено использованию интертекстуальных ссылок как инструмента нацеливания рекламного сообщения на конкретную целевую аудиторию, а также «узурпации» эстетического воздействия претекста для формирования благоприятного отношения к

рекламным сообщениям с интертекстуальными ссылками.

Источники метафор и интертекстуальных ссылок. Применительно к метафорам это традиционно считается частью типологии, но не вся типология метафор сводится к классификации сфер-источников и сфер-целей. Применительно к интертекстуальным ссылкам анализ их источников служит существенным источником сведений относительно представлений рекламиста о своей целевой аудитории и ее семиотическом мире.

Анализ товарных групп по **интенсивности использования** в них различных метафор и интертекстуальных ссылок. В первом случае, в полном соответствии с когнитивной теорией метафоры, выявились явные предпочтения, заключающиеся в том, что сильно метафоризируемыми оказываются более абстрактные и далекие от непосредственного физического чувственного опыта сферы – в частности, вычислительная техника и банковская деятельность, тогда как в рекламе одежды или продуктов питания метафоры, как правило, не используются. В случае интертекстуальных ссылок предпочтений в терминах товарных групп на проанализированном материале выявлено не было.

Все перечисленные темы были затронуты в докладе достаточно бегло; в дальнейшем предполагается их развитие по нескольким направлениям.

23 апреля 2002 года на очередном заседании семинара в рамках направления «Поэтический язык и современные литературные стратегии» выступал главный редактор альманаха «Черновик», поэт-философ **Александр Очеретянский** (Нью-Йорк) (e-mail: aocher@erols.com) с докладом **«Смешанная техника: Понятие. Жанр. Явление. Смешанная техника как выход за пределы литературы, не покидая ее».**

Докладчик сказал, что еще для литературы XIX—XX вв. характерна была тенденция к смешению жанров и к развитию промежуточных жанров. Тенденция эта в наши дни приняла космические темпы не только на Западе, но и в России. Для начала А. Очеретянский дал два определения:

Определение (1): Смешанная техника — есть универсальное явление на понятийном уровне. Отсюда ее потребность.

Определение (2): Смешанная техника – есть практическое проявление того, что не влезает ни в какие рамки, ввиду возможности отнесения каждого из взятых отдельных произведений к тому или иному из традиционных устоявшихся жанров. Иной, но жанр, ибо без деления на жанры невозможна никакая критическая оценка, необходимость в которой человек будет испытывать до тех пор, пока существуют такие понятия (они же дисциплины), как поэтика, лингвистика, теория литературы, литературоведение, искусствоведение и пр.

Смешанность подразумевает коллаж. В данном случае речь идет о коллаже применительно к литературе. Серьезных исследований в этой области пока не имеется; в то же время сегодня имеет смысл говорить о переосмыслении коллажа.

В первых рядах профессиональных зачинателей «смешанной техники», по мнению докладчика, – Александр Пушкин, отказавшийся от культивируемой классицистами чистоты жанра (см. Олег Клинг. Три волны авангарда // Арион. 2001. №3), и Велимир Хлебников, «для которого поэзия и проза никак не отделялись от иных способов выговаривания того, что он считал нужным выговорить» (см. публикацию В. Николаенко в: Новое литературное обозрение. 2001. № 45.).

Далее А. Очеретянский заметил, что идея визуальной поэзии как самобытного жанра,

имеющего веками сложившуюся традицию, не обладает по сей день определенной целостностью ввиду того, что литературоведы и искусствоведы не могут выдвинуть для нее единого теоретического обоснования. В альманахе «Черновик», последние номера которого он представил на заседании семинара, визуальная поэзия – это уже не жанр, а составная часть «смешанной техники».

Основные выводы докладчика были таковы:

- (1) Смешанная техника, вбирая в себя все сущее, включая живопись, музыку, прикладные и естественные науки, компьютерные технологии, – все дальше отходит от собственно литературы, не в последнюю очередь за счет стремительно развивающихся средств информации, становясь независимым самостоятельным явлением, таким же, как любое другое, с которым мы встречаемся на каждом шагу.
- (2) Смешанная техника переживает подъем. Ее стремительное разрастание (расширение и уточнение) можно сравнить со снежным комом, летящим с горы, обрастающим все новыми и новыми материалами – и, соответственно, рубриками, если говорить об альманахе, все увеличивающемся в объеме.

В заключение А. Очеретянский сказал: трудно прогнозировать что бы то ни было; «смешанная техника» — не исключение. В то же время, принимая во внимание, что «эволюция по сей день проходит стадию ползающей личинки» (В. Репнин), человечеству еще долго будет чем заниматься.

11 июня 2002 года в гостях у Отдела стилистики и языка художественной литературы ИРЯ РАН была поэтесса **Анна Альчук** (e-mail: mikhailryklin@mtu-net.ru). В начале выступления она прочитала свои ранние стихи из сборника «Движение», которые были написаны в относительно традиционной манере. В этот суммирующий сборник вошло несколько более ранних сборников, один из которых – «Двенадцать ритмических пауз», созданный под влиянием японской поэзии, – был прочитан на семинаре полностью. Далее А. Альчук, объясняя свой переход к конкретной и визуальной поэзии, попыталась воспроизвести контекст неофициальной литературной жизни конца 1980-х годов. Прежде всего она продемонстрировала два номера журнала «Транспонанс», издававшегося в то время в Ейске Сергеем Сигеем и Ры Никоновой. Несмотря на то, что журнал выходил тиражом в пять экземпляров, в Москве и Ленинграде он был известен всем, кто так или иначе занимался экспериментальным искусством. С 1986 года сама А. Альчук стала постоянным автором этого журнала. Начиная с 1987 года совместно с поэтом Глебом Цвелем поэтесса вела программу в Клубе истории современного искусства (КИСИ) в Перово, где впервые прошел вечер Виктора Ерофеева, посвященный творчеству В. В. Набокова. В Клубе также постоянно устраивались неформальные выставки (например, выставка художников Лианозовской школы из собрания Всеволода Некрасова), музыкальные вечера (концерт джазовой группы «Три О» под руководством Сергея Летова), литературные чтения (Всеволода Некрасова, Генриха Сапгира и других). Альчук показала один из номеров журнала «Парадигма», который издавался ею совместно с Г. Цвелем при клубе. В нем, помимо хроники клубной жизни, печатались стихи Генриха Сапгира, Всеволода Некрасова, Андрея Монастырского, Глеба Цвеля и других «альтернативных» авторов. В «Парадигме» впервые были опубликованы стихи скульптора Вадима Сидура. Кроме того, А. Альчук показала собравшимся номер журнала «МДП» (посвященный

визуальной поэзии), издававшийся ею в 1988 году при клубе «ДЭЗ № 5», где проходили концептуальные перформансы, музыкальные вечера и литературные чтения и где впервые в России состоялся вечер, посвященный творчеству Евгения Харитонова.

Затем А. Альчук рассказала, что под влиянием С. Сигея и Ры Никоновой, а также благодаря знакомству со средой концептуалистов (членами группы «Коллективные действия») в конце 1980-х годов у нее самой родилось ощущение исчерпанности традиционной формы. Это привело к тому, что постепенно у поэтессы начала выкристаллизовываться новая поэтическая манера, которая воплотилась в сборниках «СОВ СЕМЬ», «СЛОВАРЕВО» «ПРОСТЕЙШИЕ» и «ОВОЛС», составивших книгу «СЛОВАРЕВО». Стихи из этих сборников были прочитаны автором перед собравшимися с использованием различных интонационных приемов. Как заметила сама поэтесса, чтение стихов, в которых найдена своя уникальная разбивка поэтической строки, по-особому используются знаки препинания, а также создана своя нетрадиционная грамматика, основанная на сращивании слов и/или разложении слова на самодостаточные элементы, представляет собой большую проблему, поскольку новые смыслы в подобном стихе рождаются во многом в результате постижения визуального ряда. В связи с этим А. Альчук рассказала о своем сотрудничестве с художниками (в частности, с компьютерной художницей и режиссером Ольгой Кумегер, которая сделала компьютерную анимацию на ее стихи) и музыкантами (Альчук нередко выступала с Сергеем Летовым и джазовыми музыкантами, которых он приглашал). Подобное сотрудничество помогало поэтессе воспроизводить визуальную составляющую ее стихов с опорой на синестетическое восприятие.

Однако – и это было специально акцентировано А. Альчук – экспериментальный характер ее стихов и использование приемов футуристической поэзии и поэзии зауми не исключают для поэтессы традиционных поэтических ценностей — таких, как: четкий ритмический рисунок, музыкальное звучание поэтической фразы, аллитерации и, наконец, создание лирического месседжа. В этом Альчук расходится, например, с Ры Никоновой и С. Сигеем, для которых эксперименты с формой являются самоценными. Для них проблема приоритетов (кто первый придумал тот или иной прием) очень важна. По мнению А. Альчук, формальные приемы являются лишь средствами передачи лирического месседжа, а приоритеты значимы лишь отчасти, потому что то, что представляется новаторским, при ближайшем рассмотрении оказывается, как правило, наиболее архаическим пластом языка; так элементы зауми без труда можно найти в народных заговорах или детских считалках.

После выступления поэтессы, проходившего в рамках направления семинара «Поэтический язык и современные литературные стратегии», состоялась довольно бурная и продолжительная дискуссия, в которой приняли участие как лингвисты, так и поэты, приглашенные на семинар. В выступлениях было особо подчеркнуто, что существование поэтического текста в разных формах репрезентации освобождает его от готовых решений и превращает в открытую структуру, позволяющую расширить представление о границах поэтического творчества. Заклучая семинар, Наталья Фатеева отметила, что многомерность и «многоформность» современного стиха не означают его невнимания к содержательной стороне поэзии. По ее мнению, стремление поэтов выйти за рамки обычных моделей языка и стихосложения

связано с поисками «еще не бывшего состояния языка», отражающего «ранее не бывшее состояние мира» и зафиксировать это «ранее не бывшее состояние» через формально-смысловое становление текста.

Многомерное существование поэтического текста, заметила Н. Фатеева, делает его усложненным для понимания. Для выработки нового научного метаязыка необходим серьезный диалог между специалистами в области изучения поэтического языка и непосредственными участниками литературного процесса – поэтами, писателями и критиками. Поэтому логическим продолжением идей семинара «Проблемы поэтического языка» должен стать проект конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии», в котором примут участие как ведущие ученые-филологи, так и сами поэты, представляющие свои литературные направления в рамках темы «Поэтическое творчество в свете авторефлексии». Конференция должна завершиться поэтическим фестивалем: чтением стихов и поэтическими перформансами.

Руководители семинара будут признательны тем, кто хочет предложить свою тему выступления в рамках объявленной проблематики семинара.

Н. А. Фатеева

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Р.И. АВАНЕСОВА

Материалы к биографии Р.И. Аванесова (1920-1940-е гг.)

Предисловие и подготовка текста О. В. Никитина

Рубен Иванович Аванесов родился в г. Шуша (Нагорный Карабах) в Азербайджане 1 (14) февраля 1902 г. Некоторое время он учится в знаменитом Лазаревском институте иностранных языков, а после его закрытия оканчивает в 1919 г. Советскую трудовую школу. Дальнейшее образование он получает на историко-филологическом факультете Московского университета, откуда вначале он вынужден уйти, не имея возможности совмещать учебу с работой. Вторично он поступает в университет в 1922 г., снова на отделение литературы и языка факультета общественных наук (ФОН) и оканчивает его в 1925 г., получив специальность «славяно-русское языкознание». К этому же времени относятся первые самостоятельные научные опыты Р. И. Аванесова и экспедиционные поездки с целью сбора диалектологических данных. Об одном таком «приключении» он рассказал в письме к близкой знакомой Е. Е. Тагер, впоследствии известному литературоведу, автору статей и монографий о художниках и скульпторах. «Я пришел в Переславль вчера вечером. Дней на пять я уходил путешествовать с М. И-чем <указанные инициалы расшифровать не удалось. – О. Н.> по уезду. Мы с ним исходили пешком около 100 верст. Я занимался диалектологией, он археологией — раскопки делал и по церквам ходил — старых икон искали — сделали интересные приобретения для музея. Путешествие наше пешее не обошлось без приключений; ходили по лесам — в одном месте заблудились, чуть в лесу не пришлось ночевать — а там волки и змей много. Не обошлось дело и без выпивки — в одном селе мы с М. И-чем вместе с местным священником пили самогон. М. И. пил мало, я же соперничал с попом, благочинным, о. Василием (а он знаменитейший в уезде пьяница). Я конкурировал

было очень удачно и думал, что побеждаю. Но затем внезапно (я уж ничего не помнил и узнал только наутро) дело кончилось позорнейшим поражением. <...> были и другие приключения» (РГАЛИ. Ф. 2887. Оп. 1. Ед. хр. № 317. Лл. 1—1 об.). Научная сторона поездки была описана им в одной из первых статей «О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии» (1927).

Основные интересы молодого ученого лежали в плоскости исторического и прикладного языкознания; тем любопытнее кажется поворот к другой стихии — исследованиям по русской литературе. В 1927 г. он публикует большую статью «Достоевский в работе над «Двойником», раскрывающую многогранный талант Р. И. Аванесова в иной плоскости — как тонкого стилиста и знатока русской классики. Теперь об этом едва ли кто вспомнит, но в юности его связывало знакомство с таким корифеем литературоведения, как проф. П. Н. Сакулин. Сохранился интересный документ тех лет, дающий, кроме того, и личные свидетельства ученого о судьбе его семьи. В письме к П. Н. Сакулину 1924 г. он пишет: «Дорогой Павел Никитич, очень прошу Вас извинить меня в том, что я сегодня не могу быть на заседании: уезжают мои брат и сестра за границу, далеко (в Париж) и надолго, и я, на котором лежит вся организационная тяжесть их переезда, не могу не проводить их» (РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Ед. хр. № 60. Л. 1). Много позднее мы нашли и еще один факт, говорящий о давних исследовательских и человеческих интересах Р. И. Аванесова к изящной словесности. В письме к известному советскому писателю Л. П. Гроссману 1958 г. он обронил: «Я Вас знаю и люблю с первых дней своих студенческих лет, когда стал под руководством покойного Николая Леонтьевича <по-видимому, Бродского. — *О. Н.*> заниматься Достоевским. Я и мои товарищи бывали на всех Ваших докладах и выступлениях и считали Вас одним из самых блестящих и талантливых литературоведов. Однако познакомиться с Вами лично довелось много позже» (РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. Ед. хр. № 163. Л. 1). Наконец, приведем еще один документ. В письме 1923 г. к другу студенческих лет Е. Б. Тагеру, впоследствии известному литературоведу, он сообщает: «Я не делаю ровно ничего. Впрочем, каждый день ходил в исторический, но, по правде сказать, ходил не для того, чтоб заниматься, а совсем по другим целям: ходил просто посидеть и побеседовать с одной очень симпатичной библиотекаршей (студенткой архео<логического> отд<еления>). Теперь (с 1го) она не работает уже [в] библиотеке (а в другом отделе), и потому я, кажется, приношу свои «ученые занятия».

Только что прочел «Хождение по мукам» Ал. Толстого. Читал ли ты? Очень мне понравилось. Мне лень об этом романе писать, потому что только вчера я об этом подробно писал Лиле <Лидия Моисеевна Поляк — жена Р. И. Аванесова. — *О. Н.*>. Если ты не читал, очень советую прочесть» (РГАЛИ. Ф. 2887. Оп. 1. Ед. хр. № 45. Лл. 1 об.—2).

Многие годы Р. И. Аванесов работает в средней школе, на рабфаках и в рабочем университете, создавая учебники для школ малограмотных: «Рабочая книга по русскому языку» (совместно с П. Криворотенковым и Л. Б. Перльмуттером, 1928), «Сборник орфографических упражнений для начальных образовательных школ взрослых» (1929), «Синтаксис, пунктуация, стилистика. Учебная книга по русскому языку» (совместно с Л. Б. Перльмуттером и В. Н. Сидоровым, 1930), «Грамматика русского языка для 6 класса средней школы» (совместно с Л. Б. Перльмуттером и В. Н. Сидоровым, 1932), «Русский язык. Грамматика и правописание. Учебник для школ малограмотных» (1933) и др.

На странице 310 представлены две фотографии из архива Л.Л. Касаткина.

На первой – сотрудники сектора истории и диалектологии Института русского языка.
Р.Н. Булатова, Р.И. Аванесов, А.К. Васильева, С.В. Бромлей, Т.А. Сумникова,
Н.А. Троицкая, Л.Л. Касаткин

На второй – Р.И. Аванесов. Дома. 1972 г.

В 1931—1933 гг. Р. И. Аванесов — сотрудник Научно-исследовательского института языкознания при Наркомпросе РСФСР, а с 1932 по 1947 гг. он был заведующим кафедрой русского языка Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Именно в те годы вместе с ним работали В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский — ядро будущей Московской фонологической школы. В 1935 г. Р. И. Аванесов был утвержден в ученом звании профессора и в ученой степени кандидата филологических наук без защиты диссертации. К тому времени у него был уже немалый опыт исследовательской и экспедиционной работы в области истории русского языка и диалектологии: вышли его труды: «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка» (в соавторстве с В. Н. Сидоровым, 1930), «Говоры Верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектологические группы» (в соавторстве с В. Н. Сидоровым, 1931), многочисленные учебники, методические разработки.

Особая страница в жизни и деятельности Р. И. Аванесова — сотрудничество с Д. Н. Ушаковым. Начало этому было положено еще со времени обучения в МГУ. Дмитрий Николаевич привлек молодого выпускника к работе в Московской диалектологической комиссии, членом которой он являлся с 1925 г. Затем совместная работа в системе Академии наук СССР: Д. Н. Ушаков пригласил Р. И. Аванесова в организованный в 1939 г. Сектор славянских языков Института языка и письменности, где тот был одним из самых деятельных участников, организатором многих поездок для сбора диалектных данных и т. д. Надо сказать, что и сама атмосфера, и коллектив, сплотившийся вокруг Д. Н. Ушакова, содействовали развитию творческой интуиции и совершенствованию научной работы Р. И. Аванесова. Нам удалось ознакомиться с протоколами заседаний Сектора довоенных лет. Вот некоторые наши наблюдения. На первом же собрании 3 сентября 1939 г. Р. И. Аванесов предложил «наметить следующие работы по диалектологии: 1) организация экспедиций, 2) составление карт и монографий, 3) составление библиографии» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 150. Л. 2). Он активно работал вместе с другими членами Сектора над составлением диалектологической карты Рязанской области и описанием отдельных говоров, по составлению «Областного словаря русского языка». К сожалению, преждевременная болезнь (почти полная потеря слуха) и война приостановили кипучую деятельность Р. И. Аванесова. Но сохранившиеся планы «ушаковских мальчиков» по изучению истории русского языка до сих пор впечатляют своей новизной, широтой и глубиной охвата данных, экспериментальностью подходов. Так, в плане Сектора славянских языков на 1940 г. значились следующие темы: выборка материалов (50000 карточек), составление предварительного плана и инструкции для «Областного словаря русского языка» (руководители — Р. И. Аванесов и С. И. Ожегов), монографическое описание отдельных русских говоров — изучение диалектов по р. Пре Спасского района Рязанской области (Р. И. Аванесов), говоров Мелеховского (В. Н. Сидоров) и Можарского (П. С. Кузнецов) районов Рязанской области, проблема классификации южновеликорусских говоров в связи с изучением говоров Болховского района Орловской области (А. М. Сухотин) и др. В выступлении 10 января 1940 г. на заседании Сектора, руководимого Д. Н. Ушаковым, Р. И. Аванесов выделил важность изучения говоров Рязанской области: «Еще <...> Будде в свое время говорил о том, что Рязанская область очень интересна. Институт думает организовать разведывательные поездки. Исследование начать

предполагается с лета этого года и в течение нескольких лет охватить территорию не в пределах современной Рязанской области, а в пределах Рязанского княжества. Материал даст возможность пересмотреть точку зрения на образование переходных говоров. Карта будет дополнением» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 150. Л. 15). В плане Сектора на 1941 г. в области работ по диалектологии за Р. И. Аванесовым значится «Проблема генезиса среднерусских говоров (6 авт<орских> лист<ов> к 1 декабря 1941 г.)» (там же. Л. 70). А последнее заседание состоялось накануне войны — 21 июня 1941 г.

Довоенный период был очень плодотворным для Р. И. Аванесова. Кроме известных данных, в РГАЛИ и Архиве РАН сохранились и другие материалы, относящиеся к деятельности ученого в настоящий период. Это «Отзыв на Правила употребления знаков препинания» А. М. Сухотина (1935 г.), присланные Д. Н. Ушакову «Вопросы русского литературного произношения» (статья 1937 г.), письма Р. И. Аванесова Д. Н. Ушакову и черновые заметки курсов, темы для спецвопросов по истории русского языка у аспирантов II курса и многое др., что, как мы полагаем, может быть интересно для написания полной биографии ученого и характеристики его как личности. Так, в черновых записях ученого 1939 г. сохранились следующие задания:

1. Танская — древний псковский говор.
2. Высотский — звук ъ в моск[овском] говоре.
3. Лещинская — язык древнерусских северных грамот (новг[ородские] и двинск[ие]).
4. Осовецкий — свидетельства иностранцев о русском языке XVI—XVII в.». (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 1. Л. 3).

Даже из такой небольшой подборки спецвопросов видно, насколько неформально, творчески, по-новаторски Р. И. Аванесов подходил к предмету истории русского языка. При работе над темами он рекомендовал своим подопечным прежде всего труды классиков дореволюционной России, к которым тогда относились с известной долей подозрительности и недоверия. Для него же имена Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Е. Ф. Карского, А. А. Шахматова, О. Брока, Б. М. Ляпунова, даже опального Н. Н. Дурново не были запретными. Напротив, он писал: «Работы Шахматова, Дурново, Брока и др. я не выделяю в особые темы, т. к. изучение их входит в *обязательную* [курсив наш. — О. Н.] литературу по соответствующим вопросам» (там же. Л. 6 об.). Большое значение в обучении он придавал работе с *источниками*, прежде всего с оригинальными текстами, с рукописями. Так, своим аспирантам он рекомендовал в качестве своеобразных пособий «Сказание о Борисе и Глебе XII в.», минеи XI в., исследования И. В. Ягича, Ф. Ф. Фортунатова, Л. Л. Васильева. Он говорил: «При изучении каждого вопроса [в данном случае имеется в виду диалектология. — О. Н.] по возможности должны быть объединены факты современных русских говоров с данными, извлеченными из памятников письменности» (там же. Л. 6 об.). В будущем многие его аспиранты стали известными учеными.

Показателен один из первых опытов в области орфоэпии, развившийся позже в ставшую классической книгу «Русское литературное произношение», выдержавшую до середины 1980-х гг. 6 изданий. Мысли, высказанные Р. И. Аванесовым в далеком 1937 г., до сих пор звучат с неослабевающей новизной и актуальностью: «Исключительное внимание нашей школы к орфографии понятно: малограмотность д[олжна] быть ликвидирована в кратчайший срок. Но **давно уже пришло время поднимать также культуру устной речи** [выделено нами. — О. Н.]

и, в частности, развивать правильное произношение.

Правильное произношение, как и правильное письмо, являются неотъемлемыми сторонами литературного языка. Их задачи заключаются в том, чтобы минуя все индивидуальные особенности речи, а также особенности местных говоров, быть средством наиболее широкого общения. Поэтому обучение правильному произношению также необходимо, как и обучение правописанию. Сознательное культивирование правильного произношения (в школе, на радио, на сцене, в кино) имеет огромное практическое значение в деле приобщения малограмотных масс трудящихся к литературному языку <...>» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 5. Ед. хр. № 1. Лл. 3—4).

В нашем небольшом очерке мы постарались осветить некоторые неизвестные факты из биографии Р. И. Аванесова, основанные на архивных материалах довоенных лет. Именно этот период в деятельности Р. И. Аванесова и вообще отечественной науки менее всего известен и нуждается в тщательном изучении, поиске новых данных. Отчасти, хочется надеяться, это восполнит приводимый ниже материал.

Мы посчитали целесообразным в качестве приложения полностью опубликовать один из документов того времени, рассказывающий о насыщенной, разносторонней работе Института языка и письменности АН СССР, в котором, как уже было сказано, работал Р. И. Аванесов. Думаем, что не будет большим преувеличением сказать, что одним из ключевых направлений в деятельности Сектора славянских языков были исследования по русской диалектологии.

Публикуется впервые по машинописной копии без подписи (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 150. Лл. 15—16 об.). Некоторые исправления и вставки, присутствующие во второй копии Протокола (там же. Лл. 18—21), внесены нами при подготовке текста без особых оговорок.

ПРОТОКОЛ № 5

Заседания Сектора славянских языков
Института языка и письменности народов СССР АН
10 января 1940 г.

Присутствовали: т.т. Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов, Р. И. Аванесов, А. Б. Шапиро, Р. Р. Гельгардт, Г. О. Винокур, М. Н. Петерсон, Б. М. Гранде, Л. И. Базилевич, А. А. Реформатский, В. А. Петросян, Б. С. Брук, Е. Е. Репина, Н. О. Суржко, М. П. Якубович, т. Шульман, Е. Е. Комшилова, И. Г. Голанов, Е. М. Федорук, т. Байбакова, И. А. Василенко, П. С. Кузнецов, т. Руднев, Т. Васильев, Б. В. Горнунг.

Повестка дня

1. Д. Н. Ушаков — вступительное слово.
2. Р. И. Аванесов — О работе по русской диалектологии Сектора славянских языков.
3. Е. Е. Комшилова — О диалектологической экспедиции Моск[овского] госуд[арственного] пед[агогического] института.
4. Г. О. Винокур — О диалектологической экспедиции ИФЛИ.
5. Р. И. Аванесов — О диалектологической экспедиции Моск[овского] гор[одского] пед[агогического] института.
6. П. С. Кузнецов — О диалектологической экспедиции Моск[овского] гор[одского] пед[агогического] института.
7. А. М. Сухотин — О диалектологической экспедиции Моск[овского] гор[одского] пед[агогического] ин[ститу]та.
8. И. А. Василенко — О диалектологической экспедиции Моск[овского] обл[астного] пед[агогического] института.

СЛУШАЛИ:

I. **Д. Н. Ушакова** — Сектор славянских языков Ин[ститу]та языка и письменности поставил одной из своих тем изучение русских говоров, устройство экспедиций, издание монографических описаний и проч. Сектор пригласил московских лингвистов на освещение, чтобы можно было обменяться опытом тех экспедиций, которые были проведены ин[ститу]тами, и установить контакт для дальнейшей общей работы в области русской диалектологии.

II. **Р. И. Аванесов**. Институт языка и письменности наметил следующий план работы по русской диалектологии:

1) Изучение говоров Рязанской области. Еще ак[адемик?]¹ Будде в свое время говорил о том, что Рязанская область очень интересна. Институт думает организовать разведывательные поездки. Исследование начать предполагается с лета этого года и в течение нескольких лет охватить территорию не в пределах современной Рязанской области, а в пределах Рязанского княжества. Материал даст возможность пересмотреть точку зрения на образование переходных говоров. Карта будет дополнением.

2) Второй темой Ин[ститу]та является составление монографий отдельных авторов. Над вопросами синтаксиса русских говоров работает сейчас А. Б. Шапиро.

3) Третьей темой является составление областного словаря русского языка.

III. **Е. М. Комшилова**. Диалектологическая экспедиция была включена в план работы кафедры русского языка. Цель экспедиции — собирание материала для атласа.

Для экспедиции были выбраны следующие районы Московской области: Ухтомский, Ленинский, Бронницкий. Раменский, Виноградовский, Воскресенский, Коломенский, Озерский. Обследовано 28 пунктов (в Ухтомском — 2 пункта, Ленинском — 3 п[ункта], Бронницком — 4 п[ункта], Раменском — 5 п[унктов], Виноградовском — 3 п[ункта], Воскресенском — 3 п[ункта], Коломенском — 7 п[унктов], Озерском [—] 1 п[ункт]). Экспедиция была проведена в июле 1939 г. Участвовало в ней 7 человек. Был установлен контакт с Райисполкомом и обл[астным] пед[агогическим] ин[ститу]том. На пунктах была установлена связь с советами и школами. Ин[ститу]т информировал общественность о задачах обследования, и все общественные организации очень помогали экспедиции. Записи производились в колхозах и школах. Вопросник состоял из фраз, а не из отдельных слов. Район обследования интересен тем, что там встречаются говоры и окающие, и екающие, и икающие. Ближе к северу наблюдается произношение «и» на месте «*»*² под ударением. Яканье умеренного типа. Взрывной «г» наблюдается всюду до Коломенского р[айо]на. В Коломенском р[айо]не есть факты смягчения заднеязычных. В Виноградовском р[айо]не в Левычине отмечено цоканье. Что касается морфологических черт, то всюду наблюдается род. падеж на *е* (*снохе*); множ. число ж. р. на *я* — *лошадя*. Глагол имеет «т» твердое вплоть до Раменского р[айо]на; *уть, ють* — в Коломенском районе. В Озерском р[айо]не говорят: корова «брюхается» вместо бодается. В Коломенском и Озерском р[айо]нах говорят «свьякры», «вышня» вместо *вишня*. В Раменском р[айо]не постройку для скота называют «клеть»,

¹ Имеется в виду Евгений Федорович Будде (1859—1929) — известный ученый-русист и диалектолог, один из видных представителей Казанской лингвистической школы; с 1916 г. — член-корреспондент АН. В Протоколе его ошибочно именуют «академиком».

² Так в тексте протокола.

«подклеть». В других районах говорят *хлев*. Уголок в избе, где держат теленка, называется «загадкой». В Коломенском р[айо]не вместо *у меня* говорят *у мене*.

Были ошибки в работе. Не всегда записывалась связная речь. Не четок дележ на «е», «я», «и».

Результаты обследования всех 28 пунктов будут занесены на карточки. Материал будет разбит на разделы: «Язык молодежи» и т. д. Институт уже наметил вопросник для экспедиции этого года. Смета утверждена.

Просьба к Сектору славянских языков уточнить вопросник.

IV. **Г. О. Винокур.** Поездка была в Котельнический район Кировской обл[асти]. Экспедиция ставила исключительно педагогические цели. Участвовало 8 чел[овек] (из них — 2 аспиранта и 6 студентов). Продолжалась экспедиция 11 дней. Решено было изучить говор одного пункта. Выбор пункта был вызван тем, что северные говоры меньше представлены в литературе, чем другие.

Говор в Котельническом р[айо]не однообразен. Зеленецкий говорил, что в Котельническом р[айо]не мужчины чокают, а женщины цокают. Этого различия не наблюдалось. Деревня, в которой жили, очень глухая, маленькая. Наблюдалось *о* закрытое, наличие мягких шипящих перед *э* и *и*, а также в середине слов перед согласными и рельефные рефлексы «h».

Прислушивались больше всего к говору женщин и детей. В течение февраля и марта материал будет обработан.

V. **Р. И. Аванесов.** Количество участников экспедиции было разделено на три группы. Всего участвовало 20 человек.

Одна группа во главе с проф. Сухотиным изучала говор Орловской губернии. Вторая гр[уппа] с Кузнецовым П. С. — Можарский район Рязанской обл[асти]. Третья группа во главе с Р. И. Аванесовым изучала говор Спасского р[айо]на Рязанской обл[асти], дер. Кидусово. Район этот расположен далеко от железной дороги.

Характерные особенности говора:

1) Сохранение старого *e* (*береза*, а не *берёза*). Явление это наблюдается и после шипящих (*шел*, а не *шёл*). По Пензенской губ[ернии] отмечена эта черта в мещерских говорах. Наблюдается это явление главным образом в корнях.

2) Аканье ассимилятивно-диссимилятивное.

3) Сильная редукция предударного слога (*пароход* и *проход* звучит одинаково, *голова* и *глава*).

4) Наблюдается почти полная утрата гласного (*пасынок* звучит, как *паснок*).

5) Начальное *о* произносится, как *и*.

6) Цоканье.

7) *в* фрикативное.

8) Нет фонемы «*»*.³

9) неслоговое *у* в конце слова вместо *в* (*гороу*).

Ассимилятивно-диссимилятивное аканье говорит о южной основе этих говоров. Отсюда вывод: нужно пересмотреть наш принцип определения переходных говоров.

VI. **Кузнецов П. С.** Экспедиция была направлена в Можарский р[айо]н Рязанской обл[асти]. Участвовало в экспедиции 5 чел[овек]. Время пребывания — 10 дней. Экспедиция имела педагогический характер. Обследован был один пункт.

Наблюдены явления:

1) Ассимилятивно-диссимилятивное аканье.

2) После мягкого согласного вместо *e* пишется *о* или *а* («р*я*веть» вместо «р*е*веть»).

3) Наблюдалась редукция, идущая до нуля («к*л*ывать» вместо *околевать*, «с*а*жок» вместо *сапожок*).

³ Так в тексте протокола.

Цоканье не наблюдалось. Встретилось только «четыре», но случай этот объясняется палатализацией. Что касается морфологической системы, то о ней речь будет позже.

VII. ПОСТАНОВИЛИ:

Вследствие отсутствия проф. Сухотина, доклад о диалектологической экспедиции Моск[овского] гор[одского] пед[агогического] ин[ститу]та, возглавлявшейся им, с повестки снять.

VIII. СЛУШАЛИ:

Сообщение о диалектологической экспедиции Моск[овского] обл[астного] пед[агогического] ин[ститу]та.

Василенко И. А. Экспедиция была направлена в Клинский район. Теперь р[айо]н этот разделен на два: Клинский и Высокинский. Участвовало в экспедиции 8 чел[овек]. Длилась экспедиция 20 дней. В Клинском р[айо]не различные говоры. Задачей экспедиции было проследить современную границу оканья и аканья и охарактеризовать говоры Клинского р[айо]на в целом. Территория Клинского р[айо]на относилась к говорам окающим. Граница говора зап[адной] части Клинского р[айо]на теперь представляет территорию акающего говора. В северной части теперь Высокинского р[айо]на сохранилось оканье (в деревнях Валувниково, Галакузово, Чернятино). На юго-востоке оканье не слышится. Характер аканья московский. В Клинском р[айо]не наблюдается мягкое *ш* и *ж*. В некоторых местах сохранилось цоканье. Ближе к Клину нет цоканья и нет резкого аканья. Объясняется это тем, что в селе Воздвиженке, например, была больница, были торговцы. В деревнях Дятлово и Алферово наблюдалось ассимилятивное аканье. В зап[адной] части Клинского р[айо]на, т. е. в Высокинском р[айо]не оканья почти нет, но многие черты севернорусских говоров сохранились. В некоторых же деревнях этого р[айо]на (Колосово, Горки, Тимошино) оканье сохранилось. В деревне Горки (в 3-х клм. от Высокинской мануфактуры) мужчины окают, а женщины и дети акают. Объясняется это тем, что принято было невест брать не из своей деревни, а из соседней. Восточная часть Клинского р[айо]на относится к «окающим» говорам, но в некоторых местах, например, в деревнях Андрияновке и Автеевке, наблюдалось сплошное аканье. Вблизи станции Решетниково некоторые деревни сохранили рефлекс « »⁴.

Что касается морфологических явлений, то наблюдается окончание род. падежа мн. числа всех родов *ох* (*волкох, дворох, с курсох сына ждем*). Для дальнейших экспедиций надо было бы составить вопросник так, чтобы на нужные слова давались сразу же ответы. Нужно было бы подумать о том, как называть районы, т[ак] к[ак] названия их меняются. Сектор должен помочь в этом.

Обсуждение

Д. Н. Ушаков. Независимо друг от друга институты «самостийно», не имея единого центра, проделали большую работу. Работа эта имеет колоссальное педагогическое значение, кроме того собран и большой материал для атласа.

Ближайшей задачей является изучение Московской области.

Тов. Руднев. Жаль, что докладчики не говорили о наблюдениях по синтаксису.

Д. Н. Ушаков. Одобряют ли гости организацию в Ин[ститу]те диалектологического центра?

Согласятся ли московские диалектологи с тем, чтобы Институт приглашал их на заседания Сектора, посвященные диалектологическим вопросам? Очень желательно было бы заслушивать доклады членов кафедр московских вузов.

⁴ Так в тексте протокола.

Может быть, полезно было бы учредить комиссию для методического объединения и организационных вопросов? Можно было бы пригласить следующие институты: ИФЛИ, Моск[овский] гор[одской] пед[агогический] ин[ститу]т, Моск[овский] обл[астной] пед[агогический] ин[ститу]т, Ин[ститу]т им[ени] Либкнехта и Ин[ститу]т усовершенствования учителей.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять предложения Д. Н. Ушакова и создать комиссию, которая займется вопросом программы и вопросом выработки транскрипции. Состав коллегии: Д. Н. Ушаков (председатель), Р. И. Аванесов (зам. председателя), С. И. Ожегов, М. Н. Петерсон, Е. Е. Комшилова, И. Г. Голанов, Е. М. Федорук, И. А. Василенко. Желательно, чтобы члены комиссии сейчас возбуждали вопросы об экспедиции в своих институтах, а к I-му марта сообщили эти сведения Институту языка и письменности.

Председатель (Д. Н. Ушаков)

Секретарь (Н. Суржко)

«Забыть Вас — значит забыть себя, свою молодость, милый ИФЛИ...» (из переписки Р. И. Аванесова)

Публикация и примечания М. Ю. Федосюка

В архиве моего отца, Ю. А. Федосюка¹, сохранились два письма от Р. И. Аванесова, которые ярко характеризуют Рубена Ивановича как учителя, ученого и просто человека. Первое из них, написанное 11 марта 1941 г. в санатории «Узкое», послано Ю. Федосюку, в то время студенту-четверокурснику Московского института истории, философии и литературы (ИФЛИ), приступившему под руководством Р. И. Аванесова к работе над дипломным сочинением на тему о порядке слов в «Житии» пророка Аввакума. Вот его текст:

Узкое. 11.III.41.

Милый Юрочка! Спасибо, что Вы мне написали. Я Вам уже давно собирался писать, но вначале я не знал адреса; потом адрес получил, но пока я² еще раскачивался пришло Ваше письмо. Я рад, что Вы все-таки работаете. Но по правде сказать я Вам хотел написать, что над порядком слов трудно работать одному³ без руководителя и что поэтому не лучше ли о чем-нибудь другом писать?

Но сейчас я склонен думать, что менять не надо, раз Вы над этой темой уже думаете. Я Вам дам еще одну рукописную работу (диссертацию, правда плохую, но все же и оттуда Вы, может быть, кое-что вынесете). Через недельку Вам от меня позвонят и Вы условитесь, как ее получить. Надо только ограничить тему (об этом мы говорили, кажется, с Вами).

¹ Юрий Александрович Федосюк (1920—1993) — филолог и журналист, автор научно-популярных книг по русской филологии (Что означает ваша фамилия? М., 1969; Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1972; Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1998 и др.) и по истории Москвы (Бульварное кольцо. М., 1972; Лучи от Кремля. М., 1978; Москва в кольце Садовых. М., 1982 и др.).

² Слова *пока я* написаны поверх вычеркнутого *не успел*.

³ Слова *работать одному* написаны поверх вычеркнутого *писать, да еще одному*.

Не взять ли Вам только подлежа. и сказуемое. Что у Вас имеется некоторый скепсис это неплохо. Правда, у нас свободный порядок, но это еще не значит беспорядок. Надо разобраться в функциональной стороне того или иного порядка слов. Помните, что надо иметь ввиду всегда не столько порядок слов (т. е. отдельных)⁴, сколько порядок синтаксических групп, и помните, что порядок слов теснейшим образом связан с ритмико-интонационной стороной речи.

Раньше всего собирайте материал. Начните выписывать из текста на карточки материал. (В дальнейшем интересно будет сопоставить материал оригинала «Жития» с данными других списков, где интонации живой речи — и соответственно этому порядок слов — обеднены, сделаны более книжными. Но это не сейчас).

Напишите Юра, в каком вы отношении к воинской обязанности. Вас должны призвать по окончании Ин-та или нет? Сумеете ли Вы поступить в аспирантуру или Вас «забреют»? Вы пишете, что надеетесь, что Вас назначат куда-нибудь в город. Значит, призывать Вас не будут?

В экспедицию⁵ поезжайте обязательно: это Вам очень много даст. Ничего, что без руководителя: у Вас будет опытное и авторитетное «руководство» в лице Оли⁶ и Мики⁷. Всеми материалами и инструктажем я Вас обеспечу — дам все советы и указания.

Вы напрасно, Юрочка, страшились мне писать. Но зато теперь можете воочию убедиться в том, что ни в стилистическом, ни в каллиграфическом, ни, кажется, в орфографическом отношении мое письмо не лучше Вашего. Так что пусть это Вас дальше не пугает.

Если у Вас будут вопросы по докладу, требующие живой консультации, обратитесь к Петру Саввичу Кузнецову, кот. на это любезно согласился (консультировать по «Житию» всех Вас по мере надобности). Надо звонить ему домой по тел. К 4-01-48 и условиться о времени.

По общим вопросам (не требующим текста, литературы предмета, кот. у меня нет под руками) можете писать мне. И вообще пишите о Ваших делах и планах.

Привет всем нашим.

Если Вы знакомы с кем-нибудь из III к., то передайте всем третьекурсникам от меня самый горячий привет — я их очень люблю (больше гораздо, чем Ваш курс)

Ваш Р. Аванесов

Я здесь до 15-го, потом дня 2 дома, а потом — в другой санаторий (т. к. «Узкое» закрывается на ремонт). Мой адрес всегда сможете узнать у Василенко⁸ или по телефону у меня дома (К 3-59-46).

⁴ Слова (*т. е. отдельных*) вписаны над строкой.

⁵ Речь идет о планировавшейся на лето 1941 г. диалектологической экспедиции в деревню Лека Егорьевского района Московской области, говор которой в свое время был описан А. А. Шахматовым (см.: Шахматов А. А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // ИОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4. С. 173—220; Шахматов А. А. Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Шапкиным и др. // СОЛЯС. 1916. Т. 95. № 1).

⁶ Имеется в виду студентка ИФЛИ Ольга Александровна Князевская, впоследствии научный сотрудник Института русского языка АН СССР (РАН), известный специалист в области истории русского языка.

⁷ Имеется в виду студентка ИФЛИ Мария Николаевна Янцен.

⁸ Имеется в виду староста научного студенческого кружка, руководимого Р. И. Аванесовым, студентка ИФЛИ Елена Ивановна Василенко, впоследствии известный специалист в области преподавания русского языка как иностранного.

Автограф Р. И. Аванесова на листах тетрадного формата в линейку.

Ответ на вопрос Р. И. Аванесова об отношении Ю. А. Федосюка к воинской обязанности дала война. В августе 1941 г., спустя всего 5 месяцев после получения этого письма и почти за год до предполагавшейся защиты дипломной работы, отец был призван в армию. За три дня до призыва ему, как и другим мобилизованным студентам, которые успели окончить 4-й курс, досрочно был выдан диплом об окончании ИФЛИ.

Вернуться к занятиям лингвистикой Ю. А. Федосюку удалось не скоро. Демобилизовавшись в 1946 г. в должности военного переводчика, отец поступил на работу во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, затем работал в Агентстве печати Новости. Лишь в 1969 г., когда в издательстве «Детская литература» вышла из печати научно-популярная книга Ю. А. Федосюка «Русские фамилии», он решился напомнить о себе Р. И. Аванесову, послав ему эту книжку. В ответ пришло письмо, которое, судя по штемпелю на конверте, было написано не позднее 17 апреля 1970 г. Вот его текст:

Дорогой Юра!

Спасибо за книжку (очень хорошую)! Извините, что отвечаю с таким запозданием. У меня с осени неблагополучно дома: болеет жена, на даче, где мы постоянно содержим нашего больного от рождения сына, тоже очень неблагополучно (писать долго и Вам неинтересно будет). Поэтому вся зима у меня была очень тяжелой во всех отношениях. А работы было очень и очень много; впрочем с ней я просто не справлялся...

Словом мне очень невесело.

Я рад был весточке о Вас. Вы пишете не забыл ли я Вас? Ну, как я могу забыть о Вас? Забыть Вас — значит забыть себя, свою молодость, милый ИФЛИ... Я отлично помню даже тему, которую я Вам дал и которая, к сожалению, не была завершена Вами.

Где Вы сейчас работаете? Что делаете? Где-то мне попадалось упоминание, что Вы написали книжку о Чайковском?⁹

Рад был бы когда-нибудь узнать о Вас побольше — по всем линиям — работе, дому, семье и пр.

Всегда Ваш
Р. Аванесов

Адрес мой Вы написали не совсем правильно:

М. В-333, ул. Вавилова д 48 кв.169

Тел. 137-51-97

Откуда вы взяли мой адрес? Наверное Оля Князевская дала? Она ведь работает со мной в одном Ин-те, но, к сожалению, не у меня. У нас работает Лида Булатова, Вера Плотникова (Робинсон)¹⁰.

Автограф Р. И. Аванесова на сложенном пополам листе нелинованной писчей бумаги.

⁹ Речь идет о книге: Федосюк Ю. А. Чайковский в родном городе. М., 1960.

¹⁰ Имеются в виду бывшие студентки ИФЛИ, известные ученые-русисты Ольга Александровна Князевская, Лидия Николаевна Булатова и Вера Александровна Плотникова (Робинсон). Всем им, поделившись со мной своими воспоминаниями о фактах, которые упоминаются в публикуемых письмах, и таким образом оказавшим важную помощь в их комментировании, я выражаю свою глубокую благодарность.